

КНИГА IV

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ / ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

В ОДИНОЧЕСТВЕ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
Книга IV

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

В ОДИНОЧЕСТВЕ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга IV

Перевод с английского В. ПЕТРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1955

WINSTON S. CHURCHILL
A L O N E

THE SECOND WORLD WAR
Book IV

Translated from the English by VLADIMIR PETROV

Copyright, 1955, by
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

Printed in the United States of America

1.

БИТВА ЗА АНГЛИЮ

Наша судьба сейчас зависела от того, кто победит в воздушной войне. Немцы признавали, что все их планы вторжения зависели от завоевания господства в воздухе над Ламаншем и избранными для высадки местами на нашем южном побережье. Подготовка портов для посадки войск, сосредоточение транспортных судов, расчистка от мин морских проходов и закладка новых минных полей, — были невозможны без надлежащей защиты против атак со стороны британской авиации. Полное господство в воздухе над транспортными судами и береговой полосой было решающим условием переправы и высадки. В результате становилось необходимым уничтожение Королевских военно-воздушных сил и всей системы аэродромов между Лондоном и морем. Нам теперь известно, что 31 июля Гитлер сказал адмиралу Рэдери, что «если в итоге восьми дней интенсивных воздушных операций Люфтваффе не добьется значительного ослабления вражеских воздушных и морских сил и не приведет в негодность порты и гавани, операцию придется перенести на май 1941 года». В этом был смысл завязывающейся битвы.

Я вовсе не пытался закрывать глаза на приближающуюся пробу сил. 4-го июня я заявил Парламенту: «Великая французская армия была временно приведена в расстройство и отброшена под натиском не-

скольких тысяч танков. Не случится ли так, что дело спасения самой цивилизации будет зависеть от искусства и самоотверженности нескольких тысяч лётчиков?» И в письме Смэтсу от 9-го июня я писал: «Сейчас я вижу единственный надежный выход в том, что Гитлер будет атаковать Англию, и, атакуя, подорвет свои воздушные силы». Эта возможность теперь становилась реальностью.

О борьбе британской и германской авиации, представлявшей собой Битву за Англию, написано немало превосходных отчетов. Существенные факты, как они были известны нам в 1941 и 1943 гг., полностью переданы в сообщении главного маршала авиации Доудинга и в брошюре № 156 министерства авиации. В настоящее время у нас есть доступ к материалам, показывающим, каковы были взгляды и внутренняя реакция на различные фазы этой борьбы в кругах германского верховного командования. Повидимому, немецкие потери в некоторых из главных сражений были значительно меньше, чем мы думали в то время, и сообщения о потерях с обеих сторон были преувеличены. Но главные особенности и общая картина этой борьбы, от которой зависели существование Великобритании и свобода мира, не оспариваются никем.

Германские воздушные силы были предельно использованы в Битве за Францию, и, подобно германскому флоту после норвежской кампании, требовались недели и месяцы для их восстановления. Для нас эта пауза была также кстати, так как за исключением трех истребительных эскадрилий, все наши силы, в тот или иной отрезок времени были вовлечены в операции над континентом. Гитлер не мог представить себе, что после крушения Франции Великобритания отклонит его мирные предложения. Подобно маршалу Петэну, Вейгану и многим другим французским ге-

нералам и политикам, он не учитывал особых собственных ресурсов Островного государства, и, подобно этим французам, недооценивал нашу силу воли. Со времен Мюнхена мы прошли длинный путь и научились многому. В течение июня месяца Гитлер знакомился с заново складывающимся положением, в то время как германские воздушные силы опраивались и реорганизовались для своей следующей задачи. Не было никаких сомнений, в чём состояла эта задача. Гитлер либо должен был вторгнуться в Англию и завоевать ее, либо стать лицом к лицу с затяжкой войны на неопределенное время, со всеми ее неисчислимыми опасностями и осложнениями. Оставалась реальной возможность, что победа над Англией в воздухе приведет к прекращению британского сопротивления, и что не будет нужды в фактическом вторжении с моря, — даже если это стало бы практически возможным, — кроме как для целей оккупации побежденной страны.

В течение июня и начала июля были возрождены и перегруппированы соединения германских воздушных сил, расположившихся на всех французских и бельгийских аэродромах, с которых должна была повестись атака; пробными рейдами и разведочными полетами немцы старались определить характер и масштаб сопротивления, на которое им придется натолкнуться. Первый тяжелый налет состоялся только 10 июля, и эта дата обычно считается днем начала Битвы за Англию. Надо также отметить еще две выдающиеся даты, 15 августа и 15 сентября. Можно установить две последовательные, и отчасти перекрывающие друг друга, фазы в германском нападении. Первая, от 10 июля до 18 августа, — налёты на британские конвоирующие суда в Ламанше и в наших южных портах, от Дувра до Плимута, — в которой должна была подвергнуться очень тяжелому испытанию и ис-

тощению вовлечённая в борьбу наша авиация, в которой должны были подвергнуться разрушению приморские города, намеченные пунктами будущего вторжения. Во второй фазе, между 24 августа и 27 сентября, с истреблением Королевских военно-воздушных сил и их наземных сооружений, должен был быть открыт путь на Лондон, в результате чего стали бы возможны бесперывные тяжелые бомбардировки столицы. Попутно были бы разрушены коммуникации с угрожаемым побережьем. Но с точки зрения Геринга были веские основания рассчитывать, что крупнейшим призом в результате этой операции будет не более не менее, как дезорганизация и паралич самого большого города в мире, погружение в состояние полного расстройтва правительства и населения, и их последовательное подчинение воле немцев. Немецкие морской и армейский штабы серьезно надеялись, что Геринг был прав в своих расчетах. По мере развития положения они увидели, что Королевские военно-воздушные силы не были уничтожены, и что в то же самое время, во имя задачи разрушения Лондона были заброшены неотложные мероприятия по подготовке авантюры «Морской лев». А затем, когда все были разочарованы, когда вторжение оказалось отложенным на неопределенное время из-за того, что не могло быть обеспечено превосходство в воздухе, наступила третья и последняя фаза. С исчезновением надежд на победу при дневных налетах, когда стало очевидно, что уничтожить Королевские воздушные силы не удастся, Геринг прибег, в октябре, к беспорядочным бомбардировкам Лондона и промышленных центров.

**
*

В отношении качества истребительных самолетов выбор был ограничен. Немецкие были быстрее, с боль-

шей скоростью взлета; наши — отличались большей маневренностью и были лучше вооружены. Их лётчики отлично отдавали себе отчет в своем численном превосходстве, и это были гордые победители Польши, Норвегии, Нидерландов и Франции; наши отличались чрезвычайной уверенностью в себе, и той решимостью, которую британская нация в полной мере проявляет в периоды тяжелых бедствий. На стороне немцев было одно важное стратегическое преимущество, которое они искусно использовали: их силы были распределены на многочисленных, разбросанных базах, откуда они могли производить массированные налёты большой силы, широко применяя при этом обманные и диверсионные маневры с целью скрыть от нас истинную цель каждого налёта. Но противник повидимому недооценил неблагоприятные условия борьбы над Ламаншем и Англией в сравнении с условиями, которые преобладали во Франции и Бельгии. То, что они считались с ними серьезно, подтверждается их попытками организовать эффективную Службу спасения на море. В июле и августе немецкие транспортные самолеты, со знаком Красного Креста, стали появляться в заметных количествах над Ламаншем каждый раз, когда завязывалось воздушное сражение. Мы не признавали этого способа спасения вражеских пилотов, сбитых в бою, потому что они могли потом снова стать в строй и снова бомбить наше мирное население. Когда это было возможно, мы их спасали сами, и отправляли их в лагеря военнопленных. Но все немецкие «летающие кареты скорой помощи», в соответствии с точными приказами, одобренными Военным Кабинетом, сбивались нашими истребителями. И врачи, и члены экипажей этих самолетов поражались тому, что мы так с ними обращались, и заявляли, что мы нарушаем Женевскую конвенцию. Однако, подобного рода случаи не были пре-

дусмотрены Женевской конвенцией, заключенной во времена, когда не было этой формы военных действий. Кроме того, жалобы немцев звучали неубедительно, если иметь ввиду, что они без всяких угрызений совести нарушали договоры, законы ведения войны и торжественные соглашения каждый раз, когда это отвечало их планам. Они вскоре отказались от этого эксперимента, и задача вылавливания из воды сбитых летчиков в дальнейшем выполнялась нашими небольшими судами, которые, естественно, обстреливались немцами при каждом удобном случае.

**
*

К августу месяцу в распоряжении Люфтваффе имелось 2669 самолетов первой линии, в том числе 1015 бомбардировщиков, 346 пикирующих бомбардировщиков, 933 истребителя и 375 тяжелых истребителей. Директивой Фюрера № 15 предписывалось с 5 августа усилить операции против Англии. Геринг никогда не увлекался «Морским львом»; его сердце принадлежало тотальной воздушной войне. Германский морской штаб был обеспокоен его последовательными искажениями всех мероприятий. Для морского штаба уничтожение Королевских воздушных сил и нашей авиационной промышленности были лишь средствами к достижению конечной цели: по выполнении этого, воздушная война должна была быть обращена против вражеских военных кораблей и торгового флота. Штаб сожалел, что Геринг ставил военно-морские объекты на второе место, и раздражался постоянным откладыванием операций против них. 6 августа морской штаб доложил Верховному командованию, что закладывание мин в районе Ламанша становится невозможным из-за постоянной британской угрозы с воздуха. 10 августа в военном журнале морского штаба было записано:

«Подготовка к операции «Морской лев», в особенности вылавливание мин, задерживается бездейтельностью Люфтваффе, обусловленной в настоящий момент плохой погодой; однако, морскому штабу неизвестно, почему недавно, когда погода была очень хорошая, возможности для операций были также упущены...»

Бесперывные тяжелые воздушные атаки июля и начала августа были направлены против Кента и побережья Ламанша. У Геринга и его опытных советников создалось впечатление, что в эту борьбу на юге они втянули почти все наши эскадрильи истребителей. Поэтому они решили провести дневной налёт на наши промышленные города к северу от Уоша. Это расстояние было слишком велико для их первоклассных истребителей, Мессершмидт 109; им приходилось рисковать, ограничивая эскорт своих бомбардировщиков Мессершмидтами 110, которые, несмотря на свой значительный радиус действия, были значительно хуже по качеству, — а именно это и приобретало сейчас особое значение. Тем не менее, это было для них логичным шагом, и риск был вполне оправданным.

И вот, 15 августа, около ста бомбардировщиков, в сопровождении сорока Мессершмидтов 110, были брошены против Тайнсайда. В то же время более восьмисот самолетов было направлено на Южную Англию, чтобы связать наши силы там, — где, по мнению немцев, они были и без того сосредоточены. Но как раз тут и оправдала себя самым замечательным образом диспозиция Доудингом наших истребителей. Эту опасность предвидели. Семь эскадрилий Ураганов и Спитфайров были своевременно сняты с операций на юге и отведены на отдых, с задачей одновременно охранять север. Несмотря на тяжелые потери, лётчики были глубоко огорчены, когда им при-

шлось отказаться от активных операций, и единодушно заявляли, что они вовсе не устали. Теперь приходило неожиданное утешение. Эти эскадрильи были в состоянии «приветствовать» налетчиков, как только те появились над Англией. Тридцать самолётов, в большинстве тяжелых бомбардировщиков (Гейнкель 111, с четырьмя человеками экипажа), были сбиты, тогда мы потеряли лишь одного или двух человек ранеными. Предвидение маршала авиации Доудинга заслуживает всяческой похвалы, но еще более замечательны были точный расчет и колоссальная выдержка: было очень нелегко держать силы истребительной авиации на севере, в то время, как на юге разворачивалась смертельная схватка. Предусмотрительность, здесь проявленную, можно считать примером гениальности в искусстве войны. Никогда более немцы не пытались атаковать нас в дневное время за пределами радиуса действия сопровождавших бомбардировщиков первоклассных истребителей. После этого, всё к северу от Уоша было в безопасности в дневное время.

Сражение 15 августа было самым большим в воздушной войне этого периода; на фронте в пятьсот миль произошло пять основных схваток. Это был действительно решающий день. На юге были вовлечены в борьбу все наши двадцать две эскадрильи, — некоторые из них по два и даже три раза в течение дня, и немецкие потери, включая потери, понесенные на севере, составили 76 самолётов — против наших 34. Для немецких воздушных сил это было большим несчастьем.

Германское воздушное командование должно было с беспокойством учесть всё угрожающее значение этого поражения, не предвещавшее ничего доброго на будущее. Тем не менее, Лондон — величайший город мира, и лондонский порт, с его неизмеримой ли-

нией доков и огромным грузооборотом, продолжали оставаться мишенью для налётов германской авиации, имевшей то преимущество, что она не требовала особой точности попадания.

**
*

В течение этих недель напряженной борьбы и ослабевающей тревоги, выдающуюся роль сыграл лорд Бивербрук. Эскадрильи истребителей должны были быть любой ценой снабжены надёжными моторами. Здесь не было места для бюрократических формальностей, которые в мирной, хорошо организованной системе, представляют собой нормальное явление. Его замечательные способности как нельзя лучше отвечали задаче. Его жизнерадостность и энергия были заразительны. Временами я был рад возможности опереться на него; он никогда меня не подводил. В этот момент он оказался на высоте положения. Его колоссальная энергия, в соединении с убедительностью и изобретательностью, преодолевала множество препятствий. Всё, проходившее через нашу систему снабжения, стало ускоренным темпом поступать в распоряжение военных. Новые или отремонтированные самолеты, к удовлетворению наших лётчиков и военно-воздушного командования, приходили в части в дотоле неведомом количестве. Ремонт и обслуживание резко улучшились. Настолько чувствовал я полезность лорда Бивербрука, что 2 августа, с одобрения короля, предложил ему войти в Военный Кабинет. Около того же времени, его старший сын, Макс Эйткен, лётчик-истребитель, одержал по крайней мере шесть побед в воздушных сражениях и удостоился высокого отличия.

Задача вдохновлять и руководить всей рабочей силой страны лежала в то время на Эрнесте Бевине,

министре труда и трудовой мобилизации. Все рабочие арсеналов и военных заводов с готовностью следовали его директивам. В сентябре он также вошёл в Военный Кабинет. Подобно богатству, чинам, сословным привилегиям и личному состоянию, ревниво охранявшиеся правила и привилегии профессиональных союзов были также принесены в жертву на алтарь отечества. В горячие дни я действовал в полной гармонии и с Бивербруком, и с Бевинем. Позднее они, к сожалению, начали ссориться, что привело к немалым трениям. Но в тот критический момент мы все были вместе. Трудно выдать документ лояльности ко мне мистера Чемберлена, решимости и эффективности работы всех моих коллег по Кабинету.

**
**

Я был крайне озабочен выяснением истинных размеров немецких потерь. При всей искренности и строгости отчётов было невозможно требовать от пилотов, часто сражавшихся высоко над облаками, совершенно точного числа сбитых вражеских самолетов или достоверной информации о том, на какое число сбитых самолетов одновременно претендовало несколько человек.

«Премьер-министр — генералу Исмэю.

17 августа 1940 г.

Лорд Бивербрук мне сообщил, что в результате операций во вторник, свыше восьмидесяти немецких самолетов было сбито над Англией. Правда ли это? Если нет, то сколько?

Я просил Командование истребительной авиации при Главнокомандующем подразделять эту информацию на сбитых над сушей, и над морем. Это помогло бы нам устанавливать с большей точностью итоги воздушных сражений».

«Премьер-министр — начальнику штаба авиации.

17 августа 1940 г.

В то время, как наше внимание сосредоточено на результатах воздушных боёв над английской территорией, мы не должны упускать из виду большие потери Командования бомбардировочной авиации. Прошлой ночью было потеряно семь тяжелых бомбардировщиков, что вместе с двадцатью одним уничтоженными на аэродромах — большой частью Тангмира — составляет двадцать восемь. Эти двадцать восемь, плюс двадцать два истребителя, составляют пятьдесят самолётов за день, — что сильно отличается от цифры в семьдесят пять, объявленной немцами. Фактически, соотношение за день было два к трём. Сообщите мне, какого типа самолёты были уничтожены на земле».

«От Премьер-министра — министру авиации.

21 августа 1940 г.

Выигрывать воздушные сражения и сбивать немецкие самолёты представляется весьма существенным; однако, американские корреспонденты и американская публика вообще, не убеждены, что мы побеждаем, и что наши цифры отвечают действительности. Они узнают это, как только станет очевидным, что немецкие воздушные атаки нами отбиты. Было бы нежелательно в настоящее время раздражать Командование истребительной авиации, — в момент, когда идут непрерывные сражения и когда приходится все время принимать решения о воздушной тревоге и т. д. Признаюсь, я бы предпочёл, чтобы факты говорили сами за себя. Есть что-то неприятное в необходимости возить корреспондентов по частям, с тем, чтобы они могли заверить американцев, что лётчики-истребители не бахвалятся и не лгут о числе сбитых самолетов противника. Я думаю, мы можем позволить себе роскошь быть немного более сдержанными и холодными в этом отношении.

Я хотел бы, чтобы Вы ознакомились с материалами исследования, которое я провожу сам для того, чтобы иметь возможность проверить заявление министерства авиапромышленности, когда оно претендует что только над сушей сбито не менее восьмидесяти немецких машин. Такая проверка весьма полезна; я должен сказать, что американский скептицизм меня немного раздражает. События решат всё».

20 августа я был в состоянии сообщить Парламенту:

«Враг, конечно, многочисленнее нас. Но наше нынешнее производство уже превосходит то, что может произвести противник, а американская продукция только еще начинает поступать. Общая мощь наших бомбардировщиков и истребителей, после всех боев, сегодня значительно больше, чем когда бы то ни было. Мы надеемся, что сможем продолжать вести воздушную борьбу до бесконечности, так долго, как этого хочется противнику, — и чем дольше она продолжается, тем быстрее мы будем приближаться, — сперва к равенству сил, а затем — и к превосходству в воздухе, от которого, в большой степени, зависит исход войны».

До самого конца августа Геринг склонен был считать, что воздушная борьба развивается для немцев в общем благоприятно. Он и его приближенные думали, что британская наземная организация и авиапромышленность, а также боевая мощь Королевских воздушных сил уже значительно подорваны. Они считали, что начиная с 8 августа, мы уже потеряли 1115 машин, против немецких — 467. Но, конечно, каждая сторона склонна к оптимизму, — и это только в интересах лидеров. В сентябре установилась превосходная погода и Люфтваффе рассчитывало на решающие результаты. На наши аэродромы вокруг Лондона обрушились тяжелые атаки, а в ночь на 6-е Лондон атаковали 68 самолетов, за которыми последовал первый налет в широких масштабах, — 7-го, в котором приняло участие около трехсот самолетов. В этот, и в последующие дни, в течение которых число наших зенитных орудий было удвоено, над столицей произошло длительное и тяжелое сражение; Люфтваффе все еще оставалось самоуверенным, переоценивая наши потери. Но мы теперь знаем, что германский морской штаб, в стремлении оберечь свои собственные интересы, отметил в своем журнале от 10 сентября:

«Нет никаких признаков поражения вражеских военно-воздушных сил над Южной Англией и в районе Ламанша, и это является жизненно-важным элементом в оценке всего положения. Предварительные атаки Люфтваффе действительно привели к заметному ослаблению вражеской обороны в воздухе, так что можно допустить факт значительного превосходства немецких истребителей над Англией. Однако, мы еще не достигли того положения, которое Морской штаб поставил перед Верховным командованием как необходимое условие для предприятия, а именно, безусловного превосходства в воздухе в районе Ламанша и прекращения активности противника в воздухе в районе скопления немецких морских сил и вспомогательных судов... Люфтваффе действовало бы более в соответствии с намеченными планами подготовки операции «Морской лев», если бы в большей степени сконцентрировалось на Портсмуте и Дувре, а также на морских портах в районе будущих действий, чем на Лондоне»...

К этому времени Геринг убедил Гитлера, что главная атака на Лондон будет решающей, и Морской штаб не рискнул апеллировать к Верховному командованию. Однако, его беспокойство продолжалось, и к 12-му числу он пришел к следующему мрачному заключению:

«Война в воздухе ведется так, как если бы это была «тотальная воздушная война», — не считаясь с нынешними требованиями морской войны, и вне плана операции «Морской лев». В ее нынешней форме воздушная война не в состоянии облегчить подготовки к «Морскому льву», находящейся главным образом в руках флота. В частности, нельзя обнаружить никакой попытки со стороны Люфтваффе атаковать соединения Британского флота, которые теперь в состоянии безнаказанно оперировать в Ламанше, — и это страшно угрожает перевозкам. Таким образом, главной защитой против британских морских сил должны быть минные поля, которые, как уже многократно указывалось Верховному Командованию, не могут являться достаточной защитой для транспортов.

Остается фактом, что до настоящего времени интенсификация воздушной войны ничего не дает для операции по высадке; следовательно, по причинам оперативным и военным, нам не приходится рассматривать высадку в практическом плане».

В выступлении по радио 11 сентября, я заявил:

«Всегда, когда погода благоприятна, волны немецких бомбардировщиков, иногда в числе трех или четырехсот одновременно, защищенные истребителями, рыскают над нашим островом, в особенности в районе Кента, в надежде атаковать при дневном свете военные и другие объекты. Однако, навстречу им вылетают эскадрильи наших истребителей, которые почти всегда разбивают построения противника, и его потери находятся к нашим в пропорции 3:1 — в отношении самолетов, и в пропорции 6:1 — в отношении пилотов.

Эта попытка немцев обеспечить господство в воздухе над Англией в дневное время, является, несомненно, ключом ко всей войне. До сего времени им это не удалось. Это обошлось им дорого, в то время как мы чувствуем себя сильнее, и относительно много сильнее, чем в июле, когда только начинались тяжелые бои. Нет никакого сомнения в том, что герр Гитлер использует свои воздушные силы ежедневно в очень большой степени, и если так продолжится в течение ряда недель, он обессилит существенную часть своей авиации. Это даст нам огромные преимущества.

С другой стороны, его попытка вторгнуться в нашу страну, не обеспечив господства в воздухе, была бы очень рискованным предприятием. Тем не менее, все его приготовления к высадке в широком масштабе, постепенно развиваются. Несколько сот самоходных барж двигаются вдоль берегов Европы, из немецких и голландских портов — в порты северной Франции, от Дюнкерка до Бреста, и далее, к югу от Бреста, во французские гавани Бискайского залива.

Помимо этого, караваны торговых судов десятками направляются к Па-де-Калэ и Ламаншу, скрываясь под защитой новых береговых батарей, которые немцы выстроили на французском побережье. В немецких, голландских, бельгийских и французских портах, от Гамбурга до Бреста, в настоящее время сосредоточено значительное количество перевозочных средств. Наконец, делается подготовка к перевозке сил вторжения также и из норвежских портов.

Помимо этих скоплений судов и барж, там же расположены значительные количества немецких войск, ожидающих приказа погрузиться и отправиться в свое очень опас-

ное и рискованное путешествие через море. Мы не можем предсказать, когда они предпримут эту попытку; мы не можем даже быть уверенными в том, что они вообще ее предпримут; но никто не должен скрывать от самого себя, что в настоящее время, с обычной для немцев тщательностью и методичностью, ведется полный ходом подготовка к широкому вторжению на наш остров, и что это вторжение может произойти уже теперь — в Англии, Шотландии, Ирландии, — или во всех этих трех местах.

Если этому вторжению вообще суждено осуществиться, оно, повидимому, не может откладываться надолго. Погода может испортиться в любой момент. Кроме того, противнику трудно держать эти скопления судов до бесконечности, в то время как наши бомбардировщики бомбят их каждую ночь, а наши военные суда, ожидающие их в открытом море, осыпают их своими снарядами.

Поэтому, к следующим нескольким дням нам надо отнестись как к очень важному периоду нашей истории. Их можно сравнить с днями, когда к Ламаншу приближалась испанская армада и адмирал Дрэйк заканчивал свою игру в мяч; или когда между нами и Великой армией Наполеона в Булони стоял только Нельсон. Обо всем этом мы читали в книгах по истории, но то, что происходит сейчас — значительнее и судьбоноснее для нашего существования и будущего мира и цивилизации, чем те достопамятные дни.

В боях между 24 августа и 6 сентября весы склонялись не в пользу наших истребительных эскадрилий. В те критические дни немцы настойчиво бросали мощные силы против аэродромов южной и юго-восточной Англии. Их целью было подавить всякую дневную воздушную оборону Лондона, который они с нетерпением стремились атаковать. Значительно важнее для нас, чем оборона столицы от террористических бомбардировок, было сохранение этих аэродромов и базирующихся на них истребителей в боевом состоянии. В смертельной схватке двух авиаций это было решающей фазой. Мы никогда не рассматривали борьбу в плане

обороны Лондона или какого-либо другого места, но всегда лишь в плане господства в воздухе. В штабе истребительной авиации в Стэнморе, и особенно в штабе 11-й истребительной группы в Оксбридже, чувствовалось сильное беспожойство. Пять аэродромов этой группы были сильно разрушены так же, как и шесть аэробаз окружного значения. Мэнстон и Лимф на Кентском берегу в нескольких случаях, и по нескольку дней подряд, выходили из строя как базы для истребительной авиации. Окружная аэробаза в Биггин Хилл, к югу от Лондона, была так тяжело повреждена, что в течение недели с нее могла совершать свои операции только одна истребительная эскадрилья. Если бы противник продолжал свои атаки на прилегающие секторы обороны и уничтожил бы их командные посты или телефонную связь, вся сложная организация Командования истребительной авиации могла бы быть разрушена. Это означало бы не только несчастье для Лондона, но и потерю для нас налаженного контроля в воздухе на самом решающем участке. Я посетил несколько аэродромов, в частности, Мэнстон и Биггин Хилл, находившиеся вблизи моего дома. Разрушения на них были ужасающие и их посадочные и взлетные дорожки были изуродованы кратерами бомб. Поэтому не удивительно, что Командование истребительной авиации вздохнуло с облегчением, когда 7 сентября немецкая атака переключилась на Лондон, и пришло к заключению, что противник изменил свои планы. Несомненно, что Геринг должен был бы настойчиво продолжать атаки на наши аэродромы, от системы которых и организации, зависела в тот момент вся боевая мощь нашей авиации. Отошедши от классических принципов войны, равно как и от до того времени общепринятых понятий гуманности, он сделал глупую ошибку.

За тот же самый период (24 августа — 6 сентября) мощь нашей истребительной авиации в целом, сильно ослабла. За эти две недели мы потеряли 103 пилота убитыми и 128 — ранеными; в то же время были уничтожены или серьезно повреждены 466 Спитфайров и Ураганов. Из общего числа примерно в тысячу пилотов вышла из строя треть. На их место могли прийти только 260 новичков, — ревностных, но неопытных летчиков, набранных из лётных школ, во многих случаях еще до окончания ими курса. Ночные атаки на Лондон в течение десяти дней после 7 сентября обрушились на порт и железнодорожные узлы и сопровождались значительными жертвами среди населения, но для нас они означали передышку, которая была важнее всего.

В течение этого периода я ухитрился вырывать по несколько часов два раза в неделю, чтобы посещать Кент или Суссекс и своими глазами посмотреть, что там происходит. Для этого я пользовался своим поездом, который был уже отлично оборудован; в нем находилась постель, ванная, кабинет, телефон, который можно было подключать к сети, и прекрасный персонал. Благодаря этому, если не считать часов сна, я мог работать непрерывно, и почти с теми же удобствами, какие имелись на Даунинг-стрит.

**
*

15 сентября мы должны считать кульминационным пунктом. В этот день, после двух тяжелых атак накануне, Люфтваффе приложило величайшие усилия к тому, чтобы возобновить дневные налеты на Лондон.

Это было одно из решающих сражений войны, и, подобно сражению при Ватерлоо, оно произошло в воскресенье. Я находился в Чекерсе. В прошлом я неоднократно посещал штаб 11-й истребительной групп-

пы, чтобы понаблюдать ведение воздушного боя, но ничего выдающегося не случилось. В этот день погода казалась благоприятной для противника, и я проехал на машине в Оксбридж, и явился в штаб. 11-я группа состояла из не менее чем двадцати пяти эскадрилий, охватывающих весь Эссекс, Кент, Суссекс и Хемпшир, и все пересекающие их подступы к Лондону. Вице-маршал авиации Парк уже в течение шести месяцев командовал этой группой, от действий которой в большой степени зависела наша судьба. Он руководил всеми дневными операциями над Южной Англией с самого Дюнкерка, и его аппарат действовал безукоризненно. Нас с женой провели вниз, в бомбоубежище, в котором расположилось оперативное командование. Все взлеты Ураганов и Спитфайров были бы бесполезны без этой системы подземных контрольных центров и телефонных проводов, спланированных и построенных перед войной министерством военно-воздушных сил по совету и настоянию Доудинга. На юге Англии в это время имелся штаб 11-й группы и шесть подчиненных ему баз истребительной авиации. Как уже говорилось, все они находились под тяжелым нажимом противника. Общее командование исходило из Главной квартиры Истребительной авиации в Стэнморе, но практически руководство боевыми операциями было мудро предоставлено 11-й группе, контролировавшей все летные соединения через контрольные пункты, находившиеся в каждом графстве.

Оперативное помещение представляло собой подобие маленького театра, около 60 футов в поперечнике, с двумя этажами. Мы расположились на балконе первого яруса. Ниже нас находилась развернутая на столе карта большого масштаба, вокруг которой расположились со своими телефонами человек двадцать отлично подготовленных молодых мужчин и женщин. Напротив нас, там где должен был бы находиться за-

навес, покрывая всю стену, стояла гигантская черная доска, разделенная на шесть колонок (по числу баз), с подразделениями, означавшими эскадрильи, и с электрическими лампочками. Вспышка лампочки в нижнем ряду означала «готовность» эскадрильи вылететь через две минуты после получения приказа; вспышка в следующем ряду соответствовала «готовности» к вылету через пять минут; затем, следующий сигнал, говорил о «готовности» вылететь через двадцать минут; следующий, — о том, что эскадрилья уже находится в воздухе; следующий — что она уже видит противника; следующий — с красными лампочками — что она ведет бой, и верхний ряд, когда в нем загорались лампочки, говорил о том, что эскадрилья возвращается домой. С левой стороны, в стеклянной ложе, находилось четыре или пять офицеров, чьей задачей было оценивать сообщения, поступающие от Штаба наблюдения, насчитывавшего к тому времени свыше 50.000 мужчин, женщин и подростков. Радар еще находился в зачаточном состоянии, но он уже предупреждал нас о приближении самолетов к нашим берегам, и наблюдатели, вооруженные биноклями и переносными телефонами, служили главным источником информации о числе и направлении вражеских самолетов. Во время налета от них поступали тысячи сообщений. Они принимались в специальных комнатах, систематизировались с огромной быстротой и ежеминутно передавались как тем, кто сидел вокруг стола, так и наблюдающему за ними офицеру в стеклянной ложе.

С правой стороны находилась другая стеклянная ложа, в которой находились офицеры, сообщавшие о действии противовоздушных батарей, в числе двухсот находившихся в распоряжении командования группы. По ночам было очень важно прекращать огонь этих батарей в определенных местах, в момент

сближения наших истребителей с вражескими самолетами. Со всей этой системой я познакомился еще за год до войны, когда посетил Стэнмор с Доудингом. В действии эта система была далее усовершенствована и превратилась в самый сложный военный инструмент, равного которому не было нигде в мире.

«Я не знаю, — сказал Парк, сопровождая нас вниз, — случится ли что-либо сегодня. В настоящий момент все спокойно». Однако, через четверть часа вокруг стола с картой началось движение. Поступили сообщения об атаке «более 40» самолетов с немецких баз в районе Дьеппа. По мере того, как отдельные эскадрильи приводились в состояние «готовности» начали загораться лампочки внизу черной доски. Затем быстро одни за другими пришли донесения, о появлении еще «свыше 20» и «свыше 40» самолетов, и в течение последующих десяти минут стало очевидно, что завязывалось серьезное сражение.

Сигналы говорили о появлении новых и новых эскадрилий противника, группами свыше 40, 60 и даже 80 самолетов. На обширном столе внизу движение противника обозначалось соответствующими кружками, передвигавшимися вперед с минуты на минуту по направлениям, по которым происходил налет, в то время как на доске перед нами, поднимающиеся огни лампочек указывали на то, что все более и более наших истребительных эскадрилий поднималось в воздух, до тех пор, пока только четыре или пять остались в резерве, в состоянии готовности. Эти воздушные бои, от которых зависело так много, длились уже более часа с момента первой схватки. У врага было более чем достаточно сил, чтобы посылать на нас новые волны атакующих самолетов, тогда как нашим истребителям, — которым приходилось подниматься выше неприятеля, после 70-80 минут полета — было необходимо заправляться горючим и после пятими-

нутной непрерывной стрельбы брать новый запас патронов. Если в момент заправки или вооружения, противник был бы в состоянии явиться со свежими эскадрильями, некоторые из наших истребителей были бы уничтожены на земле. Поэтому, одной из наших главных задач было направлять наши эскадрильи таким образом, чтобы в течение дня не иметь слишком большого их количества, одновременно, на земле, под заправкой или вооружением.

Красные лампочки указывали, что большинство наших эскадрилий уже вели бои. С пола, где на карте передвигались кружки, в соответствии с быстро-меняющейся обстановкой, доносился приглушенный шум голосов. Вице-маршал авиации Парк давал общие указания о диспозиции своих истребительных сил; форму детализованных приказов им придавал моложавый офицер в центральной ложе, сбоку которого сидел я. Его имя я узнал годами позже. Это был лорд Виллоуби де Брок. Он передавал приказания отдельным эскадрильям подниматься в воздух в направлениях, которые он определял, сообразуясь с окончательной информацией, появлявшейся на карте. Сам маршал авиации ходил взад и вперед, следя острым взглядом за каждым ходом игры, лишь изредка вмешиваясь с каким-либо решающим приказом, обычно о подкреплениях к угрожаемому району. Вскоре уже все наши эскадрильи участвовали в сражении, а некоторые уже начинали возвращаться для заправки. Все, что было в нашем распоряжении, находилось в воздухе; нижняя линия огня погасла, и ни одной эскадрильи не оставалось в резерве. В этот момент Парк по телефону попросил у Доудинга в Стэнморе передать в его распоряжение три эскадрильи из 12-й группы, на случай новой общей атаки, пока его эскадрильи будут находиться под заправкой. Это было сделано; они были особенно нужны для прикрытия

Лондона и наших аэродромов, ибо 11-я группа была уже использована полностью.

Молодой офицер, которому все это казалось обычным, продолжал отдавать распоряжения в соответствии с общими указаниями командующего группой, своим низким, спокойным и монотонным голосом, и эти три вспомогательных эскадрильи были вскоре пущены в дело. Для меня стало заметным беспокойство командующего, который сейчас стоял за стулом молодого офицера. До сего времени я следил за всем молча; теперь я спросил: «Какие еще резервы есть в нашем распоряжении?» «Никаких», сказал вице-маршал Парк. В отчете, который он написал позднее, он отметил, что я «выглядел озабоченным». Может быть. Какие потери мы могли бы понести, если бы наши самолеты были бы захвачены на земле последующими рейдами «свыше 40», или «свыше 50» самолетов противника! Наши шансы были невелики, а ставка была огромной.

Прошло еще пять минут, и большинство наших эскадрилий спускалось для заправки. Во многих случаях защитить их в этот момент сверху было за пределами наших возможностей. Но затем начало казаться, что противник возвращается во-свояси. Перемещение кружков внизу указывало на движение немецких бомбардировщиков и истребителей в восточном направлении. Новой атаки не было. Еще через десять минут сражение было закончено. Мы снова поднялись по лестнице, выведившей на поверхность, и в тот момент, как мы выходили, прозвучал сигнал «отбой».

— Мы очень рады, сэр, что вы все это видели, — сказал Парк. — Конечно, в течение последних двадцати минут мы были настолько завалены информацией, что не могли переварить ее. Это покажет вам на ограниченность наших нынешних ресурсов. Сегодня они были напряжены сверх наших возможностей.

Я спросил, поступила ли информация о результатах сражения, и заметил, что атака была, повидимому, отражена с успехом. Парк заметил, что он не был удовлетворен, что мы не перехватили того числа бомбардировщиков, которое должны были бы перехватить по его мнению. Было очевидно, что враг прорвался сквозь нашу оборону во многих местах. Десятки бомбардировщиков, сопровождаемых истребителями, добрались до Лондона. Около дюжины было сбито за то время, что я был внизу, но получить полной картины сражения и всех повреждений было нельзя.

Я вернулся в Чекерс к половине пятого, и сразу же отправился вздремнуть. Вероятно, я устал от наблюдений в 11-й группе, потому что я не просыпался до восьми вечера. Когда я позвонил, Джон Мартин, мой главный личный секретарь, вошел с вечерними новостями со всех концов света. Они вызывали отвращение. Все шло плохо повсюду; то-то не было выполнено там-то; неудовлетворительный ответ был получен от того-то; в Атлантическом океане были потоплены такие-то корабли. «Однако, — сказал Мартин, когда мы закончили со сводкой, — все возмещается положением в воздухе. Мы сбили 183 самолета, потеряв менее сорока».

**
*

Хотя послевоенная информация говорит, что враг потерял в этот день только 56 самолетов, 15 сентября стало поворотным пунктом в борьбе за Англию. В ту же ночь наши бомбардировщики атаковали скопления судов во всех портах между Булонью и Антверпеном, нанеся особенно большие потери в этом последнем. 17 сентября, как мы теперь знаем, Фюрер решил отложить операцию «Морской лев» на неопределенный срок, но только 12 октября вторжение было официально отложено до будущей весны. В июле 1941 года

оно снова было перенесено на весну 1942 году, «когда будет закончена русская кампания». 13 февраля 1943 года адмирал Рэдер в последний раз доложил Фюреру о положении с «Морским львом» и получил его согласие на полную «консервацию» всей операции. На этом она и закончилась, и 15 сентября можно с полным правом считать датой ее смерти.

**
*

Германский морской штаб от души соглашался со всеми этими откладываниями; точнее будет сказать, что он сам на них настаивал. Вожди армии тоже не жаловались. 17-го я заявил в Парламенте: «Процесс ожидания и откладывания неизбежно теряет со временем свою прелесть и новизну. Воскресное сражение было самым блестящим и плодотворным из всех, которые до сих пор вели истребители КВВС*)... Мы можем ожидать исхода этой длительной битвы с трезвой, но все возрастающей уверенностью». Беспристрастный обозреватель, бригадный генерал Стронг, помощник начальника Управления военного планирования Соединенных Штатов и глава американской военной миссии, посланной в Лондон для наблюдения за результатами атак Люфтваффе, прибыл в Нью-Йорк 19-го и заявил, что Люфтваффе «не смогло серьезно поколебать мощи КВВС, что разрушения военного значения в результате воздушных бомбардировок сравнительно невелики и что британские данные о потерях немцев отнюдь не преувеличены».

Все же Битва за Лондон продолжалась. Хотя вторжение было отменено, только 27 сентября Геринг отказался от надежды выиграть войну своим методом. В октябре, хотя Лондон продолжал получать свою долю ударов, немецкие налеты велись уже разрознен-

*) Королевские военно-воздушные силы.

ными, дневными и ночными, незначительными по размерам соединениями, и против большого числа объектов. Сосредоточенные атаки сменились рассеянными; началась война на истощение. Истощение! Чье же?

**
*

Сейчас, располагая всеми материалами, мы можем хладнокровно изучить фактические потери британских и германских воздушных сил в сражении, которое может считаться одним из самых решающих сражений мировой истории. Цифры говорят следующее:

ПОТЕРИ САМОЛЕТОВ

	Потери истребителей КВВС (полностью).	Фактически сбито самолетов противника (по немецким данным)	Сбито самолетов противника по нашим данным того времени.
Всего за неделю			
10—13 июля	15	45	63
Неделя до 20 июля	22	31	49
„ „ 27 „	14	51	58
„ „ 3 августа	8	56	39
„ „ 10 „	25	44	64
„ „ 17 „	134	261	496
„ „ 24 „	59	145	251
„ „ 31 „	141	193	316
„ „ 7 сентября	144	187	375
„ „ 14 „	67	102	182
„ „ 21 „	52	120	268
„ „ 28 „	72	118	230
„ „ 5 октября	44	112	100
„ „ 12 „	47	73	66
„ „ 19 „	29	67	38
„ „ 26 „	21	72	43
27—31 октября	21	56	60
Месячные итоги			
Июль (с 10-го)	58	164	203
Август	360	662	1133
Сентябрь	361	582	1108
Октябрь	136	325	254
Всего	915	1733	2698

Несомненно, что, подсчитывая скальпы противника, мы всегда были слишком оптимистичны. В итоге, вместо пропорции три к одному, как мы с убеждением заявляли, мы получили два к одному. Но и этого было довольно. Королевские военновоздушные силы не только не были уничтожены, они могли торжествовать. Стал поступать поток новых кадров пилотов. Самолетостроительные заводы, от которых зависела наша способность вести длительную войну, хотя и пострадали, но не были парализованы. Рабочие как квалифицированные, так и неквалифицированные, мужчины, равно как и женщины, стояли у своих станков под огнем, как если бы они были приставлены к действующим батареям, — что, в общем, было недалеко от истины. В министерстве снабжения, в своей обширной сфере действия, Герберт Моррисон добился исключительных результатов. Командование зенитной артиллерии, под руководством генерала Пайля, оказывало нашим истребителям постоянную и искусную поддержку, хотя их главный вклад в войну был сделан позднее. Служба наблюдения всегда была на месте, неусыпная и неутомимая. Тщательно организованное командование истребительной авиации, без которого все остальное могло бы оказаться бесполезным, выдержало долгие месяцы непрерывного напряжения. Каждый исполнил свою роль.

На вершине всего были выносливость и доблесть наших летчиков-истребителей, остававшихся {непревзойденными и непобедимыми. Так спасена была Великобритания, и я с полным правом мог сказать в Палате общин: «Никогда еще в истории войн человечества столь большое число людей не было так много обязано столь малому».

2.

«БЛИЦ»

Германская воздушная атака на Великобританию — это история разногласий и противоречивых целей и планов, которым никогда не было суждено осуществиться полностью. Три или четыре раза в эти три месяца противник отказывался от того метода борьбы, который вызывал у нас сильнейшее напряжение, и обращался к новому. Однако, все эти стадии перекрывали друг друга, и трудно точно указать конец одной и начало другой; каждая перерождалась в последующую. Первоначальные операции были направлены к тому, чтобы втянуть наши силы в борьбу над Ламаншем и южным побережьем; далее, борьба продолжалась над нашими южными графствами, главным образом, над Кентом и Суссексом, где противник стремился разрушить организацию наших воздушных сил; затем борьба приблизилась к Лондону, и, далее, Лондон превратился в основную мишень; в конце концов, когда Лондон восторжествовал, атаки врага вновь рассеялись, обращаясь на провинциальные города и на нашу единственную атлантическую линию снабжения через Мерси и Клайд.

Мы уже видели, в какое тяжелое положение мы попали во время атак на аэродромы южного побережья в последнюю неделю августа и первую неделю сентября. Но 7 сентября Геринг принял на себя официальное командование в борьбе в воздухе, и переключо-

чился с дневных налетов на ночные, и с бомбардировок аэродромов Кента и Суссекса — на густонаселенный Лондон. Второстепенные рейды в дневное время были часты, и можно даже сказать — постоянны, и еще предстоял один крупнейший дневной налет; но в основном, весь характер германского наступления уже изменился. Бомбардировка Лондона не прекращалась в течение 47 ночей. Это было такой пыткой для величайшего города мира, что ее результаты никто не мог заранее предсказать. Никогда еще раньше столь большое скопление зданий не подвергалось подобной бомбардировке, и столь большому числу семей не приходилось становиться лицом к лицу с такими трагическими проблемами.

На спорадические налеты на Лондон в конце августа мы сразу же ответили атакой на Берлин. Так как расстояние полета было значительным в сравнении с налетами на Лондон с близлежащих французских и бельгийских аэродромов, эффект нашей атаки был небольшим. Военный Кабинет был в настроении нанести ответный удар, увеличить ставки войны и бросить врагу открытый вызов. Я был уверен, что члены Кабинета были правы, и что ничто не произведет на Гитлера такого впечатления и не обеспокоит его, как осознание гнева англичан и силы их воли: в глубине души он был в числе наших поклонников. Он, конечно, полностью использовал наш налет на Берлин, и открыто объявил об уже фактически принятой немецкой политике, направленной к превращению в развалины Лондона и других британских городов. «Если они атакуют наши города — заявил он 4-го сентября, — мы попросту сотрем их с лица земли». Он сделал все, что мог.

Первоначальной немецкой целью было уничтожение нашей воздушной мощи; второй — сломить дух жителей Лондона или, по крайней мере, сделать негод-

ным для жизни крупнейший город мира. Ни то, ни другое противнику не удалось. Победа Королевских военно-воздушных сил стала возможной благодаря искусству и смелости наших летчиков, превосходству наших машин и чудесной организации нашей авиации. Но другие достоинства, не менее блестящие и столь же незаменимые в жизни Великобритании, должны были теперь быть проявлены миллионами простых скромных людей, и показать всему миру силу нации, выросшей в условиях свободы.

**

*

С 7 сентября по 3 ноября в среднем двести немецких бомбардировщиков атаковало Лондон каждую ночь. Различные предварительные рейды на наши провинциальные города в предшествовавшие три недели привели к значительному распылению нашей зенитной артиллерии, и когда Лондон впервые стал главной мишенью врага, вокруг него оказалось всего 92 зенитных орудия. Считалось, что лучше оставить воздух свободным для операций наших ночных истребителей, принадлежавших к 11-й группе. Таких было шесть эскадрилий — Бленхеймов и Дефайантов. Ночные сражения находились еще в зачаточном состоянии, и потери врага были очень легкими. Поэтому, три ночи подряд наши батареи молчали. К тому же их собственная техника была еще до прискорбья несовершенна. Тем не менее, учитывая слабость наших ночных истребителей, было решено, что зенитчикам должно быть позволено свободно стрелять по невидимым целям, пользуясь теми методами, которые им больше нравятся. В течение 48 часов генерал Пайл, командующий зенитной артиллерией, более чем удвоил число зенитных орудий вокруг столицы за счет оттягивания сил от провинциальных городов. Наши самолеты не вы-

пускались в воздух, и батареям была дана возможность проявить себя.

Три ночи подряд лондонцы сидели по своим домам, в своих неприспособленных бомбоубежищах, выдерживая то, что казалось атакой, совершенно не встретившей сопротивления. Затем, внезапно, 10 сентября началась массовая стрельба, сопровождавшаяся слепящими лучами прожекторов. Эта оглушительная канонада не нанесла слишком большого вреда врагу, но дала огромное удовлетворение населению. Люди радовались от сознания, что мы наносим врагу ответные удары. С того времени батареи стреляли постоянно, а практика, смекалка и жестокая необходимость постепенно улучшали результаты стрельбы. Все большее и большее число немецких самолетов сбивалось с каждым налетом. Время от времени батареи замолкали и на сцену появлялись ночные истребители, методы которых также улучшались. Ночные рейды сопровождались более или менее непрерывными дневными атаками, которые велись небольшими группами, или даже одиночными вражескими самолетами, и часто на протяжении суток сирены звучали почти непрерывно с очень короткими интервалами. Семь миллионов лондонцев как-то приспособились к этому необычному образу жизни.

**
*

Для того, чтобы сделать изложение событий немного более легким, я введу в него несколько личных нот об этом «блице», — сознавая, конечно, что тысячи других людей могут рассказать гораздо более захватывающие эпизоды.

Когда впервые начались бомбардировки, возникла мысль отнестись к ним с презрением. В районе Вест Энда люди продолжали заниматься своими делами и развлечениями, обедали и спали, как обычно. Театры

были переполнены, а по затемненным улицам ездили автомобили. Все это, возможно, было здоровой реакцией на ужасающие вопли, которые стали издавать пораженческие элементы в Париже после первого серьезного налета в мае. Раз, во время непрекращающегося и довольно серьезного налета, я обедал в небольшой компании. Сквозь большие окна, выходявшие в Грин Парк, были видны вспышки зениток, и, время от времени, взрывы падающих бомб. Я чувствовал, что мы рискуем понапрасну. После обеда мы отправились в здание треста Империял Кемикал, выходящее на набережную. С высоких каменных балконов открывался великолепный вид на реку. На южном берегу можно было насчитать с дюжину пожаров; пока мы были там, поблизости упало несколько бомб, одна из них настолько близко, что мои друзья затащили меня за внушительную каменную колонну. Это только подтвердило мое мнение, что мы должны как-то ограничить наш привычный приятный образ жизни.

Группа правительственных зданий вокруг Уайтхолла подверглась повторным попаданиям. Даунинг-стрит состоит из зданий, построенных двести пятьдесят лет назад жадным подрядчиком, не заботившимся об их прочности и устойчивости, и давшим улице свое имя. Во времена Мюнхена для обитателей домов номер 10 и 11 были построены бомбоубежища, а потолки помещений первого этажа были укреплены. Считалось что это предотвратит полный обвал, если на здание, или около него, упадет бомба, но, конечно, ни эти «укрепленные комнаты», ни бомбоубежища, не могли бы устоять против прямого попадания. В последние две недели сентября принимались меры для перевода моих министерских помещений в более современное и прочное здание около Сэнт-Джемского парка, которое получило название «флигеля». Под ними находился Военный зал и некоторое количество помещений где можно

было спать в безопасности во время бомбардировок. В эту фазу бомбы были, конечно, меньше по размерам, чем в последующий период; все же, в то время когда мы ждали окончания нового помещения, жизнь на Даунинг-стрит была полна переживаний. С таким же успехом я мог бы находиться в это время где-нибудь в штабе батальона.

**
*

В эти месяцы вечерние заседания Кабинета происходили в Военном зале, в подвале «флигеля». Чтобы пройти туда с Даунинг-стрит, надо было пересечь квартал Министерства иностранных дел и затем пробраться сквозь группы рабочих, заливавших бетоном перекрытия подвала и Военного зала, чтобы сделать их надежнее. Я не представлял себе, какой пыткой это было для мистера Чемберлена после перенесенной им операции. Но его ничего не удерживало, и никогда не был он более одет с иголочки, или хладнокровен и решителен, чем на последних заседаниях, на которых ему пришлось присутствовать.

Однажды вечером, в конце сентября 1940 года я выглянул из парадного своего помещения на Даунинг-стрит и увидел рабочих, нагромождавших мешки с песком перед окнами подвала Министерства иностранных дел, через дорогу. Я спросил, что они делают. Мне было сказано, что после операции мистер Невиль Чемберлен должен был периодически подвергаться сложной медицинской процедуре, и ему было неудобно проделывать это в убежище дома номер 11, где во время постоянных налетов находилось, по крайней мере, двадцать человек; поэтому для него готовили небольшое частное помещение. Каждый день он встречался с людьми и точно в назначенное время, оставаясь сдержанным, энергичным и без-

укоризненно одетым. Теперь я знаю, что скрывалось за этим. Это было слишком, и я прибег к своей власти. Я прошел в дом номер 11 и нашел там миссис Чемберлэн. Я сказал: «Он не должен оставаться здесь в этом состоянии. Вам необходимо взять его отсюда, пока он не поправится. Я буду пересылать ему все телеграммы ежедневно». Она отправилась повидать мужа и через час сообщила мне, что он поступит в соответствии с моими пожеланиями и что они уезжают в тот же вечер. Я никогда его более не видел; он умер менее чем через два месяца. Я уверен, что ему хотелось умереть в упряжке, но этому не суждено было осуществиться.

**
*

В моей памяти всплывает другой вечер, 14 октября. Мы обедали в зимнем саду дома номер 10, когда начался обычный ночной налет. Были закрыты стальные жалюзи. Вблизи раздалось несколько громких взрывов и, в конце концов, одна бомба упала не далее как в ста ярдах от нас, разорвавшись с оглушительным грохотом на Конногвадейской площади. Тут меня осенило побуждение, которому суждено было стать судьбоносным. В доме номер 10 по Даунинг-стрит кухня высокая и просторная, с зеркальным окном высотой в двадцать пять футов. Лакей и горничная подавали блюда, как если бы ничего не происходило, но я вспомнил об этом большом окне, у которого невозмутимо продолжали работать повариха, миссис Ландмер, и ее помощница. Внезапно я поднялся, прошел в кухню, сказал лакею поставить обед на подогреватель в столовой, и приказал кухарке и остальным отправиться в бомбоубежище. Прошло лишь несколько минут после того, как я снова сел на свое место, как действительно сильный грохот и резкий толчок показали, что в здание попала бомба. В комнату вошел мой детектив

и сказал, что повреждения значительны. Кухня, кладовая и кабинеты на стороне, обращенной к Казначейству, пострадали больше всего.

Мы прошли на кухню и посмотрели, что случилось. Разрушение было полнейшее. Бомба попала в здание Казначейства, в пятидесяти ярдах от нас, и силой взрыва превратила большую, опрятную кухню, с ее сверкающей посудой, в груды камней и черной пыли. Осколки большого окна были разбросаны по всему помещению, и, несомненно, что если бы там кто-либо находился в момент взрыва, его стеклом разрезало бы на куски. Мое счастливое вдохновение, которым я мог бы легко пренебречь, пришло как раз во-время. Подземное убежище Казначейства, через двор от нас, прямым попаданием было разнесено вдребезги и там было убито трое служащих, находившихся на ночном дежурстве. Они, однако, были погребены под многими тоннами осколков кирпича, и мы не знали, кто именно погиб.

Поскольку рейд продолжался и, повидимому, становился более ожесточенным, мы надели наши шлемы и отправились посмотреть, что происходит, с верхушки «флигеля». Перед тем я, однако, не мог удержаться от соблазна позвать миссис Ландмер и остальных из убежища и не показать им их кухню. Они были разрушены видом разрушений, но более всего — общим видом беспорядка.

Мы поднялись на купол «флигеля». Ночь была ясной и Лондон был хорошо виден. Казалось, что большая часть Пэлл Мэлла была охвачена огнем. Там пылало, по крайней мере, пять страшных пожаров; на Сэнт-Джемс-стрит и на Пиккадилли были видны другие. Далее, за рекой, в противоположном направлении, виднелось еще много других пожаров. Но Пэлл Мэлл горел ярче всех. Постепенно атака кончилась и прозвучал сигнал «отбоя», но пожары продолжали гореть.

Мы сошли вниз в мою новую квартиру на первом этаже «флигеля» и там нашли капитана Дэвида Маргессона, жившего в Карлтон-Клубе. Он сообщил нам, что клуб разнесен вдребезги, — о чем мы уже догадывались по расположению пожаров. Он был там в числе, примерно, двухсот пятидесяти человек членов и прислуги, когда в здание попала тяжелая бомба. Весь выходящий на Пэлл Мэлл фасад обвалился на улицу, похоронив под собой его автомобиль, который он оставил у входа. Курительная комната была полна народом, когда рухнул потолок. Когда, на следующий день, я поглядел на развалины, мне представилось невероятным, что не все были убиты. Но каким-то чудом все люди выкарабкались из дыма, пыли и обломков, и хотя многие были ранены, никто не умер. Когда эти факты, в свое время, дошли до сведения Кабинета, один из наших коллег-лейбористов шутливо заметил: «Сам дьявол заботится о своем добре». Мистер Хогг вытащил своего отца, бывшего лорда-канцлера, из развалин на своих плечах. Маргессону спать было негде, и мы нашли для него одеяла и кровать в подвале «флигеля». В общем, это был памятный вечер, и, учитывая повреждения, нанесенные зданиям, можно было считать замечательным, что убитых в городе было не более пятисот, а раненых — не более двух тысяч.

**
*

Один раз, после завтрака, Канцлер Казначейства Кингсли Вуд был у меня по делам в доме номер 10, как мы услышали сильнейший взрыв за рекой, в южной части Лондона. Я взял его с собой посмотреть, что случилось. Бомба упала на Пэхэм. Это была, возможно, воздушная мина. Она полностью разрушила двадцать или тридцать небольших трехэтажных домов, и в этом бедном районе расчистила большую площадь. Среди

развалин то тут, то там на месте разрушенных домов уже торчали трогательные маленькие флажки, говоря о том, что дух британцев не сломлен. Когда люди опознали мой автомобиль, собралась толпа тысячи в две человек. Весь этот народ был радостно оживлен и выражал неподдельный энтузиазм; люди протягивали руки, чтобы только дотронуться до меня. Можно было бы подумать, что я принес им какое-то значительное улучшение в их жизни. Я был совершенно расстроен и расплакался. Исмэй, который был со мной, слышал, как одна старуха сказала: «Видите, он, действительно, принимает к сердцу нашу беду. Он плачет». Это были слезы не горя, а восхищения. «Глядите сюда, и сюда», — и люди потащили меня к середине разрушенного участка. Там находился огромный кратер футов сорока в поперечнике и футов двадцати глубиной. На краю кратера находилось полуразрушенное бомбоубежище, в исковерканных дверях которого нас приветствовали моложавый человек, его жена и двое детей, совершенно невредимых, но, очевидно, потрясенных взрывом. Они находились там в момент взрыва и хотя не были в состоянии рассказать о своих ощущениях, было видно, что они гордились пережитым. Соседи глядели на них с завистливым любопытством. Когда мы снова селись в автомобиль, иное настроение охватило толпу. «Ответь им ударом посильнее, — кричала толпа, — пусть они тоже отведают этого». Я принял меры к тому, чтобы их пожелания были выполнены, и это было сделано. Долг был выплачен в десятикратном размере и, более того, в процессе ужасающих бомбардировок германских городов, становившихся все более интенсивными по мере усиления наших воздушных сил и по мере того, как бомбы становились все тяжелее, а взрывчатые вещества — все сильнее. Несомненно, враг получил за все в полной мере, и с излишком. Бедное человечество!

**
*

В другой раз я посетил Рамс. Начался налет и меня провели в большой туннель, где постоянно жило большое число людей. Когда через четверть часа мы вышли на поверхность, мы увидели еще дымящиеся разрушения. Бомба попала в маленький ресторан. Никто не пострадал, но дом представлял собой груды черепков, осколков посуды и обломков мебели. Хозяин, его жена, повара и кельнерши были в слезах. Куда делся их дом, их средства к заработку? Воспользовавшись прерогативой власти, я принял немедленное решение. На обратном пути, в поезде, я продиктовал письмо Канцлеру Казначейства, устанавливая принцип, согласно которому все разрушения от бомбардировок и вызванных ими пожаров, должны были относиться за счет государства, а пострадавшим должна была выплачиваться немедленная и полная компенсация. Таким образом, тяжесть потерь ложилась не только на тех, чьи дома или предприятия подверглись разрушению, но и на плечи всей нации. Естественно, Кингсли Вуд был несколько озабочен неопределенным характером подобного обязательства. Но я продолжал оказывать нажим и в двухнедельный срок была разработана система страховки, которая позднее сыграла значительную роль в наших делах. Объясняя это Парламенту 5 сентября, я сказал:

«В моих поездках по стране мне было больно видеть маленькие дома англичан или их предприятия, разрушенные противником, без сознания того, что мы делаем все возможное для распределения тягот войны, что мы все объединены в борьбе. Повреждения в результате действий врага имеют иной характер, чем потери всякого иного рода, потому что на правительстве лежит обязанность защищать своих британских подданных и налогоплательщиков от нападений извне. Если общественное мнение и Палата общин не в состоянии отчетливо различать повреждения, причиненные бом-

бардировками врага от всяких иных форм военных потерь, мы не можем пытаться разрешить проблему компенсаций, так как претензии могут стать беспредельными. Если же, однако, мы в состоянии осуществить такой проект, при котором потерпевшим будет даваться полная страховка — или, во всяком случае, в пределах определенной минимальной суммы — это было бы очень внушительным свидетельством той уверенности, которую мы можем по справедливости чувствовать, — уверенности, что мы собираемся выиграть эту войну».

В связи с этой системой страхования Казначейству пришлось пройти через ряд переживаний. Сперва финансисты думали, что она их погубит. Но когда, после мая 1941 года, воздушные налеты прекратились на три года и стали собираться значительные суммы денег, они решили, что эта система является выдающимся проявлением государственной мудрости. Однако, к концу войны, когда начался обстрел ракетными бомбами, сумма обязательств значительно выросла, и всего фактически было выплачено 830 миллионов фунтов стерлингов. Я очень рад, что это было сделано.

**
*

В тот момент нам казалось, что Лондон, за исключением своих крепких современных построек, будет скоро, хотя и постепенно, превращен в груды мусора. Я страшно тревожился за жизнь лондонцев, большинство которых оставалось в городе, существуя Бог знает как. Число каменных и бетонных убежищ множилось быстро. Многие спасались в туннелях метро. Существовало несколько больших убежищ, куда вмещалось до семи тысяч человек, остававшихся там каждую ночь и смутно представлявших себе, что могло с ними случиться при прямом попадании бомбы. Я просил, чтобы каменные перекрытия были сделаны как можно скорее. В отношении туннелей метро были споры, разрешившиеся, в конце концов, компромиссом.

«Премьер-министр — сэру Эдуарду Бриджесу, министру внутренних дел и транспорта. 21 сентября 1940 г.

1. Когда я спросил на заседании Кабинета несколько дней тому назад, почему метро не может быть в какой-то мере использовано в качестве бомбоубежища, даже в ущерб своему прямому назначению, меня заверили, что это крайне нежелательно, но что вся проблема будет пересмотрена прежде чем окончательное решение будет принято. Я теперь знаю, что станция Олдвич используется как убежище. Сообщите мне, пожалуйста, подробности об этом, а также то, что именно заставило пересмотреть ранние возражения.

2. Я все еще стою за широкое использование туннелей, — не только станций метро, но и линий, и я хотел бы получить краткий доклад, на одной странице, с указанием, какое число людей может быть размещено на отдельных участках, и какие работы должны быть проведены, чтобы приспособить эти участки для нового назначения. Верно ли, к примеру, что только на участке Олдвича можно разместить 750.000 человек? Возможно, что нам придется как-то сбалансировать относительные требования транспорта с необходимостью устройства новых убежищ.

3. Я ожидаю доклада министра внутренних дел относительно будущей политики, касающейся

- а) строительства новых убежищ,
- б) укрепления существующих подвалов,
- в) предоставления для пользования пустующих подвалов и помещений,
- г) — самое главное: закрепление, при помощи карточек, определенных мест за отдельными лицами во избежание чрезмерных скоплений, и для того, чтобы они находились там, где этого хотим мы.

В этой новой фазе борьбы становилось важным заставить больше работать не только фабрики, но и лондонские учреждения, находившиеся под частыми бомбардировками днем и ночью. Первоначально, при первом звуке сирен, служащие двух десятков министерств быстро собирались и шли вниз в бомбоубежища, — каковы бы они ни были. Пришлось взывать к гордости и честолюбию людей. Во многих случаях, в налете участвовало всего полдюжины самолетов,

иногда — только один. Часто они вообще не долетали до Лондона. Незначительный рейд мог привести к остановке всей административной машины Лондона.

Поэтому я предложил ввести сигнал «быть наготове», в отличие от «тревоги», дававшейся сиренами, когда наблюдатели на крышах сообщали о «непосредственной опасности», означавшей, что враг находится над головой, или очень близко. Соответствующим образом и была разработана система. Для того, чтобы принудить к ее выполнению, в дни, когда мы жили под постоянными дневными и ночными налетами, я предложил представлять мне еженедельные доклады о числе часов, проведенных в подвалах служащими каждого министерства.

«Премьер-министр — сэру Эдуарду Бриджесу и генералу Исмэю.
17 сентября 1940 г.

Прошу доложить мне к завтрашнему вечеру о числе часов, проведенных в убежищах и вне работы сотрудниками основных учреждений Лондона, 16 сентября.

Генералу Исмэю установить, как относятся министерство авиации и командование истребительной авиации к предложению, чтобы в случае приближения к Лондону лишь двух или трех самолетов, никакого сигнала «тревоги» вообще не давать».

«Премьер-министр — сэру Горацию Вильсону и сэру Эдуарду Бриджесу.
19 сентября 1940 г.

Сообщите мне дальнейшие сведения (о потерянных часах работы в правительственных учреждениях из-за сигналов воздушной тревоги) за 17-е и 18-е, и посылайте мне их далее ежедневно, от всех министерств, включая сюда и обслуживающие управления. Одновременно, все эти отчеты должны вручаться главам учреждений; таким образом мы сможем узнать, кто ведет себя лучше других. Если от каких-либо учреждений отчеты не поступят, остальные все равно должны рассылаться таким же порядком».

Этим подвергалось испытанию мужество всех. В целом было представлено восемь таких отчетов. Было забавно наблюдать, что в течение некоторого времени хуже всех вели себя сотрудники военных учреждений. Подстегиваемые и оскорбленные этим скрытым упреком, они быстро заняли более подобающее место. Потеря часов работы во всех учреждениях скоро составляла лишь незначительную часть первоначальной. Со временем, наши истребители сделали каждую дневную атаку неприятеля слишком дорогостоящей, и эта фаза окончилась. Несмотря на почти беспрерывные тревоги, почти ни одно правительственное здание не было повреждено в дневное время, то есть тогда, когда все были на работе; в них не было никаких людских потерь. Но сколько бы времени было бы потеряно, и как была бы нарушена работа военной машины, если бы гражданские и военные чиновники продолжали поддаваться человеческой слабости!

Еще 1 сентября, до того как начались тяжелые ночные налеты, я обратился к министру внутренних дел, и к остальным, со следующим:

«Воздушные тревоги и меры предосторожности.

1. Нынешняя система сигналов воздушной тревоги была разработана на случай одиночных массовых рейдов на определенные цели, но не для целых волн, появляющихся по нескольку раз в день, и еще менее — для случайных бомбардировщиков, кружащихся над городом по ночам. Мы не можем допустить демобилизации значительных районов страны на долгие часы каждый день, и отвлекаться каждую ночь. Врагу не должно быть позволено сорвать деятельность предприятий, работающих на оборону, останавливая фабрики, которые он не смог разрушить.

2. Поэтому должна быть введена новая система сигналов воздушной тревоги: «быть наготове», «тревога» и «отбой».

Сигнал «быть наготове» не должен прерывать нормальной жизни района. Люди, не занятые на существенных работах, могут если хотят, идти в убежища или отправлять

своих детей в надежные места. Но в общем они должны научиться — и они уже учатся — жить вместе с опасностями, и принимать лишь те меры предосторожности, которые соответствуют их обязанностям и темпераменту.

3. Число лиц, привлеченных к противовоздушной обороне на предприятиях должно быть увеличено, и нынешняя практика вызова людей с работы при каждой тревоге должна быть отменена. На всех фабриках и заводах, где идет работа, должны быть выделены наблюдатели, становящиеся на свои места по сигналу «быть наготове»; этим наблюдателям должна быть предоставлена власть давать сигнал «тревога» для данного предприятия. Сигнал «быть наготове» может даваться в течение дня путем вывешивания достаточного числа желтых флагов, специально для этого назначенными лицами. Ночью можно прибегать к мигающим желтым или красным лампочкам. Необходимо изучить возможность использования уличных фонарей, а также сигнализации по телефону.

4. Сигнал «тревога» означает приказ скрыться в убежище, и явку всех лиц, к тому назначенных, на посты противовоздушной обороны. Весьма вероятно, что этот сигнал будет совпадать — или почти совпадать — с самим налетом. Детали, в каждом случае, должны быть выработаны в соответствии с местными условиями. Сигнал «тревога» дается сиренами. Вероятно будет излишним сопровождать его световыми или телефонными сигналами.

5. Сигнал «отбой» должен даваться так же, как он дается теперь, и он будет означать окончание периода «тревога». Если продолжается положение, соответствующее «быть наготове», флаги — и световые сигналы — убираются.

Пользование сигналами «быть наготове» и «тревога» может быть различным в разных областях страны. В районах, подверженных частым налетам, как Кент, южный и юговосточный Лондон, юговосточная Англия, Бирмингам, Дерби, Ливерпуль, Бристоль и некоторые другие места, сигнал «быть наготове» не должен удивлять никого. Сигнал «тревога» будет означать фактическую атаку неприятеля. Это также относится к району Уайтхолла. В других районах страны может быть оправдано более частое применение сигнала «тревога», — чтобы поддерживать в готовности силы противовоздушной обороны.

6. В правительственных учреждениях Лондона не следует никого заставлять скрываться в убежище до начала

бомбежки, и до подачи сигнала «тревога» по новым условиям. Запрещается останавливать работу только потому, что в Лондоне дан сигнал «быть наготове».

**
*

Мне пришлось, однако, вообще отказаться от идеи отмены сирен, которые, в речи в парламенте, я назвал «воем предвестниц смерти».

«Премьер-министр — министру внутренних дел, и остальным, к кому это относится. 14 сентября 1940 г.

Я обещал в Палате общин, что новые правила в отношении сигналов противовоздушной обороны, сирен, свистков и пр., будут рассмотрены на прошлой неделе. Однако, усиление воздушных налетов сделало нецелесообразным отмену сирен в настоящий момент. Я хотел бы однако иметь краткое сообщение о том, какие изменения в правила введены на протяжении прошлой недели».

**
*

Можно было отнестись с глубоким состраданием к судьбе бедняков, у которых, в их маленьких домиках, не было никакой защиты над головой.

«Премьер-министр — министру внутренних дел. 3 сентября 40 г.

Несмотря на недостаток в материалах, должны быть приложены максимальные усилия, чтобы помочь людям осушить их «андерсоновские убежища», название которых делает честь Вашему имени, и устроить в них полы, необходимые в зимние дожди. Кирпичи, поставленные на ребро и покрытые куском линолеума, должны сослужить службу, но необходимы дренажи и зумпфы. Я готов помочь Вам в разработке понятных чертежей. Инструкции могут быть переданы по радио; нужно кроме того, конечно, использовать районных комиссаров и местные власти. Сообщите мне о Ваших планах».

«Премьер-министр — генералу Исмэю и Личной канцелярии.
11 сентября 1940 г.

Потребуйте отчетов, какие серьезные последствия воздушные атаки оказали на

- а) снабжение и распределение продовольствия;
- б) число бездомных и их обеспечение;
- в) уменьшение численности пожарных;
- г) канализацию в районе Лондона;
- д) газ и электричество;
- е) водоснабжение в районе Лондона;

и) Генералу Исмэю надлежит узнать о влиянии бомбардировок на производство в Вульвиче и ознакомиться с докладом мне министра снабжения».

«Премьер-министр — сэру Эдуарду Бриджесу.

12 сентября 40 г.

Передайте пожалуйста Кабинету и министрам мою рекомендацию относительно изменения нашего расписания. Завтрак должен быть в час дня, и время работы Кабинета передвинуто на полчаса вперед. В принципе было бы неплохо ориентироваться на более ранний обеденный час, скажем на 7.15. Теперь темнеет раньше, и в течение нескольких ближайших недель можно ожидать тяжелых бомбежек, — как только будет прекращаться деятельность истребителей. Было бы неплохо, если бы служащие и прислуга были бы в убежищах как можно раньше, и министрам следует организовать работу во время ночных налетов в относительно безопасных местах, и, в особенности, найти такие места для сна, где их ничто, кроме прямого попадания, не могло бы беспокоить.

Я намерен просить Парламент, когда он соберется в обычное время во вторник, перенести свои случайные заседания на 11 часов дня, и, отдельно, на 4-5 часов пополудни. Это даст возможность министрам добраться до своих домов и, я надеюсь, до своих убежищ, до наступления темноты. Нам следует приспособиться к этим условиям. Весьма возможно, что с дальнейшим сокращением дня нам придется перенести рабочие часы еще на полчаса вперед».

Парламент также обратился за указаниями, как лучше всего ему вести свои заседания в эти опасные

дни. Члены Парламента чувствовали, что их долгом является подавать пример. Это было верно, но не следовало заходить с этим слишком далеко; я должен был спорить с Палатой общин, чтобы убедить ее соблюдать обычные меры предосторожности и подчиняться специфическим условиям времени. В секретном заседании я доказал им необходимость принимать должные и тщательно-взвешенные меры предосторожности. Они согласились, что дни и часы их занятий не должны предаваться гласности, и что когда наблюдатель сообщит спикеру Палаты о «непосредственной опасности», их заседания будут прекращаться. После этого, они промаршируют вниз, в переполненные и ненадежные убежища, для них устроенные. История отметит, что члены славного Британского Парламента продолжали посещать заседания и исполнять свои обязанности на протяжении всего этого периода. Палата общин очень чувствительна в подобных вопросах, и можно было легко ошибиться в оценке ее настроений. Когда один зал был поврежден, заседания были перенесены в другой, но предварительно мне пришлось приложить все силы, чтобы убедить членов Парламента последовать этому мудрому совету, не задевая их самолюбия. Об их переселении будет рассказано в соответствующем месте. Коротко говоря, все вели себя с достоинством, и в соответствии со здравым смыслом. И к счастью, когда несколькими месяцами позже Палата была разрушена вдребезги, это случилось ночью, а не днем, и когда в ней никого не было. Позднее, когда мы совладали с дневными налетами, наступило значительное облегчение для всех нас. Но в течение первых нескольких месяцев у меня никогда не было спокойствия за безопасность членов Парламента. В конце концов, свободный и суверенный Парламент, избранный всеобщим голосованием и обладающий правом свергать правительство в любой

момент, — был одним из пунктов нашего спора с противником! Парламент победил.

Я сомневаюсь, имел ли хоть один из диктаторов столь эффективную власть над всем народом, какую имел Британский Военный Кабинет. Когда мы высказывали свои пожелания, нас поддерживали представители народа, и нас с радостью слушались. И ни на один момент не ограничивалось право критики. Почти всегда критики относились с уважением к национальным интересам. Когда же им случалось обращаться к правительству с вызовом, обе Палаты голосовали против них подавляющим большинством, и это — в отличие от тоталитарных методов — без малейшего насилия, без применения мер секретной или какой-либо другой полиции. Мысль о том, что парламентская демократия — или называйте, как хотите, эту нашу британскую организацию жизни — может выдержать и преодолеть все испытания, наполняла всех гордостью. Даже угроза уничтожения не могла обескуражить членов Парламента; к счастью, эта угроза не была приведена в исполнение.

3.

«ЛОНДОН ЭТО ВЫДЕРЖИТ»

Это были времена, когда англичане, и занимавшие особенно почетное место среди них лондонцы, показали себя с самой лучшей стороны. Сумрачные и веселые, упрямые и услужливые, с самоуверенностью никогда не испытавшего рабства народа, они приспособились к этому новому странному образу жизни, со всеми его ужасами и потрясениями. Однажды вечером, когда я отправлялся на инспекцию восточного побережья, на пути в Кингс Кросс, завывали сирены; улицы начали пустеть, за исключением длинных очередей очень усталых и бледных людей, ожидавших последнего автобуса. Моросивший осенний дождик окутывал всю картину. Воздух был холодный и сырой. Приближалась ночь — и атака неприятеля. С внезапной спазмой внутренней боли я почувствовал все то напряжение и страдание, которым была заполнена жизнь величайшей столицы мира. Сколько времени это еще будет продолжаться? Сколько еще придется выдержать лондонцам? Где границы их жизнеспособности? Как отразится их общее истощение на продукции наших заводов?

По ту сторону Атлантического океана затянувшиеся бомбардировки Лондона, а позднее и других городов и портов, вызвали волну симпатий в Соединенных Штатах, волну более сильную, чем все то, что когда-либо раньше наблюдалось в той части мира, где

говорят по-английски. В американских сердцах, и особенно в сердце президента Рузвельта, начали разгораться страсти. Температура в Соединенных Штатах постепенно подымалась. Я мог чувствовать, как постепенно накалялись чувства миллионов людей, стремившихся разделить наши страдания, горящих желанием нанести удар. К нам приезжало столько американцев, сколько было в состоянии устроиться с переездом; они привозили нам в подарок то, что могли и, вместе со своим уважением, преклонением, глубокой любовью и товарищеским отношением, служили для нас источником вдохновения. Однако, это был только сентябрь, и нам предстояло много месяцев этого странного существования.

Под давлением бомбежек непрерывно крепла наша оборона и множились убежища. Меня беспокоили, в первую очередь, три обстоятельства. Первое, это состояние городских стоков. Когда у вас в городе в тесно-застроенном районе живет шесть или семь миллионов человек, разрушение канализации и водопровода представлялось мне большой опасностью. А что если канализационные стоки проникнут в систему водоснабжения? В октябре была разрушена главная канализационная магистраль, и мы должны были пустить стоки в Темзу, которая начала невыразимо вонять, сперва от отбросов, а затем от химических средств, которые мы в нее влили. Но с этим справились. Вторых, я опасался, что длинные ночи в переполненных общественных убежищах приведут к эпидемиям инфлюэнцы, дифтерита, простудам и прочему. Но случилось так, что природа пришла на помощь. Человек — общительное животное, и повидимому, разнообразные микробы, которые он с собой носит, борются друг с другом и взаимно нейтрализуют друг друга. В то время, как они пожирают друг друга, человек остается невредим. Если эта теория научно неверна,

она должна стать правильной. Остается фактом, что в эту суровую зиму состояние здоровья лондонцев было лучше обычного среднего. Более того, способность простых людей в любой стране выдерживать страдания, в то время, как их дух приподнят, видимо не имеет границ.

Третье, чего я опасался, это недостаток стекла. Иногда от взрыва одной единственной бомбы стекла бывали выбиты во всех окнах целой улицы. Я периодически с беспокойством осведомлялся о положении, и предлагал полностью остановить всякий экспорт стекла. Однако, фактами и цифрами меня убедили, что опасность остаться без стекла нам не угрожает.

**
**

В середине сентября против нас была использована новая форма атаки, приведшая к значительным повреждениям. На нас сбрасывалось теперь большое число бомб замедленного действия, и это создавало новую проблему. Большие участки железнодорожного полотна, узловые станции, подступы к жизненно-важным заводам, аэродромам и главным шоссе-магистралям, десятки раз должны были закрываться; пользоваться ими было нельзя. Эти бомбы приходилось выкапывать и либо взрывать, либо обезвреживать. Это была крайне опасная задача, особенно вначале, когда и средства, и методы должны были вырабатываться на практике. В первом томе я уже рассказывал о драматическом инциденте обезвреживания магнитной мины, но теперь этот вид самопожертвования становился будничным, оставаясь в то же время величественным. Я всегда интересовался взрывателями замедленного действия, которые впервые произвели на меня впечатление в 1918 году, когда немцы применили их в широких масштабах, чтобы не допустить

использования нами железных дорог для предполагавшегося наступления на Германию. Я настаивал на использовании нами мин замедленного действия в Норвегии и в Кильском канале. Не было сомнений в том, что они были одним из самых эффективных орудий войны, — главным образом по причине длительной неуверенности, которые они вызывают. Теперь нам приходилось отведать это самим. Для решения новой проблемы была создана под руководством генерала Кинга специальная организация. В ряде случаев я старался стимулировать ее работу, но Кинг оказался очень способным, энергичным офицером, с которым я лично познакомился у себя в Черкесе.

«Премьер-министр — государственному секретарю по военным делам. 13 сентября 40 г.

Как я передал Вам по телефону вчера вечером, представляется крайне важным с успехом справиться с неразорвавшимися бомбами в Лондоне и, особенно, на железных дорогах. Заторы на железнодорожных путях принимают острые формы, главным образом по этой причине. Имеет смысл доставлять отряды по расчистке от бомб и с севера, и с запада, а также как можно скорее расширить организацию генерала Кинга. Чтобы справиться с этим неудобством, которое очень скоро может перерасти в нечто худшее, необходимо планировать в широких масштабах».

«Премьер-министр — министру снабжения. 21 сентября 40 г.

Быстрая ликвидация неразорвавшихся бомб является задачей первостепенного значения. Неспособность справиться с этой проблемой может иметь серьезнейшие последствия для производства самолетов и других важнейших военных материалов. Работа отрядов по ликвидации бомб должна быть облегчена путем снабжения их самым современным оборудованием. Письмо, которое я получил от государственного секретаря по военным делам говорит о том, что сейчас планируются эксперименты и испытывается соответствующее оборудование. Изготовление этого оборудования должно быть осуществлено вне всякой очереди, равно как и все последующие заказы для этой цели».

«Премьер-министр — государственному секретарю по военным делам. 14 сентября 40 г.

Я слышал, что в Соединенных Штатах изготавливается особый тип бура, который в состоянии пробурить за полчаса отверстие такого диаметра и такой глубины, на которое надо затратить два или три дня при работе вручную.

Я думаю, что Вам следует заказать некоторое число этих буров для использования их отрядами по обезвреживанию бомб. Смысл этого заключается в том, что необходимо добраться до бомбы с минимальной задержкой.

Эти буры могут оказаться дорогостоящими, но они стоицей оплатят себя тем, что мы сэкономим на людях, и на имуществе. Кроме того, я считаю что мы просто обязаны перед этими смелыми людьми — снабдить их самым лучшим техническим оборудованием».

«Премьер-министр — государственному секретарю по военным делам. 28 сентября 40 г.

Мне сообщают, что имеются веские основания считать обещающим метод «трепанации» неразорвавшихся бомб в целях их обезвреживания. В виду серьезных и все возрастающих хлопот, причиняемых этими бомбами, я хотел бы получить заверения, что этот метод применяется в достаточно широких масштабах. Доложите мне, пожалуйста, о том, в каких пределах этот метод используется».

В каждом городе, поселке и районе были сформированы специальные команды, и добровольцев для этой опасной игры было в избытке. Одним из этих команд везло, другим — нет. Некоторые сумели пережить период всеобщей пытки. Другим удавалось разрядить двадцать, тридцать и даже сорок бомб, прежде чем их настигал рок. Отряды по обезвреживанию бомб представлялись мне везде, куда бы я ни ездил. Лица их членов чем-то отличались от лиц других людей, как бы храбры и преданы эти последние ни были. Изможденные и осунувшиеся и слегда синеватые, эти лица освещались сияющими глазами; губы их были сжаты каким-то совершенно особым образом, и держались они превосходно. Описывая наши тяжелые

времена, мы неизбежно злоупотребляем словом «угрюмый». Его надо было бы сохранить для описания отрядов по обезвреживанию неразорвавшихся бомб*).

Я припоминаю один отряд, который может быть взят как типичный для многих из них. Он состоял из трех человек — графа Суффолка, его секретарши и его пожилого шофера. Они называли себя «Святой Троицей». Их смелость и продолжающееся существование вскоре стало известно всем. Они успешно и с улыбками справились с тридцатью четырьмя бомбами, но тридцать пятая их настигла. Взлетел на небо граф Суффолк со своей Святой Троицей, и мы можем быть уверены, что трубы архангелов встречали их на том свете.

С большими потерями наших лучших людей, но отряды по обезвреживанию бомб быстро овладели положением. Через месяц я мог написать:

«Премьер-министр — генералу Исмэю.

9 октября 40 г.

В последнее время мы мало слышим о бомбах замедленного действия, угрожавших причинить нам столько неприятностей в начале сентября. Я чувствую, что в этом отношении наступило некоторое облегчение. Пришлите мне доклад о том, сколько бомб замедленного действия было сброшено на нас в последнее время, сколько из них обезврежено и

*) Шутки могут показаться неуместными в такой тяжелой обстановке. Но на войне грубый смех солдата часто бывает измерителем его подавленных внутренних переживаний. Однажды группа таких людей выкапывала бомбу, и самый храбрый из них опустился в яму, чтобы проделать деликатную операцию отсоединения взрывателя. Внезапно он закричал, чтобы его немедленно вытащили. Его товарищи подбежали к краю, схватили его за руки, вытащили на поверхность, после чего все отбежали на пятьдесят-шестьдесят ярдов, — минимальное надежное расстояние, — и бросились на землю. Но взрыва не последовало. Сам храбрец выглядел расстроенным; он был бледен и задыхался. Наконец, в ответ на вопросительные взгляды остальных, он произнес: «Боже мой! Там была крыса!!!»

сколько продолжает мешать нам. Является ли наступившее облегчение результатом того, что враг не сбрасывает их более, или того, что наши методы обезвреживания их улучшились?»

Ответ меня вполне удовлетворил.

**
*

Около того же времени враг начал сбрасывать на парашютах многочисленные морские мины, такого веса и взрывной силы, равных которым до сих пор не поднимали самолеты. Произошел ряд чудовищных взрывов. От них не было никакой защиты — кроме репрессий. Оставление немцами всякой видимости ограничения воздушной войны военными объектами также поставило вопрос об отмщении. Я был за это, но мне пришлось натолкнуться на возражения многих щепетильных людей.

«Премьер-министр — заместителю начальника штаба авиации.
6 сентября 40 г.

Я никогда не говорил об отказе от нашей основной политики, но я полагаю, что мы добьемся значительного морального эффекта, если в настоящее время организуем, скажем, на протяжении двух-трех ночей в месяц, некоторое число небольших, неожиданных и разбросанных налетов на небольшие германские населенные центры. Вы должны помнить, что этим людям никогда не говорят правды, и что куда бы не долетали наши самолеты, им сообщают, что немецкая оборона непроницаема. Нам надо принять во внимание многие факторы, и некоторые из них отнюдь не технического порядка. Я поэтому надеюсь, что Вы примите во внимание мои пожелания и разработаете свои предложения в этом плане, для применения их при первой возможности».

В числе колеблющихся был мой друг, адмирал Том Филлипс, заместитель начальника морского штаба.

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для Комитета начальников штабов. (показать адмиралу Филлипу) 19 сентября 40.

1. Мы решили прибегнуть к репрессиям против Германии не только по моральным основаниям. Лучшие результаты достигаются концентрацией на небольшом числе первоклассных военных объектов. Кроме того, при всеобщей войне, недостаток у противника опыта в навигации и так далее не свидетельствует против него в большой степени.

2. Однако, сбрасывание врагом больших мин с парашютом указывает на окончательный отказ его от всякой возможности атак только на военные объекты. На высоте пяти тысяч футов он не может иметь никакого представления о том, куда попадут бомбы. Поэтому, мы имеем дело с «актом террора», направленным против гражданского населения. Нам следует посмотреть, окажется ли дух противника на такой же высоте, как наш. Это — простейшая военная мысль.

3. Я склоняюсь к тому, чтобы заявить, что в ответ на каждую мину, которую враг сбросит на наши города, мы сбросим мину на немецкий город. Может быть, имеет смысл объявить черный список немецких городов, обреченных нами. Я не думаю, чтобы им это понравилось, и нет никаких оснований избавлять их от периода напряжения.

4. Время и характер декларации являются решением политическим. Тем временем, я хотел бы знать, когда мы будем готовы. Примем меры к тому, чтобы подготовить репрессии, и предложим офицерам разработать в широком масштабе лучший метод, и в кратчайшее время. Было бы лучше сбросить некоторое число мин с парашютами на ряд немецких городов, на которые уже совершались налеты, но не будем останавливаться перед сбрасыванием тысячефунтовых авиационных бомб, которые у нас уже имеются, — лишь бы не откладывать наш ответ в долгий ящик.

5. Я хочу знать к субботе вечером, что именно является пропорционально наихудшей формой мести, то есть равноценной мести, которую мы можем избрать, в наказание за всё, что они нам причиняют. Нам сегодня сообщили, что за день сброшено всего 36 мин, но завтра это может быть сто. Что ж, пусть будет сто, и из этого расчета разработаем план действий в течение ближайшей недели, или, скажем, десяти дней. Если надо подождать далее, пусть будет так, но примите меры к тому, чтобы не возникало никаких препятствий.

6. Ожидая указанной информации, я согласен, что мы не должны стонать о том, что происходит. Дайте мне практические предложения к субботе вечером».

Месяцем позже я все еще настаивал на репрессиях, но всплывали все новые возражения как технического, так и морального свойства.

«Премьер-министр — государственному секретарю по делам авиации и начальнику штаба авиации. 16 октября 40 г.

Вчера вечером я получил доклады о том, что здесь было сброшено большое число воздушных мин, многие из которых еще не взорвались, и что причинены большие разрушения.

Представьте мне безотлагательно свои предложения для эффективных репрессий против Германии.

Мне известно, что доставить такие же мины, или большие бомбы, на Германию вполне возможно, и что в эскадрильях хотят это сделать, но что министерство авиации не дает своего разрешения. Я надеюсь, что мои взгляды и пожелания получат должное внимание. Прошло около трех недель с того времени, как я начал настаивать на возмездии, направленном против немецких военных объектов, тем же методом, каким они нападают на наши. Кто несет ответственность за задержку действий?»

Пытку лондонцев в зиму 1940-41 гг. трудно сравнивать с тем, что пришлось пережить немцам в последние три года войны. В этот последний период бомбы были много разрушительнее, и налеты — более интенсивны. С другой стороны, длительная и тщательная немецкая подготовка позволила им закончить строительство системы надежных бомбоубежищ, куда население загонялось с железной дисциплиной. Когда мы, в конце концов, вошли в Германию, мы нашли совершенно разрушенные города, но крепкие здания возвышались попрежнему, а под землей имелись обширные галереи, где жители могли спать ночь за ночью, — хотя их дома и имущество разрушались на поверхности. В многих случаях оставались только груды мусора. Но в Лондоне, хотя атака была менее мощ-

ной, меры безопасности были много слабее. Помимо туннелей метро, действительно надежных мест не было. Имелось некоторое число погребов и подвалов, которые могли выдержать прямое попадание, но по существу вся масса лондонского населения жила и спала в своих домах, или в своих «андерсоновских убежищах», под бомбами врага, рискуя жизнью после длинного рабочего дня с истинно-британской флегматичностью. Даже у одного из тысячи не было защиты, кроме как от воздушной волны и от осколков. Но как при какой-либо эпидемии, психологического расслабления не было. Конечно, если бы в 1940 году сбрасывались бы бомбы 1943 года, мы бы наверно пришли в состояние, которое разрушило бы всю человеческую организацию. Однако, всё приходит в свою очередь, и никто не может сказать, что Лондон, который, несомненно, остался незавоеванным, не был в то же время непобедимым.

Перед войной или в ее пассивный период почти ничего не было сделано для того, чтобы подготовить бомбонепроницаемые убежища, откуда могло бы функционировать правительство. Были разработаны детальные планы по переводу правительства из Лондона. Целые управления многих министерств были уже переведены в Харрогейт, Бат, Челтенхэм и другие места. Были проведены широкие реквизиции для всех министров и важных чиновников на случай эвакуации Лондона. Но теперь, под бомбардировками, желание и решимость правительства и Парламента оставаться в Лондоне были безошибочными, и я полностью разделял чувства остальных. Подобно другим, я часто представлял себе разрушения достигшими такой степени, что общий переезд и рассеяние были бы неизбежными. Но под давлением всего происходившего мы все были против этого.

«Премьер-министр — сэру Эдуарду Бриджесу, генералу Исмэю или полковнику Джекобу, и Личной канцелярии.

14 сентября 40 г.

1. Ни на один момент я не рассматривал возможности полного переезда из Лондона всех категорий чиновников, независимо от их значения. Все это настолько связано с невероятными трудностями, что только полная невозможность оставаться в Лондоне могла бы нас к этому вынудить. Более того, новые прибежища чиновников скоро станут известными врагу и подвергнутся налетам в свою очередь, тогда как в Лондоне имеется все же более укрытий, чем где-либо еще.

2. Однако, переезд высшего руководства из района Уайтхолла в «Паддок» или какое-либо иное укрепленное место относится к иной категории. Мы должны быть уверены, что головка правительства функционирует гармонично и энергично. Это невозможно в условиях почти непрерывных налетов. Постепенный переезд в «Паддок» Военного Кабинета и его секретариата, Комитета начальников штабов и Главной квартиры Ополчения должен быть подготовлен, и в некоторых маловажных отношениях даже начаться. Министры Военного Кабинета должны побывать в своих квартирах в «Паддоке» и быть готовыми переехать туда сразу же по получении указаний. Им надо рекомендовать спать там, если они хотят проводить ночи спокойно. Нельзя при этом сохранить все в секрете, хотя гласность следует запретить.

Нам следует ожидать, что район Уайтхолла-Вестминстера станет в ближайшее время объектом интенсивных воздушных атак. Нарушить деятельность центрального правительства в качестве прелюдии к основному нападению на страну, является испытанным немецким методом, к которому они прибегали повсюду. Они, несомненно, прибегнут к этому и здесь, где так легко обнаружить цель, и где река и высокие здания, днем и ночью представляют собой отличные ориентиры. Нам надо предупредить нарушение функционирования центрального правительства.

3. В переезде Адмиралтейства пока нет нужды, потому что оно хорошо оборудовано. Министерство авиации должно быть наготове, так же как и военное министерство, и Управление Ополчения.

4. Прошу безотлагательно принять меры к переезду в новые помещения не более двухсот или трехсот руководя-

щих чиновников и их непосредственных помощников и показать, как это должно быть проведено, шаг за шагом. Доложите мне об этом в воскресенье вечером, чтобы я мог предложить хорошо продуманную схему на заседании Кабинета в понедельник».

**
*

В числе обстоятельств, задерживавших переезд из Лондона, была необходимость постройки разнообразных укреплений, подземных или надземных, откуда исполнительные органы, с их тысячами чиновников, могли бы исполнять свои обязанности. Цитадель для Военного Кабинета была уже подготовлена около Хэмпстеда, с конторскими помещениями и спальнями, и с оборудованной телефонной сетью. Она называлась «Паддок». 29 сентября я предписал провести репетицию, с тем, чтобы каждый знал, что ему делать, если положение станет слишком жарким.

«Я считаю, что надо обновить «Паддок», и поэтому в четверг Кабинет соберется там. В то же время следует рекомендовать другим министерствам попытаться провести предварительный переезд основного костяка аппарата. Если возможно, надо приготовить завтраки для членов Кабинета и тех, кто будет там присутствовать.»

Заседание было проведено там, вдали от дневного света, и каждого министра попросили осмотреть свои рабочие и жилые помещения. По этому случаю был устроен оживленный завтрак, и затем все вернулись в Уайтхолл. Это был единственный случай, когда министры использовали «Паддок». Над Военным залом и помещениями в подвале «флигеля» мы устроили перекрытие из шести футов стали и бетона, и сделали все необходимое в отношении вентиляции, водоснабжения и, главное, телефонной связи. Поскольку эти помещения были много ниже уровня Темзы, находящейся всего в двухстах ярдов, надо было принять

меры к тому, чтобы находившиеся в них люди не были бы залиты водой.

**
*

Наступил тяжелый октябрь. Но казалось, что Лондон приспособливается к новым удивительным условиям жизни и смерти. В некоторых отношениях наблюдалось даже облегчение. Сообщение с районом Уайтхолла, с перегрузкой и частой порчей путей, с часто повторяющимися дневными налетами, стало трудной проблемой, и я наметил некоторое ее разрешение.

«Премьер-министр — сэру Горацию Вильсону.

12 октября 40 г.

Около двух недель назад я приказал прекратить разговоры о четырехдневной рабочей неделе для служащих, так как опасался, что они произведут отрицательное впечатление на фабриках и заводах. Однако, я теперь склоняюсь к идее о пятидневной неделе, с тем, чтобы чиновники спали в учреждениях (и, по возможности, также питались бы) четыре ночи, а три ночи и два дня проводили бы дома. Это, конечно, будет относиться только к тем, кто работает в Лондоне и живет в пригородах. Уже сейчас я вижу огромные очереди у автобусных остановок, и, несомненно, что дальше сообщаться с Лондоном станет еще более трудно. Каждое министерство должно разработать план, который лучше всего сможет удовлетворить и его нужды, и нужды его служащих. В пять дней надо будет укладывать то же количество работы, которое теперь делается в шесть. Надо также приложить усилия к тому, чтобы новое расписание позволило бы распределить время прибытия на работу и ухода с работы так, чтобы предельно разгрузить транспорт и избежать пик. Сообщите мне свои взгляды по этому поводу, вместе с предложениями о проведении их в жизнь в форме циркуляра по министерствам».

Из этого плана ничего не получилось, в виду неудобств, ставших ясными при детальном изучении вопроса.

Вызванная тяжелой болезнью отставка мистера Чемберлэна привела к важным переменам в составе Кабинета министров. Мистер Герберт Моррисон был способным и энергичным министром снабжения, а сэр Джон Андерсон со знанием дела и твердостью, вел дела в условиях «блица» над Лондоном. В начале октября продолжающиеся атаки на крупнейший город мира были столь жестокими и подняли столько проблем социального и политического характера в массе населения, что я думал о желательности иметь в министерстве внутренних дел, которое стало теперь также министерством внутренней безопасности, человека с длительным парламентским опытом. Лондон принимал на себя главный удар. Герберт Моррисон был лондонцем, знавшим все стороны городской администрации. Он обладал несравненным опытом в управлении Лондоном, полученным в качестве лидера городского совета, и вообще, во многих отношениях, был выдающейся фигурой в городских делах. В то же время Джон Андерсон, чья деятельность на посту министра внутренних дел была выше всяких похвал, был мне нужен в качестве лорда-президента Совета в более широкой сфере Комитета по внутренним делам, на который были возложены огромные задачи, и благодаря деятельности которого облегчилась значительно работа Кабинета. Это также облегчало и мою личную нагрузку и давало мне возможность сконцентрироваться на военной стороне войны, где мои коллеги постепенно давали мне все большую свободу действий.

Поэтому я попросил этих двух министров поменяться местами. Гербету Моррисону я предложил отнюдь не ложе из розовых лепестков. На страницах этой книги я, конечно, не в состоянии даже попытаться описать все проблемы городского управления Лон-

дона, где часто ночь за ночью оставались бездомными десять или двадцать тысяч человек, когда только непрерывная бдительность граждан в качестве наблюдателей на крышах домов предотвращала пожары, грозившие выйти из-под контроля. Бывали случаи, когда бомбы попадали в госпитали, переполненные искалеченными людьми; бомбоубежища обычно бывали забиты до отказа, и санитарные условия в них были ужасны; лондонские средства сообщения систематически выводились из строя так же, как и освещение, газоснабжение, водопровод и канализация. И тем не менее, боевая и наполненная тяжелым трудом жизнь Лондона должна была идти своим чередом, и около миллиона человек каждое утро отправлялись на работу. Мы не знали, сколько времени продлится такое положение. Мы не имели оснований надеяться, что дальше не будет хуже. Когда я предложил мистеру Моррисону пост министра внутренних дел, он знал положение слишком хорошо, чтобы отнестись к предложению с легкостью. Он попросил несколько часов на размышление, но скоро возвратился и сказал, что горд возможностью взяться за эту работу. Я приветствовал его мужественное решение.

Комитет гражданской обороны при Кабинете министров был основан еще во времена мистера Чемберлена, и собирался каждое утро, чтобы ознакомиться с положением вещей, как оно сложилось за предшествовавшие сутки. Чтобы обеспечить нового министра внутренних дел всей полнотой власти, я стал также созывать раз в неделю совещание, обычно по пятницам, где присутствовали все, имевшие отношение к положению в стране. Темы для обсуждения часто бывали далеко не из приятных.

Вскоре после перемен в министерствах изменения в тактике неприятеля отразились на нашей общей политике. До сих пор атаки производились почти исключительно бомбами необычайной взрывной силы, но в полнолуние, которое пришлось на 15 октября, на нас обрушилась самая сильная атака, около 480 немецких самолетов сбросили 386 тонн больших бомб и, дополнительно, 70.000 зажигательных. До того времени мы рекомендовали лондонцам прятаться в убежищах, и мы делали все, что от нас зависело, чтобы улучшить эти последние. Но теперь призыв: «в погреба!» должен был быть заменен призывом «на крыши!» Задача провести в жизнь новую политику в этом отношении пала на долю нового министра внутренней безопасности. Была быстро создана широчайшего размаха организация по наблюдению за пожарами и по борьбе с ними, охватившая весь Лондон и провинциальные города. Сперва наблюдатели были добровольцами, но спрос на них был столь велик, и чувство, что каждый должен дежурить в свою очередь, — настолько сильно, что наблюдения вскоре были сделаны обязательными. Эта форма службы подстегнула и подбодрила людей всех классов. Женщины стремились внести свою долю. Были на широкую ногу организованы курсы, где наблюдателей обучали тому, как обращаться с разного рода зажигательными бомбами, которые противник использовал против нас. Многие стали экспертами этого дела, и тысячи пожаров гасились прежде, чем успевали разгореться. Дежурства на крыше, ночь за ночью, без всякой защиты, кроме шлема на голове, скоро стали для лондонцев привычным делом.

**
**

Спустя небольшое время мистер Моррисон решил объединить 1400 местных пожарных команд в единое

общегосударственное управление, и придать ему вспомогательные группы пожарных из числа гражданского населения, тренировавшихся и работавших в свободное время. Эта вспомогательная служба, подобно наблюдателям на крышах, первоначально была добровольной, но затем, с общего одобрения, стала обязательной. Государственное пожарное управление дало нам преимущества большей мобильности, единый стандарт в тренировке пожарных и в оборудовании, и официально признанные звания. Остальные силы гражданской обороны выделяли местные подсобные группы, готовые идти куда угодно по первому требованию. Мы избрали название Служба гражданской обороны вместо предвоенного названия — Служба по принятию мер предосторожности на случай воздушных налетов (С.П.М.П.С.В.Н.). Для большого числа поступивших на Службу гражданской обороны имелись хорошие формы полувоенного образца, и в сознании людей она превратилась в «Четвертую руку Короны» (первые три, — армия, флот и авиация. Прим. переводчика.) Во всей этой работе Герберту Моррисону очень помогала доблестная женщина, чью смерть мы позднее горько оплакивали, — Эллен Вилькинсон. Она появлялась повсюду в любое время дня и ночи, и сыграла выдающуюся роль в организации Пожарного управления. Неоценимую роль сыграли также Добровольные женские группы, под вдохновенным руководством леди Рединг.

**
*

Я был рад тому, что основная тяжесть неприятельских атак падала на Лондон. Лондон был чем-то вроде огромного доисторического животного, способного выдержать страшные повреждения, искалеченного и кровоточащего, и все же сохранявшего свою жизнь

и способного к движению. «Андерсоновы убежища» получили широчайшее распространение в рабочих районах застроенных двухэтажными домами, и все было сделано для того, чтобы сделать их пригодными для жилья и осушить их от воды в дождливую погоду. Позднее появились «моррисоновы убежища», величиной с крепкий кухонный стол, сделанный из стали с укрепленными проволокой сторонами, способный выдержать обвалившийся небольшой дом и дававший поэтому некоторую степень защиты. Многие были обязаны этим столам своей жизнью. В остальном, — «Лондон это выдержит», — говорили люди. Они выдержали все, и могли выдержать еще больше. В то время мы действительно могли ждать разрушения всей столицы. Все же, как я указал в Палате общин в то время, закон все уменьшающихся результатов приложим также к разрушению больших городов. Вскоре многие бомбы станут падать на уже разрушенные здания, подбрасывая только груды щебня и мусора. На больших участках не остается ничего, что можно было бы поджечь или взорвать, и все же люди смогут находить укрытие то тут, то там, и с бесконечной находчивостью и выдержкой продолжать работу. В то время каждый был горд быть лондонцем. На долю Лондона выпало восхищение всего мира, и все другие большие города страны подтягивались, когда и на их долю выпадал удар врага. Многие на самом деле завидовали отличию, выпавшему на долю Лондона, и немалое число людей приезжали туда из деревни, провести в нем день или два, разделить риск с местными жителями и «поразвлечься». Из административных соображений мы должны были сдерживать эту тенденцию.

Поскольку у нас не было оснований ожидать прекращения бомбардировок Лондона в течение всей войны, было необходимо разработать далеко идущие планы по организации безопасности аппарата центрального правительства.

«Премьер-министр — сэру Эдуарду Бриджесу.

22 октября 40 г.

1. Мы знаем примерные возможности вражеской воздушной атаки на Лондон, и то, что она будет тяжелой и затяжной. Можно считать вероятным, что бомбардировка Уайтхолла, и центра, где расположены правительственные учреждения, будет продолжаться до тех пор, пока все старые и непрочные здания будут разрушены. Поэтому необходимо как можно скорее подготовить помещения в самых прочных зданиях, которые только имеются, или в тех, которые можно укрепить, — для основного персонала, связанного с правительственной машиной и важнейшими министерствами, занятыми вопросами ведения войны. Это становится неизбежным вследствие нашего решения — не позволить вышибить себя из Лондона, и освободить до того находившиеся в резерве помещения в Западной Англии для «Черного Исхода». Нам нужно либо делать одно, либо другое, и, раз приняв решение, проводить его в жизнь до конца.

2. Возможности, предоставляемые «Паддоком», не соответствуют создавшимся условиям. Военный Кабинет не может жить и работать там неделями, не обеспечив своего аппарата по крайней мере такими же условиями, которые существуют сейчас в Уайтхолле. Помимо цитадели «Паддока», не существует никакого подходящего помещения, и каждый живущий в Нэвилль-корте должен будет спастись бегством при каждой воздушной тревоге. «Паддок» надо рассматривать как последнее убежище, пока же его можно использовать под какое-нибудь министерство, без которого можно обойтись в центре Лондона.

3. Почти все правительственные здания и подвалы под ними либо вовсе не дают никаких гарантий безопасности, либо не в состоянии выдержать прямого попадания. Более старые здания, как Казначейство, как мы видели, распадаются на мелкие куски, и убежища под ними ненадежны. Кварталы министерства иностранных дел и торговли по

обе стороны улицы Короля Карла построены хорошо, и их подвалы обещают значительную степень безопасности. Я утвердил проект усиления перекрытий над Военным залом и над Центральным военным залом, а также над помещениями Управления территориальных войск в здании министерства торговли, но на это, при условии постоянного нажима, уйдет от месяца до шести недель. Нам надо проследить за этим. Но даже по окончании работ это не даст полной гарантии. Совершенно неудовлетворительно положение в Ричмонд-Террас, и важная работа, которая там ведется, страдает от этого. Министерству торговли было предложено переехать в новые помещения, и основной массе их служащих будет нетрудно разместиться вне Лондона. Однако, переезд этого министерства следует рассматривать как часть общего плана.

4. В Лондоне имеется несколько прочных зданий, сделанных из железобетона, не без расчета на возможность бомбардировок. Эти здания должны быть немедленно подготовлены к приему Военного кабинета и его секретариата, а также к размещению на жительство в них главнейших министров. Нам не следует опасаться, что помещений будет слишком много, так как несомненно, что число лиц, в них нуждающихся, будет возрастать и дальше. Существенно, чтобы руководящая работа правительства велась в обстановке, обеспечивающей ее эффективность.

5. Я уже просил о подготовке помещения для Парламента, на случай если в этом возникнет необходимость, но до сих пор нет никаких удовлетворительных планов. Опасность для обоих Палат, во время их заседаний, серьезна, и попадание бомб в занимаемые ими здания — всего только вопрос времени. Будем надеяться, что это случится тогда, когда они будут пусты. Убежища под Парламентом совершенно не защищают от прямого попадания. Вестминстерский дворец и район Уайтхолла являются очевидными мишенями для врага, и уже более пятидесяти тяжелых бомб было сброшено вблизи них. Кабинет уже высказывался в пользу плана пробного переезда обоих Палат Парламента в какое-либо иное помещение. Я предлагаю в четверг попросить, чтобы обе Палаты взяли себе отпуск на две недели и за это время, надеюсь, выработать в Лондоне план для их заседаний.

6. Я считаю, что на одного из министров, входящих в Военный Кабинет, которому надо поддерживать тесный

контакт с канцлером казначейства, должно быть возложено общее руководство и надзор за всеми важными и обширными мероприятиями, и что лорд Рейт и его министерство, по этим соображениям должны действовать под наблюдением Кабинета. Если мои коллеги не будут возражать, я попрошу лорда Бивербрука, уже занимавшегося этим, взять на себя эту задачу».

Таким образом, лорду Бивербруку был поручен надзор за сооружением большого числа бомбонепроницаемых убежищ, в которых можно было бы разместить основной персонал многих правительственных учреждений; около дюжины таких убежищ, связанных между собой туннелями, существует в Лондоне по сей день. Ни одно из них не было закончено пока еще продолжались налеты, и лишь немногие были использованы во время обстрела беспилотными самолетами и летающими ракетными бомбами, с которыми мы имели дело в 1944 и 1945 гг. Однако, хотя эти сооружения никогда не использовались по прямому назначению, было приятно чувствовать, что они имеются в нашем распоряжении. Адмиралтейство построило свое собственное чудовищное сооружение, нависающее над Конногвардейской площадью, и разборка его железобетонных стен, толщиной в двадцать футов, будет проблемой для будущих поколений, когда жизнь в мире станет более безопасной.

**
*

К середине октября Джазайя Веджвуд начал скандалить в Парламенте по поводу того, что лично у меня не было абсолютно надежного убежища в ночное время. Он был моим старым другом, в свое время тяжело раненным в Дарданеллах. Он всегда был сторонником одного единого налога, но позднее расширил свои взгляды и присоединился к Лейбористской партии. Его брат был председателем Железнодорож-

ного исполнительного комитета. Перед войной у него хватило проницательности построить значительное подземное сооружение для своей конторы на Пикадилли, находившееся в семидесяти футах под поверхностью и защищенное сверху высокими и крепкими зданиями. Хотя был случай, когда бомба проникла под землю на 80 футов — в болотистый грунт — не было сомнений, что эта глубина, со всеми зданиями сверху, гарантировала полную безопасность для всех, находившихся в убежище. На меня со всех сторон начали оказывать давление, чтобы я использовал его для сна. В конце концов, я согласился и со середины октября и до конца года отправлялся туда каждый раз, как начиналась стрельба, чтобы без помехи заниматься своими вечерними делами, а затем спать. Я чувствовал естественные угрызения совести, пользуясь большей безопасностью, чем большинство других, но я должен был уступить всеобщим настояниям. Через, примерно, сорок суток, был значительно укреплен наш «флигель», и я снова перебрался туда, и там, до окончания войны, прожил с комфортом вместе со своей женой. В этом солидном здании мы чувствовали себя спокойно, и только в редких случаях спускались в бронированный подвал. Жена даже развесила в гостиной несколько наших картин, хотя я предпочитал, чтобы стены оставались голыми. Ее точка зрения в этом вопросе, однако, оправдалась последующими событиями. С крыши, около купола «флигеля» в ясные ночи открывался замечательный вид на Лондон. Для меня там было устроено место, с легким перекрытием, способным защитить от осколков зенитных снарядов, и там можно было гулять под луной и наблюдать фейерверк. В 1941 году я нередко приглашал туда после обеда моих американских посетителей, и они всегда бывали этим довольны.

Впервые за почти два месяца, ночью 3 ноября, над Лондоном не было слышно завывания сирен. Многим это молчание казалось странным; люди спрашивали себя: что произошло? В последовавшую ночь атаки неприятеля были направлены на большое число объектов по всей стране, и так продолжалось в течение некоторого времени. В немецком наступлении произошла и другая перемена. Хотя Лондон все еще считался главным объектом налетов, большие усилия были теперь направлены на разрушение индустриальных центров Великобритании. Для налетов на определенные ключевые центры тренировались специальные эскадрильи. Например, одно соединение было подготовлено исключительно для разрушения автоторного завода Роллс-Ройса в Хиллингтоне, в Глазго. Все это было паллиативом и временным планом. Вторжение в Великобританию было на время отложено, тогда как нападение на Россию еще не было ни подготовлено, ни ожидалось кем-либо за пределами интимного круга вокруг Гитлера. Поэтому, остававшиеся зимние месяцы были для германских воздушных сил периодом экспериментальным, как для испытания различных технических приспособлений, для ночных бомбежек, так и для нападений на английский торговый флот; одновременно делалась попытка сорвать наше военное и гражданское производство. Они достигли бы много большего, сосредоточившись на какой-либо одной цели и доводя дело до какого-то результата. Но они уже были озадачены и, на некоторое время, потеряли уверенность в себе.

Новая тактика в бомбардировках началась налетом на Ковентри, ночью 14 ноября. Лондон казался слишком большой и неопределенной мишенью для достижения решительных результатов, и Геринг решил, что много легче стирать с лица земли провинциальные города и центры производства вооружений.

Рейд начался рано вечером 14-го, и до рассвета почти пятьсот немецких самолетов успели сбросить шестьсот тонн взрывчатых бомб и тысячи зажигательных. В общем, это был самый разрушительный из всех налетов, которые мы выдержали. Четыреста человек было убито; много выше число раненых. Центр Ковентри был разбит вдребезги, и жизнь в нем на некоторое время полностью нарушена. Немецкое радио заявило, что и другие города будут «ковентрированы». Тем не менее, крайне важные заводы, изготовлявшие самолетные моторы и инструменты, не были полностью выведены из строя, как не было приведено в состояние бездеятельности и население городка, никогда ранее не испытавшего пытки бомбежек. Менее чем в недельный срок, реконструктивный комитет проделал изумительную работу по восстановлению жизни города.

15 ноября противник снова переключился на Лондон, тяжелой атакой при лунном свете. Было причинено много разрушений; особенно пострадали церкви и различные памятники. Следующей мишенью был Бирмингам, три налета на который имели результатом большие потери убитыми и ранеными, и значительные разрушения. Более 800 человек было убито, более 2000 — ранено, но Бирмингам с честью пережил налет. Когда я посетил город через день или два после этого для обследования заводов, а также чтобы посмотреть самому, что случилось, произошел инцидент, показавшийся мне очаровательным. Дело было в обеденный час, и очень хорошенькая девушка подбежала к автомобилю и бросила в него ящик сигар. Я сразу же велел остановиться и она сказала: «Я выиграла приз в эту неделю за высокую производительность труда. Только час назад я услышала, что вы сюда приезжаете». Этот подарок должен был стоить ей два или три фунта стерлингов. Я был очень

счастливым случаем (в своем официальном положении) поцеловать ее. После этого я отправился к длинной братской могиле, в которой только что было похоронено столько граждан и их детей. Дух Бирмингама, однако, продолжал сиять ярко, и его миллион хорошо организованных жителей, сознающих и понимающих значение момента, сумели подняться выше своих физических страданий и трудностей.

В течение последней недели ноября и в начале декабря тяжесть налетов обрушилась на порты. Бристоль, Саутхэмптон и, более всего, Ливерпуль, были сильно разбомблены. Позднее прошли с честью сквозь выпавшие на их долю испытания, Плимут, Шеффилд, Манчестер, Лидс, Глазго и другие центры военной промышленности. Куда бы ни приходился удар, народ повсюду оказывался на высоте положения.

Кульминационный рейд этих недель снова пришелся на Лондон. Это произошло в воскресенье, 29 декабря. На этот случай немцы использовали весь свой, с такими потерями приобретенный, опыт. Это был классический налет с зажигательными бомбами, с центром атаки, приходившимся на лондонское Сити, и был рассчитан на час, когда давление воды в водопроводе, поврежденном вначале тяжелыми воздушными минами, сброшенными с парашютами, было минимальным. Были нанесены сильные повреждения железнодорожным станциям и порту, а также восьми церквям. Был разрушен взрывом Гилд-холл, и только героическими усилиями был спасен собор св. Павла. Развалины в центре британского мира зияют перед нами по сей день. Но когда король и королева посетили сцену разрушения, они были встречены с энтузиазмом, далеко превосходившем любой королевский праздник.

В течение всего периода испытаний, которому суждено было продлиться еще несколько месяцев, король находился постоянно в Букингэмском дворце.

В его подвале были сооружены соответствующие бомбоубежища, но на все это потребовалось время. Несколько раз случалось, что Его Величество приезжал из Виндзора в разгар налета; один раз он и королева едва спаслись. С разрешения Его Величества я передаю этот инцидент в его собственном изложении:

«Пятница, 13 сентября 40 г.

Мы прибыли в Лондон (из Виндзора) во время налета. День был очень облачный и шел сильный дождь. Мы с королевой пошли наверх в маленькую гостиную, с окнами, выходящими на Квадрат (я не мог пользоваться моей собственной гостиной, где предыдущими взрывами были выбиты окна). Внезапно мы услышали все усиливающийся свистящий звук пикирующего самолета и увидели, как две бомбы, перелетев через противоположную сторону Букингэмского дворца, упали на Квадрат. Мы увидели вспышки и услышали взрывы, раздавшиеся в каких-нибудь восьмидесяти ярдах от нас. Волной вырвало окна напротив, и на Квадрате появилось два кратера. Из одного из них немедленно забил фонтан из перебитой водопроводной магистрали — прямо в разбитые окна галереи. Все это случилось в течение нескольких секунд, и мы очень быстро покинули галерею. Всего упало шесть бомб: две на Форкорт, две на Квадрат, одна повредила часовню, и одна упала в сад».

Король, который в качестве лейтенанта находился в сражении при Ютландии, был всем этим возбужден, и был рад разделить опасности, выпавшие на долю его подданных в столице. Я должен признаться, что ни я, ни мои коллеги, — мы не представляли себе всей опасности происшедшего. Если бы окна были закрыты, вместо того, чтобы быть открытыми, страшные увечья были бы нанесены королю и королеве осколками стекла. Они же так мало об этом говорили, что даже я, который видел так часто и их, и их свиту, только собирая материал для этой книги узнал, что произошло в действительности.

В те дни, к перспективе погибнуть, сражаясь среди развалин Уайтхолла, мы относились мужественно и

спокойно. Его Величество распорядился устроить стрельбище в саду Букингэмского дворца, на котором он и другие члены семьи, и его конюшие, усердно практиковались в стрельбе из пистолетов и ручных пулеметов. Позднее я принес королю американский карабин, один из тех, что были мне присланы. Это было хорошее оружие.

Около того времени король изменил свой обычай принимать меня в официальной еженедельной аудиенции в пять часов, обычай, существовавший в течение первых двух месяцев моего пребывания в правительстве. Теперь было устроено так, что каждый вторник мы с ним вместе завтракали. Это был, несомненно, удобный способ вести государственные дела; иногда на этих завтраках присутствовала королева. В нескольких случаях нам приходилось брать наши стаканы и тарелки и идти вниз в бомбоубежище, тогда еще строившееся, чтобы кончить наш завтрак. Эти еженедельные завтраки стали регулярными. Через несколько первых месяцев Его Величество решил, что прислуге не нужно на них присутствовать, и что мы можем сами накладывать себе и друг другу еду. В течение четырех с половиной лет, что это продолжалось, я убедился в исключительном внимании, с которым король прочитывал все телеграммы и все документы, представлявшиеся ему. По британской конституционной системе король имеет право знакомиться со всем, за что несут ответственность его министры, и имеет неограниченное право давать советы своему правительству. Я внимательно следил за тем, чтобы королю докладывалось все, и во время наших еженедельных встреч нередко замечал, что он уже разобрался в бумагах, к которым я сам еще не прикасался. Для Великобритании было большим облегчением иметь таких короля и королеву в эти судьбоносные годы, и в качестве убежденного защитника конституционной монархии я

ценил, как большую честь, то милостивое внимание, с которым он обращался ко мне, как к своему первому министру, — чему, я полагаю, не было прецедента со времен королевы Анны и герцога Марльборо в годы его пребывания у власти.

**
*

Это подводит нас к концу года, и я уже забежал вперед, стремясь сохранить последовательность изложения, в ущерб описанию общей войны. Читатель может себе представить, что весь этот шторм и грохот были лишь аккомпанементом к той холодной последовательности, с которой мы поддерживали наш военный потенциал, и вели нашу политику и дипломатию. Более того, я должен отметить, что на самой вершине наших бедствий, не оказавшихся смертельными, мы чувствовали особенную ясность мысли, верное товарищество, обдуманность действий. Было бы однако неразумным предполагать, что будь атака противника в десять или двадцать раз сильнее — или, может быть, лишь в два-три раза — с нашей стороны была бы проявлена та же самая здоровая реакция на происходившее, которую я только что описал.

4.

ЗАКОЛДОВАННАЯ ВОЙНА

Пока шла борьба между британской и германской авиациями, между летчиками обеих стран, между зенитными батареями и самолетами, между беспощадными бомбардировками и твердостью британской нации, одновременно развивался совершенно иной конфликт. Это была скрытая война, сражения которой, выигранные или проигранные, оставались неизвестными широкой публике, и результаты их, даже теперь, лишь с трудом могут быть оценены в пределах узкого круга ученых специалистов. Это была первая война в таком роде за всю историю человечества. Если записать ее историю, она будет непонятна для обыкновенных людей. И тем не менее, если бы мы не постигли ее глубочайшего значения, и не воспользовались бы ее, часто почти невидимыми, тайнами, вся доблесть наших летчиков, все усилия, храбрость и жертвы народа были бы напрасны. Если бы британская наука не оказалась бы выше немецкой, если бы ее странные, зловещие ресурсы не были бы использованы в борьбе на жизнь и на смерть, мы могли бы потерпеть поражение, а потерпев поражение — быть разгромленными.

Один остряк написал десять лет назад: «Вожди мысли достигли пределов человеческого познания, но все провода оказались порванными и они могут объясняться с нами лишь невразумительными знаками». И все же, только разобравшись в этих знаках и приняв пра-

вильные и своевременные решения, мы смогли спасти и нашу нацию, и многое другое. Я ничего не знал о науке, но я знал кое-что об ученых, а в качестве министра давно научился иметь дело с вещами, в которых ничего не понимаю. Во всяком случае, у меня было острое ощущение военного, — что может помочь, и что может повредить, что может излечить, и что — убить. Четыре года моей работы в Комитете по изысканиям в области противовоздушной обороны помогли мне познакомиться, в общих чертах, с проблемами радара. Поэтому я погрузился в эту Волшебную войну столь глубоко, сколь это позволяли мои силы, и старался обеспечить, чтобы всё, что имело значение, развивалось беспрепятственно и получало должную поддержку, по крайней мере до того момента, когда наступит черед для действия. Несомненно, существовали ученые крупнее Фредерика Линдемана, хотя его данные и его таланты внушали уважение всем. Но он обладал двумя особенностями, имевшими для меня огромное значение. Первое, как я уже рассказывал, он был моим верным другом и доверенным лицом на протяжении двадцати лет. Мы вместе с ним наблюдали приближение и начало мировой катастрофы. Вместе с ним мы старались предупредить о ней людей и вызвать среди них тревогу. Теперь, когда катастрофа разразилась, у меня была власть направлять и вооружать наши силы. Но откуда мне было взять познания?

И тут сыграла роль его вторая особенность. Линдeman был в состоянии расшифровывать непонятные сигналы различных экспертов за далекими горизонтами и объяснять мне в ярких и понятных выражениях, о чем шла речь. Сутки содержат в себе только двадцать четыре часа, из которых по крайней мере семь должны быть отведены для сна и три — на еду и отдых. Любой человек в моем положении быстро сошел бы на нет, если бы стал пытаться погрузиться в глубины, ко-

торые нельзя было измерить даже на протяжении целой жизни. Мне надо было постичь только практические результаты, и по мере того, как Линдеман сообщал мне свое мнение — обо всем существенном в этой области — я старался обеспечить силой моей власти, чтобы хотя бы некоторые из этих ужасных и маловероятных для меня открытий принимали бы форму реальных решений.

**
*

В течение 1939 года прогресс в области радара был постоянным, но, несмотря на это, как я уже описал, Битва за Англию, развивавшаяся с июля по сентябрь 1940 года, велась главным образом при помощи глаза и уха. В эти месяцы я успокаивал себя тем, что туманы, мгла и тучи, сопровождающие английскую зиму и обволакивающие мантией наш остров, окажутся по крайней мере значительной защитой против точности бомбардировок днем и, еще более того, ночью.

В течение некоторого времени навигация германских бомбардировщиков осуществлялась в большой степени при посредстве направляющих радиоволн, исходящих от радиостанций, подобно лучам маяка. Эти радиостанции были построены в числе многих десятков в разных частях континента; каждая имела свой позывной сигнал, и немцы, пользуясь обычным направленным беспроволочным телеграфом, могли определять свою позицию в воздухе засекая углы по отношению к двум или трем таким радиоволнам. Чтобы бороться с этим, мы вскоре устроили значительное число наших станций, которые были названы «миконы». Они подхватывали немецкие сигналы, усиливали их, и снова посылали в эфир из разных точек в Англии. Результат был тот, что немцы, пытаясь ориентироваться по своим радиолучам, часто сбивались с маршрута, и немалое число неприятельских самолетов было из-за

этого потеряно. По крайней мере один бомбардировщик добровольно спустился в Девоншире, думая, что это Франция.

Однако, первого июня я получил чувствительный удар. Профессор Линдеман сообщил мне, что по его предположениям немцы готовят приспособление, при помощи которого они смогут бомбить в любое время дня и ночи, независимо от погоды. Повидимому, немцы усовершенствовали радиолуч, который, подобно невидимому лучу прожектора, будет направлять их бомбардировщики со значительной степенью точности прямо к объекту бомбардировки. Точность эта была недостаточна для удара по определенному заводу, но вполне достаточна, чтобы привести к нужному городу. Нам поэтому приходилось теперь опасаться не только лунных ночей, когда наши истребители могли ориентироваться столь же легко, как и противник, но мы должны были ожидать еще более сильных налетов в облачную и туманную погоду. Линдеман мне также сказал, что есть способ «согнуть» немецкий радиолуч, если мы будем действовать немедленно, но что мне надо сперва повидать нескольких ученых, в частности, заместителя директора изысканий разведки в министерстве авиации д-ра Р. В. Джонса, бывшего его ученика в Оксфорде. Соответственно, я 21 июня собрал специальное собрание в помещении Кабинета, на котором присутствовало около пятнадцати человек, включая сэра Генри Тизарда и некоторых офицеров авиации. Через несколько минут молодой человек, который, как я позднее узнал, решил, что внезапное его приглашение в зал заседаний Кабинета было чьей-то шуткой, поспешно вошел и занял место в конце стола. Согласно подготовленному плану, я предложил ему открыть дискуссию.

В течение некоторого времени, сказал он нам, из различных источников с континента к нам поступают

отрывочные сведения, что немцы разработали какой-то новый метод для ночных налетов, на который они возлагают большие надежды. Каким-то путем этот метод связывался с шифрованным термином «Никебейн», о котором несколько раз упоминала наша разведка, не будучи в состоянии объяснить, что за ним скрывается. Сперва возникли предположения, что противник сумел доставить своих агентов в наши города, которые могли бы посылать направляющие радиолучи навстречу своим бомбардировщикам; но эта теория оказалась не выдерживающей критики. Несколько недель назад в странных позициях вблизи неприятельского берега были замечены и сфотографированы две или три странного вида приземистых башни. Их форма не соответствовала известным нам видам радио или радарных станций, и места, в которых они были расположены, также не подтверждали такой гипотезы. Недавно был сбит немецкий бомбардировщик, на котором был обнаружен аппарат, казавшийся более сложным, чем это было необходимо для ночных посадок при помощи обычного луча Лоренца, — единственного возможного назначения, которое мы могли для него придумать. По этой и по разным другим причинам, которые в конце концов сплелись в некий совокупный довод, дело выглядело так, что немцы, повидимому, собираются использовать для аэронавигации и бомбардировок какую-то новую систему направляющих лучей. За несколько дней до того, немецкий летчик, подвергнутый перекрестному допросу, признался, что слышал о чем-то в этом роде. Такова была суть рассказа д-ра Джонса.

Он говорил в течение двадцати минут, спокойным тоном, разворачивая свою цепь косвенных доказательств, с такой изумительной убедительностью, которая превосходила все известное нам по рассказам Шер-

лока Холмса или мсье Лекока. Пока я слушал его, мне на ум пришли слова из «Легенд Ингольдсбая»:

«Но теперь некий мистер Джонс, выступает и говорит под присягой, что в течение пятнадцати лет он слышал какие-то стоны каждый раз как шел в Стон Хэндж (чтобы изучить там камни, описанные в трудах покойного сэра Джона Соана), что он последовал за этими стонами, и ведомый ими, обнаружил ворона, клюющего кости мальчика-барабанщика!»

Когда д-р Джонс закончил, в зале ясно чувствовалась атмосфера недоверчивости. Одно высокопоставленное лицо спросило, для чего бы немцы стали пользоваться подобным лучом, допуская даже, что такой луч существует, когда в их распоряжении имеются все обычные средства для авианавигации. На высоте двадцати тысяч футов звезды почти всегда видны. Все наши пилоты тщательно обучаются навигации, и до сего времени считалось, что они вполне в состоянии найти свою дорогу и свои мишени. Другие, сидевшие вокруг стола, казалось соглашались с этими доводами.

**
*

Сейчас я объясню, в выражениях, которые я сам в состоянии понять, как действовал немецкий радиолуч, и каким образом мы его изгибали. Подобно лучу прожектора, радиолуч имеет тенденцию к концу несколько расширяться, но если пользоваться методом так называемого «расщепленного луча», можно добиться значительной точности. Представим себе два параллельных луча, отрегулированных таким образом, что когда вспыхивает левый, правый гаснет, и наоборот. Если атакующий самолет находится точно в центре между обоими лучами, курс пилота будет постоянно «освещен», но если самолет несколько сместится,

скажем, направо, правый луч немедленно станет для него ярче, вспышки прожектора будут бить пилоту в глаза, и это уже не будет его направлять. Оставаясь в положении, когда он может не видеть вспышек прожекторов, он будет лететь точно в центре где сила света от обоих прожекторов совершенно одинакова, и этот средний путь и приведет его точно к мишени. Два расщепленных луча, направленных с двух радиостанций, могут быть перекрещены над любым городом средней или южной Англии. Немецкому летчику достаточно лететь вдоль одного луча до того момента, как он не наткнется на пересекающий, и затем сбрасывать бомбы. Что и требовалось доказать!

Таков был принцип расщепленного луча и прославленный аппарат «Никебейн», на который Геринг возлагал свои надежды, указывая своему Люфтваффе, что с его помощью бомбардировку английских городов можно безнаказанно вести, невзирая на облака, дождь и темноту ночи, не опасаясь ни зенитных орудий, ни наших истребителей. Со своим логическим мышлением и рассчитанными планами широкого размаха, германское высшее военно-воздушное командование сделало ставку в этой области на приспособление, которое, как они считали, обеспечит нашу гибель, — приспособление, в глазах немцев, равное по значению магнитным минам. Поэтому, они решили избавиться от ненужных хлопот и прекратили тренировку обычных пилотов-бомбардировщиков — как это делали мы — в трудном искусстве аэронавигации. Их мозг и вся их натура оказались плененными много более простым и верным методом, позволяющим сократить время подготовки пилотов — и увеличить их количество, методом, за успешность которого ручалась неотразимая наука. Немецкие летчики следовали за лучом, как немецкий народ следовал за Фюрером. Более следовать им было не за чем.

Но во время предупрежденные, и моментально принявшие свои меры, рядовые британцы нашли средство против этого метода. Возведя соответствующие станции в Англии, мы могли бы «глушить» немецкие лучи. Конечно, враг мог об этом догадаться почти моментально, и поэтому нам пришлось искать другую, более интересную альтернативу. Мы могли поставить повторяющее приспособление в такую позицию, когда оно усиливало бы сигнал одной половины расщепленного луча, но не другой. Таким образом, вражеский летчик, пытаясь лететь таким образом, чтобы сила сигнала от обеих половин была бы одинаковой, был бы отвлечен от правильного курса. Ливень бомб, которые должны были бы разрушить, или по крайней мере подвергнуть пытке какой-нибудь город, пролился бы где-нибудь в открытом поле, в пятнадцати-двадцати милях в сторону. Будучи хозяином положения и не имея данных для спора, я, раз убежденный в принципах этой странной и смертельной игры, дал все нужные приказания в тот же самый день, считая немецкий план существующим, и давая контрмерам абсолютный приоритет. Малейшее уклонение от выполнения этих указаний должно было мне докладываться. Я не стал даже тревожить ни Кабинет, ни Комитет начальников штабов. Если бы я натолкнулся на какое-нибудь серьезное сопротивление, я должен был бы, конечно, апеллировать и рассказывать всю длинную историю этим дружественным организациям. В этом, однако, не оказалось необходимости, так как на том ограниченном участке времени вокруг меня образовался почти сверхъестественный рефлекс повиновения и даже усердия, а возможные мелкие препятствия во второстепенных вопросах было нетрудно устранять попутно.

Около 23 августа первые новые станции «Никейн» начали действовать около Дьеппа и Шербурга. Лучи были направлены на Бирмингам, и широкое ноч-

ное наступление началось. У нас, конечно, были некоторые, неизбежные вначале, трудности, которые приходилось преодолевать; но через несколько дней лучи «Никебейна» стали нами отвлекаться или глушиться, и в течение последовавших двух самых критических месяцев, — сентября и октября, — немецкие бомбардировщики растерянно летали над Англией, бомбя наугад, или вовсе сбиваясь с пути.

Один случай я хорошо помню. Один офицер в моем Бюро обороны на время рейдов на Лондон послал свою жену и двух маленьких детей в деревню. Находясь в десяти милях от ближайшего города, они были поражены, увидев серию невероятных взрывов в поле, недалеко от своего дома. Они насчитали более ста тяжелых бомб, и напрасно пытались догадаться, — во что именно целились немцы, и благодарили Бога, что бомбежка не разразилась над ними. Этот офицер упомянул об инциденте на следующий день, но секрет сохранялся так хорошо, и было так мало лиц, знавших его, а сам характер информации был настолько специален, что никто не смог дать ему удовлетворительного разъяснения, несмотря на его конфиденциальное положение. Те немногие, которые знали в чем дело, лишь обменивались загадочными улыбками.

Экипажи немецких самолетов стали вскоре подозревать, что их лучи кто-то калечит. Рассказывают, что в течение этих двух месяцев ни у кого не хватило храбрости сообщить Герингу о том, что лучи эти либо глушат, либо изгибают. В своем невежестве, он затвердил себе, что это невозможно. Летному персоналу читались специальные лекции о том, что луч непогрешим, и что краждый, кто дерзнет усумниться в этом, будет выброшен вон. Как было уже описано, мы сильно пострадали от «блица», и почти каждый мог бомбить Лондон так или иначе. Конечно, какая-то неточность попаданий вообще была неизбежна при всех обстоятельствах,

но здесь, вдобавок вся немецкая система бомбардировок была настолько нарушена нашими контрмерами, что не более одной пятой всех бомб падало прямо на участки, намеченные для атаки. Мы должны считать это эквивалентом значительной победы, ибо даже одна пятая часть немецких бомбардировок, пришедшаяся на нашу долю, была более чем достаточна для нарушения нашего образа жизни.

**
*

После ряда внутренних конфликтов немцы, наконец, пересмотрели свой метод. К счастью для них, случилось так, что одно из их соединений, Кампф Группа 100, пользовалось своим собственным специальным лучом. Оно называло свое оборудование «аппаратом Икс», таинственным именем, поставившем втупик нашу разведку, когда она на него натолкнулась. К середине сентября, однако, мы знали об этом аппарате уже достаточно для того, чтобы выработать контрмеры, но именно это глушащее оборудование не могло быть закончено производством ранее чем через два месяца. В результате, Кампф Группа 100 могла продолжать бомбить нас с большой точностью. Противник спешно сформировал из этого соединения «группу следопытов», которая стала вести за собой остальные самолеты дезориентированного Люфтваффе в налеты с целью массовых поджогов при помощи зажигательных бомб.

Первой мишенью, подвергшейся налету по новому методу 14-15 ноября, был Ковентри. Хотя наша новая система глушения вошла в употребление, из-за технической ошибки потребовалось несколько месяцев прежде, чем она стала эффективной. Но даже и без того, наше знание немецкого метода было для нас не без пользы. По направлению вражеских лучей, и по времени, в которое они пускались в дело, мы могли предска-

зять мишень, время, маршрут и высоту атаки. К сожалению, в то время наши ночные истребители были немногочисленны, и не имели еще оборудования, нужного для полного использования такой информации. Но она была бесценной для наших пожарных и других организаций гражданской обороны. Часто их удавалось сконцентрировать в угрожаемом районе, а населению, еще до начала атаки, давалось специальное предупреждение. Одновременно, и с замечательными результатами, мы широко использовали систему «отвлекающего освещения», имевшую шифрованное название «Звездной рыбы»; зажженные в правильный момент в подходящем открытом месте, эти огни, отвлекали иногда в сторону всю тяжесть неприятельской атаки.

К началу 1941 года мы научились справляться с «аппаратом Икс», но немцы тоже не теряли времени и успели уже изобрести новое приспособление, которое называли «аппаратом Игрек». В то время как две предыдущие системы были основаны на скрещивании двух лучей над мишенью, новая система предусматривала только один луч, вместе с особым методом определения расстояния по радио, указывающего самолету, как далеко он находится на пути к цели. Благодаря счастливой случайности, а также усилиям тех, кто этим занимался, мы угадали точный метод «аппарата Игрек» за несколько месяцев до того, как немцы стали им пользоваться, — и имели достаточно времени, чтобы принять меры и сделать его бесполезным. В первую же ночь, когда немцы прибегли к «аппарату Игрек», против них были приняты наши контрмеры. Об успешности этих последних мы могли судить по подслушанным ядовитым замечаниям, которыми обменивались между собой пилоты немецких самолетов и техники, руководившие с земли их полетом. Таким образом, вера экипажей неприятельских самолетов в их новое приспособление пошатнулась с самого начала, и после

многих неудачных попыток, они от него отказались. Бомбардировка Дублина в ночь на 30 мая 1941 года (Дублин — столица Ирландии, сохранявшей нейтралитет в войне. Прим. переводчика) могла вполне быть непредвиденным и непреднамеренным с нашей стороны результатом наших контрмер против «аппарата Игрек».

Генерал Мартини, немецкий руководитель в этой сфере уже после войны признал, что он сообразил слишком поздно, что началась война «высоких частот», и что он недооценил британскую разведку и нашу способность принимать контрмеры. Использование нами стратегических ошибок, допущенных им в Битве лучей, отвлекло огромное число бомб от наших городов в период, когда все наши другие средства обороны либо не имели вовсе успеха, либо находились в зачаточном состоянии. Однако, под давлением смертельной угрозы, эти последние быстро улучшались. С начала войны мы успели начать промышленное производство радара для самолетов, так называемого «А. I.» над которым Исследовательский комитет по противовоздушной обороне трудился с 1938 года, и с помощью которого он надеялся обнаруживать и перехватывать бомбардировщики противника. Этот аппарат был слишком велик и сложен, чтобы пилот мог бы им оперировать сам. Поэтому он был установлен на двухместных Бленхеймах и, позднее, на Бофайтерах, на которых наблюдатель управлял радаром и указывал путь пилоту до того момента, как противник становился видим и мог быть атакован — ночью обычно в расстоянии ста ярдов. Уже давно я назвал это приспособление «Вынюхивающий», и тосковал в ожидании, когда оно будет пущено в дело. Неизбежно, это был медленный процесс, но он начался. Постепенно разрослась и вошла в действие широкая система наземного контроля за перехватом противника. Британские летчики, со своими ужасающими

восьмиствольными батареями, в которых скоро стали играть свою роль малокалиберные пушки, начали сближаться с почти беззащитными немецкими бомбардировщиками, теперь уже не по воле случая, а следуя системе.

Пользование неприятелем лучами стало теперь для нас несомненным преимуществом. Они давали нам ясное предупреждение о времени и направлении налетов, и позволяли эскадрильям ночных истребителей в районах атак и всему их снаряжению быть готовыми и вступить в действие со всей силой и в нужный момент; кроме того, наши зенитные батареи, находившиеся в тех же местах, — о чьей сложной науке я скажу позднее, — могли тоже действовать эффективно. Все возрастающий процент потерь немецких бомбардировщиков в течение марта и апреля вызывал серьезное беспокойство германского командования. «Стереть с лица земли» английские города оказалось не столь легким делом, как предполагал Гитлер. Приказ, данный в мае, — прекратить ночные налеты на Великобританию и подготовиться к действиям на другом фронте, был принят германской авиацией с облегчением.

Таким образом были предупреждены или отбиты три главных попытки завоевания Великобритании после падения Франции. Первым было решающее поражение германской авиации в Битве за Англию, с июля по сентябрь. Вместо уничтожения британской авиации, ее баз и авиастроительных заводов, от которых зависело ее существование и ее будущее, враг сам, несмотря на численное превосходство, понес потери, которых не мог выдержать. Наша вторая победа следовала за первой, когда провал попытки завоевать господство в воздухе исключил возможность вторжения через Ламанш. Доблесть наших летчиков-истребителей и превосходство поддерживавшей их организации по существу сделали то же — в обстановке неопишимо более

трудной — что и смелые маленькие суда и закаленные моряки адмирала Дрейка сделали за триста пятьдесят лет до того, когда, после разгрома Испанской Армады, могущественная армия герцога Пармского беспомощно ожидала в Нидерландах средств для пересечения пролива.

Нашей третьей пыткой были бессистемные массовые ночные бомбардировки наших городов. Они были преодолены все той же преданностью и искусством наших летчиков-истребителей, выдержкой и выносливостью населения, особенно лондонцев, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть этого периода, поддержанные своими же гражданскими организациями. Но все эти благородные усилия высоко в воздухе, и в пылающих улицах городов, были бы напрасны, если бы британская наука не сыграла бы той незабываемой и решающей роли, о которой рассказано в настоящей главе.

**
*

Существует поучительная немецкая поговорка: «Деревья не растут до небес». Тем не менее, у нас были все основания ожидать, что воздушное наступление на Великобританию будет продолжаться, все усиливаясь. До начала вторжения в Россию мы не имели права надеяться, что Гитлер остановит свои атаки на нас. Поэтому, мы всеми силами стремились улучшить средства и меры, благодаря которым мы до сих пор выжили, и выработать новые. Высший приоритет был дан всем видам вопросов, связанных с изучением возможностей и применения радара. На широкую ногу была поставлена организация ученых и инженеров, и в полной мере предоставлены в их распоряжение нужные материалы и рабочая сила. Неустанно велись поиски других методов истребления вражеских бомбардировщиков, и в течение долгих месяцев эти усилия подстегивались

повторными, дорогостоящими и кровавыми рейдами на наши порты и города. Я упомяну о трех проектах, которыми я особенно интересовался и к осуществлению которых приложил свою руку. Во всех случаях инициатива принадлежала Линдемону, но ими мы вместе начинали заниматься еще в довоенные годы, в Исследовательском комитете по противозвоздушной обороне. Это была, во-первых, проблема массового обстрела ракетами, как поддержка наших зенитных батарей; во-вторых, проблема установки минированных воздушных завес на пути противника при помощи бомб с длинными проводами, спускающихся на парашютах; в-третьих, это были поиски столь чувствительных взрывателей, которым не было бы нужды соприкасаться с целью, и которые бы взрывались лишь при приближении к самолету. Об этих трех проектах, над которыми мы трудились, затрачивая большие усилия и ресурсы, нужно сказать хотя бы вкратце.

Ни один из них не мог дать результатов в 1940 году. Между нами и реальной помощью от них, находилась дистанция времени по крайней мере в один год. К тому времени, как мы были готовы к действию с нашей новой аппаратурой, тактика противника, на которую они были рассчитаны, внезапно изменилась, и в течение почти трех лет мы могли наслаждаться почти полным покоем от налетов. Поэтому, некоторые критики склонны недооценивать наши усилия, как не проверенные в широких масштабах на практике.

**
*

Само по себе, искривление лучей противника не было достаточно. Раз попав правильно в цель, немецким бомбардировщикам, если только они не были сбиты с толку нашей «Звездной рыбой» — отвлекающими огнями, было легко возвращаться снова к огню по-

жарищ, зажженных ими предшествовавшей ночью. Что-то надо было предпринять, и для этого мы создали два новых орудия, — ракеты и воздушные мины. С помощью радаров наши зенитчики могли определять с достаточной точностью позицию противника, если вражеские самолеты продолжали лететь с той же скоростью и в том же направлении, — что опытные летчики редко делали. Они летели зигзагами, и это значило, что за двадцать-тридцать секунд, проходивших между выстрелом орудия и взрывом снаряда, они могли оказаться в расстоянии полумили от ожидаемого места.

Ответом на это была массированная но широкая стрельба вокруг ожидаемого местонахождения противника. Идеалом было бы иметь комбинации в сотню орудий каждая, — если бы было достаточно орудий и зенитчиков, и если бы их можно было бы иметь в нужном месте и в нужный момент. Это было за пределами человеческих возможностей. Решение проблемы, простое и дешевое, заключалось в ракетных снарядах, или, как их называли в целях засекреченности, Невращающихся Бомбах. Еще перед войной, в дни Исследовательского комитета по противовоздушной обороне, д-р Кроу разработал двух- и трехдюймовые ракеты, которые могли взлетать почти так же высоко, как и снаряды зенитных орудий. У трехдюймовой ракеты заряд был более мощный, чем в обычном трехдюймовом снаряде, но ракета была менее точна в попадании. С другой стороны, у ракетных снарядов было то неоценимое преимущество, что их можно было изготавливать очень быстро и легко, в невероятных количествах, не перегружая при этом наших орудийных заводов. Были изготовлены тысячи приборов для стрельбы ракетами, и несколько миллионов самих ракет. Генерал Фредерик Пайл, выдающийся офицер, командовавший нашими наземными средствами противовоздушной обороны в течение всей войны, который, подобно многим другим

профессиональным солдатам, не страдал боязнью нововведений, приветствовал это добавление к своим силам. Он сформировал из этих приборов огромные батареи, по 96 приборов в каждой, управлявшихся главным образом частями ополчения, и эти батареи могли создавать обстрел такой концентрации, которая легко выходила за пределы возможностей зенитной артиллерии.

На протяжении всей войны я тесно сотрудничал с генералом Пайлем, и постоянно находил его в высшей степени изобретательным и полезным. Он проявил себя с самой лучшей стороны не только в дни расширения наших операций, когда под его командованием находилось более трехсот тысяч мужчин и женщин и 2400 орудий, не считая ракетных, но также и тогда, когда воздушное нападение на Англию было отбито. Это было время, когда его задачей стало освободить предельное число людей от статической обороны зенитными батареями, и, не уменьшая потенциальной огневой мощи, заменить большую часть специалистов и регулярных артиллеристов — женщинами и солдатами ополчения. Но об этом надо будет рассказать в надлежащее время.

Задача генерала Пайля была не просто облегчена работой наших ученых; по мере развития сражения, их помощь стала тем основанием, на котором базировались все его операции. В дневные атаки периода Битвы за Англию зенитчиками было сбито 296 вражеских самолетов, и повреждено возможно еще 74. Но ночные рейды поставили перед ними новые проблемы, которые не могли быть разрешены при помощи имевшегося оборудования прожекторов и звукоуловителей. За четыре месяца, считая с 1 октября, зенитчики сбили только около 70 самолетов. На помощь к ним пришел радар. Первый радар был использован для направления стрельбы в октябре, и я провел большую часть но-

чи, вместе с мистером Бевиным, наблюдая его работу. Проектора не были приспособлены к радарам вплоть до декабря месяца. Однако, для пользования теми и другими требовалась подготовка и опыт, и, кроме того, обнаружилась нужда во многих изменениях и улучшениях приборов. Во всей этой области было затрачено много усилий, и награда за них пришла весной 1941 года.

Во время атак на Лондон в первые две недели мая — период последнего немецкого наступления — было сбито более семидесяти немецких самолетов, или больше того, чем весь урожай за четыре зимних месяца. Конечно, за то время значительно выросло число орудий. В декабре у нас было 1400 тяжелых и 650 легких орудий; в мае имелось 1687 тяжелых и 790 легких, плюс около сорока ракетных батарей. Но бóльшая эффективность стрельбы была результатом, в основе своей, новых изобретений и технических улучшений, которые ученые дали в руки солдат, и которые солдаты так хорошо использовали.

**
*

К середине 1941 года, когда, наконец, стали входить в строй в значительных количествах ракетные батареи, воздушное наступление сильно ослабело, и было мало возможности проверить их на практике. Но когда они приходили в действие, число залпов, нужных для того, чтобы сбить самолет, было лишь немногим больше, чем это требовалось для неизмеримо более дорогостоящих и малочисленных зенитных орудий, которых нам всегда недоставало. Ракеты были хороши и сами по себе, и в качестве добавления к нашим другим средствам обороны.

И снаряды и ракеты могут быть эффективными, конечно, только если они достигают нужной точки и взрываются в нужный момент. Поэтому были прило-

жены усилия для сооружения завес из воздушных мин, подвешенных с парашютов на длинных проводах, которые можно было бы расставлять на пути вражеских эскадрилий. Было невозможно засунуть мину и парашют в зенитный снаряд, но это было можно сделать с ракетой, имевшей более тонкие стенки и больший объем внутри. Было заготовлено и подготовлено на случай массовых атак на Лондон определенное число трехдюймовых ракет, способных заложить воздушное минное поле из проводов, длиной в 700 футов, на высоте до 20.000 футов. Преимущество таких минных полей над огнем зениток было, конечно, то, что они оставались смертельно опасными для самолетов вплоть до последней минуты. В каком бы месте крыло самолета ни задело бы провод, оно тянет за собой мину до того, как она добирается до него и взрывается. Таким образом, отпадала необходимость установки времени взрыва, — как в обычных снарядах.

Конечно, воздушные мины могли бы расставляться в нужную позицию при посредстве ракет, сброшенных с самолетов или попросту поднятых на маленьких воздушных шарах. Этого последнего метода рьяно придерживалось Адмиралтейство. Однако, ракеты так никогда и не пришлось пустить в ход в сколько-нибудь значительных масштабах. К тому времени, как их начали изготавливать в больших количествах, массовые налеты бомбардировщиков прекратились. Тем не менее, было удивительно, что немцы, к счастью для нас, не придумали ничего подобного, чтобы противостоять нашим массовым налетам в течение трех последних лет войны. Даже небольшое количество самолетов, расставляющих минное поле над немецкими городами, при все возрастающих размерах наших налетов, могло бы вызвать у нас огромные потери.

Был также другой важный аспект. В 1940 году пикирующий самолет казался смертельной угрозой для наших кораблей и важнейших заводов. Можно было бы думать, что самолет, пикирующий на корабль, легко сбить, поскольку зенитчик может целиться в него, без накидок на смещение цели. Но самолет «с торца» — очень маленькая цель, и контактный взрывник может работать только при прямом попадании. Стрелять же снарядами, в которых взрыв рассчитан на определенный момент, когда снаряд пролетает мимо самолета, почти невозможно. Ошибка в определении времени взрыва на одну десятую секунды обозначает промах на многие сотни футов. Поэтому казалось делом стоящим — разработать такой снаряд, взрывник которого взрывался бы просто от близости самолета, независимо от попадания.

Поскольку в более просторной головке трехдюймовой ракеты имеется некоторое пространство, нас привлекал именно этот снаряд, и мы продвигали вперед изыскания, когда я был еще в Адмиралтействе, в 1940 году. Для создания электрического импульса для взрывания были использованы фотоэлементы, действовавшие при перемене силы света, скажем, при попадании в тень, образованную самолетом. К февралю 1940 года у нас уже была готова модель, которую я привез показать своим коллегам на одно из заседаний Кабинета. При помощи специальной демонстрационной лампы, мы видели, что электрический взрыватель заметно реагировал даже на тень брошенной мимо него спичечной коробки. На кучку собравшихся вокруг министров, включая премьер-министра, демонстрация произвела сильнейшее впечатление. Но между моделью, и роботом, выпущенным в порядке массовой продукции, огромная дистанция. Над производством фотоэлек-

трических взрывателей мы работали много, но к тому времени, когда они были готовы в значительных количествах, опасность для нас уже на время миновала.

В 1941 году делались также попытки сконструировать аналогичный взрыватель, действующий при приближении к цели, с использованием крошечного радара, который мог бы вызвать взрыв в боевой головке снаряда, когда тот пролетал бы мимо самолета. Были проделаны успешные предварительные эксперименты, но прежде чем взрыватель был создан в Англии, американцы, — с которыми мы делились своими познаниями, — сумели и усовершенствовать прибор, и уменьшить его настолько, что все приспособление можно было поместить не только в головку ракеты, но и обычного зенитного снаряда. Эти так называемые «взрыватели близости» изготовленные в Соединенных Штатах, были использованы в больших количествах в последний год войны, и были незаменимы против маленьких беспилотных самолетов (Фау-1), которыми велась на нас атака в 1944 году, а также против японских самолетов в Тихом океане.

Финальной фазой «Волшебной войны» были, конечно, изобретения в области радара, необходимые для нашего контр-наступления на Германию. Частично, направление этих изобретений вытекало из нашего собственного опыта в обороне. Роль, которую сыграли радары, будет описана в дальнейшем. В сентябре 1940 года нам предстояло почти девять долгих месяцев тяжелой борьбы, прежде чем наметился перелом. Мы можем претендовать на то, что сражаясь, не без успеха, против непосредственной опасности, мы никогда не забывали о будущем, с которым должны были прийти лучшие времена.

**РАЗВИТИЕ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ АНГЛИИ
В 1940—1941 гг.**

Июль 1940	Декабрь 1940	Май 1941
	Тяжелые зенитные орудия	
1200	1450	1687
	Легкие зенитные орудия	
587	650	790
	Ракетные батареи	
0	0	около 40
	Прожекторы	
3932	—	более 4500
	Личный состав	
157.319	269.000	312.500

5.

АМЕРИКАНСКИЕ МИНОНОСЦЫ И ВЕСТИНДСКИЕ БАЗЫ

Как уже было упомянуто раньше, моим первым посланием к президенту Рузвельту сразу после того, как я стал премьер-министром 15 мая, была телеграмма с просьбой «дать займы 40 или 50 ваших устаревших миноносцев, чтобы ликвидировать разрыв между тем, что у нас имеется сейчас и тем что мы будем иметь в результате широкой программы судостроительства, которую мы предприняли с началом войны. В будущем году в это время у нас будет достаточно судов. Но если в промежутке против нас выступит Италия с новой сотней подводных лодок, наши силы могут оказаться напряженными до последнего предела». Я возвратился к этому в моей каблограмме от 11 июня, после объявления нам войны Италией. «Ничто не является для нас столь важным, как обладание 30 или 40 старыми, реставрированными вами миноносцами. Мы можем их быстро оборудовать своими «асдиками»... Следующие шесть месяцев будут критическими». В конце июля, когда мы были одни и уже вовлечены в решающее воздушное сражение, с перспективой неизбежного вторжения, я возобновил свою просьбу. Я был в курсе и добрых намерений президента, и его затруднений. Поэтому я приложил усилия к тому, чтобы изложить ему в самой откровенной форме в различных посланиях, всю опасность положения Соединенных Штатов в слу-

чае крушения британского сопротивления и превращения Гитлера в хозяина Европы, со всеми ее верфями и флотами.

**
*

По мере развития этой дискуссии, было очевидным, что телеграммы, посланные мной в июне, подробно останавливающиеся на возможных тяжелых последствиях для Соединенных Штатов захвата Британских островов немцами, сыграли значительную роль в высших американских кругах. Из Вашингтона потребовали заверений, что ни при каких обстоятельствах британский флот не будет передан немцам. Мы были вполне готовы дать эти заверения в самой торжественной форме. Поскольку мы уже были готовы погибнуть, эти заверения не стоили нам ничего. Я не хотел, однако, в то время, которое могло оказаться кануном вторжения и кульминационным пунктом борьбы в воздухе, подбадривать немцев даже вероятностью того, что подобные мысли приходят нам в голову. Кроме того, к концу августа наше положение значительно улучшилось. Была реорганизована и в большой степени перевооружена вся регулярная армия, и войска ополчения начали играть активную роль. Мы наносили тяжелые потери германской авиации и уже более чем прочно стояли на собственных ногах. Всякий довод о вторжении, дававший мне уверенность в наших силах в июне и июле, приобрел к сентябрю двойной вес.

**
*

В то время мы имели в Вашингтоне особенно одаренного и влиятельного посла. Филиппа Керра, ставшего теперь маркизом Лотианом, я знал со времен Ллойд-Джорджа, в 1919 году и ранее, и мы расходились во многом, от Версаля до Мюнхена, и позднее. По

мере нарастания напряжения Лотиан развил в себе не только широкое понимание всего положения, но и глубокую пронизательность. Он всесторонне продумал все, скрывавшееся за посланиями, которые я отправил президенту в период крушения Франции о возможной судьбе британского флота в случае успешного немецкого вторжения в Англию. Он сумел описанием этого вызвать в руководящих кругах Вашингтона не только волнение и смущение, проистекавшее от сочувствия к Великобритании и ее делу, но и, естественно, еще более от беспокойства за существование и безопасность Соединенных Штатов.

Лотиана сильно обеспокоили последние слова моей речи в Палате общин 4 июня, когда я сказал: «Мы не сдадимся никогда; и если — в возможность чего я ни на минуту не верю — этот наш остров, или значительная его часть, будет покорен и обречен на вымирание, тогда, вооруженная и защищенная британским флотом, борьбу поведет наша заокеанская империя, пока, в предначертанный Богом час, Новый Свет, со всей его силой и мощью не выступит для спасения и освобождения Старого». Он считал, что эти слова оказали поддержку позиции тех, «кто верил, что даже если Великобритания погибнет, ее флот сумеет пересечь Атлантический океан и прийти к ним». Читатель, конечно, обратил внимание на разницу в стиле, в посланиях, не предназначенных для публики. В то время я пояснил свою позицию и министру иностранных дел, и нашему послу.

«Премьер-министр — лорду Лотиану. 9 июня 40 г.

Последние слова моей речи были, конечно, адресованы главным образом к Германии и Италии, которым идея тяжелой межконтинентальной войны представляется в настоящий момент отвратной, — а также к нашим доминионам, попечителями которых мы являемся. Тем не менее, я никогда не упускал из вида Вашей точки зрения, и развивал ее в различных телеграммах президенту и Маккензи

Кингу. Если бы Великобритания была сломлена вторжением, прогерманское правительство смогло бы получить от победителя лучшие условия, сдав британский флот, и превратив, таким образом, Германию и Японию в господ Нового Света. Подобной подлости не сделают нынешние советники Его Величества, но если будет образовано правительство какого-нибудь Квислинга, оно сделает именно это, и может быть — только это; президент никогда не должен упускать этого из виду. Вы должны говорить с ним в этом смысле и таким образом обескуражить всякие благодушные расчеты со стороны Соединенных Штатов, что при нынешней политике они получают остатки Британской империи. Наоборот, они страшно рискуют, что их морская мощь будет превзойдена. Более того, нацисты несомненно потребуют острова и морские базы, чтобы держать Соединенные Штаты в страхе. Если мы погибнем, у Гитлера будет очень хороший шанс завоевать мир.

Надеюсь, вышеизложенное поможет Вам в Ваших разговорах».

Прошел почти месяц, пока обнаружили какие-то результаты. Затем, около 5-6 июля, пришла ободряющая телеграмма от нашего посла. Он сообщал, что информированное американское общественное мнение, наконец, начинает понимать, что Америка рискует полностью потерять британский флот, если война обернется против нас и если она останется нейтральной. Однако будет очень трудно убедить американское общественное мнение дать нам миноносцы уже сейчас, если не удастся заверить американцев, что в случае их вступления в войну британский флот, или то что останется от него после падения Великобритании пересечет Атлантический океан.

В конце июля, под нарастающим давлением со всех сторон в одно и то же время, я снова поднял этот вопрос

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 31 июля 40 г.

С тех пор, как я последний раз взял на себя смелость лично телеграфировать Вам, произошло многое, хорошее и плохое. Дать нам миноносцы, моторные лодки и гидропла-

ны, о которых мы просили, становится для Вас срочной необходимостью. В руках немцев находится все французское побережье, откуда они могут направлять против нас и наших путей сообщения атаки пикирующими бомбардировщиками и подводными лодками, и, кроме того, мы должны быть постоянно готовы отбить нашими морскими силами угрожающее через пролив вторжение, и справиться с рейдами из Норвегии против Ирландии, Исландии, Шотландии и Фарерских островов. Кроме того, нам нужно контролировать выходы из Средиземного моря, и, если возможно, — то и все это внутреннее море, предупреждая, таким образом, возможность серьезного распространения войны на Африку.

Мы строим большое число миноносцев и истребителей подводных лодок, но предстоящие три или четыре месяца мы будем иметь тот разрыв с потребностью, о котором я Вам писал раньше. За последнее время воздушная война противника против нашего флота наносит нам тяжелые удары. За последние десять дней потоплены миноносцы: «Брекен», «Кодрингтон», «Делайт», «Врен»; повреждены, — «Бигл», «Бореас», «Бриллиант», «Гриффин», «Монтроз», «Вальполь», «Уитшед», — всего одиннадцать. И все это накануне попытки вторжения! Миноносцы чудовищно уязвимы против воздушных бомбардировок, и их все-таки приходится держать в районе бомбежек для предупреждения вторжения морем. Мы не можем выдержать в течение долгого времени нынешних темпов потерь, и если мы не получим значительных подкреплений, от этого второстепенного и легко разрешимого вопроса может зависеть судьба всей войны.

Это — откровенный отчет о нашем нынешнем положении; я уверен, что Вы точно знаете его, и что Вы делаете все, что в Вашей власти, чтобы обеспечить присылку мне немедленно пятидесяти или шестидесяти ваших старых миноносцев. Я могу оборудовать их «асдиками» очень быстро и использовать их против подводных лодок на западных подступах, и таким образом держать более современные и лучше вооруженные миноносцы в проливе, на случай вторжения. Мистер президент, со всем моим величайшим к Вам уважением, я должен сказать Вам, что момент сделать это уже наступил. В 1941 году я ожидаю большое число судов с верфей, но кризис может наступить задолго до начала 1941 года. Я знаю, что Вы сделаете всё, что

в Ваших силах, но я чувствую себя обязанным изложить Вам всю серьезность и срочность положения.

Если мы получим миноносцы, за ними, я уверен, что последуют бесценные для нас моторные катера и гидропланы.

Я начинаю испытывать все возрастающие надежды на перелом в ходе войны, при условии, что мы продержимся следующие три или четыре месяца. В воздухе дело обстоит хорошо, и мы держимся. Мы сильно бьем Гитлера, и отбивая его атаки, и бомбя Германию. Но потери миноносцев в результате воздушных атак вполне могут быть столь серьезными, что приведут к развалу обороны жизненно-важных для нас путей сообщения через Атлантический океан.

Сегодня вечером приходят последние караваны с винтовками, орудиями и амуницией. Специальные поезда ожидают их, чтобы доставить все нужное нашей армии и войскам ополчения, которые выдержат тяжелые потери, прежде чем сдаться. Я уверен, что с Вашим пониманием морских дел Вы не допустите потери этого критического сражения из-за нехватки миноносцев».

Тремя днями позднее я телеграфировал нашему послу:

3 августа 1940 г.

Вторая альтернатива, то есть передача баз в британских владениях, в общем приемлема, но мы предпочли бы, чтобы это было в аренду на неограниченный срок, и не в виде продажи. Само собой разумеется, что это должно означать, что мы немедленно получим миноносцы и гидропланы. Сообщите полковнику Ноксу и другим, что в этом плане их требование для нас приемлемо... Как Вы говорите, для нас абсолютно существенно договориться обо всем быстро. Миноносцы нам необходимы. За десять дней мы оборудуем их «асдиками», — все приготовления к этому сделаны. Мы тоже должны быть готовы дать некоторое количество наборов «асдиков» флоту Соединенных Штатов, помочь в их установке и объяснить, как они работают. В этом разрезе двигайтесь вперед полным ходом».

В Вашингтоне был проведен ряд серьезных, не лишенных взволнованности совещаний, и в начале августа через лорда Лотиана было сделано нам предложе-

ние, что 50 старых, но реставрированных миноносцев, находящихся на Атлантическом побережье, могут быть переданы нам, в обмен за серию баз на Вестиндских и Бермудских островах. Конечно, не было никакого сравнения между ценностью этих древних и малоэффективных судов, и внушительной постоянной ценностью островных баз, дающих Соединенным Штатам стратегическую безопасность. Но угроза вторжения и значение количества кораблей, которые будут у нас в проливе, сделали нашу нужду крайне настойчивой. Кроме того, эти острова имели стратегическое значение только для обороны Соединенных Штатов. В былые времена они были тем плацдармом, с которого европейцы или англичане могли атаковать Америку. Теперь, в эпоху господства авиации, для американцев было еще более важно, чтобы они находились либо в дружественных, либо в их собственных руках. Но в заключительном сражении, в котором должна была решиться судьба Великобритании, друзья Америки могли погибнуть, и веря, как я всегда верил, что существование Англии тесно связано с существованием Соединенных Штатов, мы вместе с моими коллегами пришли к выводу, что переход этих баз в американские руки представляет собой явное преимущество. Поэтому я не глядел на проблему с узко-британской точки зрения.

Существовал, однако, другой довод, более широкий и убедительный, чем наша нужда в миноносцах, или американская — в базах. Передача Великобритании пятидесяти американских миноносцев была безусловно актом, не соответствующим занятой Вашингтоном позиции нейтралитета. По всем историческим стандартам, этот акт оправдал бы объявление Гитлером войны Америке. Президент считал, что такой опасности не существует, и я также чувствовал, что на это простейшее решение многих трудностей надежды нет.

В интересах, и в стратегии Гитлера было бить противников поочередно. Ввязаться в войну с Соединенными Штатами прежде, чем он разделается с Англией, — было последнее, чего хотел бы Гитлер. Тем не менее, передача в сентябре 1940 года миноносцев Великобритании была событием, которое определенно приблизило Соединенные Штаты к нам — и к войне; это был первый в длинном ряду все более и более «не-нейтральных» актов в Атлантическом океане, которые со служили нам огромную службу. Он обозначил переход Соединенных Штатов с позиции нейтралитета на положение просто невоюющей стороны. Хотя для Гитлера было непосильной роскошью выразить в полной мере свое недовольство, весь мир, как мы это увидим, понял всё значение этого жеста.

По всем этим соображениям, Военный Кабинет и Парламент одобрили политику сдачи в аренду баз в обмен за миноносцы, при условии, что мы сможем убедить островные вестиндские правительства, которых это касалось, пойти во имя спасения Империи на серьезную жертву и на новые треволнения в их жизни. 6 августа Лотиан телеграфировал, что президент желает немедленного ответа о судьбе британского флота. Он хотел заверений, что если Великобритания будет завоевана немцами, флот будет продолжать борьбу за заокеанскую империю, и не будет ни потоплен, ни сдан врагу. Говорилось, что это будет служить мощным аргументом в Конгрессе в вопросе о миноносцах. По его мнению, перспективы принятия соответствующего закона постепенно улучшались.

Свои соображения я выразил в письме на имя министра иностранных дел:

7 августа 1940 г.

«Положение мне представляется совершенно ясным. У нас нет никакого намерения ни сдавать британский флот, ни добровольно топить его. Более вероятно, что подобная

судьба скорее постигнет германский флот — или его остатки. Наш народ не потерпит никакого обсуждения вопроса о том, что нам придется делать, если остров будет захвачен врагом. Подобное обсуждение накануне возможного вторжения может повредить настроению населения, находящемуся сейчас на такой высоте. Более того, мы никогда не должны попадать в положение, когда правительство Соединенных Штатов могло бы сказать: «Мы думаем, что наступил момент, когда, в соответствии с соглашением, достигнутым при передаче миноносцев, вы должны переправить свой флот через Атлантический океан».

Мы должны отказаться от рекомендуемой декларации и ограничить свою сторону сделки островными базами».

Лотиану же я телеграфировал следующее:

7 августа 1940 г.

«Нам очень нужны 50 или 60 миноносцев, и я надеюсь, что мы их получим. В течение ближайших трех или четырех месяцев нет ничего значительнее этого, что Соединенные Штаты могли бы для нас сделать. Как Вы знаете, мы были готовы предложить Соединенным Штатам в бессрочную аренду морские и авиационные базы на Вестиндских островах, делая это совершенно свободно, исходя из неизбежной связи британских и американских военных и морских интересов. Поэтому мы были совершенно согласны с тем, чтобы полковник Нокс выдвинул бы соответствующее предложение, как акцию, сопровождающую немедленную посылку нам миноносцев. Но всё это не имеет никакого отношения к декларациям о будущей судьбе британского флота. Очевидно, что для нас совершенно невозможно согласиться на какую-либо декларацию в этом вопросе. В моих секретных телеграммах Вам и президенту, я повторно указывал на опасности, лицом к лицу с которыми станут Соединенные Штаты, если вторжение в Великобританию завершится успехом и власть перейдет в руки правительства британских коллаборантов; эти последние неизбежно предпримут попытку добиться наилучших условий для уцелевших обитателей острова. Я очень рад, что к подобной опасности относятся там серьезно, и ни при каких обстоятельствах Вы не должны преуменьшать опасностей положения. В настоящий момент у нас нет никаких намерений рассеивать вполне основательную тревогу в этом вопросе. Более того, наша позиция такова, что сейчас вообще неумест-

но обсуждать в практическом плане крушение Британской империи. Я уже писал Вам несколько недель назад, что нет оснований дискутировать вопрос о переводе флота в американские или канадские воды. Я не допущу даже того, чтобы этот предмет обсуждался на совещаниях штабов, и, тем менее, чтобы в этом направлении делались или даже планировались какие-либо практические шаги. Сверх всего, существенно, чтобы Вы поняли, что ради получения миноносцев, или чего-нибудь в этом роде, мы не согласимся ни на какую подобную декларацию. Прошу разъяснить там немедленно, что мы никогда не пойдем ни на малейший компромисс, затрагивающий нашу полную свободу действий, и не потерпим никакого пораженческого заявления в таком роде, эффект которого может оказаться катастрофическим.

Хотя в моей речи от 4 июня я счел полезным открыть немцам глаза на перспективы бесконечной войны в океанах, это было заявление, к которому не может присоединиться нейтральная держава. Конечно, если бы Соединенные Штаты вступили в войну и стали бы нашим союзником, мы бы стали вести войну вместе с ними, и в любой период борьбы старались бы извлечь максимум из нашей инициативы, в полном согласии с ними, во имя успешного разгрома врага. Вы предвидели это в своем первом разговоре с Президентом, когда высказали свою уверенность, что мы можем послать какую-либо часть нашего флота через Атлантический океан лишь в случае фактического военного союза».

Президенту же я телеграфировал:

15 августа 1940 г.

«Мне не надо Вам говорить, как меня обрадовало Ваше послание и как я признателен за Ваши неустанные усилия оказать нам всю возможную помощь. Я уверен, что Вы пошлете нам все, что сможете, ибо Вы знаете, что ценность каждого миноносца, который Вы сможете для нас выделить, измеряется на вес рубинов. Но нам также нужны торпедные катера, о которых Вы упомянули, и столько винтовок и гидропланов, сколько Вы можете дать. Миллион человек ждут здесь винтовок.

Моральная ценность этой свежей помощи со стороны вашего правительства в настоящий критический момент будет очень велика и оценена соответственно.

Мы можем удовлетворить оба пожелания, которые Вы считаете существенными для помощи Вам в Конгрессе и в других местах, но я уверен, что Вы поймете меня правильно, если я скажу, что наше желание сделать максимум, должно быть условным и зависящим от того, что в доставке нам судов и гидропланов не будет никакой задержки. Что же касается заверений относительно британского флота, я, конечно, готов повторить Вам сказанное парламенту 4 июня. Мы намерены сражаться здесь до конца, и никто из нас никогда не будет покупать мир ценой сдачи или потопления флота. Но пользуясь этим повторным заверением, имейте пожалуйста в виду тот катастрофический, с нашей, и возможно также с Вашей точки зрения, эффект, к которому приведет усиление впечатления, что мы считаем завоевание Британских островов и их морских баз чем-то большим, чем невероятной случайностью. Дух нашего народа великолепен; никогда еще британцы не были так решительно настроены. Их уверенность в успехе колоссально — и на законных основаниях — возросла в результате воздушных боев на прошлой неделе. Что же касается морских и авиационных баз, я с готовностью соглашусь на Ваше предложение сдать их в аренду на 99 лет, — это будет для нас много легче, чем продать их. Я не сомневаюсь, что раз мы договоримся в принципе, уточнить детали не составит труда и мы сможем сделать это потом и не спеша. Для нас будет необходимо сговориться с правительствами Ньюфаундлэнда и Канады о ньюфаундлендской базе, в которой Канада заинтересована. Мы уже принимаем меры для получения их согласия.

Еще раз, мистер президент, разрешите мне поблагодарить Вас за Вашу помощь, значущую для нас столь много».

Лотиан считал этот ответ отличным и сообщил, что имелся шанс на получение президентом 50 миноносцев даже без предварительной санкции Конгресса. В этом всё еще не было уверенности, но он полагал, что мы должны безотлагательно послать несколько экипажей для миноносцев в Галифакс и на Бермудские острова. Отсутствие готовых британских экипажей для переезда миноносцев через океан в момент, когда эти последние будут нам предоставлены, произведет в Аме-

рике очень дурное впечатление. Более того, присутствие ожидающих экипажей поможет произвести на Конгресс впечатление большей срочности.

На своей пресс-конференции 16 августа президент сделал следующее заявление: правительство Соединенных Штатов ведет переговоры с правительством Британской империи о приобретении морских и авиационных баз, необходимых для обороны Западного полушария и особенно Панамского канала. Далее, правительство Соединенных Штатов ведет переговоры с канадским правительством о совместной обороне Американского континента.

Согласно сообщениям газет, президент указал, что Соединенные Штаты дадут Великобритании что-либо в обмен за базы, но что он не знает, что это может быть. Более чем один раз, он сделал ударение на том, что переговоры относительно баз не стоят в связи с вопросом о миноносцах. В предусмотренные соглашения, сказал он, миноносцы не включены.

**
*

Президент, вынужденный всегда считаться с Конгрессом, а также с командованием флота Соединенных Штатов, естественно стремился представить своим соотечественникам всю сделку, как крайне выгодную, благодаря которой Соединенные Штаты приобретают внушительные гарантии своей безопасности в обмен за несколько флотилий устаревших миноносцев. Это было, конечно, так, но для меня положение получалось не совсем удобным. Проект сдать в аренду какую-либо часть этих исторических территорий вызывал глубокие переживания в Парламенте и правительстве, и было очевидно, что если все будет представлено англичанам как передача британских владений ради каких-то пятидесяти миноносцев, оппозиция проекту будет неисто-

вой. Я поэтому постарался поднять сделку на более высокий уровень, на котором у нее были все основания находиться, потому что только это выражало и сохраняло вечную общность интересов англо-американского мира.

С согласия президента, 20 августа я представил Парламенту всю проблему в выражениях, которые, может быть, не утратили своего значения и теперь:

«Нам стало известно, что в Соединенных Штатах ощущается тревога по поводу воздушной и морской обороны их Атлантического побережья, и президент Рузвельт недавно пояснил, что он хотел бы обсудить с нами, с Канадой и Ньюфаундлендом, проблему развития американских морских и авиационных баз на Ньюфаундленде и на Вестиндских островах. Конечно, здесь не может идти речь о передаче суверенитета на наши территории — об этом вопрос даже не поднимался — или о каких-либо мерах, без согласия или против желания соответствующих колоний. Но, поскольку это касается нас, Правительство Его Величества полностью согласно передать Соединенным Штатам базы на основе договора об аренде сроком на 99 лет, и мы уверены, что это отвечает не только нашим собственным интересам, но и интересам Канады, Ньюфаундленда и колоний. Это важный шаг. Это несомненно, означает, что Британская империя и Соединенные Штаты, две великие демократии, говорящие на одном языке, неизбежно должны быть связаны между собой ради своих общих интересов. Что касается меня, глядя в будущее, я не рассматриваю этот процесс с какими-либо дурными предчувствиями. Ни я, ни кто-либо другой не могли бы задержать его, даже если бы того нам хотелось. Подобно Миссисипи, он движется, невзирая ни на что. И пусть. Пусть этот процесс идет, — полноводный, неумолимый, неудержимый и плодоносный, — к большим просторам и лучшим дням».

«Бывший моряк — президенту.

22 августа 1940 г.

1. Я крайне Вам признателен за все, что Вы для нас делаете. Я не имел в виду ничего похожего на контракт, сделку или продажу. Это верно, что Кабинет решил предложить Вам морские и авиационные базы вдоль Атлан-

тического побережья, независимо от миноносцев и других видов помощи. Наша точка зрения сводится к тому, что мы — друзья, помогающие друг другу в беде по мере наших сил. Мы должны поэтому передать Вам упомянутые выше базы, не ставя никаких условий, и даже если бы завтра для Вас оказалось бы слишком затруднительным передать нам миноносцы и остальное, наше предложение все равно остается в силе, так как мы считаем, что оно имеет в виду наши общие интересы.

2. Я предвижу трудности, и даже риск, в обмене письмами в настоящее время, или в признании в какой-либо форме, что снаряжение, которое вы нам посылаете, идет в счет оплаты этих баз. Если такой подход будет принят, публика с обеих сторон начнет сравнивать, — что дано, и что получено. Денежная стоимость вооружений будет подсчитана и противопоставлена стоимости баз, и некоторые будут думать одно, тогда как другие — совсем иное.

3. Более того, как Вам хорошо известно, мистер президент, каждый остров или место представляют самостоятельную проблему. Если, к примеру, там окажется всего только одна гавань или подходящее место, — как их разделить? В подобном случае мы хотели бы предложить то, что кажется нам лучшим для обеих сторон, вместо того, чтобы заводить спор, — что именно должно быть вам дано в обмен за полученные нами ценности.

4. Мы хотим, чтобы вы чувствовали себя в безопасности на вашем Атлантическом побережье, если вам в этом могут помочь удобные для баз места на нашей территории, естественно также, что если вы вложите туда средства и устроите большие сооружения, вы должны будете на долгое время быть обеспечены правом ими пользоваться. Поэтому, я предпочел бы в настоящий момент остаться в пределах моей вчерашней общей декларации в Палате общин, как в этом отношении, так и в отношении будущего нашего флота. Затем если вы хотите сформулировать более детально свои пожелания, мы немедленно ответим вам, что именно мы можем сделать, вслед за чем необходимые технические и юридические соглашения смогут быть выработаны нашими экспертами. Между тем, мы вполне готовы положиться на ваше суждение и на чувства американского народа по части возможной помощи в вооружениях, и пр., которую вы сочтете возможным нам предоставить. Но это будет совершенно самостоятельный доку-

мент Соединенных Штатов, вдохновленный вашими взглядами на завязавшуюся в мире борьбу, и на то, как эта борьба затрагивает собственные интересы США.

5. Хотя за последние несколько дней воздушное наступление против нас несколько ослабело и во многих отношениях наши силы увеличиваются, я не думаю, что нехороший дядя уже нанес нам свой самый сильный удар. Мы несем значительные потери торговыми судами на северо-западных подступах, нашем единственном пути, которым мы связаны с океанами, и ваши пятьдесят миноносцев, если они будут даны нам немедленно, будут нецелесообразной помощью».

Лотиан затем телеграфировал, что мистер Самнер Уэллс сказал ему, что в силу конституционных трудностей, президент лишен возможности послать миноносцы в качестве разового подарка; они могут быть переданы только в обмен за что-то. По существующему законодательству ни начальник штаба, ни командование флотом не могут дать свидетельства, что эти суда не нужны для национальной обороны, — без чего нельзя юридически провести передачи, кроме как в обмен за что-то определенное, что можно будет представить как значительное добавление к безопасности Соединенных Штатов. Президент пытался найти другой выход, но такового не оказалось.

«Бывший моряк — президенту.

25 августа 1940 г.

1. Я полностью представляю себе юридические и конституционные трудности, заставляющие Вас желать изложенного на бумаге формального контракта, но я хочу указать Вам на трудности и даже опасности, которые я при этом предвижу. За предоставляемые нам, точно перечисленные, предметы, в которых у нас такая нужда, нас просят уплатить неопределенными уступками на разных островах, от Ньюфаундленда до Британской Гвианы, «в которых, по мнению Соединенных Штатов, может встретиться необходимость». Допустим, что мы не сможем согласиться на все, что потребуют ваши эксперты; не вызовет ли это обвинений в нарушении наших обязательств, в обмен за которые мы уже получили какие-то ценности? Ва-

ши обязательства — определенные; наши — неограниченные. Как бы ни были нужны нам миноносцы, мы не хотим получить их ценой недоразумений или даже серьезного конфликта с Соединенными Штатами. Если все дело должно быть представлено как договор, надо тогда определить обязательства обеих сторон с несравненно большей точностью с нашей стороны, чем это было до сих пор возможно. Но это наверняка отнимет время.

Как я неоднократно указывал, миноносцы нам нужны теперь, до вступления в строй наших новых судов, которые я велел заложить с началом войны. Новое строительство очень значительно. Например, к концу февраля мы получим 20 новых миноносцев, 60 корветов, способных охотиться за подводными лодками в океанах; 37 торпедных катеров; 25 противосубмарин; 107 деревянных патрульных катеров, также противосубмарин; 29 семидесятидвухфутовых моторных баркасов. В последующие шесть месяцев вступит в строй еще большее количество. Ваши миноносцы для нас бесценны именно в этот период, с сентября по февраль включительно, пока не поступит новая серия наших миноносцев. С их помощью мы можем уменьшить потери в судах на северо-западных подступах, а также занять более сильную позицию против Муссолини в Средиземном море. Поэтому, время важнее всего. Однако, даже в этих условиях было бы неоправданным, если бы мы выдали вам “*carte blanche*” на все наши заокеанские владения, — лишь для того, чтобы заполнить указанный прорыв, сквозь который, при всех обстоятельствах, мы надеемся пройти, пусть за счет дополнительного риска и лишних страданий. Это, я уверен, даст Вам ясное представление о наших затруднениях.

2. Не подойдет ли следующий порядок действий? Я немедленно предложу вам определенные, достаточно хорошо описанные участки для сооружения баз, что покажет вам, какого рода подарок мы имеем в виду, и ваши эксперты затем смогут рассмотреть это совместно с нашими, при чем право окончательного решения — что именно мы можем вам дать — остается за нами. Все это мы сделаем по нашей доброй воле, полностью полагаясь на щедрость и добрую волю американского народа, — хочет ли он, в свою очередь, сделать что-то для нас. Независимо ни от чего, установленной политикой Правительства Его Величества является предложить вам, когда угодно, надежные

и эффективные средства для обороны вашего Атлантического побережья. Я уже просил Адмиралтейство и министерство авиации сделать набросок того, что мы готовы вам передать, оставляя за вашими экспертами право сделать возможные контрпредложения. Я собираюсь послать вам этот набросок через два-три дня и опубликовать его в подходящий момент. Таким образом исключается возможность споров, и американский народ отнесется к нам с большей теплотой, видя, что мы ведем борьбу за общее дело мира и что его безопасность и его интересы для нас дороги.

3. Если ваш закон или ваш адмирал требуют, что любая помощь, которую вы найдете возможным нам оказать, должна быть представлена как обмен на что-то, я не вижу, какое отношение к этому может иметь Британское правительство. Не можете ли Вы заявить, что не считаете себя вправе принять этот наш ценный дар, если Соединенные Штаты как-то не отблагодарят нас в свою очередь, — что даст этому адмиралу возможность связать одно с другим?

4. Я очень благодарен Вам за все Ваши хлопоты, и сожалею, что зная, каким добрым нашим другом Вы являетесь, взваливаю на Ваши плечи дополнительную тяжесть».

«Бывший моряк — президенту.

27 августа 1940 г.

1. Лорд Лотиан телеграфировал мне, какого рода возможности для сооружения баз вы имеете в виду. Изучая вопрос с вашей точки зрения наши морские и авиационные эксперты пришли практически к тем же заключениям; дополнительно, они считают, что Антигуа может быть полезным в качестве базы для гидропланов. Если угодно, — он также в вашем распоряжении. Нашей твердой политикой является обезопасить Соединенные Штаты на их Атлантическом побережье «независимо от обстоятельств» — цитируя выражение, которое Вы может быть помните (Употребленное президентом Вильсоном в 1917 году. Прим. автора).

2. Мы вполне готовы сделать вам безотлагательно твердое предложение в этом разрезе. Конечно, для работы деталей придется немедленно созвать конференцию, но, по причинам, изложенным мной в последней телеграмме, для нас неприемлем какой-либо арбитраж в случае расхождений, потому что мы чувствуем, что в качестве даращей стороны, мы должны иметь право окончательно ре-

шать, из чего должен состоять подарок, — в общих рамках обещанного, и постоянно имея в виду необходимость учитывать пожелания Соединенных Штатов.

3. Два письма, набросанные лордом Лотианом на имя Государственного секретаря, для нас вполне приемлемы. Единственная причина, по которой я не хочу публикации второго письма, та, что я считаю несравненно более вероятным, что сдавать или топить свой флот, или остаток его, придется германскому правительству. В этом, как Вы знаете, у них уже есть некоторый опыт. Вы помните, что я сказал в одной из своих частных телеграмм несколько месяцев тому назад, — что подобное действие с нашей стороны было бы низоостью, и что таково мнение нас всех.

4. Если бы Вы чувствовали возможным после того, как наше предложение будет сделано, передать нам средства, о которых мы просим, или то, что Вы найдете нужным выделить для нас, это может быть выражено не в форме платежа, но в виде признания того, что мы делаем ради обеспечения безопасности Соединенных Штатов.

5. Всё это дело приобретает особенную срочность в виду недавней угрозы Муссолини по адресу Греции. Если мы проведем все в широких масштабах и на высоком уровне, может случиться, что это спасет от вторжения и завоевания эту маленькую историческую страну. Важны даже следующие 48 часов».

«Премьер-министр — генералу Исмэю.

27 августа 1940 г.

Просьба президента Рузвельта в передаче лорда Лотиана должна быть сейчас изложена в первом лице, в случае если потребуется публичное заявление от нашего имени. Например, «Правительство Его Величества делает следующее предложение президенту Соединенных Штатов: С чувствами дружбы и доброй воли мы готовы немедленно встретиться с вашими представителями для обсуждения проблемы предоставления эффективных морских и авиационных баз на нижеперечисленных островах,» и т. д.

Дайте мне набросок в этом духе, так, чтобы я мог продиктовать телеграмму. Набросок должен быть у меня сегодня же утром».

И соответственно:

27 августа 1940 г.

«Правительство Его Величества предлагает Президенту Соединенных Штатов следующее:

Мы готовы дружески и исполненные доброй воли безотлагательно встретиться с Вашими представителями для обсуждения вопроса об аренде на 99 лет участков для сооружения морских и авиационных баз в следующих местах:

Ньюфаундленд	Антигуа
Бермудские о-ва	Санта Лючия
Багамские о-ва	Тринидад
Ямайка	Британская Гвиана

О подробностях будет договорено позже...

В то же время я рекомендовал передать для опубликования следующий текст телеграммы, которую президент мог мне послать, в целях получения нужных для него заверений.

«Нам известно, что премьер-министр Великобритании заявил Парламенту 4 июня 1940 года, что если в ходе настоящей войны, которую ведет Великобритания вместе со своими колониями, британские военные корабли не смогут более удерживать моря, окружающие Британские острова, британский флот ни при каких обстоятельствах не будет сдан врагу или потоплен, но будет направлен за океан для защиты других частей Империи.

Правительство Соединенных Штатов будет признательно за сообщение, представляет ли приведенное заявление установленную политику Британского правительства».

Президент принял эту версию, и я послал ему следующий, заранее согласованный ответ:

31 августа 1940 г.

«Вы запрашивали, мистер президент, представляет ли мое заявление в Парламенте от 4 июня 1940 года о том, что Великобритания никогда не сдаст и не потопит своего флота, «установленную политику Правительства Его Величества». Да, несомненно. Я должен, однако, заметить, что подобная случайность может скорее произойти с германским флотом, или с его остатками, чем с нашим».

Таким образом все было устроено к общему удовлетворению, и 5 сентября, говоря в очень сдержанных выражениях, я должным образом информировал Палату общин и получил ее единодушное согласие:

«Памятные переговоры между Великобританией и Соединенными Штатами, о которых я возвестил в своем последнем выступлении в Палате, теперь закончены. Поскольку я могу судить, они закончены к общему удовлетворению народов Англии и Америки и всех наших друзей во всем мире. Было бы ошибкой пытаться вложить в официальные документы то, что ни один документ не в состоянии выразить. Происшедший обмен мнениями представляет собой просто ряд мер взаимной помощи, помощи, оказываемой друг другу двумя дружественными нациями, в духе доверия, симпатии и доброй воли. Эти меры зафиксированы в формальном соглашении, и должны быть приняты буквально. Только очень невежественные люди могут утверждать, что передача американских миноносцев под британский флаг представляет собой некоторое нарушение международного права, или хотя бы в малейшей степени ставит под вопрос нейтралитет Соединенных Штатов.

Я не сомневаюсь, что передача миноносцев придется не по вкусу герру Гитлеру, как не сомневаюсь и в том, что если бы он имел к тому возможность, он оплатил бы за это Соединенным Штатам. Вот почему я так рад, что военные, морские и воздушные границы Соединенных Штатов широкой аркой выдвинулись вперед в Атлантический океан; это даст им возможность взять опасность за рога тогда, когда она все еще будет находиться за сотни миль от их земли. Наше Адмиралтейство также сообщает нам о своей радости от получения этих пятидесяти миноносцев, и о том, что они приходят как нельзя кстати, в период, — как я уже объяснял Палате, — когда мы все еще не можем получить суда, заказанные и находящиеся в стадии строительства.

Я полагаю, что Палата отдает себе отчет, что в будущем году наши морские силы будут значительно сильнее, чем теперь, хотя и сейчас они достаточно сильны, чтобы справиться со стоящими перед ними задачами. Американские миноносцы будут безотлагательно введены в строй; я могу сообщить, что британские команды уже сейчас ожидают

их в различных портах, куда те доставляются. Вы можете назвать это совпадением... Я не думаю, что в настоящее время надо еще что-то говорить обо всем этом деле, это неподходящий случай для реторики. Я, впрочем, могу почтительнейше дать Палате следующий совет: когда вы получаете то, чего хотели, лучше об этом много не распространяться».

Таким образом мы приобрели пятьдесят американских миноносцев. Мы дали Соединенным Штатам в аренду на 99 лет определенные авиационные и морские базы на Вестиндских островах и Ньюфаундленде. И, в третьих, я повторил свою декларацию о том, что британский флот не будет ни сдан, ни потоплен, в форме заверений, данных президенту. Я считал все эти параллельные соглашения актами доброй воли, а не торговыми сделками. Президент нашел более подходящим представить их Конгрессу в качестве единого целого. Никто из нас не противоречил друг другу, и обе страны были удовлетворены. Впечатление, произведенное этим эпизодом в Европе, было очень сильно.

6.

ЕГИПЕТ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Июнь-июль-август 1940 года

С исчезновением Франции в качестве боевой силы, и с Великобританией, связанной дома борьбой за существование, Муссолини мог вполне чувствовать, что наступает момент для исполнения его заветной мечты — установления господства на Средиземном море и восстановления бывшей Римской империи. Освобожденный от необходимости обороняться от французов в Тунисе, он мог еще более усилить многочисленную армию, собранную им для вторжения в Египет. Глаза всего мира следили за судьбой Великобритании, за скоплением германских армий и за драматической борьбой за господство в воздухе. Мы, естественно, были заняты, в основном, также этим. Во многих странах считали, что мы находимся при последнем издыхании. Наша решимость и выдержка вызвали восхищение наших друзей, но считалось, что для них нет достаточных оснований. Несмотря на всё это, Военный Кабинет был решительно настроен защищать Египет против всех вторженцев, теми силами, которые можно было уделить с решающего фронта дома. Это было тем более трудно, что Адмиралтейство заявило о невозможности, из-за опасности с воздуха, придавать военные конвои караванам наших торговых судов, проходящих через Средиземное море. Все должно было направляться в обход, вокруг мыса Доброй Надежды. В про-

тивном случае, мы легко могли ослабить наши позиции в Битве за Англию, не оказывая при этом помощи в Битве за Египет. Странно, что тогда как все, имевшие отношение к этой последней, были совершенно спокойны и жизнерадостны, писать об этом теперь нельзя без содрогания.

**
*

Когда 10 июня Италия объявила войну, британская разведка считала, — и мы теперь знаем, что она была права, — что помимо своих гарнизонов в Абиссинии, Эритрее и Сомали, в североафриканских прибрежных провинциях имелось около 215.000 итальянских войск. Расположены они были следующим образом: в Триполитании — шесть основных дивизий и две территориальных; в Киренаике — две основных и две территориальных, плюс пограничные войска, силой равные трем дивизиям; всего — пятнадцать дивизий. Британские силы в Египте состояли из 7-й бронетанковой дивизии, двух третей 4-й индийской дивизии, одной трети новозеландской дивизии, четырнадцати отдельных британских батальонов и двух полков Королевской артиллерии. Общая численность достигала, примерно, 50.000, которые должны были обеспечить и защиту западных границ, и внутренний порядок в Египте. Таким образом, нам противостояли много большие силы, при чем итальянцы имели также много больше самолетов.

В течение июля и августа итальянцы начали активизироваться во многих пунктах. Образовалась угроза в Кассале, на Белом Ниле и к западу от Хартума. В Кении распространилась тревога при известии об итальянской экспедиции, направлявшейся из Абиссинии к реке Тана и Найроби. Значительные итальянские силы вошли в Британское Сомали. Но все это было мелочью в сравнении с итальянским вторжением в Египет, которое, несомненно, подготавливалось в больших масшта-

бах. В течение некоторого времени Муссолини двигал свои силы по направлению к Египту. Еще до войны вдоль побережья была построена великолепная дорога, от главной базы в Триполи, через Триполитанию и Киренаику, — к египетской границе. Вдоль этой дороги в течение ряда месяцев наблюдалось интенсивное передвижение войск. В Бенгази, Дерне, Тобруке, Бардии и Соллуме были созданы и снабжены всем необходимым обширные склады вооружения. Общая протяженность этой дороги превышала тысячу миль, и все эти раздувшиеся итальянские гарнизоны и базы снабжения вытянулись вдоль нее как бусы на нитке.

В конце дороги и вблизи египетской границы терпеливо собиралась и организовывалась итальянская армия из семидесяти или восьмидесяти тысяч человек, со значительным количеством современного вооружения. Перед этой армией маячил приз: Египет. Позади вытянулся долгий путь до Триполи; дальше шло море. Если бы эта сила, созданная постепенно, неделя за неделей, на протяжении лет, могла двигаться постоянно вперед, покоряя все, что становилось на пути, ее будущее было бы блестящим. Если бы она могла завоевать плодородные области дельты Нила, все тревоги о долгом пути назад исчезли бы. С другой стороны, в случае неудачи, лишь немногие вернулись бы домой. В действующей армии и в серии грандиозных баз снабжения вдоль побережья, к осени собралось по крайней мере 300.000 итальянцев, которые могли бы, даже если не было бы помехи, отступить на запад лишь постепенно и по частям. На это потребовалось бы много месяцев. И если бы на египетской границе сражение было бы потеряно, если бы фронт был прорван, и если бы им не дано было бы достаточно времени, все были бы обречены на плен или смерть. Однако, в июле 1940 года было неизвестно, кто выиграет сражение.

Нашей передовой обороняемой позицией была железнодорожная станция в Мерса Матрух. На запад, к Сиди Баррани, шло неплохое шоссе, но оттуда к Соллуму не было никакой дороги, которая позволила бы держать сколько-нибудь значительные силы вдоль границы сколько-нибудь длительное время. Из некоторых наших самых лучших частей, было сформировано для прикрытия небольшое механизированное соединение, состоявшее из 7-го гусарского (легкие танки), 11-го гусарского (бронемашины) и двух моторизированных батальонов 60-го стрелкового полка и стрелковой бригады, вместе с двумя полками моторизированной Королевской конной артиллерии. Были даны приказы атаковать итальянские пограничные посты немедленно с объявлением войны. Соответственно, в течение первых суток 11-й гусарский батальон пересек границу, внезапно напал на итальянцев, которые еще не слышали о войне, и захватил пленных. На следующую ночь, 12 июня, нападение повторилось с таким же успехом, а 14 июня, вместе с 7-м гусарским и одной ротой 60-го стрелкового, он захватил пограничные форты в Капуццо и Маддалене, взяв 220 пленных. 16-го числа рейд был проведен глубже, было подбито 12 танков, перехвачен конвой на дороге Тобрук-Бардия, и взят в плен генерал.

Наши войска чувствовали, что в этой маленькой, но оживленной войне у них было преимущество и скоро возомнили себя хозяевами пустыни. Пока они не наталкивались на крупные соединения или на укрепленные позиции, они могли двигаться куда угодно, захватывая в горячих стычках трофеи. Когда сходятся две армии, имеет большое значение, какая из них обладает только той территорией, на которой находится, и какая контролирует все остальное пространство. Я наблюдал это в Бурской войне, где нам не принадлежало

ничего позади линии огней наших бивуаков, в то время как буры скакали беспрепятственно по всей стране.

Теперь с запада прибывали все возрастающие контингенты неприятельских сил, и к середине июля враг определил свою пограничную линию, при помощи двух полных дивизий и частей еще двух. В начале августа наши прикрывающие части сменила вспомогательная группа 7-й бронетанковой дивизии, состоящей из 3-го батальона Кольдстримских гвардейцев, 1-го батальона 60-го стрелкового, 2-го батальона стрелковой бригады, 11-го гусарского, одного эскадрона 6-го Королевского танкового батальона и двух механизированных батарей Королевской гусарской артиллерии, одна из которых была противотанковой. Это маленькое соединение, разбросанное на шестидесятимильном фронте, продолжало изводить противника с возрастающим эффектом. По опубликованным итальянским данным, их потери за первые три месяца войны были около трех с половиной тысяч человек, из которых семьсот были пленными. Наши собственные потери едва превосходили сто пятьдесят. Таким образом, первая фаза войны, объявленной Италией Британской империи, началась для нас благоприятно.

**
**

Средневозточное командование генерала Уэйвела предложило выждать итальянский удар вблизи укрепленных позиций Мерса Матрух. До того, как мы будем в состоянии собрать какую-то армию, это был единственный возможный для нас исход. Поэтому я предложил следующее. Первое, для сопротивления итальянским вторженцам сосредоточить максимально возможную силу. Для этого было необходимо рискнуть во многих других местах. Я с болью наблюдал разбросанность наших сил, которую допускали военные власти. Хартум и Белый Нил, несомненно, требовали подкреплений про-

тив итадо-абиссинской границы, но какой смысл было держать без дела двадцать тысяч человек, включая Союзную бригаду Южной Африки и две бригады превосходящих западноафриканских войск в Кении, понять было трудно. Часть этого края, к северу от реки Тана, я объездил верхом в конце 1907 года. Это — красивый край, но почти лишенный продовольствия. Предположение об итальянской экспедиции в составе пятнадцати или двадцати тысяч человек, с артиллерией и современным снаряжением, пересекающей четыреста или пятисот миль территории до того, как добраться до Найроби, — казалось нелепым. За фронтом в Кении находилась ширококолейная Угандская железная дорога. Мы господствовали в море, и могли двигать войска повсюду морским путем или по железной дороге, с легкостью, недостижимой для противника, двигающегося по суше. Располагая преимуществами в коммуникациях, в наших интересах было встретить итальянцев как можно ближе к Найроби и к ширококолейной дороге. Для этого не требовались значительные силы; они были нужнее в дельте Нила. Я кое-чего добился, но лишь после ожесточенной борьбы против глупой теории, что нам надо быть обеспеченными повсюду.

Я сделал все от меня зависящее, чтобы получить подкрепления из Сингапура и перевести оттуда австралийскую дивизию сперва в Индию, для тренировки, а затем в Западную пустыню. Трудное положение создалось в Палестине. По этой стране была разбросана масса отличных частей: австралийская дивизия, новозеландская бригада, наша собственная отборная Иоманрийская дивизия, почти все в бронированных машинах; кроме того там была кавалерия, еще на лошадях, но жаждущая современного оружия, с широко поставленной службой снабжения. Я хотел вооружить евреев в Тель Авиве, которые, с надлежащим оружием, оказали бы сильное сопротивление всем

вторженцам, но здесь я наткнулся на сильное сопротивление. Моей второй задачей была борьба за безопасность передвижения по Средиземному морю против слабых итальянцев и против тяжелой воздушной угрозы и за укрепление господствующей позиции Мальты. Мне казалось самым важным, чтобы военные конвои, особенно доставлявшие танки и орудия, проходили бы через Средиземное море, вместо того, чтобы обходить вокруг мыса Доброй Надежды. Это достижение представлялось мне стоящим большого риска. Посылать дивизию вокруг Африки в Египет означало, что минимум три месяца она не будет сражаться нигде; но это были драгоценные месяцы, и у нас было очень мало дивизий. И, наконец, оставался наш остров, находившийся в тот момент под достаточно откровенной угрозой вторжения. Насколько могли мы обнажить фронт нашей родины и крепость, ради спасения Среднего Востока?

**
*

В июле 1940 года, как подтверждают телеграммы, я начал все более и более заниматься положением на Среднем Востоке. В моем мозгу постоянно вертелась мысль об этой прибрежной дороге. Снова и снова возвращался я к идее перерезать ее сильными, и в то же время легкими, частями, высаженными с моря. В то время у нас, конечно, не было надлежащих бронированных средств для высадки. Все же, представлялось возможным придумать нужные для такой операции приспособления. Если скомбинировать высадку с большим сражением, она могла бы стать ценной диверсией, отвлекающей с фронта вражеские войска.

«Премьер-министр — генералу Исмэю.

10 июля 1940 г.

Поставьте перед Комитетом начальников штабов следующую проблему:

Были ли выработаны планы, на случай приближения из Ливии к египетским границам значительных сил противника, чтобы перерезать береговую шоссейную дорогу, от которой в большой степени будет зависеть его снабжение всем необходимым? Недостаточно только бомбить ее с воздуха или обстреливать с моря. Но если пара бригад хороших войск могла бы захватить какой-нибудь город или другой подходящий пункт на этом шоссе, они могли бы, при поддержке с моря, вызвать длительный перерыв в сообщениях, привлечь на себя значительные силы, а затем отступить, чтобы ударить в каком-нибудь другом пункте. Конечно, такая операция не будет эффективной до того, как значительные силы неприятеля пройдут место предполагаемой высадки. Не исключено, однако, что снабжение врага, может вестись свободно через пустыню. Я хотел бы знать, так ли это, и если так, то для чего итальянцы приложили такие старания, чтобы построить это длинное шоссе».

Я все еще не понимаю, почему до сих пор не был разработан хороший план. Но остается фактом, что никто никогда не пытался убедить наших генералов, как на Среднем Востоке, так и в Тунисе, сделать такую попытку. В 1943 году в Сицилии генерал Паттон проделал ряд чрезвычайно успешных операций подобного рода, и с их помощью достиг несомненных преимуществ. Мне удалось добиться проведения в жизнь подобного эксперимента только в Анцио, в 1944 году. Это было, конечно, сделано в гораздо более значительных масштабах, и, несмотря на успех высадки, решительные результаты, на которые мы все рассчитывали, достигнуты не были. Но все это уже другая история.

**
*

Мне хотелось бы, чтобы положение на Среднем Востоке было бы основательно разработано группой министров с военным опытом, непосредственно занимающихся тем театром войны.

«Премьер-министр — сэру Эдуарду Бриджесу

10 июля 1940 г.

Я думаю, было бы хорошо образовать небольшой постоянный министерский комитет, состоящий из государственных секретарей по военным делам (мистер Иден), по делам Индии (мистер Эймери) и колоний (лорд Ллойд) для взаимной консультации относительно ведения войны на Среднем Востоке (которая касается их всех), и для дачи мне, как министру обороны, рекомендаций для доклада Кабинету. Пожалуйста, придайте этому надлежащую форму. Государственный секретарь по военным делам согласен председательствовать в таком комитете».

Мистер Иден доложил своему комитету о недостатке на Среднем Востоке войск, снаряжения и ресурсов вообще, а также о том, что начальник Имперского генерального штаба озабочен положением там в неменьшей степени. Комитет настаивал на полной экипировке уже находившейся в Египте бронетанковой дивизии, а также рекомендовал обеспечить перевоз туда второй бронетанковой дивизии, как только это позволит ситуация дома. Начальники штабов одобрили эти заключения, при чем начальник Имперского генерального штаба заметил, что для этого надо избрать подходящий момент, — когда риск дома уменьшится, а за границей — возрастет. 31 июля Иден заключил, что мы в ближайшие недели в состоянии выделить некоторое количество танков, и что если им необходимо добраться на Средний Восток к концу сентября, отправлять их, и другое снаряжение, надо через Средиземное море. Несмотря на возрастающее напряжение в ожидании вторжения в Англии, я был полностью согласен с этим образом мыслей, и несколько раз представлял на рассмотрение кабинета крайне рискованный выбор действий.

На меня навалились и другие вопросы, связанные с положением на Среднем Востоке.

«Премьер-министр — генералу Исмэю.

23 июля 1940 г.

Где находится бригада Южно-африканского Союза, с 10.000 человек? Почему она не играет никакой роли на Среднем Востоке? Сегодня мы согласились послать дальнейшие подкрепления Ураганами и другими современными самолетами Южно-африканским военно-воздушным силам. Что случилось с соглашением по поводу средневосточной кампании? Что сделано министерским комитетом, который я недавно организовал? Теперь, когда в Средиземном море предполагаются большие морские операции, вдвойне важно, чтобы подготовка атаки на итальянские позиции в Абиссинии была ускорена всеми средствами. Примите меры к тому, чтобы к утру четверга у меня был бы доклад о положении там».

Я чувствовал острую необходимость обсудить надвигающиеся события в Ливийской пустыне с самим генералом Уэйвелом. Я никогда не встречался с этим заслуженным офицером, от которого так много зависело, и я попросил государственного секретаря по военным делам, как только представится возможность, пригласить его на неделю для консультаций. Он прибыл 8 августа, много поработал со штабами и имел несколько длинных разговоров со мной и мистером Иденом. Командование на Среднем Востоке в то время состояло из амальгамы военных, политических, дипломатических и административных проблем невероятной сложности. Мне и моим коллегам потребовалось более года успехов и падений, чтобы познать необходимость разделения ответственности на Среднем Востоке между главнокомандующим, государственным министром и генерал-интендантом, в целях решения проблемы снабжения. Хотя я не был полностью согласен с использованием генералом Уэйвелом своих ресурсов, я решил, что будет лучше оставить его командующим. Я восхищался его качествами, и на меня произвело впечатление то доверие, которое к нему питало так много людей.

Дискуссия, как устная, так и письменная, была ожесточенная. Как обычно, я изложил свою позицию черным по белому.

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для генерала Уэйвела.

10 августа 1940 г.

Я очень Вам обязан за столь исчерпывающее изложение положения в Египте и Сомали. Нам еще предстоит обсудить положение в Кении и Абиссинии. Я упомянул об очень значительных силах в Вашем распоряжении в Кении. Там имеется Союзная бригада из 6000 белых южноафриканцев, представляющая наилучший материал, который только можно было бы желать; восточноафриканские поселения, в числе не менее 2000 человек, в совершенстве знакомые со страной; две западноафриканских бригады, перевезенных с большими трудностями с западного побережья, в числе 6000; по крайней мере две бригады Королевских африканских стрелков, — всего, по меньшей мере, 20.000 человек, может быть больше. Почему все эти люди должны находиться без дела в Кении, ожидая итальянского вторжения через труднопроходимые районы из Абиссинии, или готовиться к столь же трудному переходу в Абиссинию, что опять же может случиться не скоро, когда все это время судьба Среднего Востока, и многого другого, будет решаться у Александрии или в районе Суэцкого канала?

Не зная, конечно, местных условий, я должен предположить, что разумным решением было бы охранять Кению поселенцами и Королевскими африканскими стрелками, удерживая итальянское продвижение на юг; для нас много легче доставить туда войска морем, чем итальянцам продвигаться по суше, и мы всегда можем подкрепить свои силы неожиданно и быстро. Это даст возможность немедленно перевезти в Дельту Союзную бригаду и две западноафриканских, не оценимо подкрепив Вас на решающем театре и в решающий момент. Какой смысл не использовать нашего господства в море для быстрой переброски войск с одного театра на другой? Я уверен, что могу убедить генерала Смэтса разрешить это движение Союзной бригады. Может быть Вы сообщите мне Ваши взгляды на это к завтрашнему вечеру; времени у нас мало».

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для генерала Уэйвела.
12 августа 1940 г.

1. Я совершенно не удовлетворен положением с Союзной и западноафриканскими бригадами в Кении. Эти части, как они расположены сейчас, никак не будут участвовать в отражении критических атак, развивающихся сейчас против Египта, Хартума и Сомали. В военных операциях всегда считается капитальным недостатком держать в бездействии большие войсковые соединения, когда дело решается в каком-то другом месте. Не получив дальнейшей информации, я отказываюсь принять заявление, что южноафриканская бригада настолько плохо тренирована, что не в состоянии вступить в дело. Натальские карабинеры перед войной были много лучше подготовлены, чем наши британские войска ополчения, а после объявления войны они, предположительно, были сформированы как следует. Я не вижу, почему Союзная бригада в целом должна считаться хуже наших войск ополчения. Во всяком случае, они достаточно хороши, чтобы бить итальянцев. Я прошу дать мне полную информацию об их формировании и тренировке, в каждом отдельном случае.

2. Я считаю, что наши крупные силы в Палестине не используются надлежащим образом. Все зависит от достаточного вооружения еврейских колонистов, чтобы дать им возможность организовать собственную оборону; тогда на короткое время можно будет оставить во всей Палестине лишь очень небольшие британские силы. Нужно предложить немедленное освобождение большей части расквартированного там гарнизона, включая Иоманрийскую кавалерийскую дивизию. Я не понимаю, почему австралийцы и новозеландцы, которые тренируются в Палестине по крайней мере в течение шести месяцев, не могут выделить одной бригады для службы в Египте. Сколько их там, и каково положение с их тренировкой? Эти люди были привезены с большими затратами из Австралии, отобранные как первые добровольцы для службы в Европе. У многих из них была предварительная военная подготовка, плюс почти год тренировки, полученной после начала войны. Было бы непростительно, если бы в результате нашей неспособности подготовить эту силу, только одна бригада приняла бы участие в решающих операциях по обороне Египта!

3. Две западноафриканских бригады, конечно, могут быть доставлены в Хартум через Порт Судан. Политика

примешивания туземных частей, с таким расчетом, что одна может быть использована для поддержания дисциплины в другой, всегда себя оправдывает. Эти две бригады должны быть немедленно переведены в Судан, так чтобы индийская дивизия могла бы быть переброшена в Египет или Сомали сразу же по прибытии. Я не знаю, для чего эти бригады были забраны из Западной Африки, если их использование ограничивается гарнизонной службой в Кении.

4. Сообщите мне данные о числе белых поселенцев призывного возраста в Кении. Я не могу поверить, что они не образовали местных соединений для защиты своей провинции. Если это еще не сделано, чем скорее им станет ясным их положение, тем лучше. Помимо поселенцев и Королевских африканских стрелков, в Кении не должно быть никаких других войск. Учитывая весь риск и все хлопоты, на которые мы идем ради подкрепления сил в Египте за счет Англии, тенденция не использовать в этот критический момент до последних пределов силы, имеющиеся на местах, совершенно недопустима.

5. Сообщите мне все данные о двух британских дивизиях в Дельте. В этом секторе нельзя делать какие-либо заключения просто из расчета числа дивизий; равным образом, нельзя позволить, чтобы использованию этих превосходных регулярных частей в какой-то мере помешали бы жалобы на недостаточную экипировку.

6. Несомненно, что возможность для бронетанковых и мотомеханизированных частей врага передвигаться с такой же легкостью по пустыне, как и по прибрежному шоссе, должна быть изучена дополнительно. Это может быть справедливо в отношении гусеничных машин, но и эти последние, если их заставить делать долгие переходы через скалистые и песчаные пустыни, наверняка серьезно пострадают. Во всяком случае, без специальных широких резиновых шин, колесный транспорт натолкнется на большие затруднения. Имеют ли их итальянские машины и в какой степени?

7. Что сделано для выведения из строя на длительный срок колодцев и других источников водоснабжения, которые не нужны нам самим? Заготовлены ли запасы мин замедленного действия для подрывания дорог, которые нам надо будет оставить? Примите меры, чтобы по крайней мере двухнедельный запас взрывателей замедленного дейст-

вия (я надеюсь, что его хватит на более долгий срок) был послан в Египет с первым же попутным пароходом. Выясните, нет ли возможности разрушить асфальтовое покрытие оставляемых нами дорог химическим воздействием тяжелого мазута, или каким-либо иным способом.

8. Пришлите мне подробный и точный отчет о всех военных частях на Среднем Востоке, включая польских и французских добровольцев.

Я был бы рад обсудить с Вами затронутые выше вопросы сегодня вечером».

**
*

В результате дискуссий в штабе 10 августа, с горячего одобрения Идена, Дилл мне написал, что военное министерство готовится немедленно послать в Египет один рейдовый танковый батальон из 52 танков, один легкий танковый полк (52 танка), и один пехотный танковый батальон из 50 танков, вместе с 48 противотанковыми орудиями, 20 легкими зенитными, 48 двадцатифунтовыми полевыми орудиями, 500 пулеметами Брена, и 250 противотанковыми винтовками, со всей необходимой амуницией. Все это будет отправлено, как только закончится погрузка. Единственный открытый вопрос был — отправлять ли все это вокруг мыса Доброй Надежды, или рискнуть проскользнуть через Средиземное море. Как будет видно из следующей главы, я все время нажимал на Адмиралтейство, настаивая на прямом конвое через Средиземное море. По поводу этого последнего было много дебатов. Тем временем, Кабинет одобрил погрузку и отправку этого снаряжения, отложив решение о том, каким путем ему идти, до момента, когда караван подойдет к Гибралтару. Это давало нам время до 26 августа, и к тому времени мы должны были знать много больше о близости какой-либо итальянской атаки. Время не было потеряно. Решение сделать это «переливание крови» в момент, когда мы собира-

лись со всеми силами, чтобы самим встретить лицом к лицу смертельную угрозу, было одновременно страшным и правильным. Никто не колебался.

**
*

Нижеследующая директива, которую мы обсуждали все вместе, была окончательна выработана мной, и Кабинет одобрил ее без всяких добавлений, в полном согласии с начальниками штабов.

«Премьер-министр — государственному секретарю по военным делам и начальнику Имперского Генерального штаба.

16 августа 1940 г.

ОБЩАЯ ДИРЕКТИВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ НАШИМИ СИЛАМИ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

1. Вторжение из Ливии в Египет должно ожидать в любой момент. Поэтому необходимо собрать и употребить в дело в районе западной границы максимально возможные силы. Этой задаче должны быть подчинены все политические и административные соображения.

2. Хотя мы вынуждены противником к эвакуации Сомали, стратегически это получается кстати. Все части, имеющиеся или направляющиеся в Сомали, должны быть посланы в Аден, а оттуда или через Порт Судан — в Судан, или в Египет, как окажется лучше.

3. Оборона Кении менее важна, чем оборона Судана. После того, как ослабеет кризис в Египте и Судане, будет достаточно времени для посылки подкреплений в Кению морским или железнодорожным путем, прежде чем большая итальянская экспедиция доберется до реки Тана. Мы всегда в состоянии подкрепить Кению быстрее, чем Италия — перевести туда свои войска из Абиссинии или Итальянского Сомали.

4. В соответствии с этим, либо две западноафриканские бригады, либо две бригады Королевских африканских стрелков, должны быть переброшены в Хартум. Генералу Смэтсу послан запрос с просьбой разрешить перебросить Союзную бригаду, или большую ее часть, в зону Суэцкого канала и Дельту, для целей внутренней безопасности. Долж-

ны быть приняты меры к продолжению ее военной подготовки. Адмиралтейство должно сообщить о возможностях плавания в Индийском океане и Красном море.

5. В виду того, что вслед за итальянской оккупацией Британского Сомали, можно ожидать усиления воздушных атак в районе Красного моря, представляется важным усилить нашу авиацию, базирующуюся на Аден.

6. Две бригады, одна регулярная и одна австралийская, находящиеся наготове в Палестине, должны сейчас быть переброшены в Дельту, для того чтобы очистить палестинские коммуникационные линии для продвижения дальнейших резервов, — как только эти последние смогут быть снаряжены для полевой службы или организованы для поддержания порядка и безопасности в тылах.

7. Немедленно же, три или четыре спешенных полка британской кавалерии, должны взять на себя несение службы в Зоне канала, освободив три батальона регулярных войск для общего резерва полевой армии Дельты.

8. Остальные австралийские части в Палестине, в числе шести батальонов, должны быть также подготовлены к тому, чтобы в пятидневный срок двинуться после получения приказа из Палестины в Дельту, для несения службы безопасности или исполнения каких-либо других срочных обязанностей. Как только это будет удобно, нужно будет перевести из Палестины в Дельту польскую бригаду и французских добровольцев, и присоединить их там к общему резерву.

9. Необходимо предельно ускорить переброску индийской дивизии, которая в настоящий момент либо грузится, либо находится в пути. Если частей, эвакуированных из Сомали и ненужных в Адене, не будет достаточно для подкрепления сил в Судане в дополнение к подкреплениям из Кении, будет крайне желательно, чтобы вся эта дивизия направилась в Суэц и там присоединилась к Армии Дельты (позднее названной Нильской армией). Помимо этого, по крайней мере три батареи британской артиллерии, хотя бы конной, должны быть немедленно отправлены из Индии в Суэц. Средства для переброски предоставит Адмиралтейство.

10. Большинство указанных выше перебросок должно быть закончено между 15 сентября и 1 октября, в результате — Армия Дельты будет состоять из:

- а) Британских бронетанковых сил в Египте,
- б) четырех британских батальонов в Мерса Матрух, двух в Александрии и двух в Каире, итого восемь,
- в) трех батальонов из Зоны канала,
- г) резервной британской бригады из Палестины, всего 14 британских батальонов регулярных войск,
- д) новозеландской бригады,
- е) австралийской бригады из Палестины,
- ж) польской бригады,
- з) части Союзной бригады из Южной Африки,
- е) 4-й индийской дивизии, находящейся сейчас в тылу Мерса Матрух,
- и) новой индийской дивизии, находящейся в пути,
- к) 11.000 призывников, с момента на момент прибывающих в Суэц,
- л) всей артиллерии (150 орудий), находящейся сейчас на Среднем Востоке или в пути из Индии,
- м) египетской армии, в той степени, в какой она может быть использована для полевых операций.

II. Вышеперечисленное должно составить, самое позднее к 1 октября, 39 батальонов, вместе с бронетанковыми силами, всего 56.000 человек и 212 орудий. В это число не входят войска, занятые на службе внутренней безопасности.

Часть II

12. Имеется надежда, что Адмиралтейству удастся провезти через Средиземное море бронетанковую бригаду в составе трех танковых полков. Если это не окажется возможным, на их прибытие кружным путем вокруг мыса Доброй Надежды можно рассчитывать в первой половине октября. Прибытие этих сил в сентябре представляется настолько важным, что оправдывает значительный риск их транспортировки.

Часть III

Тактическое использование перечисленных выше сил:

13. Позиции у Мерса Матрух должны быть полностью укреплены, и с предельной скоростью. Сектор, сейчас обороняемый тремя египетскими батальонами, должен быть занят тремя британскими батальонами, чтобы сделать всю часть однородной. Это должно быть сделано даже в том случае, если египетское правительство захочет забрать ар-

тиллерию находящуюся сейчас в этих трех батальонах. Совместно с главнокомандующим Средиземноморским флотом, должны быть изучены возможности посылки подкреплений в Мерса Матрух морским путем, а также разрыва коммуникаций противника, как только силы последнего проследуют по направлению к Дельте. В качестве варианта, может быть избран десант у Соллума или далее на запад.

14. Должно быть выведено из строя все водоснабжение между Мерса Матрух и Александрией; об этом мероприятии дается отдельное примечание. Не следует предпринимать никаких попыток оборонять колодцы в прибрежном районе малыми силами. Если понадобится, 4-я индийская дивизия должна быть отведена к Александрии, или вывезена морем. Дорога между Соллумом и Мерса Матрух, и тем более асфальтированное шоссе между Мерса Матрух и Александрией, должны выводиться из строя, по мере отступления, посредством мин замедленного действия или химической обработки асфальтового покрытия.

15. Основная линия обороны, подлежащая удержанию силами всей Армии Дельты и соответственным образом расположенными резервами, должна пройти от Александрии вдоль границы обрабатываемой зоны и оросительных каналов Дельты. (Подготовить эту линию следовало уже давно). Для этой цели необходимо возвести от побережья до обрабатываемой зоны и главного оросительного канала надежные бетонные укрепления и пулеметные гнезда, и соорудить позиции с помощью мешков, наполненных песком. От этой линии необходимо в кратчайший срок протянуть линию снабжения дальше. Зона Дельты представляет собой очень эффективное препятствие для продвижения танков всякого рода; с помощью земляных и песчаных укреплений можно будет легко вести оборону Египта и выдвинутого фланга Александрийского фронта. Широкая, от четырех до пяти миль, полоса, должна быть затоплена паводковыми водами Нила, контролируемые из Ассуана. В этой полосе, или сразу же позади ее, должна быть сооружена серия укрепленных позиций, вооруженных артиллерией.

16. Таким образом, на указанных выше позициях, Армия Дельты будет ожидать итальянского вторжения. Необходимо быть готовым к тому, что противник будет наступать крупными силами, ограниченными только — но очень чувствительно — снабжением водой и горючим. Несомненно, что на своем правом фланге он будет иметь значитель-

ные бронетанковые силы, для того чтобы сдерживать — и вынудить к отступлению — наши слабейшие силы, если эти последние не будут своевременно подкреплены танковым полком из Великобритании. В случае невозможности взять Мерса Матрух штурмом противник предпримет его осаду. Но если основная линия обороны Дельты будет тщательно укреплена и будет решительно удерживаться, он будет вынужден развернуть перед ней свою армию, снабжение которой водой, горючим, продовольствием и амуницией будет затруднительным. Как только эта армия будет серьезно втянута в операцию, действия против ее коммуникационных линий из Мерса Матрух, путем бомбардировок с моря, десанта в Соллуме или даже далее к западу, явятся для нее смертельным ударом.

17. Таким образом, кампания по обороне Дельты сводится к сильной обороне, левое крыло которой идет от Александрии вглубь страны, а правым являются наши морские силы, действующие против коммуникаций противника. В то же самое время будем надеяться, что наши силы, действующие с Мальты, будут препятствовать посылке из Европы в Африку итальянских или немецких подкреплений.

18. Все это можно наладить к 1 октября, при условии, что это время будет в нашем распоряжении. Если нет, мы должны будем делать все, что возможно. Все подготовленные и регулярные войска, независимо от того, снаряжены они полностью, или нет, должны быть использованы для обороны Дельты. Все вооруженные белые, а также индийские и иностранные части, должны быть использованы для обеспечения безопасности в тылах. Египетскую армию надо заставить принять участие в поддержке фронта в Дельте и таким образом собственно в Египте придется иметь дело только с толпами бунтовщиков.

Прошу дать указания о выполнении вышеизложенного и быть готовым все это подробно обсудить со мной 16 августа, в 16.30».

С этой директивой генерал Уэйвел вернулся в Каир на третьей неделе августа.

**
*

Сейчас я должен упомянуть о небольшом, но в то же время сопряженном с неприятностями военном

эпизоде. Итальянцы, используя намного превосходящие нас силы, выставили нас из Сомали. Эту историю надо рассказать.

До декабря 1939 года, наша политика в случае войны против Италии ориентировалась на эвакуацию Сомали, но в том месяце, начальник Имперского генерального штаба генерал Айронсайд высказался за оборону этой территории или, на крайний случай, за удержание Берберы. Должна была быть подготовлена проходящая через горы линия обороны для защиты Туг-Арганского ущелья. Один британский батальон (Черных часовых), два индийских и два восточно-африканских, с сомалийским верблюжьим корпусом и одной легкой африканской батареей, поддержанные небольшими противотанковыми и зенитными соединениями, были собраны к началу августа. 21 июля генерал Уэйвел телеграфировал в военное министерство, что отступление без боя окажется катастрофическим для нашего престижа и что Сомали может служить ценной базой для будущего наступления. Сражения начались во время его визита в Лондон, и он заявил министерскому Комитету по делам Среднего Востока, что хотя стратегический ущерб от потери Сомали будет невелик, она будет означать удар для нашего престижа.

Итальянцы вошли в Британское Сомали 3 августа силами трех батальонов итальянской пехоты, четырнадцати — колониальной пехоты, двух групп горной артиллерии, и тяжелых, средних и легких бронетанковых соединений. Эти большие силы сблизилась с нашими 10 августа, а новый британский командующий, генерал Годвин-Остин, прибыл 11-го. В инструкциях ему было указано: «Вашей задачей является не допустить продвижения итальянцев за линию главных позиций... В случае необходимости, примите нужные меры для отступления». Сражение произошло

12-13 августа, и одна из четырех наших ключевых позиций была захвачена после сильного артиллерийского обстрела. В ночь на 15-е генерал Годвин-Остин решил отступить. Это, по его словам, было «единственным путем для спасения от катастрофического поражения и истребления наших сил». Средневосточный штаб утвердил эвакуацию, которая и была проведена под сильной аррьергардной защитой Черных часовых.

Я далеко не был удовлетворен тактическим проведением этой операции, вошедшей в историю как наше единственное поражение, нанесенное нам итальянцами. Именно в момент, когда на Египет надвигались грандиозные события, и когда так много зависело от нашего престижа, этот отход причинил вред, намного превосходящий его стратегическое значение. В Италии было не мало торжеств, и Муссолини заранее ликовал по поводу своей предстоящей атаки на долину Нила. Однако, генерал Уэйвел защищал местного командира, утверждая, что сражение было тяжелым.

В виду того, что нам надо было провести вместе большое дело, я отказался от мысли откровенно высказать свою точку зрения в военном министерстве или в беседе с генералом Уэйвелом.

**
*

В это время наши сведения говорили о быстром возрастании итальянских сил в Албании, в свою очередь угрожавших Греции. По мере того, как увеличивались в масштабах и становились более очевидными немецкие мероприятия по подготовке вторжения в Великобританию, было невозможно ослабить наши атаки на устья германских и голландских рек и на французские порты, где собирались баржи для десанта. Я не пришел ни к какому решению относительно перевода из Англии эскадрилий бомбардировщи-

ков. Однако, детальное планирование операций часто бывает полезным. Как ни кажется странным, вне сферы воздуха, военно-воздушные силы менее подвижны, чем все другие виды оружия. Эскадрилья может долететь до места назначения за несколько часов, но чтобы обеспечить самолеты нужными сооружениями, складами, горючим, запасными частями и мастерскими, требуются недели и даже месяцы.

(К исполнению сегодня)

«Премьер-министр — начальнику штаба авиации и генералу Исмэю.

28 августа 1940 г.

Представьте мне свои соображения по переводу по крайней мере четырех эскадрилий тяжелых бомбардировщиков в Египет, в дополнение к тому, что делается сейчас в этом плане. Эти эскадрильи будут действовать с выдвинутых баз в Греции на предельно далекие расстояния, — если Греция будет вынуждена воевать с Италией. Там же они и будут заправляться перед налетами на Италию. Их атакам будут открыты многие превосходные мишени, включая итальянский флот. Оперировать с Греции, в случае ее вступления в войну, много лучше чем с Мальты — в ее нынешнем беззащитном состоянии. Ваш доклад должен быть короток, и должен просто изложить метод, трудности и цели, одновременно с расписанием. Нет нужды обсуждать вопросы политики, которые будут решены Оборонным комитетом кабинета. Составление наилучшего плана не будет означать для министерства авиации, или кого-либо иного, необходимости его принимать, но все меры должны быть приняты к разрешению трудностей».

**
*

Я не могу лучше закончить эту главу, чем приведя доклад, сделанный мной о положении в августе премьер-министрам Австралии и Новой Зеландии. Он был продолжением моего послания от 15 июня.

«Премьер-министр — премьер-министрам Австралии и Новой Зеландии.

11 августа 1940 г.

Комитет начальников штабов готовит отчет о положении в Тихом океане, но я беру на себя смелость выслать вам вперед краткое предисловие. Мы всеми силами стараемся избежать войны с Японией, делая уступки как в вопросах, которыми могла бы воспользоваться японская военная клика как предлогом к разрыву, так и отставая наши позиции там, где почва не кажется столь опасной, — например, в случаях арестов японцами британских подданных. Я лично думаю, что если не произойдет успешного германского вторжения в Англию, Япония не объявит нам войны. Если Япония увидит, что попытка Германии кончится провалом, или что Гитлер просто не хочет рисковать, я предвижу облегчение положения на Тихом океане. Избирая политику уступок перед лицом японских угроз, мы исходили из постоянного учета ваших интересов и безопасности.

Если тем не менее Япония объявит нам войну ее первой целью за пределами Желтого моря будет вероятно Голландская Ост-Индия. Очевидно, это не понравится Соединенным Штатам, хотя мы не можем сейчас сказать, как они поступят. Они не обещают помочь нам, но факт присутствия их главного флота в Тихом океане должен вызывать серьезную тревогу в Японском адмиралтействе. В этой, первой, фазе англо-японской войны мы, конечно, должны будем защищать Сингапур, который, если будет атакован — что мало вероятно — сможет выдержать долгую осаду. Мы также сможем базировать на Цейлон легкий линейный корабль и быстроходный авианосец, которые, вместе со всеми австралийскими и новозеландскими крейсерами и миноносцами — которые вам будут возвращены — будут играть роль мощной сдерживающей силы для вражеских рейдеров.

В ближайшее время мы подкрепим первоклассными соединениями наш Восточно-средиземноморский флот, который, конечно, может быть в любой момент направлен через Суэцкий канал в Индийский океан, или на помощь Сингапуру. Мы, однако, не сделаем этого даже в случае объявления Японией войны, — если только это не окажется жизненно необходимым для вашей безопасности. Подобный

перевод повлечет за собой полную потерю Среднего Востока и крушение надежд разбить Италию на средиземноморском театре. В ближайшем будущем мы ожидаем сильного нападения на Египет, и Восточно-средиземноморский флот необходим для того, чтобы помочь его отбить. Если вражеское нападение завершится успехом, флот этот покинет Средиземное море либо через Канал, либо через Гибралтар. При всех обстоятельствах, большая часть его будет предоставлена для нужд вашей обороны. Однако, мы надеемся остаться в Египте и держать Восточный флот в Александрии в течение первой фазы Англо-японской войны, буде такая начнется. Никто не может сказать заранее, что произойдет. Нам надо оценивать положение день изо дня, и предельно использовать наличные ресурсы.

И здесь встает последний вопрос: попытается ли Япония, после объявления войны, вторгнуться в Австралию или Новую Зеландию значительными силами. Мы считаем это очень маловероятным, во-первых, потому, что Япония завязла в Китае, во-вторых, потому, что она будет занята сбором богатейших трофеев в Голландской Ост-Индии, и, в-третьих, не рискнет посылать важной части своего флота так далеко на юг, оставляя на его пути домой флот Соединенных Штатов. Если, однако, вопреки осторожности и собственным интересам, Япония решится на вторжение значительными силами в Австралию или Новую Зеландию, я могу вас заверить на основании ясных полномочий, данных мне Кабинетом, что мы пойдем на все потери в Средиземном море и принесем в жертву все, кроме интересов обороны и пропитания нашего острова — от чего зависит все — и поспешим к вам на помощь с силами, достаточными для борьбы с любой экспедицией, которую японцы смогут направить в австралийские воды и для отражения любого вторжения, — и уж во всяком случае — для пересечения коммуникаций противника с Японией.

Мы, однако, надеемся, что дела примут иной оборот. Выигрывая время с Японией, мы можем выйти благополучно из нынешнего опасного положения. Мы сейчас здесь несравненно сильнее, чем были тогда, когда я телеграфировал вам в мае. У нас есть большая армия, которая скоро будет хорошо снаряжена. Мы укрепили наши берега. У нас имеются сильные резервы подвижных частей, включая нашу регулярную армию, австралийские, новозеландские и канадские

контингенты, с несколькими бронетанковыми дивизиями или бригадами, готовыми идти во главе любой успешной контратаки. Мы перевезли из Соединенных Штатов около тысячи орудий и шестьсот тысяч винтовок, с полной амуницией, — что означает для нас громадную помощь. Освобожденная от тяжести защиты Франции, наша армия с каждым днем становится все более мощной и снаряжение ее укомплектовывается. Кроме того, у нас есть ополчение из 1.500.000 человек, в числе которых имеются ветераны прошлой войны, и большинство которых вооружены винтовками или другим оружием.

Королевские военно-воздушные силы продолжают проявлять все то же индивидуальное превосходство над врагом, на которое я так рассчитывал, когда телеграфировал вам 16 июня. Вчерашнее важное сражение над Ламаншем показало, что мы можем атаковать втрое сильнеешего противника, нанося потери, в три с половиной раза превосходящие наши собственные. Лорд Бивербрук добился поразительных успехов в производстве лучших самолетов. С тех пор, как я вам телеграфировал, наша сила в истребителях и бомбардировщиках почти удвоилась, и под руками мы имеем очень большой запас машин. Я не думаю, что германская авиация обладает достаточным числом и нужным качеством самолетов, чтобы сломать нашу воздушную оборону.

С каждым месяцем увеличивается мощь нашего флота, и мы начинаем получать суда, заложенные в большом количестве сразу же после начала войны. Между июнем и декабрем в строй войдет более пятисот судов, больших и малых, очень многие из которых крайне важны. Германский флот слабее, чем когда-либо. «Шарнхорст» и «Гнейзенау» — оба находятся в доках, где чинят полученные повреждения; «Бисмарк» еще не прошел своих испытаний, «Тирпиц» отстает от «Бисмарка» на три месяца. У немцев имеется сейчас, в эти критические две недели, — после чего будет слишком поздно начинать вторжение, — только один «карманный линкор», пара «Хипперов», вооруженных восьмидюймовыми орудиями, два легких крейсера и, может быть, десятка два миноносцев. Для немцев было бы очень неразумно пытаться перевезти большую армию, — которая сейчас нужна для успеха вторжения, — через Ламанш, по существу без прикрытия от наших флота и авиации, лишь

для того, чтобы на берегу натолкнуться на наши мощные военные силы; для них будет еще труднее содержать такую армию и снабжать ее снаряжением и продовольствием. С другой стороны, если Гитлер не вторгнется и не завоюет Великобритании до того, как погода изменится, он получит первый и, вероятно, роковой «шах» в своей игре.

Поэтому, мы отчетливо чувствуем все возрастающую уверенность в собственных силах, и в нашей способности успешно защититься и продержаться тот год, или два, которые могут оказаться необходимыми для победы».

7.

ПУТЬ ЧЕРЕЗ СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Вплоть до крушения Франции Средиземное море контролировалось флотами Великобритании и Франции. В Гибралтаре, для сторожевой службы в проливе, мы держали небольшую группу крейсеров и миноносцев. В восточном бассейне, базируясь на Александрию, находился наш Средиземноморской флот. Этот последний в начале года, когда позиция Италии стала угрожающей, был подкреплён и представлял собой силу из четырех линкоров, семи крейсеров, одного авианосца и многих меньших судов. Теперь Франция вышла из строя, а Италия вступала в него. Численно сильный итальянский флот состоял из шести линкоров, в том числе двух последнего типа («Литторио»), вооружённых пятнадцатидюймовыми орудиями, ещё два более старых линкора переоборудовались и в тот момент не были в строю. Кроме того, в их флот входило 19 современных крейсеров, из которых семь были вооружены восьмидюймовыми орудиями, 120 миноносцев и торпедных катеров и более сотни подводных лодок.

В дополнение нам противостояла сильная итальянская авиация. Столь грозной вырисовывалась ситуация к концу июня, что Адмиралтейство начало подумывать об оставлении восточного бассейна Средиземного моря и концентрации в Гибралтаре. Я оказывал сопротивление подобной политике, которая, хотя и оправданная на бумаге силой итальянского флота, не

соответствовала моим впечатлениям о его боевой ценности, а также означала обреченность Мальты. Было решено вести борьбу в обоих концах. 3-го июля начальники штабов представили доклад о положении в Средиземном море, в котором делалось упоминание о важности Среднего Востока в качестве военного театра, но признавалось, что наша общая политика в течение некоторого времени будет вынужденно оборонительной. Возможность немецкого нападения на Египет должна была рассматриваться серьезно, но поскольку мы могли держать наш флот в восточных водах, наличных сил было достаточно, чтобы отбить чисто местную атаку.

Мы уже видели, каким образом в Гибралтаре в конце июня была образована эскадра под командованием Сомервиля. Она состояла из линкоров «Худ», «Резолюшон» и «Вельянт», авианосца «Арк Ройал», двух крейсеров и одиннадцати миноносцев. С этими силами мы провели операцию в Ороне. В Восточном Средиземноморьи в адмирале Эндрю Каннингхэме мы нашли неустрашимого офицера выдающихся способностей. Немедленно вслед за объявлением Италией войны он вышел в море в поисках врага. Королевские военно-воздушные силы атаковали Тобрук и потопили старый итальянский крейсер «Сан Джорджио». Флот бомбардировал с моря Бардию. В обоих концах моря действовали подводные лодки, и до конца июня от глубоководных мин погибло десять судов противника, против трех наших.

В июле, прикрывая караван судов, шедших с Мальты в Александрию, адмирал Каннингхэм заподозрил присутствие мощных итальянских сил. Судя по интенсивности атак итальянской авиации, было очевидно, что противник был также занят проведением важной операции, и теперь нам известно, что он планировал завести британского адмирала в такое место, где он бы

подвергся концентрационной атаке основных сил итальянской авиации и подводных лодок. Адмирал Каннингхэм сразу же перехватил инициативу и, несмотря на численную слабость своих сил, смело развернул их между противником и его базой.

Контакт произошел на следующий день, за чем последовала стрельба на длинную дистанцию, в результате которой были отмечены попадания в один вражеский линкор и два крейсера, без всяких повреждений для судов британского флота. Противник отказался от мысли довести сражение до конца и, пользуясь превосходящей скоростью, смог уйти, преследуемый адмиралом Каннингхэмом почти до самых итальянских берегов. В течение этого дня, и двух последующих, продолжались безуспешные, хотя и интенсивные воздушные атаки, и конвой, хотя часто осыпаемый бомбами, благополучно добрался до Александрии. Эта вдохновенная операция установила доминирующее влияние британского флота в Средиземном море, а итальянскому престижу был нанесен удар, от которого противнику никогда не удалось оправиться. Десятью днями позже австралийский крейсер «Сидней», с флотилией британских миноносцев, потопил итальянский крейсер. Таким образом, наши первые стычки с новым противником никак нельзя было считать обескураживающими.

Однако, в то время на долю Адмиралтейства выпали исключительно тяжелые задачи. Угроза вторжения требовала значительной концентрации больших и малых судов в Ламанше и Северном море. Немецкие подводные лодки, начавшие к августу оперировать из портов Бискайского залива, причиняли тяжелые потери нашим трансатлантическим караванам, почти без всякого для себя ущерба. До сего времени сила итальянского флота ни разу не подвергалась испытаниям. Возможность объявления войны Японией, со всеми выте-

кающими последствиями для нашей Восточной империи, приходилось постоянно иметь в виду. Не удивительно поэтому, что Адмиралтейство с большой тревогой относилось к рискованным операциям в Средиземном море и его очень искушала мысль принять строго оборонительную тактику у Гибралтара и Александрии. Я, со своей стороны, не видел, почему бы многочисленным судам, находящимся в Средиземном море, не сыграть с самого начала активной роли. Мальту надо было укрепить посылкой туда эскадрилий самолетов и войск. Хотя было разумно приостановить движение торговых судов и направлять большие караваны с войсками вокруг мыса Доброй Надежды, я не мог примириться с мыслью о полном закрытии пути через это внутреннее море. Более того, я надеялся, что, пропустив через него несколько специальных караванов, мы могли бы спровоцировать пробу сил итальянского флота. Я надеялся, что это произойдет, и что Мальта будет надлежащим образом укреплена войсками, зенитными орудиями и самолетами до появления на этом театре немцев, о чем я думал с ужасом. В течение летних и осенних месяцев я вел с Адмиралтейством дружескую, хотя и напряженную, дискуссию по поводу этого участка нашего фронта.

«Премьер-министр — Первому лорду и Первому морскому лорду.
12 июля 1940 г.

Я полагаю, что «Бриллиант» может вполне отправиться в Средиземное море и сменить там «Арк Ройал». В этом случае «Бриллиант» смог бы доставить на Мальту большое число Ураганов. Так как в настоящий момент этих последних у нас избыток, наши силы в Англии от этого не ослабеют, а на Ураганах там смогут летать пилоты мальтийских Гладнаторов.

Операция против Лулеи (в Балтике) теперь, когда немцы контролируют все французское и бельгийское побережье, стала менее важной. Мы должны учитывать возможности операций в Средиземном море.

Вы собирались сообщить мне ваш план о замене миноносцев средиземноморской флотилии на более выносливые. Могу я получить этот план со всеми датами?»

На это в тот же день через Первого лорда пришел ответ адмирала Паунда:

«Сейчас нам уже известно положение в воздухе в западной части Средиземного моря, и как только будет закончена операция, которой в настоящее время занят наш восточный флот, мы будем достаточно хорошо знать также, с чем мы сталкиваемся в восточном бассейне.

Нет никаких сомнений, что и «соединение Эйч» (гибралтарская эскадра. Прим. переводчика) и Восточно-средиземноморской флот действуют в крайне неблагоприятных условиях в том отношении, что нам нет возможности дать им прикрытие истребителями, подобно тому, как мы прикрываем наши суда в Северном море, когда они находятся в районе, подверженном бомбардировкам.

В данный момент мы стоим перед проблемой доставки на Мальту самолетов и зенитных орудий и самолетов в Александрию. Я вовсе не уверен, что риск прохода судна, груженного этим снаряжением, через Средиземное море не чрезмерно велик; я полагаю, что было бы лучше примириться с задержкой и направить его вокруг мыса Доброй Надежды.

Следует также рассмотреть вопрос о «Бриллианте», но в этом нет немедленной необходимости, поскольку ему нужно сперва погрузить полный комплект истребителей Фульмар.

Принимаются меры к замене некоторых из миноносцев в Гибралтаре другими, с большим радиусом действия, но точная дата этой операции будет, повидимому, зависеть от сопровождения в Гибралтар судна, о котором я упоминал выше».

«Премьер-министр — Первому морскому лорду.

15 июля 1940 г.

1. Прошло три недели с того дня, как я наложил вето на предложение эвакуировать восточный бассейн Средиземного моря и перевести в Гибралтар флот адмирала Каннингэма. Я надеюсь, к этому проекту возвращаться больше не придется. Каждому ясен риск воздушной атаки в цен-

центральной части Средиземного моря. Время от времени, однако, и по веским соображениям, рисковать нам этим придется; военные корабли для того и делаются, чтобы быть под огнем. Наше положение было бы совершенно другим, если бы в октябре прошлого года было поддержано мое пожелание оборудовать палубы кораблей класса «Ройал Соверейн» тяжелой противовоздушной броней, несмотря на то, что увеличившийся объем отразился бы на их скорости. Предложение это было сведено на-нет выдвигавшимися на каждом шагу возражениями и указаниями на различные трудности, и в результате мы в этом отношении стоим там же, где были год назад. Если бы мы одели в броню все наши «Ройал Соверейн» и установили на них соответствующие орудия, мы могли бы бомбардировать итальянское побережье со значительной долей безнаказанности. Различные конференции и Адмиралтейство перед нынешней войной совершенно недооценили угрозы воздушных атак, и санкционировали безответственные заявления в Парламенте относительно способности кораблей им противостоять. Теперь замечается тенденция удариться в другую крайность и считать ошибочным подвергать опасности корабли Его Величества, вводя их в зону операций вражеских бомбардировщиков, — что время от времени бывает необходимым для успеха наших операций...

Можно быть уверенным в том, что с прибытием немцев на средиземноморской театр масштабы неприятельских воздушных налетов возрастут.

2. Создание мощной противовоздушной обороны на Мальте становится задачей первостепенной важности; также необходимо устроить там базу для нескольких эскадрилий наших лучших истребителей. Это должно быть проделано под огнем противника. Я хотел бы знать действительное состояние обороны в свете предложений, которые я уже видел на бумаге. Необходимо немедленно устроить укрепленные огневые точки. Как я понимаю, сейчас получено небольшое количество зенитных орудий и Ураганов, и что основное снаряжение последует вскоре вслед за этим. Может вполне оказаться возможным к концу месяца выделить большую партию за счет нашей островной обороны. Первая срочная партия должна быть доставлена на Мальту как можно скорее. Груз может быть распределен на несколько судов, чтобы избежать потери всего в случае попадания вражеской бомбы. Задержка от того, что суда эти

будут направлены вокруг Африки, совершенно неприемлема. Поскольку дело касается Мальты, я не вижу, каким образом подобный объезд позволит избежать опасностей; путь от Александрии и Мальты во всяком случае более опасен, чем путь к Мальте от Гибралтара.

3. О «Бриллианте». Учитывая, что в Северном море и Атлантическом океане мы вынуждены к обороне, и что никому не придет в голову уводить «Бриллиант» в узкий пролив к северу или к югу от Дувра, где у нас уже имеется хорошая авиационная база на берегу, наши авианосцы в английских водах смогут оперировать только в некотором расстоянии от вражеских берегов. С другой стороны, в Средиземном море мы должны придерживаться наступательной тактики против Италии и приложить все усилия к восстановлению Мальты в качестве базы для флота в особых случаях. Мне представляется, что со своей бронированной палубой «Бриллиант» будет больше на месте в Средиземном море, тогда как «Арк Ройал» будет больше на месте у берегов Англии. Введение в строй «Бриллианта» непростительно задержалось, и я хотел бы знать, когда закончится погрузка на него Фульмаров, и он будет готов отправиться на смену «Арк Ройал».

4. Я рад, что приняты меры к посылке в Гибралтар миноносцев большего размера действия и к переводу судов с меньшим радиусом в зону Ламанша».

**
*

Тем временем политика Адмиралтейства изучалась самым тщательным образом, и 15 июля немерение держать сильную эскадру в Восточном Средиземноморье было снова подтверждено в радиограмме главнокомандующему. В сообщении указывалось, что главной британской задачей на востоке является уничтожение неприятельского флота, хотя у него и имеется численное превосходство. На западе «соединение Эйч» должно было контролировать западный выход из Средиземного моря и предпринимать наступательные операции против итальянского побережья. Я был, в общем, согласен с этой политикой силы. Главнокомандующе-

му было предложено сообщить, какие тяжелые корабли ему нужны для обеих эскадр и, в случае желательности обмена, высказаться, следует ли провести соответствующие корабли через Средиземное море или вокруг мыса Доброй Надежды.

В своем ответе он высказал пожелание, чтобы ему были переданы и «Вельянт» и «Бархэм». Это позволило бы ему располагать быстрее и наилучшим образом вооруженными четырьмя линкорами. После этого он смог бы избавиться от «Ройал Соверейн», который со своей слабо укрепленной палубой представлял вечный источник для беспокойства. Далее, он потребовал два авианосца, включая «Бриллиант», и два крейсера с восьмидюймовыми орудиями. Он был согласен с Первым морским лордом, что в западном бассейне Средиземного моря будет достаточно иметь эскадру в составе «Худа» и «Арк Ройал», с одним или двумя линкорами класса «Р». Он считал, что с этими силами мы сможем господствовать в Средиземном море и удерживать до бесконечности восточный бассейн, при условии, что Мальта будет надлежащим образом защищаться истребителями и что будут увеличены его ресурсы в Александрии. В заключение он сказал: «При тщательно рассчитанных продвижениях должно быть возможно провести подкрепления через Средиземное море, но, вероятно, было бы желательно проделать все это в одной операции».

Таким образом, в наших переговорах с Адмиралтейством мы достигли значительной степени соглашения. Все были согласны, что флот адмирала Каннингхэма должен быть подкреплен линкором, авианосцем и двумя крейсерами, и что одновременно должна быть использована возможность провести караван грузовых пароходов из Александрии на Мальту. Вслед за тем 23 июля Первый морской лорд в своем меморандуме мне и Первому лорду заявил:

«Внимательно рассматривается вопрос о возможности прохода через Средиземное море не только дополнительных боевых кораблей, направляемых для усиления Восточно-средиземноморской эскадры, но также и торговых пароходов, груженных запасами амуниции для флота, зенитными орудиями для Мальты и самолетами как для Мальты, так и для Среднего Востока. Главнокомандующий решительно придерживается того мнения, что при существующих условиях было бы неразумно пытаться проводить через центральную часть Средиземного моря торговые суда с ценными грузами, так как если в результате повреждений один или несколько кораблей потеряют скорость, их придется пустить ко дну. Я совершенно согласен с главнокомандующим».

Таким образом получилось, что план для этой важной операции, которая была проведена под условным наименованием «Шляпы», не включал пункта о проходе торговых судов. Тем не менее, при полной поддержке адмирала Каннингхэма этот план обозначал вызов итальянскому флоту и влияние в центральном бассейне. Я был вполне удовлетворен главными решениями, принятыми Адмиралтейством и надеялся, что они могут привести к пробе сил. Все приготовления начались полным ходом.

Несколькими неделями позже смелый и далеко идущий шаг Военного кабинета, предпринятый в полном согласии с начальниками штабов — послать почти половину имевшихся у нас танков в Египет, невзирая на угрозу вторжения, — снова поднял, в обостренной форме, вопрос о проходе через Средиземное море. Само собой разумеется, я был согласен на посылку танков, но опасался, что если они будут отправлены вокруг Африки, они опоздают к сражению, от которого зависела судьба Египта. Первый морской лорд первоначально склонялся к тому, чтобы рискнуть, но при дальнейшем изучении решил, что это осложнит проведение операции «Шляпы», находившейся в центре внимания Адмиралтейства. Это требовало посылки, по крайней

мере, двух быстроходных транспортных судов (со скоростью в 16 узлов) из Гибралтара на Мальту, и это считалось более опасным, чем движение их из Александрии. Последовала следующая дискуссия:

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для Комитета начальников штабов. 11 августа 1940 г.

Я не могу принять этого предложения (то есть использования пути вокруг Африки для посылки танков в Египет), лишаящего нас ценных ресурсов (50 танков марки «И») в самый критический период, и не позволяющего использовать их на Среднем Востоке в момент, когда они там больше всего нужны. Я вынужден просить Адмиралтейство пересмотреть вопрос и преодолеть трудности. Нельзя разве распределить персонал и послать их из «соединения Эйч» в восточный бассейн, а затем вернуть тем же путем, что и шесть миноносцев, направляющихся сейчас на запад в распоряжение адмирала Каннингхэма?

Нет никаких возражений, чтобы вокруг мыса Доброй Надежды был бы отправлен 3-й гусарский полк (личный состав для этих танков), так как, раз получив танки, генерал Уэйвел может временно найти кого в них посадить. Я готов рискнуть пятьюдесятью танками в Средиземном море, при условии, что их персонал будет распределен между судами Его Величества, но не может быть и разговора об отправке их вокруг Африки, что наверняка будет означать их выход из строя на два месяца. Посылаемый через Средиземное море персонал должен быть минимально необходимый; все остальные должны быть отправлены кружным путем.

К завтрашнему дню прошу представить мне свои дальнейшие предложения».

«Премьер-министр — Первому лорду и Первому морскому лорду. 13 августа 1940 г.

1. Как раз перед тем, как французы вышли из строя, адмирал Дарлан бомбардировал Геную в дневное время. без всякого прикрытия миноносцами с «асдиком», или самолетами, и возвратился в Тулон без всяких повреждений. Восточно-средиземноморской флот три раза появлялся в центральном бассейне и возвращался в Александрию, причем только в один корабль — «Глостер» — попала одна единственная бомба. Несколько недель назад один быстро-

ходный и один медленный конвой без всяких повреждений добрались с Мальты до Александрии, при чем два дня их путешествия прошли под атаками итальянских самолетов.

2. В настоящее время Адмиралтейство предлагает послать из Александрии навстречу «соединению Эйч» шесть миноносцев, которые, несомненно, будут выслезены с воздуха и будут находиться в пределах досягаемости многочисленных и быстрых итальянских самолетов, базирующихся на береговые аэродромы. Это перемещение следовало, со всей справедливостью, считать крайне опасным, если бы не правильная оценка всего итальянского морского предприятия со стороны главнокомандующего в Средиземном море и Адмиралтейства.

3. Нам сейчас твердят, что для мощных сил, которые придут в движение в ближайшем будущем, слишком опасно пытаться сопровождать в восточный бассейн Средиземного моря два транспортных судна, способных делать только 15 узлов. И в то же самое время нас просят затратить огромные суммы на укрепление западного побережья Англии против того, что Адмиралтейство называет «возможным десантом 12.000 человек», погруженных и доставленных из устья Жиронды или из Сэн Назэра — без всякой морской защиты. Если считать возможной операцию по перевозке без конвоя 12.000 человек к ирландским или западным британским берегам, невзирая на наше господство в море, — то как это можно увязать с тем «стандартом опасностей», который теперь принимается для Средиземного моря?

4. Никому не дано знать, когда и где произойдет главное нападение на Египет. Представляется, однако, крайне вероятным, что если немцам не удастся вторжение в Англию, или если они решат отказаться от подобной попытки, им придется нажать на итальянцев и оказать им помощь в нападении на Египет. Сентябрь месяц надо считать предельно критическим.

5. В этих условиях совершенно ошибочным было бы посылать нашу бронетанковую бригаду вокруг Африки, тем самым наверняка отказываясь от использования ее в сентябре для обороны как Англии, так и Египта.

6. Я прошу пересмотреть решение об операции по поводу по крайней мере двух механизированных транспортных судов, одновременно с подкреплениями для восточного бассейна. Персонал может быть распределен по военным

кораблям, а с точки зрения общей войны представляется большим риском выводить целую бронетанковую бригаду из действия посылкой ее вокруг Африки, чем провести суда через Средиземное море. Если персонал будет распределен по военным кораблям, я готов принять на себя полную ответственность за возможную потерю танков».

Я не смог убедить Адмиралтейство послать бронетанковую бригаду или, по крайней мере, самые танки, через Средиземное море. Это и раздражало и огорчало меня. Хотя ни моя дружба с адмиралом Паундом, ни доверие к его суждению от этого не пострадали, острый конфликт продолжался. Профессиональная ответственность лежала на нем, и ни один морской офицер, с кем мне приходилось работать, не стал бы брать на себя такого риска, какой брал он. Нам вместе пришлось пройти сквозь многое, и я знал, что если этого не сделает он, никто этого не сделает. Если уж я его не мог заставить пойти на это, значит, никому иному это бы не удалось. Я знал Адмиралтейство слишком хорошо, чтобы не нажимать на него, или на моего большого друга и товарища Паунда, или на Первого лорда, которого я ставил очень высоко, — дальше определенного пункта. Мои отношения с Адмиралтейством были слишком хороши, чтобы подвергать их опасности посредством формального обращения к Кабинету с протестом против их позиции.

Когда 15 августа я поднял этот вопрос перед Кабинетом, я все же сказал, что надеюсь убедить Адмиралтейство включить перевозку двух бронетанковых полков в операцию «Шляпы». Если они проследуют через Средиземное море, они придут в Александрию около 5 сентября, если вокруг мыса Доброй Надежды — то тремя неделями позднее. Однако, начальник Имперского Генерального штаба не считал итальянской атаки большими силами близкой, и таков же был и взгляд генерала Уэйвеля. Сделав все от меня зависящее

ради ускорения операции, я полагал, что Военный кабинет не должен брать на себя ответственности и отменять решение командиров; с сожалением я согласился на длинное путешествие вокруг Африки. Однако, начальники штабов подготовили вариант плана, на случай если положение на Среднем Востоке внезапно ухудшится до того, как была бы проведена операция «Шляпы». В этом случае два быстроходных военных транспорта, груженных танками типа «И» и рейдовыми, должны были бы сопровождать военноморские силы при их переходе через Средиземное море. Это решение надо было принять до прохода подкреплений через Гибралтар. В данном случае полученные со Среднего Востока сообщения не оправдывали выбора этого второго варианта, и весь конвой продолжал свой путь вокруг мыса Доброй Надежды.

Операция «Шляпы» была проведена успешно и без потерь, между 30 августа и 5 сентября. Адмирал Каннингхэм покинул Александрию 30-го, а вечером 31-го его разведочные самолеты доложили о приближении неприятельской эскадры из двух линкоров и семи крейсеров. Возникли-было надежды на сражение, но итальянцы, очевидно, не стремились к неприятностям, и ничего не произошло. На следующий вечер самолеты снова вошли в контакт с неприятелем, который в тот момент отступал уже на Таранто. После того суда адмирала Каннингхэма передвигались с полнейшей свободой к востоку и югу от Мальты без серьезного беспокойства с воздуха. Конвой добрался до Мальты благополучно, если не считать одного судна, поврежденного воздушной атакой. Тем временем подкрепления, состоящие из «Вельянта» (но без «Бархэма», не законченного переоборудованием судна того же типа), авианосца «Бриллианта» и двух противовоздушных крейсеров, сопровождаемые адмиралом Сомервилем с его «соединением Эйч», подходили к Мальте со стороны

Гибралтара. У «Вельянта» и у крейсеров не было никаких трудностей при выгрузке на Мальте столь необходимых там орудий и амуниции; вслед за выгрузкой они присоединились к эскадре адмирала Каннингхэма и 3 сентября двинулись на восток. На обратном пути в Александрию флот атаковал Родос и Скарпанто и легко отбил атаку торпедных катеров. Эскадра же адмирала Сомервиля вернулась в Гибралтар вообще без всяких беспокойств.

Все это убедило меня, что транспортировка танков через Мальтийский пролив была бы вполне оправданным риском, особенно в сравнении с опасностью серьезного ослабления наших бронетанковых сил в Англии, на которую мы шли перед лицом усиленных приготовлений противника к высадке; вместо того, чтобы плыть еще три недели, танки были бы уже в Египте. Верно, что за эти три недели в Египте не случилось никакой серьезной катастрофы, но тем не менее преувеличенному страху перед итальянскими самолетами было дано влиять на задержку морских операций. Я считал и считаю, что события подтвердили правильность моей точки зрения. К концу ноября адмирал Сомервиль и его «соединение Эйч» сумели благополучно провести на Мальту караван флота и по пути провести небольшое сражение с той частью итальянского флота, которая избежала повреждений в Таранто. Один пароход этого конвоя, вместе с еще тремя грузовыми пароходами с Мальты, прошли дальше в Александрию, сопровождаемые дополнительными подкреплениями, посылавшимися Восточно-средиземноморскому флоту. Это был первый случай после вступления в войну Италии, когда торговый пароход совершил полный переход через Средиземное море. В следующем томе читатель прочтет, как несравненно более опасный подвиг был совершен флотом при посыл-

ке танков в Египет в 1941 году, когда германская авиация уже прочно обосновалась в Сицилии.

«Премьер-министр — Первому лорду. 17 сентября 1940 г.

1. Развитие операции «Шляпы» совершенно убеждает меня, что было ошибочным отказываться от идеи проведения танковой бригады через Средиземное море. Если Вы перечтете изложение всех моих соображений в пользу этого шага, Вы увидите, что события полностью оправдали мою позицию»...

«Премьер-министр — Первому лорду. 17 сентября 1940 г.

Я был бы признателен, если бы Вы приготовили для меня краткое резюме отдельных случаев, когда я, в качестве Первого лорда, настаивал на оборудовании судов класса «Рамилье» толстой палубной броней, способной выдерживать воздушную бомбежку, и подводными противоминными утолщениями. Если бы эти суда были подготовлены тогда, когда я повторно на этом настаивал, у нас сейчас были бы средства атаковать итальянские берега, что могло бы привести к крайне важным результатам и в военном, и в политическом отношении. Даже и теперь имеется тенденция задерживать это существенно необходимое мероприятие, при чем ничего не предлагается взамен.

Я еще ничего не слышал от Вас в ответ на мою записку о возобновлении проекта реконструкции, в надежде, что мы не окажемся в такой нужде в судах, способных противостоять бомбардировке в будущем году. Я был бы рад обсудить с Вами этот вопрос после того, как я освежу свою информацию в этой части».

Эта проблема никогда не могла быть разрешена без учета нашей потребности в постройке новых судов. Именно об эту скалу, а не о принципиальные расхождения, разбились мои пожелания.

«Премьер-министр — генералу Исмю. 8 сентября 1940 г.

Нижеследующее предназначается для сэра Эндрю Канингхэма, главнокомандующего Восточно-средиземноморским театром, от премьер-министра и министра обороны.

«Я поздравляю Вас с успехом недавней операции в восточном и центральном бассейне Средиземного моря и с присоединением к Вашему флоту, вместе с другими цен-

ными судами, двух наших отличнейших соединений. Мне жаль, что бронетанковая бригада, столь необходимая для обороны Египта и Александрии, все еще отделена более чем тремя неделями времени от места действия. Я надеюсь, что Вы сможете пересмотреть положение на море в свете опыта, приобретенного в процессе операции «Шляпы» и прибытия «Бриллианта» и «Вельянта». Не только бумажная сила итальянского флота, но также степень сопротивления, которое он сможет оказать, должны быть измерены. Крайне важно ударить по итальянцам этой осенью, потому что с течением времени немцы наложат на итальянские вооруженные силы свою сильную руку, и тогда картина резко изменится. Мы намерены всеми средствами усилить оборону Мальты, и туда вскоре будут посланы для испытаний некоторые новые виды оружия, на которые я возлагаю большие надежды. Я верю, что еще до апреля 1941 года Мальта будет надежным убежищем в кратковременные посещения ее флотом. Если до того у Вас будут какие-либо предложения относительно наступательных операций, передайте их в Адмиралтейство. Я буду также рад, если Вы согласуете с армией и авиацией планы операций против итальянских коммуникационных линий в Ливии, которые в надлежательный момент могут быть проведены для затруднения большого наступления противника на Египет. Ясно, что преимущества захвата инициативы очень велики. Я надеюсь, что Фульмары (быстрые истребители, добравшиеся, в конце концов, до наших авианосцев) произвели хорошее впечатление. Борьба здесь за господство в воздухе продолжается с ожесточением, но мы чувствуем твердую уверенность в ее благополучном исходе».

Приходится удивляться, что колоссальное значение господства в воздухе для нашего контроля Средиземного моря было в такой мере недоучтено британским правительством и его опытными советниками перед этой войной. Во всяком случае, мы настолько отстали от Германии в строительстве самолетов, что оборона Великобритании требовала всех наших наличных сил. До того, как была решительно выиграна Битва за Англию, каждое усиление нами воздушных сил в Средиземноморье и Египте было исключительно ответственным актом. Даже в зимние месяцы, когда мы уже

чувствовали себя хозяевами положения в дневное время, было очень трудно в разгаре «блица» посылать истребители на Мальту или в Египет. Было мучительно снимать зенитные орудия, крайне нужные для защиты от бомбардировок британских городов, жизненно-важных портов и заводов, изготавливавших вооружение и направлять их или вокруг Африки в Египет, или, в большим риском, прямо на Мальту.

Несмотря на все потери и разочарования, укрепление ранее игнорировавшейся противовоздушной обороны Мальты продолжалось усиленным темпом. В числе задач гибралтарской эскадры адмирала Сомервиля было конвоирование истребителей, доставлявшихся на авианосце на достаточно близкое расстояние от Мальты, чтобы дальше они могли летать сами. Первая из этих попыток была предпринята в начале августа, когда двенадцать Ураганов перелетели на Мальту с авианосца «Аргус». До их прибытия оборону Мальты несли три Гладиатора, известные под кличками «Вера», «Надежда» и «Милосердие». Вторую попытку мы предприняли в ноябре, но она кончилась трагедией. Девять из четырнадцати самолетов, поднявшихся с «Аргуса» в расстоянии 400 миль западнее от острова из-за перемены ветра остались без горючего и погибли в море вместе со своими храбрыми пилотами. Никогда больше потери не были столь непропорционально велики, и хотя в будущем было проведено много подобных операций, подобных катастроф больше не случилось.

**
*

Становилось также необходимым найти способ посылки самолетов на Средний Восток таким путем, чтобы были избегнуты и опасности Средиземного моря, и ужасающая задержка при движении вокруг Африки. Путь через Западную Африку сберег бы много драго-

ценных дней и транспортных судов. Машины или должны были лететь на берег с авианосца, или разбираться и упаковываться для путешествия, с последующей сборкой в каком-нибудь порту для дальнейшего полета. Приходилось выбирать между Лагосом и Такоради.

После тщательного изучения выбор остановился на Такоради, и уже 21 августа туда прибыла первая рабочая партия. Путь лежал через Кано в Хартум и, далее, на Каир, — всего 3700 миль. В Такоради должны были быть построены значительные мастерские, а вдоль пути — станции для заправки и отдыха. Дюжина упакованных Ураганов и Бленхеймов прибыли морем 5 сентября; на следующий день с авианосца «Аргус» было сгружено еще тридцать. Первая группа самолетов вылетела из Такоради 20 сентября и сделала посадку в Хартуме четырьмя днями позже. К концу года этим путем в Египет просочилось 107 самолетов.

Хотя работы начались сразу же, потребовалось много месяцев работы, прежде чем этот путь был организован как следует. Сборщики самолетов страдали от малярии и климата Такоради. Использование авианосцев было ограничено другими неотложными потребностями. Караваны судов задерживались неблагоприятной погодой. Вдоль всего пути все больше возрастало число самолетов, почему-либо не могущих лететь и ожидавших запасных частей. Срок жизни их сильно сокращался сильным износом моторов при полетах через огромные покрытые песком пространства. Надо было преодолеть ужасающие трудности, сопровождающие начало подобной операции. Ни один из этих самолетов не мог войти эффективно в строй в 1940 году. Но если бы мы не начали этой операции заранее, Нильская армия не смогла бы вынести всех трагических событий 1941 года.

К концу 1940 года британский флот еще раз занял твердую позицию в Средиземном море. Оборона Мальты была в большой мере укреплена доставкой адмиралом Сомервилем зенитных батарей и другого снаряжения. Наступательная политика адмирала Каннингхэма в восточном бассейне также принесла отличные результаты. Повсюду, несмотря на силу итальянцев в воздухе, мы держали инициативу в своих руках, и Мальта оставалась на первом плане в качестве выдвинутой базы для наступательных операций против линий снабжения Италии с итальянскими силами в Африке.

8.

НАПРЯЖЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СЕНТЯБРЕ

Подобно июню, сентябрь был месяцем крайнего напряжения для тех, кто нес ответственность за руководство военными операциями Великобритании. Уже описанная воздушная война, от которой зависело всё, разгораясь со все возрастающей яростью, постепенно достигла пределов свирепости. Победа Королевских военновоздушных сил 15 сентября, как мы об этом можем судить теперь, глядя назад, явилась решающим поворотным пунктом. Но в то время это не было очевидным, и мы не могли сказать ни того, нужно ли нам ожидать еще более яростных атак, ни того, сколько времени они еще будут продолжаться. Превосходная погода позволила развернуть во всю борьбу против дневных налетов. До того мы приветствовали подобную возможность, но когда я посетил вице-маршала авиации Парка в его 11-й группе на третьей неделе сентября, я заметил, хотя и незначительную, но определенную перемену во взглядах. Я спросил о погоде, и мне было сказано, что она будет хорошей еще в течение нескольких дней, и эта перспектива отнюдь не вызывала такого энтузиазма, какой можно было наблюдать в начале месяца. Я отчетливо чувствовал, что перемена погоды к худшему более не будет считаться несчастьем.

Случилось так, что когда я с несколькими офицерами находился в кабинете Парка, один офицер принес

сообщение министерства авиации, что все запасы амуниции к пулеметам Де Уайльд, которые летчики-истребители предпочитали всем другим, истощены, так как оказалась полностью разбомбленной фабрика, выпускавшая эту амуницию. Я мог видеть, что для Парка это был тяжелый удар, но он сдержал свое волнение и, немного помолчав, сказал внушительно: «Мы дрались без этих патронов раньше, можем обойтись без них и на этот раз».

В моих разговорах с Главным маршалом авиации Доудингом, обычно приезжавшим в выходные дни на автомобиле из Оксбриджа в Чекерс, постоянно присутствовало сознание крайнего напряжения, в котором находилось Командование истребительной авиации. Еженедельные данные, которые я внимательно изучал, показывали наличие у нас достаточного числа истребителей, при условии, что сила неприятельских атак не возрастет. Но на бумаге не было видно того физического и психического напряжения, которому подвергались пилоты. При всем их высоком самопожертвовании, часто сражаясь с противником, превышавшем их численно в отношении пять и шесть к одному, при всем сознании превосходства, вызванном их продолжающимися успехами и тяжелыми потерями противника, были пределы для человеческой выносливости. Существует такая вещь, как обыкновенное истощение как духа, так и тела. Мне приходили на память слова, сказанные Веллингтоном вечером после битвы при Ватерлоо: «Кто придет к нам этой ночью, Господь или Блюхер?» В тот час он не хотел прихода Блюхера.

Тем временем множились свидетельства надвигающегося вторжения немцев. Свыше трех тысяч самоходных барж насчитали наши аэрофотографы в портах и устьях рек Голландии, Бельгии и Франции. Мы не могли с точностью сказать, какие резервы более крупных судов могли быть сосредоточены в широком ус-

тье Рейна или в Балтийском море, Кильский канал из которого все еще был открыт. Изучая проблему вторжения, я пришел к заключению, дававшему мне уверенность, что мы разобьем немцев, если они явятся, — и что по этой самой причине они не явятся. Несмотря на эту уверенность, было невозможно без чувства ужаса неделю за неделей наблюдать эти возрастающие приготовления, читать донесения агентов и рассматривать фотографии. Подобная вещь, медленно и постепенно, но неизбежно захватывает человека. Страшный враг не появится на наших берегах без основательной гарантии победы, и без планов, разработанных с немецкой тщательностью. А вдруг для нас имеются сюрпризы? А вдруг у немцев имеются для высадки бронированные суда-амфибии? И что еще у них может быть? Вся наша ночная бомбежка сейчас концентрировалась на портах, откуда должно было начаться вторжение и где каждую ночь, казалось, происходили немецкие репетиции того, как делать посадку на суда и высадку на берег. Результаты наших бомбардировок этих скоплений барж, как на воде, так и на набережных, судя по фотографиям, были неутешительными.

«Премьер-министр — Государственному секретарю по делам авиации. 23 сентября 1940 г.

Что меня поразило в этих фотографиях, это очевидная неспособность бомбардировщиков попадать в скопления барж. Я полагал, что связки взрывчатых бомб, сброшенных на них, вызовут какие-то разрушения, и был крайне разочарован, увидев, что все они остались нетронутыми и в прежнем порядке, за исключением нескольких немного поврежденных у входа. Неужели ничего нельзя сделать для улучшения в этом отношении?»

Как уже было упомянуто, начальники штабов были, в общем, того мнения, что вторжение было неминуемым, в то время как я оставался настроенным скептически и выражал противоположную точку зрения. Тем не менее, было невозможно успокоить то внут-

реннее волнение, которое вызывается длительным взвешиванием ужасающих вещей; чтобы быть в готовности, каждый наш нерв был напряжен. Не было упущено ничего из того, что могло быть достигнуто усилиями и находчивостью наших командиров, бдительностью наших новых грозных армий и неугасимым, бесстрашным духом всего нашего народа.

**
*

Теперь надо было пересмотреть всю нашу программу производства вооружений, изменив очередность и степень важности выпуска тех или иных предметов, как результат нашей изоляции от континента. В этом направлении я работал в постоянной связи с министром снабжения и другими заинтересованными лицами. В начале этого месяца, после значительных трудов в моем маленьком кругу и тщательной проверки, я подготовил для Кабинета общую директиву о военном снаряжении, рассчитывая ее на 1941 год.

ПОЛОЖЕНИЕ С ВОЕННЫМ СНАРЯЖЕНИЕМ

Меморандум премьер-министра

3 сентября 1940 г.

1. Наш флот может проиграть войну, но только наша авиация может ее выиграть. Поэтому, нашей главной задачей является завоевание безусловного господства в воздухе. Нашим спасением являются истребители, но только бомбардировщики могут дать нам орудие победы. Поэтому, мы должны развить наши возможности для сбрасывания все возрастающего количества взрывчатых материалов на Германию с таким расчетом, чтобы обратить в прах всю германскую промышленность и научные лаборатории, от которых зависит способность вести войну и вся экономика противника. Одновременно мы таким образом сможем держать его на почтительном расстоянии от нашего Острова. Никаким иным из известных нам способов мы не можем надеяться преодолеть грандиозную военную мощь Гер-

мании и свести на-нет дальнейшие германские победы, которые можно ожидать, наблюдая перемещение центра тяжести немецких операций на восточный и африканский театры. Поэтому, наши военно-воздушные силы и их действия должны в большей мере быть в центре нашего внимания, чем флот и армия, — с оговорками, приведенными ниже.

2. Блокада, как средство войны, поскольку это касается Германии, утратила свою остроту и стала менее эффективной в результате немецких завоеваний на континенте и способности грабить поработанные или запуганные народы в своих интересах. Не остается почти никаких важных специальных материалов, отсутствие которых могло бы ослабить немецкую военную машину. Нашему флоту сейчас трудно поддерживать открытыми наши пути сообщения, но по мере улучшения положения, которого можно ожидать с проведением в жизнь новых мероприятий Адмиралтейства, с прибытием американских миноносцев и с увеличением выпуска с наших верфей судов для борьбы с подводными лодками этот кризис будет разрешен. Крайне важно, чтобы Адмиралтейство направило бы все свое внимание на агрессивные военные операции и на бомбардировку вражеских берегов, особенно в Средиземном море. Производство судов для борьбы с подводными лодками должно продолжаться с предельной интенсивностью впредь до получения новых указаний, и каждое из них должно вводиться в строй немедленно по спуске с верфей. Морская программа не входит в сколько-нибудь заметный конфликт с программой авиационной, но часть бронированных плит должна быть передана на производство танков.

3. Решение в кратчайший срок увеличить размеры армии до 55 дивизий, повидимому, нет необходимости пересматривать. Мы можем поставить себе целью создать в том числе 10 бронетанковых дивизий: пять к весне, семь к лету и десять — к осени 1941 года. Выполнение этой программы вооружений полностью загрузит наши заводы. Я в принципе согласен с предложениями министра снабжения (мистера Герберта Моррисона) по части разрешения проблемы снабжения снаряжением, а также с его точкой зрения, что в нынешней войне не приходится ожидать стрельбы в масштабах Первой мировой войны.

4. Должны быть приложены крайние усилия, чтобы закончить экипировку наших армий в Англии и на Среднем

Востоке. Главнейшими узкими местами являются производство танков, патронов для ручного оружия, — особенно специальных его типов; противотанковых орудий и винтовок, еще в большей степени — амуниции к ним; а также винтовок. Мы надеемся получить дополнительно 250.000 винтовок из Соединенных Штатов, но очень прискорбно, когда нам говорят, что до конца 1941 года может быть выпущено не более полумиллиона дополнительных винтовок. Несомненно, что по мере того, как значительные части нашей регулярной армии отправляются за границу, нужды гарнизонов и ополчения в Англии, несущих оборону нашего Острова, будут чувствоваться значительно сильнее, чем теперь. Поэтому необходимо значительно увеличить производство винтовок.

5. С наступлением зимы опасность вторжения не исчезнет, а в новом году может поставить нас лицом к лицу с новыми опасностями. Необходимость для противника вывести Англию из строя будет, естественно, возрасти по мере развития войны, и он может создать такие средства для переправы через море, каких сегодня нет и в помине. Угрозу вторжения надо считать постоянной, но само вторжение — маловероятным, пока на нашем острове имеются внушительные силы. Помимо этого, единственным значительным театром войны, который можно предвидеть для 1940—1941 гг., является Средний Восток. Здесь мы должны постараться ввести в действие британские, австралийские и индийские части в таких масштабах, которые будут ограничены только возможностями морского транспорта и содержания на месте. Мы должны ожидать боев в Судане, Турции, Сирии, Палестине и, возможно, в Ираке и Персии. Пятнадцать британских дивизий, шесть австралийских и по крайней мере шесть индийских должны быть подготовлены для этих фронтов; все эти дивизии, однако, входят в ранее упомянутое число 55. Не следует представлять себе, что расход снарядов и патронов приблизится к расходу прошлой войны; доминирующими факторами будут воздушные силы и механизированные войска.

6. Остаются также возможности комбинированных сухопутно-морских наступательных операций на территории Европы и Северной Африки, находящейся в руках противника. Но нужды для таких операций в вооружении и снаряжении будут покрыты общим производством, о котором уже упоминалось.

7. Наша задача, как правильно напоминает нам министр снабжения, представляется поистине грандиозной, если принять во внимание гигантские размеры германского военного и авиационного снаряжения. Эта война, однако, не является войной человеческих масс, забрасывающих друг друга массами снарядов. Только создавая новые типы оружия и сохраняя за собой техническое и научное превосходство, мы можем наилучшим образом справиться с превосходящими силами противника. Если, к примеру, оправдаются наши надежды, находящиеся сейчас в стадии разработки изобретений, которые помогут обнаруживать и сбивать неприятельские самолеты как в воздухе, так и с земли, и независимо от видимости, глубоко изменятся не только стратегическое положение, но и положение с производством снаряжения. И если ракетные аппараты будут снабжены амуницией, предсказателями и иными приспособлениями, позволяющими увеличить в три-четыре раза точность попадания, наземные силы сделают большой прогресс в направлении завоевания господства в воздухе, флот обретет добрую часть своей былой свободы передвижения и возможности предпринимать наступательные операции, а армия окажется в состоянии высаживать десанты во многих пунктах, без того, чтобы подвергать их опасности разгрома с воздуха. Мы поэтому должны рассматривать всю сферу радара, с ее многочисленными улучшениями и неизмеримыми возможностями, как равную по значению с авиацией, существенной частью которой она фактически является. Увеличение численности первоклассного научного персонала так же, как и подготовка людей, способных обращаться с новым оружием и вести связанные с ним изыскания, должны стать нашей центральной задачей. Хотя сейчас еще слишком рано менять наши нынешние планы, мы можем ожидать большого облегчения в положении с зенитными орудиями и амуницией к ним.

8. Помимо маловероятного вторжения в значительных масштабах, вплоть до самой весны 1941 года не приходится ожидать никакого другого положения, которое могло бы вызвать чрезмерный расход военного снаряжения. Хотя на Среднем Востоке в любой момент могут вспыхнуть тяжелые и решающие бои, трудности с доставкой как подкрепления, так и снаряжения, ограничат спрос на него. Таким образом, мы можем рассчитывать на период в восемь месяцев, за который нам надо достигнуть колоссального улучшения

в нашем производстве военного снаряжения и образовать солидные его запасы. Именно для этой цели должны быть сосредоточены все наши денежные и материальные ресурсы и именно туда, в первую очередь, должна быть переключена квалифицированная рабочая сила».

Эта политика была в целом принята моими коллегами, и ей была подчинена деятельность соответствующих министерств.

**
*

В октябре я нашел необходимым представить дополнительную записку об очередностях, бывших предметом яростных споров между отдельными министерствами, из которых каждое старалось заполнить максимум для себя.

ОБ ОЧЕРЕДНОСТЯХ

Записка премьер-министра

15 октября 1940 г.

1. Абсолютный приоритет по части персонала и материалов должен принадлежать тому, что может быть названо «сферой радио». Она требует ученых, экспертов по радио, много категорий высококвалифицированных рабочих и материалов высшего качества. От успеха в этой сфере в большой степени зависит исход войны и наша будущая стратегия, особенно морская. Мы должны придать несравненно больше точности попадания нашим зенитным орудиям и обеспечить много большую противовоздушную защиту наших портов и военных кораблей. Должны продвигаться всеми силами не только изыскания и экспериментальные работы, но и производство, и тогда, после повторных разочарований, мы достигнем успеха.

2. С целью осуществить утвержденные планы, первоочередным остается и производство самолетов. Нашей обязанностью является использовать все возможные средства, чтобы не допустить злоупотреблений этой первоочередностью, которые могут привести к помехам в работе других жизненно важных департаментов. Для этого самолетостроители должны уточнять свои потребности в материалах и

рабочей силе заранее, из квартала в квартал, или, если это окажется более практичным, — с месяца на месяц, а всевозможные излишки немедленно предоставлять в распоряжение других. Приоритет еще не означает, что производство самолетов может полностью монополизировать все ограниченные запасы ценных материалов и профессий. Если создается положение, когда утвержденная программа производства самолетов требует поглощения всех запасов чего-либо, необходимо проводить специальную разверстку, даже в ущерб самолетостроению, с расчетом обеспечить минимальные нужды других департаментов или производств. Если по поводу этой разверстки нет согласия заинтересованных сторон, окончательное решение будет выноситься Кабинетом.

3. В настоящее время мы стремимся экипировать пять бронетанковых дивизий и бригад, соответствующих еще трем дивизиям. Этого недостаточно. Мы не можем конкурировать с противником в численности войск, и должны поэтому полагаться на исключительное преимущество в бронированных машинах. Десять бронетанковых дивизий являются нашей целью к концу 1941 года. Для достижения этой цели армия должна тщательно пересмотреть свои заявки на механизированный транспорт, а в Соединенных Штатах должны быть закуплены в большом числе грузовики. Расквартированная в Англии армия, располагая высокоразвитыми путями сообщения всякого рода, не может претендовать на такую же насыщенность механизированными транспортными средствами, как дивизии, находящиеся за границей.

Они должны проявить находчивость и обнаружить иные средства для передвижения, за отсутствием лучших. Штабной офицер, ориентирующийся на идеальное положение, служит плохую службу своей родине, если он помогает доводить цифры наших потребностей до совершенно невозможных итогов. Должен быть составлен доклад о положении с механизированным транспортом 1-й, 2-й и 3-й линии в британских дивизиях:

- а) находящихся за границей,
- б) находящихся дома,
- в) расквартированных на побережьях.

Каждое злоупотребление в этом плане будет означать нежелание помочь нам в разрешении тяжелой проблемы.

В Англии, где только возможно, в дополнение к механизированному транспорту необходимо использовать кон-

ный. Мы необдуманно продали большое число лошадей немцам, но в Ирландии их остается еще немало.

4. Особую поддержку, а временами и преимущество, надо оказывать производству винтовок и патронов для ручного оружия. Нужно приложить максимум усилий, чтобы ввести в строй новые заводы. Положение, когда не приходится ожидать какого-либо заметного улучшения до конца года, то есть до истечения 16 месяцев с начала войны, является очень тяжелым. Для оборудования патронного завода достаточно было бы 12 месяцев. Только благодаря тому, что наши армии не были в таких боях, какие нами ожидалось, мы можем избежать худших последствий этого отставания.

В трагическом положении находится также производство мин для минометов и амуниции для противотанковых орудий, и здесь также надо принять меры.

О состоянии с выпуском перечисленных видов снаряжения Совету по производству и мне должны представляться еженедельные отчеты.

5. В кораблестроении первоочередность попрежнему должна принадлежать малым судам и судам по борьбе против подводных лодок. Это относится также и к коммерческому судостроению, и к десантным судам. Приходится примириться с задержкой в спуске судов больших размеров, которые не могут быть закончены к 1941 году. Планы должны быть разработаны таким образом, что выпуск частей для них, не идущих за счет первоочередных задач, должен продолжаться. В Америке должно быть заказано предельное количество стали и бронированных плит».

К середине сентября угроза вторжения казалась настолько серьезной, что должна была быть приостановлена дальнейшая переброска частей на Восток, особенно если им надо было ехать вокруг Африки. После посещения сектора Дувра, где атмосфера была особенно накалена, я задержал на несколько недель отправку на Средний Восток новозеландцев и двух танковых батальонов. В то же самое время, на случай срочной необходимости проскочить через Средиземное море, я держал наготове три быстроходных транспорта.

«Премьер-министр — генералу Исмю, для Комитета начальников штабов. 17 сентября 1940 г.

При всех обстоятельствах нельзя будет снять новозеландскую бригаду с ее выдвинутой позиции на Дуврском мысу. Не могут быть сняты и два батальона рейдовых танков. Не было бы лучше задержать и австралийцев и отложить весь транспорт до третьей недели октября? Ведь так или иначе ни одна из этих частей, отправляющихся вокруг мыса Доброй Надежды, не сможет прибыть во время для того, чтобы оказать влияние на предстоящее сражение в Египте. Но они могут сыграть большую роль здесь. Может быть, к третьей неделе октября Адмиралтейство будет готово рискнуть больше. Во всяком случае, мы не можем позволить себе роскоши держать вдали от всех театров войны и новозеландцев, и танковые батальоны в течение всего октября месяца».

«Премьер-министр — генералу Исмю. 19 сентября 1940 г.

Проследите за тем, чтобы быстроходные транспорты были бы под руками; в противном случае мы не сможем доставить через Средиземное море бронетанковые подкрепления, если нужда в этом оправдывает риск, связанный с этим путем. Я не хочу слышать, что в нашем распоряжении нет подходящих судов.

Сообщите мне, какие другие суда имеются налицо на случай, если мы решим пропустить конвой с запада на восток через Средиземное море около третьей недели октября».

Хотя в сентябре месяце держалась хорошая погода, я боялся туманов.

«Премьер-министр — полковнику Джекобу.

16 сентября 1940 г.

Прошу переслать экземпляр этого доклада Первому морскому лорду (о возможности вторжения во время тумана) начальникам штабов главнокомандующего войсками ополчения добавив следующее: «Я считаю, что туман представляет собой самую серьезную опасность, выводя из строя авиацию, ставя втупик нашу артиллерию, исключая возможность организованной морской атаки и особенно благоприятствуя тактике инфильтрации, к которой, вероятно, прибегнет неприятель для обеспечения себе мест вы-

садки. Если будет преобладать туманная погода, порты, откуда может начаться вторжение, должны быть подвергнуты предельно сильной бомбардировке с воздуха в течение ночи и рано утром. Я был бы рад получить информацию, что может быть предпринято флотом как в темноте, так и на рассвете: а) если туман лежит в большей степени на английской, чем на французской стороне Ламанша; б) если он одинаковой плотности на обеих сторонах.

Предполагаем ли мы пользоваться радиоприспособлениями для навигации?

Затяжная необходимость стоять наготове под частыми бомбардировками с воздуха должны изнурить врага. Тем не менее, туман является нашим противником».

Несмотря на всю опасность, было существенно не допускать переутомления людей.

«Премьер-министр — генералу Исмэю.

18 сентября 1940 г.

Выясните в Комитете начальников штабов, нельзя ли ослабить состояние «тревоги» в связи с плохой погодой. Доложите мне».

«Премьер-министр — генералу Исмэю.

18 сентября 1940 г.

Наведите справки, нельзя ли залить пылающей нефтью один или несколько портов, где готовится вторжение. Это не более, как старый метод поджигания кораблей, с современными улучшениями, примененный в Дюнкерке в дни Армады. Адмиралтейство, несомненно, должно что-нибудь придумать».

«Премьер-министр — министру снабжения.

18 сентября 1940 г.

Амуниция к Де Уайльдам крайне важна. В 11-й группе принято как тяжелый удар сообщение о разрушении завода, ее производившего. Я вполне могу понять снижение продукции до 38 тысяч патронов в неделю в то время, как Вы переносите производство из Вудвича в другое место, но я надеюсь, что она снова поднимется. Сообщите мне ваши предсказания в этой части для ближайших четырех недель. Если можно ожидать улучшения, мы могли бы несколько затронуть наши запасы».

«Премьер-министр — министру снабжения.

25 сентября 1940 г.

Я должен показать Вам комментарии моего Статистического отдела к последним сводкам о производстве амуниции к ручному оружию. Они вызывают мое крайнее беспокойство. В частности — ценнейшая амуниция к Де Уайльдам сошла на-нет. Мне кажется, что надо приложить чрезвычайные усилия не только во всей области производства Марки 7 и 8, но и Де Уайльдов и бронебойных. Мне хорошо известны Ваши трудности. Не сообщите ли Вы мне, что я могу сделать для того, чтобы Вам помочь в этом деле?»

Читатель должен простить мне нижеследующую записку:

«Премьер-министр — Первому лорду. 18 сентября 1940 г.

Я уверен, что Вы могли бы вывешивать флаг поновее над Адмиралтейством. Меня каждое утро расстраивает вид теперешней потрепанной тряпки».

**
*

Я почувствовал облегчение, узнав о результатах работы нового министра авиапромышленности.

«Премьер-министр — лорду Бивербруку.

21 сентября 1940 г.

Вы мне дали великолепные цифры, показывающие улучшение в выпуске операционных моделей в период между 10 мая и 30 августа. Если такие же данные могут быть подготовлены на 30 сентября, уже близкого, я предпочел бы зачитать их на заседании Кабинета, вместо того, чтобы рассылать. Если, однако, данные за сентябрь не могут быть даны до конца октября, я должен буду зачитать Кабинету то, что имеется сейчас.

Страна находится в долгу у Вас и Вашего министерства».

«Премьер-министр — лорду Бивербруку.

25 сентября 1940 г.

Замечательные результаты, достигнутые в обстановке возрастающих трудностей, вынуждают меня просить Вас

передать персоналу Вашего министерства горячую благодарность и поздравления Правительства Его Величества».

**
*

В течение всего лета и осени я желал помочь государственному секретарю по военным делам в его конфликте с военным министерством и армией, возникшем в результате предубеждений в этих последних против «коммандос» или ударных отрядов.

«Премьер-министр — Государственному секретарю по военным делам. 25 сентября 1940 г.

Я все размышляю над нашим откровенным разговором наднях, и решил написать Вам, потому что до меня доходят сведения о том, что все дело с «коммандос» находится под вопросом. Им было запрещено вербовать новых добровольцев, и их будущее сейчас совершенно неясно. Поэтому я и надумал написать Вам, чтобы сказать, насколько твердо я убежден в том, что немцы были правы как в прошлую, так и в нынешнюю войну, используя ударные отряды. Инфильтрация наших позиций в 1918 году, имевшая для нас такие трагические последствия, была проведена ударными отрядами; они же доблестно обороняли Германию в течение последних четырех месяцев войны в 1918 году из своих замечательно удачно расположенных пулеметных гнезд. В нынешней войне все эти факторы несравненно значительнее. Поражение Франции было достигнуто невероятно малочисленной и отлично экипированной элитой, позади которой следовала серая масса германской армии, закрепляя завоевания и оккупируя территорию. Если нам предстоит кампания в 1941 году, она должна быть сухопутно-морской по характеру, и в ней, несомненно, будет место для многочисленных операций малых масштабов, успех которых будет зависеть от внезапности высадки легко вооруженных подвижных сил, способных действовать с полной инициативой; вместо того их собираются передвигать тем же громоздким методом, который подходит лишь для регулярных формирований. Эти последние стали столь сложными по структуре и снаряжению, требуют столь значительных

транспортных средств, что становится крайне трудно пользоваться ими в операциях, где важную роль играет быстрота.

По всем этим соображениям мы должны продвигать идею создания ударных отрядов или «коммандос». Я просил выделить пять тысяч парашютистов, и нам нужно также иметь по крайней мере десять тысяч таких маленьких «отрядов братьев», способных на молниеносные действия. Только этим путем можно будет закреплять те позиции, с которых затем будут иметь возможность оперировать в более широких масштабах хорошо тренированные регулярные войска.

Я поэтому надеюсь, что Вы дадите мне возможность обсудить этот вопрос с Вами, прежде чем будет предпринят пересмотр до сего времени существующей политики, или прежде чем собравшиеся добровольцы будут переведены в состояние неопределенности».

Сопrotивление в военном министерстве оказывалось упорное, и на нижних ступенях чиновничьей лестницы оно было особенно сильно. Сама идея, что большие группы отборных «иррегулярных» добровольцев, с необычайным снаряжением и не связанные стандартной дисциплиной, самим своим существованием будут бросать тень на эффективность и храбрость батальонов регулярных войск, была отвратна для людей, посвятивших свою жизнь организации дисциплины постоянных частей. Полковники многих лучших частей были огорчены: «Что такого могут сделать эти, с чем не справился бы мой батальон? Этот план лишает авторитета всю армию, лишая ее, в то же время, лучших людей. Мы никогда не знали ничего подобного в 1918 году. Зачем все это нужно теперь?» — говорили люди. Было легко понять эти чувства, даже не разделяя их. Военное министерство сочувствовало их жалобам, но я продолжал оказывать сильное давление.

«Премьер-министр — государственному секретарю по военным делам. 8 сентября 1940 г.

Вы мне сказали о своем полном согласии с моей точкой зрения относительно «специальных рот» и необходимости покончить с состоянием неопределенности, в котором они находятся. К сожалению, всё, до сего времени случившееся, остается неизвестным самим частям. Они не знают, что приговор об их роспуске еще не вынесен. Вся вербовка приостановлена, несмотря на наличие длинных списков желающих; не разрешается даже призвать тех из добровольцев, которые уже прошли медицинский осмотр и были утверждены. Хотя эти роты состоят из лучших и отлично тренированных солдат, они в настоящее время вооружены только винтовками, что, в случае, если они будут направлены в десанты, будет означать недопустимую трату сил. Я надеюсь, Вы примете меры к тому, чтобы отданный Вами приказ был выполнен безоговорочно. Может быть, Вы объясните мне, что помешало проведению в жизнь Вашего решения? Из моего многолетнего опыта работы с военными департаментами я знаю, что каждое мероприятие, идущее вразрез с ведомственными предрассудками, постоянно наталкивается на препятствия и задержки со стороны второстепенных офицеров аппарата. Лучший способ преодолеть эти препятствия, это наказать одного-двух в показательном порядке. Когда это становится известным, дело идет несравненно лучше.

Может быть, Вы мне расскажете обо всем этом, если сможете пообедать со мной сегодня вечером».

«Премьер-министр — Государственному секретарю по военным делам. 21 сентября 1940 г.

Мне не нравится положение с экипировкой «командос». Оставлять их без удовлетворительного снаряжения для тренировки, а тем более для операций, значит разбрасываться этим ценным человеческим материалом.

Прошу прислать мне доклад, из которого было бы видно:

1. Какое снаряжение уже выдано различным «командос».
2. Какое снаряжение они должны иметь.
3. Что им может быть выдано немедленно для целей тренировки.

Я хотел бы еженедельно иметь отчет, точно показывающий состояние экипировки различных «командос».

**
*

«Премьер-министр — главнокомандующему войсками ополчения (сэру Алану Бруку)

21 сентября 1940 г.

Мы часто слышим рассказы о том, как немцы вторгнутся на огромном фронте, попытавшись высадить на берег, скажем, четверть миллиона человек, надеясь затем использовать разные выгодные позиции. Для отражения атаки подобного рода мы располагаем великолепной системой береговой обороны. Трудность защиты Острова против атаки с моря всегда состояла в том, что противник может сконцентрировать превосходные силы в одном или другом пункте. Но если он собирается широко разбросать свои силы, основная масса его войск, — если она достигнет берега, — станет лицом к лицу с равными или превосходящими силами, также разбросанными вдоль побережья. Тогда это будет случай столкновения одной растянутой линии, с другой. В то же время, я легко могу представить себе концентрированную атаку громадными силами, преодолевающую нашу разреженную линию обороны; я не вижу какой смысл для противника высаживать многочисленные войска маленькими отрядами, из которых ни один не будет достаточно силен для прорыва нашей хорошо организованной береговой обороны. Если он потеряет, скажем, сто тысяч войск при переправе, а остальные сто пятьдесят будут задержаны на побережье, вся операция превращается в довольно дорогостоящее предприятие, и неприятелю придется понести невероятные потери даже прежде, чем нам понадобится приводить в движение свои резервы. Поэтому, если в предполагаемом германском плане имеется элемент вероятности, мы можем испытать значительное удовлетворение. Гораздо более опасной была бы массированная атака в нескольких избранных пунктах.

Может быть, мы поговорим об этом при нашей следующей встрече».

**
*

Наши опасения в связи с итальянским вторжением в Египет были, как это представляется теперь, пре-
взойдены опасениями маршала Грациани, который им
командовал. В своем дневнике Чиано отмечает:

«8 августа, 1940. Ко мне зашел Грациани. Он говорит о нападении на Египет как об очень серьезном предприя-
тии, и утверждает, что наша нынешняя подготовка далека
от идеала. Он нападает на Бадольо за то, что тот не мо-
жет сдержать агрессивного духа Дуче, — факт, который
«для человека, знающего Африку, значит, что он должен
страдать от размягчения мозга, или, что еще хуже, быть
вероломным. Водоснабжение совершенно неудовлетвори-
тельно. Мы идем навстречу поражению, которое, в усло-
виях пустыни, должно неизбежно развиться в быструю и
всеобщую катастрофу».

Я доложил об этом Дуче, который сильно расстроился,
так как из последнего разговора с Грациани он вынес впе-
чатление, что наступление начнется через несколько дней.
Со мной Грациани не упоминал никакой даты. Он предпо-
читает не атаковать вовсе, или, на худой конец, не ранее
чем через два-три месяца. Муссолини заключил, что «сле-
дует назначать на ответственные посты лишь тех, кто хочет
продвинуться вперед по крайней мере на одну ступень. Гра-
циани заинтересован только в одном — остаться марша-
лом».

Месяцем позднее главнокомандующий попросил
отсрочки еще на месяц. На это Муссолини ответил,
что если атака не начнется в понедельник, его заменят
другим. Маршал ответил, что он подчиняется. «Ни-
когда еще, — говорит Чиано, — военная операция не
предпринималась в такой степени против желания ко-
мандиров».

13 сентября главная итальянская армия начала
свое, столь долго ожидавшееся, передвижение через
египетскую границу. Ее силы состояли из шести пе-
хотных дивизий и восьми танковых батальонов. Наши
прикрывающие части включали три пехотных баталь-
она, один танковый, три батареи и два эскадрона бро-
неавтомобилей. Им было приказано отступить с бо-

ем, — операция вполне соответствовавшая их качествам и знакомству с пустыней. Итальянская атака началась сильным обстрелом наших позиций у пограничного города Соллума. Когда рассеялись дым и пыль, можно было увидеть итальянские силы в замечательном порядке. Впереди находились мотоциклисты, стоявшие стройными рядами; позади — легкие танки и аккуратные шеренги грузовиков. По словам английского полковника, этот спектакль напоминал «празднование дня рождения в Длинной долине, у Альдершота». 3-й батальон Кольдстримских гвардейцев, расположенный перед этой внушительной армией, медленно отошел, а наша артиллерия воспользовалась возможностью обстрелять столь великодушно предоставленную мишень.

Далее к югу две большие вражеские колонны двинулись через открытую пустыню, южнее длинного хребта, идущего параллельно морю, который можно пересечь только у Хальфайи — через «Проход Адского Огня», сыгравший роль во всех наших последующих сражениях. В каждой итальянской колонне имелись сотни машин, с танками, противотанковыми орудиями и артиллерией впереди, и с пехотой, ехавшей на грузовиках, в центре. Эту формацию, которая применялась несколько раз, мы называли «Ежом». Наши силы отступали перед превосходящим по численности противником, пользуясь его нерешительностью и видимыми ошибками, чтобы причинять ему максимум беспокойства. Позднее Грациани объяснял, что в последний момент он изменил свой план обходного движения через пустыню, и «сконцентрировал все силы на левом фланге, чтобы молниеносно продвинуться по берегу до Сиди Баррани». В соответствии с этим, массы итальянских войск медленно двигались вдоль побережья двумя параллельными колоннами. Они атаковали волнами пехоты, перевозимой грузовиками, по

пятидесяти в каждой формации. Кольдстримские гвардейцы искусно отступали в течение четырех дней с одной позиции на другую, нанося врагу тяжелые потери.

17-го итальянская армия достигла Сиди Баррани. Наши потери составляли сорок человек убитыми и ранеными, потери же противника были в десять раз больше, не считая 150 машин, выведенных из строя. В Сиди Баррани, удлинив свои коммуникации на шестьдесят миль, итальянцы засели на следующие три месяца. Их постоянно тревожили наши маленькие подвижные колонны, и им приходилось переживать серьезные трудности в снабжении. Сперва Муссолини, по словам Чиано, «сиял от радости. Он взял на себя всю ответственность за наступление, и был горд тем, что оказался прав». Однако, по мере того, как недели переходили в месяцы, его удовлетворение ослабевало. Для нас в Лондоне казалось очевидным, что через два-три месяца несравненно более многочисленная итальянская армия возобновит наступление с целью захвата Дельты. И мы всегда считались с возможностью появления немцев. Мы, конечно, не могли предвидеть долгой задержки, последовавшей за первым продвижением Грациани. Было разумно предположить, что главное сражение разыграется у Мерса Матрух. Недели же передышки позволили добраться до цели нашим драгоценным танкам, отправленным вокруг мыса Доброй Надежды, до начала решающих операций.

**
*

«Премьер-министр — государственному секретарю по военным делам. 14 сентября 1940 г.

Я надеюсь, что бронетанковая бригада придет вовремя. Я не сомневаюсь, что ее можно было бы безопасно перевезти через Средиземное море и, тем самым, избежать риска, что она явится слишком поздно. Однако необ-

ходимо помнить, что сам генерал Уэйвел присоединился к заявлению главнокомандующих флота, армии и авиации, что ситуация в Египте не оправдывает такого риска. Именно это его заявление сделало для меня невозможным отвергнуть возражения Адмиралтейства, что я сделал бы в противном случае».

(К исполнению сегодня же)

«Премьер-министр — государственному секретарю по военным делам. 19 сентября 1940 г.

(Показать генералу Исмэю)

Бронетанковые подкрепления сейчас находятся в Аденском заливе. Нас, конечно, заверили, что генерал Уэйвел принял все необходимые меры для того, чтобы ввести их в действие как можно скорее. Я надеюсь, что это так и будет. Мне жаль, что на берегу нет кого-либо вроде лорда Бивербрука для переправки их на фронт. Мы должны сделать максимум возможного. Рассматривалась ли возможность доставки этих машин через Канал в Александрию и разгрузки их там, ближе к фронту, или же специальные поезда, краны и другие приспособления решили собрать в Суэце? Давайте изучим эти альтернативы *з д е с ь*. Не ожидая этого, поручите составить телеграмму, запрашивающую о мерах, принимаемых сейчас генералом Уэйвелом. Каждый день и каждый час имеет значение в этом деле».

Всё это время я опасался за Мальту, казавшуюся почти беззащитной.

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для начальника Имперского Генерального штаба. 21 сентября 1940 г.

Телеграмма (губернатора и главнокомандующего на Мальте) подтверждает опасения за Мальту. На пятнадцать миль береговой обороны приходится один батальон, и для контратаки не имеется никаких резервов, о которых стоило бы говорить; остров находится на милости того, кто пожелает высадить на нем десант. Вы должны помнить, что мы не контролируем моря вокруг Мальты, и поэтому опасность очень велика. Я полагаю, что туда надо было бы послать четыре батальона, но учитывая трудности передвижения транспортов с запада, в настоящий момент нам придется удовлетвориться двумя. Но надо найти два очень

хороших. Повидимому, на острове нет непреодолимых трудностей к их размещению».

**
*

Когда я оглядываюсь назад на все тревоги того времени, я вспоминаю рассказ об одном старике, который на своем смертном одре сказал, что в его жизни было много неприятностей, большинство которых так никогда и не случилось. Это, во всяком случае, относится к моей жизни в сентябре 1940 года. Немцы были побиты в Битве за Англию. Попытка вторжения в Англию с моря так никогда и не была предпринята. Итальянцы не развили своего наступления на Египет. Танковая бригада, посланная вокруг Африки, прибыла во-время, если не для оборонительного сражения у Мерса Матрух, то для позднейшей, несравненно более успешной операции. Мы нашли средства укрепить Мальту прежде чем на нее обрушилась первая серьезная атака с воздуха, и никто никогда не пытался высадить на этот остров-крепость десанта с моря. Так прошел сентябрь.

ДАКАР

В это время Правительство Его Величества придавало большое значение оказанию помощи генералу Де Голлю и Свободным Французам в собирании французских владений и колоний в Африке, особенно тех, которые находились на Атлантическом побережье. По нашим сведениям, значительная часть французских офицеров, чиновников и торговцев на всех этих территориях отнюдь не теряла надежд. Они были ошеломлены внезапным крушением их родины, но все еще оставаясь свободными от влияния Гитлера и марионеточного правительства Петэна и были вовсе не расположены сдаваться. Для них генерал Де Голль сиял как звезда на абсолютно темном небосклоне. Отдаленность от Франции дала им нужное время, а время дало возможности.

Как только стало ясным, что Казабланка была нам не по силам, мои мысли естественно обратились к Дакару. В этом же направлении думал и небольшой комитет, который я сформировал для дачи мне рекомендаций по французским делам. Вечером 3 августа 1940 года я послал из Чекерса мое общее одобрение предложения о высадке сил Свободных Французов в Западной Африке. Генерал Де Голль, генерал-майор Спэрс и майор Мортон набросали план, цель которого была поднять французский флаг в Западной Африке, оккупировать Дакар и, таким образом, консоли-

дировать под властью генерала Де Голля французские колонии в Западной и Экваториальной Африке, а позднее — и в Северной Африке. Генерал Карту должен был прибыть из Индо-Китая в Англию и, в дальнейшем, принять на себя командование во французских североафриканских колониях, в случае если эти последние будут освобождены.

4 августа Комитет начальников штабов рассмотрел этот план в деталях, в том виде, в каком он был выработан Объединенным подкомитетом по планированию, и составил доклад для Военного Кабинета. Предложения начальников штабов были основаны на нижеследующих трех предпосылках: первое, что десант должен быть подготовлен и экипирован так, чтобы быть в состоянии высадиться в любом западноафриканском порту; второе, что экспедиция должна состоять исключительно из войск Свободных Французов и не включать никаких элементов британских войск, кроме как транспортных судов и их военного эскорта; третье, что все предприятие должно быть представлено, как внутреннее французское дело, с таким расчетом, чтобы экспедиция могла высадиться без серьезного сопротивления.

Силы Свободных Французов должны были состоять из, примерно, двух с половиной тысяч человек в составе двух батальонов, танковой роты, отрядов артиллерии и саперов, и двух соединений — бомбардировщиков и истребителей, для чего мы должны были предоставить свои Ураганы. Экспедиция должна была быть собрана в Альдершоте 10 августа, и было рассчитано, что транспорты и грузовые суда смогут отправиться из Ливерпуля 13 августа, а суда с войсками — между 19 и 23 августа, и добраться до Дакара 28-го, или к другим портам, Конакри и Дуала, несколькими днями позже. На заседании 5 августа Военный Кабинет одобрил эти предложения.

Скоро стало ясным, что генералу Де Голлю требуется больше британской помощи, чем первоначально предполагалось начальниками штабов. Они доложили мне, что это будет означать бóльшие, и более длительные обязательства с нашей стороны, чем то, на что они рассчитывали, а также, что экспедиция начинает утрачивать свой французский характер. Наши ресурсы в то время были столь напряжены, что с подобным расширением планов согласиться было нелегко. Однако, 6 августа я переговорил с генералом Де Голлем, а в 11 часов дня 7-го я уже председательствовал на заседании Комитета начальников штабов, посвященном этому проекту. Было решено, что лучшим местом для десанта сил Свободных Французов был Дакар. Я заявил, что экспедиция должна быть в достаточной мере поддержана британскими войсками, чтобы обеспечить ее успех, и попросил подготовить соответствующий план. Начальники штабов подробно остановились на конфликте между политикой улучшения наших отношений с правительством Виши и нашей заинтересованностью в объединении французских колоний против Германии. Они указали на опасность того, что движение генерала Де Голля может привести к войне с континентальной Францией, а также с французскими колониями. Все же, если несмотря на это донесения наших представителей на месте оказались бы благоприятными, они рекомендовали осуществить намеченную экспедицию. Соответственно, 8 августа я выпустил следующую директиву:

«Премьер-министр — генералу Исмэю для Комитета начальников штабов. 8 августа 1940 г.

1. Телеграмма губернатора Нигерии указывает на опасность того, что немецкое влияние быстро распространяется в западноафриканских колониях Франции, при попустительстве или при содействии правительства Виши. Если мы не будем действовать с быстротой и энергией, мы можем скоро стать свидетелями появления на всем побережье эф-

фективных баз немецких подводных лодок, поддерживаемых немецкой авиацией, и это побережье будет в такой же мере закрыто для нас и открыто для немцев, как и западное побережье Европы.

2. Прошло шесть недель после того, как Кабинет определенно выразил склонность предпринять действия у Казабланки, и мистер Дафф Купер и лорд Горт были отправлены туда. Из этого, однако, ничего не вышло. Местные французы отнеслись к идее враждебно. Начальники штабов не были в состоянии предложить что-либо положительное, и общее положение заметно ухудшилось.

3. Для британских интересов представляется крайне важным, чтобы генерал Де Голль занял Дакар как можно скорее. Если его эмиссары доложат, что занять его можно будет без боя, — тем лучше. Если же сообщения будут неблагоприятны, придется придать ему необходимые британские или польские части, и предоставить прикрытие с моря. Раз операция начнется, ее придется довести до конца. Де Голль должен придать ей французский характер и, конечно, в случае успеха, — возглавить администрацию. Но мы должны предоставить недостающие силы.

4. Начальники штабов должны разработать план для захвата Дакара. Для этой цели они могут рассчитывать: а) на силы Де Голля и все французские корабли, которые можно будет собрать; б) на британскую эскадру, по размерам достаточную как для подавления французской, которая может оказаться поблизости, так и для прикрытия высадки; в) на бригаду надлежащим образом экипированных поляков; г) на бригаду Королевского морского экипажа, которая держится в резерве для атлантических островов, но может сперва помочь высадке Де Голля на берег, или же помочь «командос» из частей сэра Роджера Кииза д) на воздушную поддержку, либо с авианосца, либо базирующуюся на какую-либо британскую западноафриканскую колонию.

5. Нужно безотлагательно подготовить план, связав все даты со средиземноморской операцией.

6. Не в наших планах удерживать Дакар после его занятия британскими силами. Созданная администрация генерала Де Голля должна будет поддерживать себя сама, а британская помощь должна будет ограничиться снабжением в скромных размерах и, конечно, наблюдением, что-

бы туда не явилась морская экспедиция из германизированной Франции. Если Де Голль окажется не в состоянии отбивать воздушные атаки и нападения парашютистов, мы возьмем его оттуда, предварительно разрушив все портовые сооружения. При всех обстоятельствах мы должны захватить «Ришелье» под французским флагом, и его отремонтировать. Поляки и бельгийцы также смогут получить обратно свое золото, которое французское правительство перевезло перед капитуляцией в Африку для большей сохранности.

7. Приведенный выше план необходимо разработать. Мы уже потеряли слишком много. Где только это потребуются, надо будет использовать британские суда, и лишь поднять французские флаги. Вопрос о передаче британских судов под французский флаг нет необходимости поднимать в Королевском совете или в Парламенте.

8. Риск декларации войны французами, и вопрос о том, следует ли нам идти на него, подлежит компетенции Кабинета».

**

13 августа я поднял этот вопрос перед Военным Кабинетом, объяснив, что дело зашло дальше, чем предполагалось по первоначальному плану чисто французской экспедиции. Детали проекта высадки на рассвете шести различных партий на побережье близ Дакара, в расчете вызвать распыление сил обороны, были рассмотрены моими коллегами. Военный Кабинет одобрил план, оставив вопрос о шансах на декларацию войны правительством Виши на усмотрение министра иностранных дел. Учитывая все возможности, какие я только мог предвидеть, я все же не верил, что это случится. Теперь я уже решился на эту авантюру. Я утвердил назначение вице-адмирала Джона Каннингхэма и генерал-майора Ирвина в качестве командующих экспедицией. Они посетили меня в Чекерсе вечером 12 августа и мы рассмотрели все аспекты этого вызывающего сомнения и сложного пред-

приятия. Я сам набросал для командующих инструкции.

Таким образом, я всецело взял на себя инициативу и пропаганду Дакарской экспедиции, которой было придано шифрованное название «Угроза». Несмотря на то, что во многих отношениях не все было подготовлено хорошо, и задуманный план сопровождался неудачами, я никогда о нем не сожалел. Дакар был призом; объединение французских колоний — еще большим. Был хороший шанс достичь этих результатов без кровопролития и седьмым чувством я ощущал, что вишийская Франция не объявит нам войны. Упорное сопротивление Великобритании, суровое настроение в Соединенных Штатах, зажигали новую надежду во французских сердцах. Если мы выиграем, Виши сможет пожать плечами. Если мы проиграем, они смогут представить как достижение свое сопротивление в союзе с немецкими хозяевами. Но это были дни, когда даже значительно более рискованные предприятия были обычным явлением в нашей жизни. Я представлял себе, что наши ресурсы, при своем предельном напряжении, позволяют предпринять эту экспедицию. Несмотря на угрозу вторжения, принимавшую все более страшные размеры, становившуюся все более близкой, мы не уклонились от передачи половины наших танков генералу Уэйвелу для обороны Египта. В сравнении с тем, это было пустяками. Наш национальный Военный Кабинет, консерваторы, лейбористы и либералы, все были крепкими решительными людьми, исполненными все возрастающим сознанием, что они ведут выигрышную игру. Таким образом, все приказы были отданы и все двинулось вперед силой неоспоримой власти.

Перед нами теперь было две опасности: опоздание и потеря экспедицией ее секретного характера, и первое усугубляло второе. В то время Свободные

Французы в Англии были группой изгнанных героев, поднявших оружие против правящего в их стране правительства. Они были готовы стрелять в своих сограждан и согласиться на потопление французских кораблей огнем британских орудий. Их лидерам на родине грозил смертный приговор. Можно ли удивляться, или, тем более, упрекать их за остроту их переживаний или даже за излишнее неблагоразумие? Военный Кабинет мог отдавать приказы нашим собственным войскам, без необходимости информировать кого-либо, кроме начальников штабов и командиров о своих планах. Но генералу Де Голлю приходилось вести за собой свою доблестную французскую группу, и суть экспедиции приходилось рассказывать многим. Разговоры о Дакаре стали обычными среди французских солдат; за обедом в ливерпульском ресторане офицеры поднимали тосты «За Дакар!» Наши десантные суда должны были перевозиться на грузовиках почти от Плимута и до Ливерпуля, и их эскорт был в обмундировании, которое надевают в тропиках. Мы в самом деле были все еще во младенчестве, поскольку дело касалось ведения войны. Полная изоляция нашего Острова в то время была несравнима с достигнутыми позднее, в превосходных операциях «Факел» и «Оверлорд».

Затем были задержки. Мы надеялись нанести удар 8 сентября, но теперь выяснялось, что главные силы сперва должны идти во Фритаун для пополнения горючим и для окончательных приготовлений. План был основан на том, что французские транспорты с войсками доберутся до Дакара за 16 дней, идя со скоростью в 12 узлов. Однако, было обнаружено, что суда, груженные перевозочными средствами, могли делать лишь от восьми до девяти узлов, и это открытие было сделано, когда уже шла погрузка и когда перегрузка на более быстроходные суда не означала уже

выигрыша во времени. В общем, десятидневная задержка стала неизбежной против первоначального расписания: пять дней из-за просчета в скорости движения судов, три — из-за непредвиденных трудностей с погрузкой, и два — из-за необходимости зайти за горючим во Фритаун. Теперь мы должны были удовлетвориться 18-м сентября.

Я председательствовал на заседании начальников штабов с генералом Де Голлем 20 августа и суммировал весь план следующим образом:

«Англо-французская армада прибудет в Дакар на рассвете, самолеты сбросят на город лозунги и листовки, британская эскадра останется на горизонте, а французские суда направятся к порту. Парламентер на катере с трехцветным и белым флагом отправится в гавань к губернатору, с сообщением о прибытии генерала Де Голля и его войск. В этом письме генерал Де Голль сделает ударение на том, что он явился освободить Дакар от опасности неизбежной германской оккупации и что он привез для гарнизона и населения продовольствие и припасы. Если губернатор окажется сговорчивым, все будет в порядке; если нет, и если береговые батареи откроют огонь, — приблизится британская эскадра. Если сопротивление будет продолжаться, британские суда начнут обстрел французских огневых точек, но с предельной осторожностью. Если сопротивление будет решительным, британские силы используют все средства, чтобы сломить его. Важно, чтобы операция была закончена и генерал Де Голль оказался хозяином положения в Дакаре до наступления ночи. Генерал Де Голль с этим согласен».

Мы снова встретились 22-го, и было зачитано письмо на мое имя от министра иностранных дел, сообщавшее о том, что информация об операции уже просочилась. Что именно стало известно неприятелю, никто не мог сказать. Преимущество наступательных операций, проводимых морскими силами, заключается в том, что когда эскадра вышла в море, никто не знает наверняка, где она нанесет удар. Моря и океаны

слишком широки. Тропическое обмундирование давало указание не большее, чем то, что высадка будет произведена в Африке. Жена одного француза в Ливерпуле, которую подозревали в шпионаже в пользу Виши, как было известно, считала, что назначение военных транспортов — Средиземное море. Даже слово «Дакар», если оно произносилось неосторожно, могло служить лишь для отвода глаз. По мере того, как мы становились опытнее и хитрее, такие формы «прикрытия» применялись все чаще, нередко с замечательной изощренностью. Меня беспокоили задержки и я всячески боролся против них. Что касается утечки информации, никто ничего не мог сказать. Так или иначе, 27 августа Кабинет окончательно одобрил операцию и к ней было приступлено. Датой для ее выполнения было определено 19 сентября.

**
*

9 сентября в 18.24 британский генеральный консул в Танжере телеграфировал адмиралу Норту, командующему Североатлантической базой в Гибралтаре, и повторно министерству иностранных дел:

«Жак» сообщает следующее. Французская эскадра может попытаться пройти пролив, двигаясь на запад в неизвестном направлении. Эта попытка может быть предпринята в течение ближайших 72-х часов».

Адмиралу ничего не было известно о Дакарской экспедиции, и он не предпринял никаких мер. Та же телеграмма из Танжера была получена в министерстве иностранных дел 10-го, в 7.50. В это время мы в Лондоне были почти под непрерывными бомбардировками. Из-за постоянных задержек в работе во время воздушных налетов, в шифровальном отделе накопилось много нерасшифрованных донесений. Телеграмма из Танжера не была помечена «важно» и была рас-

шифрована, только когда подошла ее очередь. И только 14 сентября она дошла до Адмиралтейства.

Но у нас была и другая нить. 10 сентября в 18.00 британский морской атташе в Мадриде был официально уведомлен французским Адмиралтейством, что три французских крейсера типа «Жорж Лейг» и три миноносца вышли из Тулона и намереваются пройти Гибралтар утром 11-го. Это было нормальной процедурой, принятой в это время правительством Виши, и из осторожности сообщение было сделано лишь в последнюю минуту. Британский морской атташе немедленно доложил об этом Адмиралтейству, а также адмиралу Норту в Гибралтаре. Сообщение пришло в Адмиралтейство в 11.50 10 сентября, было расшифровано и послано дежурному капитану, передавшему его директору Оперативного отдела (иностранного). Для этого офицера, отлично информированного о Дакарской экспедиции, должно было быть ясным, что сообщение имеет решающее значение, но он не предпринял ничего немедленно, а передал его, в обычном порядке, вместе с телеграммами, адресованными Первому морскому лорду. За эту ошибку он в свое время получил выражение неудовольствия со стороны начальства.

Однако, миноносец «Хатспур», патрулировавший Средиземное море, заметил французские корабли 11 сентября в 5.15, в 50 милях к востоку от Гибралтара, и доложил адмиралу Норту. Командовавший «соединением Эйч», также базировавшемся на Гибралтар, адмирал Сомервиль, в восемь минут пополуночи того же дня, получил копию донесения морского атташе в Мадриде. В 7 часов утра он приказал подготовить к немедленному выходу в море «Реноун» и стал ждать инструкций от Адмиралтейства. В результате ошибки директора Оперативного отдела и задержки в министерстве иностранных дел с другим посланием от

генерального консула, Первый морской лорд не знал ничего о передвижении французских кораблей вплоть до того момента, когда на заседании начальников штабов ему была вручена радиограмма с «Хатспура». Он немедленно телефонировал в Адмиралтейство, приказав поднять пары на «Реноун» и сопровождающих его миноносцах, — что к тому времени было уже сделано. Затем он явился на заседание Военного Кабинета. Но из-за совпадения задержек в доставке двух несвязанных друг с другом сообщений — от танжерского генерального консула и от морского атташе в Мадриде — и из-за недооценки происходящего в различных местах, было уже поздно что-либо предпринимать. Если бы генеральный консул пометил свое послание «важно», или если бы адмиралы в Гибралтаре, хотя и не посвященные в тайну, решили что-то на месте, или если бы министерство иностранных дел работало нормально, или если бы директор Оперативного отдела проследил бы, чтобы Первый морской лорд был немедленно разбужен и прочел телеграмму, — «Реноун» мог бы остановить французскую эскадру, и заявить о желании вступить в переговоры в ожидании приказаний, — которые, несомненно, были бы даны либо Военным Кабинетом, либо, если этот последний не мог бы быть быстро собран, мной лично.

В данном случае вся наша система предварительных мероприятий не сработала, и три французских крейсера и три миноносца прошли Гибралтарский пролив на полном ходу (25 узлов) в 8.35 утра, 11-го, и повернули на юг, вдоль африканского побережья. Военный Кабинет, оценив положение, немедленно указал Первому лорду распорядиться, чтобы «Реноун» вошел в контакт с французскими кораблями, запросил бы о местоназначении перехода, и пояснил бы, что им не будет позволено следовать в какие-либо порты, оккупированные немцами. Если бы они ответили, что идут

на юг, им было бы сказано, что они могут идти в Казабланку, и в этом случае наша эскадра последовала бы за ними. Если бы они попытались идти дальше на юг, к Дакару, их бы задержали. Но крейсера никогда не были пойманы. 12-го и 13-го видимость в Казабланке была очень ограниченной. Один из разведочных британских самолетов был сбит, сообщения о присутствии в Казабланке дополнительных военных кораблей противоречили друг другу, и «Реноун» со своими миноносцами напрасно прождал целые сутки к югу от Казабланки, с целью перехватить французскую эскадру. 13-го сентября в 16.20 «Реноун» получил радиосообщение, что в Казабланке нет никаких крейсеров. В действительности, они были уже далеко к югу, идя под полными парами к Дакару.

Казалось, однако, что оставалась другая возможность. Наша экспедиция, со своим мощным эскортом, находилась теперь к югу от Дакара, приближаясь к Фритауну. 14-го, в 0.16 утра, Адмиралтейство радировало адмиралу Джону Каннингхэму, сообщая, что французские крейсера покинули Казабланку в неизвестное время, и приказало не допустить их приближения к Дакару. Ему надлежало использовать для этого все наличные корабли, включая «Кумберлэнд»; если это было необходимо, авианосец «Арк Ройал» должен был вступить в дело без прикрытия миноносцами. Крейсера «Девоншир», «Австралия» и «Кумберлэнд», вместе с «Арк Ройал», вслед за получением приказа повернули на север и двинулись полным ходом, чтобы установить заградительную линию к северу от Дакара. Они добрались до назначения только вечером 14 сентября. Французская эскадра уже стояла на якоре в порту.

Эта цепь обстоятельств предрешила судьбу франко-британской экспедиции в Дакар. Я не сомневался в том, что от предприятия следует отказаться. Вся схе-

ма бескровной высадки и оккупации генералом Де Голлем представлялась мне разрушенной прибытием французской эскадры, которая, вероятно, привезла подкрепления, хороших артиллеристов и обозленных вишийских чиновников, — чтобы взять под контроль губернатора, развратить гарнизон и придать новый персонал батареям. Мы могли отказаться от своего плана, без потери столь важного для нас в то время престижа, и даже никому ничего об этом не сообщая. Экспедиция могла быть направлена на Дуалу, чтобы подкрепить операции генерала Де Голля против французского Камеруна, после чего корабли и транспорты могли бы быть распущены или возвратиться домой.

Соответственно, на заседании Военного Кабинета 16 сентября, в полдень, пересказав историю Дакарской операции с самого начала, серьезные последствия откладывания даты высадки, первоначально намеченной на 13-е, утечку информации через разные каналы, и неудачу с французской эскадрой, проскользнувшей через Гибралтарский пролив, я заявил, что положение изменилось, и что о высадке сейчас не может быть и речи. Кабинет принял мою рекомендацию и в 14.00 в тот же день в Дакар были посланы следующие распоряжения:

«Правительство Его Величества решило, что присутствие в Дакаре французских крейсеров делает ранее намеченную операцию неосуществимой. Изучаются возможные варианты. Высадка в Конакри не обещает успеха в виду трудностей в сообщениях с Бомako, отсутствия в экспедиции транспортных средств и вероятности прибытия неприятельских подкреплений из Дакара. Более того, с наличными морскими силами невозможно провести полную блокаду Дакара с моря, и поэтому присутствие сил Де Голля в Бомako не окажет существенного влияния на положение в Дакаре. Наилучшим планом в существующем положении представляется высадка сил генерала Де Голля в Дуале, с целью консолидировать Камерун, Экваториальную Африку и Чад, распространив влияние Де Голля до Либервилля.

Британская часть экспедиции должна пока остаться во Фритауне.

Если у генерала Де Голля не окажется серьезных возражений против предложенного плана, он должен быть осуществлен безотлагательно».

**
*

Экспедиция прибыла во Фритаун 17 сентября. Все лидеры бурно протестовали против отказа от предприятия. Адмирал и генерал спорили, что пока что остается неизвестным, до какой степени прибытие вишійских крейсеров подняло дух местного населения, их присутствие меняет прежнюю ситуацию на море весьма несущественно. В настоящее время, говорили они, на палубах крейсеров натянуты тенты от солнца, а два из них стоят в совершенно беспомощной позиции, представляя собой превосходную мишень для бомбардировки.

Здесь надо взглянуть на положение под другим углом зрения. В этой стадии войны было крайне необычным, чтобы командиры на местах требовали бы более смелого курса. Обычно, давление в пользу риска шло из Лондона. В этом случае, генерал Ирвин, прежде чем отправиться в экспедицию, предусмотрительно изложил на бумаге свои опасения. Я поэтому был приятно удивлен его очевидным стремлением подвергнуть испытанию эту сложную полуполитическую операцию. Если люди на месте считали, что наступил момент выполнить задачу, несмотря на риск, нам ничего не оставалось, как развязать им руки. Поэтому, 16 сентября в 11.52 я радировал следующее:

«Вы вполне свободны обсудить сами все положение и консультироваться с генералом Де Голлем, и мы тщательно рассмотрим все ваши возможные предложения».

Вскоре пришел страстный протест от генерала Де Голля, желавшего осуществления первоначального

плана. «Если британское правительство настаивает на своем новом и негативном решении относительно действий против Дакара с моря, я прошу, как минимум, сотрудничества британских морских и воздушных сил, находящихся здесь, для поддержки операции, которую я проведу лично против Дакара с суши своими собственными войсками». Затем поступило донесение наших командиров:

«На сегодняшнем совещании Де Голль настаивал на необходимости как можно скорее предпринять действия против Дакара... У него есть сведения, что если он пошлет в Дакар своих агентов, они смогут разжечь там уже существующие значительные симпатии к нему среди местного населения, при условии, что операция не будет слишком оттягиваться и что будет избегнут ее слишком британский характер. Его агенты, с нужными инструкциями, находятся наготове в Батхерсте. Де Голль сейчас предлагает попытаться осуществить первоначальный план — войти в порт, если не будет оппозиции, но если это не удастся, войска Свободных Французов должны будут высадиться в Руфиске, поддержанные, если нужно, нашим флотом и авиацией, и оттуда уже двигаться на Дакар. Британские части должны быть высажены, только если понадобится помощь после закрепления французов на суше...

После тщательного обсуждения всех факторов, мы пришли к заключению, что присутствие этих трех крейсеров не на столько увеличивает риск — на который мы были готовы так или иначе — чтобы отказаться от всего предприятия. Мы соответственно рекомендовали принять новые предложения генерала Де Голля, а в случае, если ему не удастся, — предпринять высадку британских войск, как это первоначально предполагалось, — чтобы помочь ему закрепиться. Однако, мы считаем важным увеличить наши морские силы.

Операция должна быть проведена в четырехдневный срок после получения решения Правительства Его Величества».

И, наконец, генерал-майор Ирвин радировал начальнику Имперского Генерального Штаба следующее:

«Как вам известно, я уже согласился с рискованностью этой операции, не оправданной полностью по чисто военным основаниям. Новая информация возможно увеличивает этот риск, но я считаю, что на него стоит идти в виду очевидных преимуществ в случае успеха. Де Голль также обязался в случае нужды полностью сотрудничать с британскими частями, и он не уклоняется от ответственности, если произойдет кровопролитие между французами».

Военный Кабинет вторично собрался 17-го, в 21.00. Все согласились, что надо дать свободу рук командирам на месте. Окончательное решение было отложено до полудня следующего дня. Это не означало потери времени, так как оставалась почти неделя до того дня, когда можно было нанести удар. По просьбе Кабинета я набросал командирам Дакарской экспедиции следующее послание:

«Мы не можем отсюда судить об относительных преимуществах различных проектов. Мы даем вам полную власть проводить в жизнь то, что вы считаете наилучшим для успешного достижения первоначальной цели экспедиции. Держите нас в курсе дел».

Это было передано по радио 18 сентября в 13.20.

**
*

Нам не оставалось ничего, как ждать результатов. 19-го Первый морской лорд сообщил, что французская эскадра, или часть ее, направилась из Дакара на юг. Было очевидно, что она доставила в Дакар настроенные в пользу Виши войска, технический персонал и администрацию. Вероятность энергичного сопротивления, с этими новыми силами, очень увеличивалась. Несомненно, предстояли сильные бои. Мои коллеги, сочетавшие твердость с умением приспособляться к обстановке, — как это и должно быть на войне, разделяли мое инстинктивное желание не вмеша-

ваться в ход дел, и разные сообщения были заслушаны в молчании.

20-го, адмирал Паунд сообщил нам, что французский крейсер «Примогет», перехваченный «Корнуэллом» и «Дели», согласился идти в Казабланку, и сейчас туда сопровождается. Три французских крейсера, замеченных «Австралией», были «Жорж Лейг», «Монкальм» и «Глуар». В полдень 19-го, к «Австралии» присоединился «Кумберлэнд» и они продолжали до вечера следовать за вишийскими кораблями. Эти последние теперь повернули на север и увеличили скорость с 15 до 31 узла. Последовало преследование, но наши суда не были в состоянии нагнать их. Однако, в 21.00 на «Глуар» произошла поломка машины и он теперь не мог делать более 15 узлов. Его капитан согласился вернуться в Казабланку, сопровождаемый «Австралией». Эта пара должна была пройти Дакар около полуночи, и капитан «Австралии» предупредил «Глуар», что если произойдет атака подводными лодками, он немедленно пустит «Глуар» ко дну. Несомненно, что соответствующее предупреждение было передано в Дакар, и все сошло самым благоприятным образом. «Кумберлэнд», следовавший за двумя другими вишийскими кораблями, из-за сильного дождя потерял их из виду, и они оба вернулись в Дакар, без единого выстрела, сделанного по ним. «Пуатье», задержанный в море 17-го, прибегнул к самозатоплению.

**

Обе всем происходящем я держал в курсе генерала Смэтса.

«Премьер-министр — генералу Смэтсу.

22 сентября 1940 г.

Вы увидите мое сообщение о Дакаре. Я много думал о том, что Вы писали в своих письмах о необходимости

иметь в виду африканскую сферу. Движение Де Голля, направленное к спасению французских колоний, имеет успех в Камеруне и Экваториальной Африке. Мы не можем допустить, чтобы эти внушительные приобретения были сведены на-нет французскими кораблями и вишийцами, присланными, вероятно, по немецкому предписанию. Если Дакар попадет под немецкий контроль и превратится в базу для подводных лодок, последствия будут катастрофическими. Поэтому мы взялись за дело установления власти Де Голля в Дакаре, — мирно, если удастся, силой, если придется, — и экспедиция, на которую это сейчас возложено, повидимому, располагает достаточными для этого силами.

Естественно, риск кровавого столкновения с французскими моряками и местным гарнизоном не легок. Я полагаю, что, на круг, шансы серьезного сопротивления невелики, учитывая невысокий боевой дух и бедственное положение этой французской колонии, а также возможность нашей блокады с моря, которая может ее задушить. Все же, ничего нельзя сказать до того, как мы предпримем эту попытку. Возражение, что на такой риск не следует идти в то время, как французское общественное мнение, ободренное нашим сопротивлением, склоняется в нашу пользу даже в Виши, и что всякое подобие второго Орана будет означать регресс, было тщательно взвешено нами. Тем не менее, мы пришли к единодушному заключению, что это возражение может не иметь под собой почвы и что при всех обстоятельствах приходится действовать, невзирая на него, лишь бы не допустить Виши разгромить Де Голля. Если вишийское правительство не объявило войны после Орана, или под давлением нашей блокады, нет оснований, почему бы оно сделало это теперь из-за сражения за Дакар. Помимо стратегической важности Дакара и политического эффекта захвата его Де Голлем, там имеется на 60 или 70 миллионов польского и бельгийского золота, незаконно захваченного и хранящегося в глубине страны; в наши руки косвенным образом попадет также большой линкор «Ришелье», повреждения которого вполне исправимы. Так или иначе, кости брошены.

Мы не собираемся в настоящий момент тревожить Марокко по причине германского давления на Испанию и испанских там интересов. Мы возлагаем большие надежды на Сирию, куда на следующей неделе направится генерал Карту. Важное сражение завязывается сейчас у Мерса Мат-

рух, и я надеюсь, что наши танковые подкрепления придут во-время.

Я не придаю особого значения опасности для Кении, особенно если мы отойдем и будем вести операции, опираясь на ширококолейную железную дорогу, оставляя на долю врага трудности путей сообщения. Я пытаюсь послать на тот театр немного подходящих танков, но в остальном, я чувствую, там имеется больше войск, чем требуется, и они нужнее в Судане и в Дельте.

Мне доставляет искреннее удовольствие следовать с Вами по тому пути, по которому мы идем вместе на протяжении стольких лет».

Рузвельту я телеграфировал следующее:

«Бывший моряк — президенту. 23 сентября 1940 г.

Меня подбодрило то, как Вы приняли сообщение лорда Лотиана о Дакаре. Было бы против наших общих интересов, если бы там были созданы сильные немецкие базы для авиации и подводных лодок. Похоже на то, что там может завязаться напряженная борьба. Может быть, обойдется и без этого, но во всяком случае, отданы приказы довести дело до конца. Мы были бы в восторге, если бы Вы направили несколько американских судов в Монровию и Фритаун, и я надеюсь, что ко времени их прибытия Дакар будет готов к приему. Однако, сейчас важно, чтобы Вы пояснили французскому правительству, что объявление им войны сильно испортит его отношения с Соединенными Штатами. Если Виши объявит войну, это будет равносильно объявлению войны Германией, и тогда все вишийские владения в западном полушарии должны будут рассматриваться, как потенциально германские.

Большое спасибо за Ваше сообщение относительно вторжения. Мы к нему готовы. Был рад услышать о винтовках».

**
*

Здесь нет необходимости передавать в подробностях все случившееся в течение трех дней атаки на Дакар. В военных хрониках эта операция должна быть занесена, как образец неудачи. Метеорологи министерства авиации, конечно, тщательно изучили климатиче-

ские условия западноафриканского побережья. Просмотр длинной истории погоды там показал, что для данного сезона надо ожидать солнечной и ясной погоды. 23 сентября, когда к крепости приблизилась англо-французская армада, с Де Голлем и его кораблями в авангарде, вокруг лежал густой туман. Мы надеялись на то, что поскольку огромное большинство как французского, так и туземного населения находится на нашей стороне, появление всех этих кораблей, с британской эскадрой на горизонте, определит действия губернатора. Скоро, однако, выяснилось, что вишийцы были хозяевами положения, и что прибытие вишийских крейсеров с войсками, несомненно, уничтожило какую-либо надежду присоединения Дакара к движению Свободных Французов. Как только два самолета Де Голля опустились на местном аэродроме, пилоты были немедленно арестованы. У одного из них оказался при себе список ведущих сторонников Свободных Французов. Эмиссары Де Голля, посланные под трехцветным и белым флагами, натолкнулись на резкий отказ, а другие, прибывшие позднее в лодках, были обстреляны и двое из них ранены. Все сердца ожесточились, и британский флот подошел сквозь мглу на расстояние в пять тысяч ярдов. В 10 часов утра портовая батарея открыла огонь по одному из наших фланговых миноносцев. На огонь было отвечено, и скоро завязалось общее сражение. Миноносцы «Инглфилд» и «Форсайт» были слегка повреждены, а в машинное отделение «Кумберленда» попал снаряд и он вышел из строя. В одну из французских подводных лодок попала бомба с низколетящего самолета, и один французский миноносец загорелся.

Существует застарелый конфликт между кораблями и фортами. Нельсон как-то сказал, что батарея из шести орудий равноценна кораблю, вооруженному сотней. Бальфур, при расследовании операции в Дар-

данеллах, в 1916 году, сказал: «Если у корабля есть орудия, способные обстреливать форт, когда форт не может отвечать, то и такая дуэль еще необязательно может считаться неравной». В данном случае, британский флот, надлежащим образом прицелившись, мог теоретически обстрелять, и, после определенного количества залпов, уничтожить батареи Дакара с их орудиями, при дистанции в двадцать семь тысяч ярдов. Но у вишийцев в то время был также линкор «Ришелье», оказавшийся способным стрелять залпами из двух пятнадцатидюймовых орудий. Это должно было бы быть принято во внимание британским адмиралом. И, кроме того, стоял туман. Поэтому, около 11.30 стрельба затихла, и британско-французская эскадра отошла.

Позднее, днем, генерал Де Голль попытался высадить свои войска в Руфиске, но туман и общая растерянность сейчас были уже такими, что от этой попытки пришлось отказаться. К 16.30 командиры решили отозвать транспортные суда и возобновить операцию на следующий день. Сообщение с этой информацией достигло Лондона в 19.19, и я вслед за тем послал в 20.14 (23 сентября) следующую личную радиограмму командиру:

«Раз начав, надо доводить дело до конца. Не останавливайтесь ни перед чем».

В ту ночь губернатору Дакара был послан ультиматум, на который пришел ответ, что он будет оборонять крепость до последнего. Командиры ответили, что они намереваются продолжать операцию. Видимость была лучше, чем накануне, но все еще неудовлетворительна. Как только наши суда приблизились, береговые батареи начали стрельбу, а «Бархэм» и «Резолюшон» завязали перестрелку с «Ришелье» на дистанции 13.600 ярдов. Вскоре вслед за тем «Девоншир» и «Авст-

ралия» обстреляли крейсер и миноносец, повредив последний. Бомбардировка кончилась около 10 часов. К тому времени 15-ти дюймовый снаряд попал в «Ришелье», другой такой же — в форт Манюэль, и был подожжен легкий крейсер. Более того, вражеская подводная лодка, пытавшаяся помешать нашему приближению, была повреждена глубинной бомбой, и должна была подняться на поверхность, а ее команда — сдать в плен. Все наши корабли остались неповрежденными. После обеда на короткое время бомбардировка возобновилась. На этот раз произошло четыре попадания в «Бархэм», не вызвавших однако серьезных повреждений. Бомбардировка имела неопределенный результат, если не считать того, что оборона была сильна и гарнизон сопротивлялся решительно.

25 сентября операция возобновилась. Погода была ясная, и наш флот вел обстрел на расстоянии в 21.000 ярдов; им отвечали не только своей точной стрельбой береговые батареи, но и двойные залпы орудий «Ришелье». Дымовая завеса, к которой прибег командующий Дакаром, скрыла нашу мишень. Вскоре после 9 часов утра в линкор «Резолюшон» попала торпеда, пущенная с вишийской подводной лодки. После этого адмирал решил отойти в море, «в виду состояния «Резолюшон» и продолжающейся опасности со стороны подводных лодок, а такжее большой точности попадания и решимости береговых батарей».

Между тем, собравшийся без меня в 10.00 Комитет обороны, пришел к заключению, что не следует заставлять наших командиров вести операцию, если это идет вразрез с их решением. В 11.30 собрался Кабинет и сообщения о результатах утреннего сражения были переданы нам во время заседания. Из них было ясно, что настаивать дальше не позволяли ни благоразумие, ни наши ресурсы. Несколько хороших судов были тяжело повреждены. Было очевидно, что Дакар будет за-

щищаться до конца. Никто не мог быть уверен, что разгоревшиеся страсти затянувшейся борьбы не вызовут декларации войны со стороны Виши. Поэтому, после трудной дискуссии, мы решили не настаивать.

Соответственно, я послал командирам (в 13.27, 25 сентября) следующую радиограмму:

«На основании всей имеющейся у нас информации, включая сообщение о повреждении «Резолюшон», мы решили, что от операции против Дакара следует отказаться, приняв во внимание все очевидные скверные последствия этого. Если не произошло чего-либо такого, что нам неизвестно, и что вызывает в вас желание предпринять высадку, вы должны безотлагательно от нее отказаться. Сообщите нам «крайне срочно», согласны ли вы с нашим решением, но если только положение не изменилось полностью в нашу пользу, вы не должны приступать к высадке, не получив нашего ответа.

Считая, что операция прекращена, мы приложим усилия к тому, чтобы прикрыть операцию у Дуалы морскими силами, но мы не можем сторожить сил Де Голля, если эти последние останутся в Батхэрсте. Вопрос о подкреплении Фритауна войсками в настоящий момент рассматривается. Инструкции о том, что делать с остающимися силами, будут даны после получения вашего ответа».

Командиры прислали следующий ответ:

«Согласны кончить операцию».

**
*

«Бывший моряк — президенту Рузвельту.

25 сентября 1940 г.

Я очень сожалею, что нам пришлось отказаться от предприятия с Дакаром. Виши добралось туда раньше нас и смогло укрепить оборону силами партизан и превосходных артиллеристов. Все дружеские нам элементы были захвачены и взяты на учет. Несколько наших судов получили повреждения, и если бы мы настаивали на высадке значительными силами, мы бы оказались связанными чрезмерными для нас обязательствами, — если учесть, с чем нам приходится иметь дело в настоящее время».

За три дня бомбардировки не был потоплен ни один британский корабль, но «Резолюшон» был выведен из строя на несколько месяцев, а два миноносца получили повреждения, потребовавшие значительного ремонта в английских доках. Было потоплено две вишийских подводных лодки (при чем была спасена команда одной из них), два миноносца подожжены и выбросились на берег, а линкор «Ришелье» получил прямое попадание 15-ти дюймовым снарядом и повреждения от взорвавшихся рядом двух 250-ти фунтовых бомб. В Дакаре, само собой разумеется, не было средств для ремонта этого огромного корабля, который был уже временно выведен из строя в июле, и теперь, как действующий фактор в руках противника, должен был быть полностью сброшен со счетов.

Любопытно отметить смену ролей Военного Кабинета и командиров на месте в этом предприятии. Сначала командиры отнеслись к нему без всякого энтузиазма, и генерал Ирвин оградил себя пространном меморандумом на имя заместителя начальника Имперского Генерального Штаба, в котором указывал на все трудности. После того, как экспедиция была уже к югу от Канарских островов, эскадра французских крейсеров, с подкреплениями из числа сторонников Виши, олицетворяя собой как физический, так и моральный авторитет Французской республики, проскользнула через Гибралтарский пролив. С того момента у меня не было сомнений, что положение изменилось, и Военный кабинет, по моей рекомендации, поддержанный начальниками штабов, решил, что мы должны отказаться от этого предприятия пока было время, пока не было никаких потерь и опасности неудачи.

Командиры на месте высказали свое сильное желание предпринять операцию и Военный кабинет, совершенно правильно с моей точки зрения, нашел, что командиры имеют больше возможности судить и что им

должны быть развязаны руки. Соответственно, была предпринята попытка, и из эффективного и непримиримого сопротивления Дакара стало сразу же ясно, что Военный кабинет был прав, и давал правильные указания.

Хотя сражение у Дакара было много серьезнее, чем ожидалось, мы не ошиблись в своем суждении, что Вишийское правительство не объявит войны Великобритании. Они удовлетворились налетом на Гибралтар из Северной Африки. 24 и 25 сентября были проведены последовательные налеты на гавань и доки; на первую было сброшено 150 бомб, а на доки, — в налете на которые приняло участие около сотни самолетов, — в два раза больше. Повидимому, французские летчики бомбили без всякого энтузиазма, и большинство бомб упало в море. Были причинены кое-какие разрушения, но жертв было очень мало. Наши зенитные батареи сбили три самолета. В сражении у Дакара взяли верх вишийцы, и весь инцидент был деликатно отнесен в число «законченных счетов».

Британские морской и военный командиры ни в чем не обвинялись, и оба прослужили до самого конца войны, при чем адмирал получил высшие отличия. Одним из моих правил было, что ошибки допущенные по отношению к врагу не должны вызывать серьезного осуждения. Они были совершенно правы, предпринимая попытку, если информация на месте убеждала их в выполнимости предприятия; и тот факт, что они недооценили впечатления, которое произвело на гарнизон прибытие крейсеров и подкреплений, ни в коем случае нельзя было ставить им в вину. Что касается генерала де Голля, я сказал о нем в Палате общин, что его поведение и роль в этом инциденте, заставили меня уважать его больше, чем когда-либо.

История дакарского эпизода заслуживает внимательного изучения, потому что она иллюстрирует в большой степени не только непредвиденные в войне обстоятельства, но и взаимозависимость военных и политических факторов, а также трудности комбинированных операций, особенно если в них принимают участие союзники. Для мира в целом этот эпизод казался блестящим примером просчета, конфуза, трусости и неразберихи. В Соединенных Штатах, где особый интерес был возбужден фактом близости Дакара к американскому континенту, поднялась буря неблагоприятной критики. Австралийское правительство было опечалено. В Англии слышались многочисленные жалобы на ошибки в руководстве войной. Я, однако, решил, что не следует давать никаких разъяснений, и Парламент уважил мое желание.

**
*

Ретроспективно эти события могут рассматриваться в более розовом свете. Изучающих военно-морскую историю может поразить сходство этого эпизода с другим, случившимся почти три столетия назад. В 1655 Кромвель послал объединенную военно-морскую экспедицию для захвата Сан-Доминго, на Вест-индских островах. Атака не имела успеха, но командиры, вместо того, чтобы возвращаться с пустыми руками, превратили неудачу в победу, захватив Ямайку.

Хотя мы потерпели поражение под Дакаром, нам удалось задержать дальнейшее продвижение французских крейсеров и помешать их решительным попыткам посадить гарнизоны во Французской Экваториальной Африке. В двухнедельный срок генералу де Голлю удалось закрепиться в Дуале, в Камеруне, ставших сборным пунктом для Свободных Французов.

Деятельность Свободных Французов в этом районе сыграла роль не только в отношении задержки проникновения вишнейской заразы, но сделала возможным, благодаря их контролю в Центральной Африке, позднее развитие трансконтинентального воздушного пути из Такоради на Средний Восток.

МИССИЯ МИСТЕРА ИДЕНА

Октябрь 1940 года

В конце сентября здоровье мистера Чемберлэна значительно ухудшилось. Пробная операция, которой он подвергся в июне, и после которой он с такой смелостью возвратился к исполнению своих обязанностей, открыла докторам, что у него был рак, удалить который хирургическим путем было нельзя. Истина эта теперь стала ему известна, — как и то, что он уже никогда не сможет работать. Поэтому он вручил мне свою отставку. Под давлением обстоятельств я чувствовал необходимым внести некоторые перемены в правительстве, о которых уже упоминалось в одной из предыдущих глав. Сэр Джон Андерсон стал лордом-председателем Совета, и также председателем Комитета по внутренним делам Кабинета. Мистер Герберт Моррисон занял его пост секретаря по внутренним делам и министра внутренней безопасности, а сэр Эндрю Дункан стал министром снабжения. Эти перемены вошли в силу 3 октября.

Мистер Чемберлэн также считал правильным отказаться от лидерства в консервативной партии, и я был приглашен занять его место. Я должен был задать себе вопрос — по поводу которого и теперь могут быть разные мнения — совместимо ли было лидерство партии с положением премьер-министра правительства, составленного из представителей всех партий и ими под-

держиваемого, — положением, которое я занимал волею короля и Парламента. У меня не было сомнений по поводу ответа на этот вопрос. Консервативная партия обладала много большим числом депутатов Палаты, общин, чем все остальные партии, вместе взятые. В условиях войны, в случае разногласий или политического тупика, не приходилось обращаться к избирателям. Руководство ведением войны было бы для меня невозможным, если бы в те дни кризиса, в долгие годы тяжелой и переменчивой по своим результатам борьбы, мне надо было бы добиваться не только согласия лидеров двух партий меньшинства, но и лидера консервативного большинства. Кто бы ни был избран, какие бы ни были его достоинства, в его руках должна была сосредоточиться реальная политическая сила. На мне оставалась бы только ответственность исполнительной власти.

Эти соображения не имеют такой же силы в мирное время, но я чувствую, что во время войны я бы не выдержал успешно такое испытание. Более того, в коалиции, имея дело с Лейбористской и Либеральной партиями, всегда оставалось существенным обстоятельством то, что, будучи премьер-министром и одновременно лидером самой значительной партии, я не зависел от их голосов, и мог, в случае разногласий, обеспечить парламентское большинство без их помощи. Поэтому, я принял пост лидера консервативной партии, который мне навязывали, и я уверен, что без этого, и без традиционной лояльности консерваторов по отношению к своему лидеру, я бы оказался не в состоянии выполнить свои обязанности и довести войну до победы. Сам лорд Галифакс, который был вторым кандидатом, если бы я отказался, внес это предложение и оно было принято единогласно.

В грохоте тяжелых разрывов, но с возрастающей уверенностью в том, что мы выживем, пролетело лето. Осень и зима погрузили нас в массу осложнений, менее смертельных по своему характеру, но более запутанных. Угроза вторжения окончательно ослабела. Битва за Англию в воздухе была выиграна. Мы нанесли немцам их первое поражение. Наша армия стала несравненно сильнее. Штормовые ветры осеннего равноденствия протянули через Ламанш и Северное море свои жестокие предательские руки. Мои ранние предположения, из которых я черпал уверенность в успехе, оправдывались. На Дальнем Востоке угроза объявления войны Японией, казалось, уменьшилась. Японцы выжидали, что произойдет со вторжением: не произошло ничего. Японские милитаристы хотели играть наверняка, но в войне такие ситуации, когда можно гарантировать тот или иной исход, случаются редко. Если они предпочли воздержаться от нападения в июле, какой смысл им было начинать теперь, когда положение Британской империи стало на много лучше, а общее международное положение стало для них заметно менее благоприятным? Мы чувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы после трехмесячного перерыва открыть дорогу на Бирму. Японцы были опытны в ведении войны на море, и, вероятно, думали о ней таким же образом, как и британское Адмиралтейство. Тем не менее, решение открыть Бирманскую дорогу и допустить возобновление потока грузов по ней в Китай, было принято не без опасений. Однако, последовавшие события подтвердили правильность нашей оценки положения.

Я был рад, что мог телеграфировать президенту новость, которая, я был уверен в этом, придется по вкусу и ему и Соединенным Штатам.

«Бывший моряк — президенту.

4 октября 1940 г.

После продолжительного всестороннего обсуждения мы сегодня решили разрешить возобновление с 17 октября движения по Бирманской дороге, когда истечёт трехмесячный срок. Мы с министром иностранных дел объявим это Парламенту, когда он соберется во вторник, 8-го. Я скажу, что наши надежды на справедливое соглашение между Японией и Китаем оказались бесплодными, и что Пакт трех держав восстанавливает в силе Антикоминтерновский пакт 1939 года, отчетливо направленный против Соединенных Штатов. Я знаю, как трудно для Вас сказать что-либо, что может быть истолковано, как обязательство Соединенных Штатов следовать какому-то гипотетическому курсу в Тихом океане. Но я беру на себя смелость спросить, не окажется ли в данный момент какое-либо простое действие более эффективным, чем все декларации. Не было бы возможным послать американскую эскадру, и чем большую, тем лучше, с дружеским визитом в Сингапур? Там она была бы встречена совершенно нормальным, должным образом. Если угодно, предлогом такого визита могло бы быть техническое обсуждение морских и военных проблем в водах Сингапура и Филиппин, и голландцам могло бы быть послано приглашение принять в нем участие. Любой шаг в этом направлении произвел бы сдерживающий эффект на японцев, которые могут объявить нам войну из-за открытия Бирманской дороги. Я был бы очень признателен, если бы Вы рассмотрели подобный проект, так как он может сыграть важную роль в предупреждении распространения войны.

Несмотря на фиаско в Дакаре, правительство Виши пытается войти с нами в сношения, что указывает, в каком направлении дует ветер во Франции сейчас, когда они чувствуют всю силу немцев и видят, что мы все же оказались в состоянии удержаться.

Хотя наше положение в воздухе постепенно становится все сильнее, наша потребность в самолетах самая срочная. Несколько значительных заводов подверглись серьезным разрушениям, и темпы производства задерживаются воздушными налетами. С другой стороны, наши потери в летчиках оказались меньшими, чем мы ожидали, ибо, сражаясь над нашей территорией, большей их части удается сделать посадку либо вовсе неповрежденными, либо только ранеными. Когда здесь были ваши офицеры, разговор шел

главным образом о летчиках. Теперь мы начинаем думать, что лимитирующим фактором будут самолеты, — во всяком случае, поскольку это касается ближайшего будущего.

Я не могу считать, что опасность вторжения миновала. Дядюшка разделся было, натянул купальный костюм, но вода становится холоднее, и в воздухе пахнет осенью. Мы остаемся предельно бдительными».

**
*

Приятные события на другом краю света расчистили путь к более решительным действиям на Среднем Востоке. Там были напряжены все силы, чтобы улучшить наши позиции против Италии, мероприятия которой оказались более вялыми, чем я ожидал. Генерал Уэйвел получил сильные подкрепления. В пустыню прибыли два танковых полка. Генерал Мэйтланд Вильсон, командовавший Нильской армией — как она теперь называлась — составил себе высокое мнение о «Матильдах» — кличка, данная солдатами танкам марки «И». Наши оборонительные позиции у Мерса Матрух были теперь много сильнее, и — хотя я этого еще не знал — в штабе и в руководящих кругах Средневосточной Главной квартиры стали возникать новые идеи. Очевидно, что нашей следующей задачей было укрепление наших сил на Среднем Востоке, и особенно в Западной пустыне, — за счет Великобритании и Индии.

Я все еще продолжал спорить с Адмиралтейством по поводу попыток прохода военных конвоев через Средиземное море. «Вы теперь видите, что мы должны были попытаться сделать это, — говорил я, — Теперь мы видим, что спешить нам было некуда», — отвечали они. Я все еще оставался крайне неудовлетворен дислокацией наших сил, уже находившихся на Среднем Востоке, несоответствием, по моему мнению, между их общей численностью и боевой мощью. Я

очень опасался за Мальту. По всем этим вопросам, как непосредственно, так и через начальников штабов, я продолжал оказывать давление на генерала Уэйвела и государственного секретаря. Мистеру Идену я писал:

«Премьер-министр — государственному секретарю по военным делам. 24 сентября 1940 г.

Мы не расходимся в принципе, но его применение вызывает разногласия в деталях, и это особенно относится к обнажению нашего Острова перед лицом непосредственной угрозы вторжения. В то же время начальники штабов продолжают настаивать на отвлечении сил со Среднего Востока, — как перевод Седьмой австралийской дивизии на гарнизонную службу на Малайский полуостров. Теперь еще две индийские бригады должны быть посланы в эти джунгли на случай войны с Японией и еще менее вероятной осады Сингапура. Вчера вечером я с начальниками штабов рассматривал доклад об индийских подкреплениях. Вы увидите, что одна дивизия должна быть выделена для Малайи, другая — для Басры, и корпус — для Ирака; тем самым поглощаются все подкрепления, которые Индия может дать в 1941 году. Это географическое распределение — или, лучше сказать, распыление — наших сил указывает на то, какие идеи сейчас преобладают, — идеи совершенно ошибочные в стратегическом смысле. Мне было, однако, объяснено, что хотя эти силы предназначаются для различных театров, они все могут быть посланы в случае нужды на Средний Восток. Поэтому я согласился, настояв, чтобы это было ясно записано. Тем не менее, абзац, в котором трактуется о распылении этих дивизий, без учета наших военных потребностей, произвел на меня неблагоприятное впечатление.

Затем нам надо рассмотреть все возрастающее число войск, без нужды находящихся в Кении, и продолжающееся бесполезное пребывание частей в Палестине. Положение в Палестине несколько улучшилось, в Кении же — наоборот: туда сейчас направляется горная батарея, вместо того, чтобы быть отправленной в Судан. Я боюсь, что когда туда приедет генерал Смэтс, он попадет под влияние местных настроений. Впрочем, я надеюсь поддерживать контакт с ним по телеграфу.

Наконец, мы непростительно разбрасываемся британскими регулярными войсками, используя их на полицей-

ской службе в Зоне канала, в Каире и Александрии; не менее непростительна расхлябанность Средневосточного командования в деле сосредоточения предельных сил на фронте и уменьшения разрыва между общей численностью войск и их боевой мощью. Я все еще не получил ответа на мой запрос о цифрах, иллюстрирующих этот разрыв.

Моя мысль — как и Ваша — собрать на Среднем Востоке в ближайшие несколько месяцев такую сильную армию, какую только удастся; в других письмах я указывал число дивизий, которые, по моему мнению, могут быть там сосредоточены. Но я считаю, что первым делом военное министерство и командование в Египте должны наилучшим образом использовать весьма значительное число войск, уже имеющееся в их распоряжении, которое обходится нам очень дорого.

Далее, я весьма обеспокоен положением на Мальте. Сейчас решено, что в подкрепление туда будут посланы два батальона. Но сколько пришлось торговаться и оспаривать лицемерные утверждения, будто они не могут быть размещены на острове! Читали ли Вы доклад генерала Дobbи и его заявление, что все его батальоны разбросаны на фронте в пятнадцать миль каждый, и что у него нет никаких резервов для охраны аэродромов? Вы отдаете себе отчет в том, что мы не господствуем в море у Мальты, и что в любой момент из Италии туда может быть направлен десант в двадцать или тридцать тысяч человек, поддержанный всем итальянским флотом? И все же были предложения послать эти два батальона в Фритаун для укомплектования там бригады, хотя никакой враг не рискнет атаковать Фритаун, пока мы сохраняем господство в Атлантическом океане. Я уверен, Вы простите мне изложение этих эпизодов, ибо они иллюстрируют тенденции, не имеющие ничего общего с тем планом войны, который Вы себе составили».

«Премьер-министр — генералу Исмю.

6 октября 1940 г.

Каждый раз, когда флот направляется из Александрии к центральному бассейну Средиземного моря, необходимо захватывать подкрепления для Мальты, которую я считаю находящейся в данный момент в серьезной опасности. Эти подкрепления должны быть выделены за счет батальонов из Зоны канала, которые можно заменить спешенными

Иоманрийскими или австралийскими частями, или теми южноафриканскими соединениями, которые в ближайшем будущем должны быть переведены из Кении. Прошу представить мне соображения по этому поводу, и принять меры, чтобы хотя бы один батальон был перевезен на Мальту при первой же оказии. Мы не можем тратить наши регулярные части на несение службы внутренней безопасности в Египте. Если бы они были нужны действующей армии, тогда, конечно, трогать их было бы нельзя. Но они используются не по назначению».

**
*

Я находился в таком тесном контакте с государственным секретарем по военным делам и так чувствовал необходимость продвигать наши взгляды на местах вместо того, чтобы посылать бесконечные телеграммы, что я попросил его лично предпринять инспекционную поездку по Среднему Востоку. Он был обрадован предложением, и немедленно отправился в путь; на месте он тщательно ознакомился со всем театром войны. В его отсутствие я взял на себя руководство военным министерством.

Около того же времени я изложил начальникам штабов свои взгляды на военное положение.

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для Комитета начальников штабов. 13 октября 1940 г.

1. Первой по срочности задачей является укрепление Мальты:

а) посылкой дополнительных Ураганов, с доставкой их лучшим из возможных способов;

б) конворуемым транспортом, который сейчас готовится и который должен доставить как можно большую зенитную часть, равно как и батальоны и батарею; сколько я понимаю, в транспорт может быть включен еще один парход;

в) одним, а еще лучше — двумя батальонами, освобожденными от полицейской службы в Зоне канала или в Палестине, которых надо доставить на Мальту следующий

раз, когда туда двинется флот из Александрии. В последнем докладе генерала Добби указывается на крайнюю нужду в укреплении гарнизона. Надо напрячь все усилия, чтобы удовлетворить эту нужду, учитывая, что раз Мальта станет бельмом на глазу у итальянцев, на нее могут обрушиться неприятельские силы. Поэтому, посылка подкреплений должна предшествовать какой-либо заметной активности с Мальты.

г) Даже три пехотных танка были бы важны на Мальте, не только в качестве фактического оборонительного оружия, но и просто, как сдерживающий элемент, в случае если об их присутствии там станет известным врагу. Можно также соорудить несколько макетов танков и расположить их так, что их можно было бы увидеть с воздуха.

2. Движение флота к Мальте должно задержаться до усиления противовоздушной обороны. Но само по себе оно является крайне необходимым и выгодным планом. Я приветствовал бы возможность базирования на Мальте даже легких сил, а затем немедленно бы обеспечил их безопасность. Как я представляю себе, они будут делать вылазки в дневное время и, как правило, прятаться в гавани по ночам. Необходимо заметить, что такой мощный корабль как «Вельянт» может лучше выдержать попадание бомбы, чем легкий, и, кроме того, он вооружен батареями первоклассных зенитных орудий. Если не считать дополнительного риска, я не вижу почему, если мы решаемся держать в Мальтийской гавани легкие силы, мы не можем держать там также хорошо вооруженные и покрытые тяжелой броней корабли. Многоствольные ракетные орудия представляют собой внушительную гарантию против пикирующих бомбардировщиков.

Я был бы рад получить по этому вопросу более подробную информацию от Адмиралтейства.

Случайные визиты на Мальту всего боевого флота могут оказать внушительное сдерживающее влияние на желающего атаковать неприятеля, а также служить угрозой для неприятельских коммуникаций с Ливией.

Сообщите мне число зенитных орудий, установленных на позициях, а также предельное их количество в новом конвое, с указанием дат, когда они могут быть установлены.

3. Отношения с Виши. Мы не можем стать на ту точку зрения, что мы должны идти на уступки Виши из страха,

что они начнут воздушные налеты на Гибралтар. Иначе, этому конца не будет. Мы должны доказать нашу силу, блокировать пролив и управляться с судами, с конвоем или без него, не нарушая однако нейтралитета испанских территориальных вод. Для этой цели мы должны в кратчайший срок собрать в Гибралтаре достаточные силы. В то же время, мы должны как можно эффективнее поддерживать блокаду Дакара, защищать Дуалу и пр., от контрудара французских крейсеров из Дакара. Переговоры с Виши, если они будут иметь место, могут остановиться на «модус вивенди», без того, чтобы мы шли навстречу их пожеланиям. Конечно, если бы мы могли быть уверены, что Виши, или часть Виши, на самом деле движется в нашем направлении, мы могли бы пойти на очень значительные уступки. Представляется вероятным, что они будут все более склоняться к тому, чтобы поступать согласно нашим желаниям, и я лично не думаю, что большой нажим с нашей стороны может помешать этим благоприятным переменам. Для Виши с каждым днем становится все труднее вести за собой Францию на войну против нас. Нам не следует слишком опасаться задержать этот процесс, потому что движение в нашу пользу преодолет неблагоприятные фанфары. Я не думаю, чтобы у нас вышли такие неприятности с французами, которые помешали бы готовящемуся конвою пройти на Мальту. Здесь есть риск, но небольшой, и на него нам надо идти.

4. Величайшая задача для нашего Командования бомбардировочной авиацией — вывести из строя «Бисмарк» и «Тирпиц». Если «Бисмарк» может быть поврежден так, что ему придется ремонтироваться три или четыре месяца «Король Георг V» может отправиться в восточный бассейн Средиземного моря и, следовательно, сыграть решающую роль в операциях нашего флота с мальтийской базы. Это быстро изменит стратегическое положение в Средиземном море.

5. Если в октябре не произойдет вторжения, мы должны начать укрепление Среднего Востока, пользуясь путем вокруг мыса Доброй Надежды, в той мере, в какой это позволит состояние нашего транспорта, посылая, как было договорено, бронетанковые соединения, австралийцев, и новозеландцев в ноябре, другую британскую дивизию — перед Рождеством, и по крайней мере еще четыре — в течение января, февраля и марта. Все это будет идти дополнительно к необходимым призывным контингентам. Сооб-

щите мне, в какой степени ваша нынешняя программа перевозок совпадает с этим.

6. Пришло также время для значительного подкрепления Среднего Востока бомбардировщиками и истребителями. Я хотел бы узнать, как далеко в этом направлении готовы идти начальники штабов, учитывая, что хотя риск и велик, нужда в них также велика.

7. Покажите мне программу укрепления Средиземноморского флота на следующие шесть месяцев. К концу года должно быть возможно послать три эскадры миноносцев в Восточное Средиземноморье и одну дополнительную в Гибралтар. Если «Короля Георга V» надо держать для надзора за «Бисмарком», в Александрию должен отправиться «Нельсон» или «Родней», а также либо «Бархэм», либо «Квин Елизабет». Какие намечаются подкрепления крейсерами? Будет ли также возможно послать туда авианосец «Фюриуз» и когда?

8. В виду посылки дивизий на Средний Восток, территориальная армия будет увеличена с таким расчетом, чтобы заполнить образующийся недостаток. В резерве (дома) должно находиться постоянно минимум 12 подвижных дивизий, не считая войск, расположенных по побережью.

9. К концу июля должно быть возможно также подготовить ударную армию из шести дивизий для десантных операций, две из которых должны быть бронетанковыми. Сейчас изучаются различные варианты планов по использованию подобной армии».

**
*

Тем временем, Иден находился в дороге. На него «произвел большое впечатление быстрый прогресс в последних работах по укреплению Гибралтара», который, как он писал, «продвигался вперед энергично, с решительностью и находчивостью». Дух войск был боевой и гарнизон был уверен в себе. Его больше беспокоило положение на Мальте и он настаивал на посылке хотя бы еще одного батальона и батареи двадцатипятифунтовых орудий, конечно, одновременно с продолжающимися подкреплениями самолетами. Губернатор генерал Добби считал важным до апреля

1941 года избегать наступательных действий с Мальты, могущих вызвать ответные удары; к тому времени будут выполнены различные планы по усилению авиации и установке новых зенитных батарей.

15-го Иден добрался до Каира. Там он провел ряд напряженных совещаний с генералом Уэйвелом и Мэтландом Вильсоном, командующим Армией Пустыни, и нашел в них чувство уверенности в успешном отражении итальянского наступления. Генерал Вильсон считал, что итальянцы могут направить против Мерса Матрух максимум три дивизии; лимитирующим фактором были снабжение, особенно водой, и растянутость коммуникационных линий. Против них у него была Седьмая бронетанковая дивизия, с ее вновь прибывшими танковыми полками, Четвертая индийская дивизия, гарнизон Матрух из пяти стрелковых батальонов, пулеметный батальон и восемь или девять батарей. Из Палестины прибыли 16-я британская бригада и новозеландская бригада. К западу от Александрии была расположена одна австралийская бригада, и туда же продвигалась вторая. Там же была также польская бригада. Сосредоточение этих сил, писал Иден, генералом Вильсоном считалось достаточным для отражения противника и последующего его разгрома, при условии надлежащей поддержки с воздуха. Иден добавлял, что были проведены затопления районов, на которых я настаивал, и были устроены противотанковые сооружения. Он посылал длинный список требований, особенно в отношении самолетов. Эти последние легче было просить, чем дать, так как в то время бомбардировки Лондона достигли своего кульминационного пункта. Он также просил включить в ноябрьский транспорт роту пехотных танков, предназначенных для Порт Судана, где бы они могли предпринять контрнаступление против итальянцев, угрожавших из Кассалы на Голубом Ниле.

В Каире Иден также поднял своевременный вопрос: что предпримут наши силы, если итальянцы не будут атаковать? В ответ на это генералы сперва высказались относительно своих надежд на наступление. «На нашем совещании сегодня утром, — телеграфировал Иден, — выяснилось, что пехотные танки («Матильды») могут сыграть более важную роль в операциях на этом театре, чем мы первоначально считали. Генерал Уэйвел очень хотел бы получить второй батальон «Матильд», и бригадную ремонтную часть, особенно важную для поддержания всех танков в постоянном боевом состоянии».

Хотя в телеграмме государственного секретаря по военным делам не упоминалось ничего о нашем переходе в наступление, я был рад услышать хорошие новости, и настаивал, чтобы он продолжал свою инспекционную поездку.

«Премьер-министр — государственному секретарю по военным делам. 16 октября 1940 г.

Я прочел все Ваши телеграммы с глубочайшим интересом и с сознанием ценности Вашей поездки. Мы рассматриваем вопрос, как удовлетворить Ваши потребности. Тем временем, продолжайте изучать положение на месте. Не спешите с возвращением».

Далее, Иден договорился о присоединении к нашей армии турецкой миссии, и предложил генералу Смэтсу встретиться в Хартуме для обсуждения положения в целом и особенно проекта нашего наступления в Судане и моих жалоб на наличие слишком больших сил в Кении. Встреча была назначена на 28 октября, дату, позднее приобретающую особое значение. Мне вряд ли нужно говорить, что заявки на всякого рода снаряжение, включая десять тысяч винтовок для поддержания восстания в Абиссинии, и сверх всего, на противотанковые орудия, противотанковые винтовки, зенитные батареи и самолеты, сыпались на нас все в

больших и больших количествах. Мы делали всё от нас зависящее, чтобы выполнить эти требования, в тот момент — за счет ослабления обороны нашего Острова. У нас не было даже и половины того, что все требовали, и то, что давалось одному, нередко должно было быть взято у другого, также находящегося в опасности.

Мистер Иден предложил, что немедленно после конференции в Хартуме, он вылетит через Лагос назад, предпочитая доложить устно обо всем виденном и сделанном. Меня настолько подбодрила вся эта картина, что я начал мечтать о переходе в наступление в Западной пустыне. Поэтому я ему телеграфировал:

26 октября 1940 г.

«Перед отъездом выясните обстоятельно со своими генералами, что можно предпринять по части контрнаступления. Отсюда я не в состоянии составить себе об этом определенное мнение, но если представляется возможным иной курс действий, было бы плохой стратегией ожидать концентрации и использования против нас превосходных сил противника. Существующие планы отражения атаки в оборонительном сражении и контратаке я считал очень хорошими, но что произойдет, если неприятель не рискнет наступать до прибытия значительных немецких сил? На этот вопрос не отвечайте мне сейчас, а изучите тщательно положение на месте. Мы обсудим его по Вашем возвращении.

Пожалуйста, ознакомьтесь в подробностях с боевым состоянием Средневосточной армии для того, чтобы обеспечить наибольшую пропорцию солдат и соединений на передовых позициях. Изучите возможности использования для охраны Зоны канала и службы внутренней безопасности соединений из белых поселенцев. Все британские батальоны должны сохранять подвижность и быть в состоянии принять участие в сражении. Я опасаясь, что пропорция боевых соединений в отношении к общему числу войск на Среднем Востоке хуже, чем где бы то ни было. Даже армейская служба технического снабжения, базы, корпуса обслуживания и другие технические части могут помочь в поддержании

порядка там, где они находятся, и должны быть организованы для использования в случае крайней необходимости. Не только самое лучшее, но и второ-и третьесортное должно быть готово сыграть свою роль».

Таким образом, в отношении самого главного, наша мысль, как дома, так и на месте, развивалась в полной гармонии.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВИШИ И ИСПАНИЕИ

Несмотря на французскую капитуляцию и Оран, несмотря на разрыв дипломатических отношений с Виши, чувство единения с Францией никогда не покидало меня. Люди, которым не пришлось подвергнуться тому давлению, которое выпало на долю выдающихся французов в дни ужасающего развала страны, должны быть осторожны в своих суждениях об отдельных лицах. Разбираться в лабиринте французской политики не входит в задачи настоящего повествования. Но я был уверен, что французская нация делает все от нее зависящее ради успеха общего дела, учитывая, конечно, то, как ей будет представлено положение. Когда французам было сказано, что их спасение заключается в том, чтобы следовать советам прославленного маршала Петэна, и что Англия, оказавшая им такую слабую помощь, будет скоро завоевана или капитулирует, — выбора им не оставалось. Но я был уверен, что они желают нашей победы, и что ничто так не доставит им удовольствия, как сознание, что мы энергично продолжаем борьбу. Нашим первым долгом было оказать лойяльную поддержку верному своему долгу генералу Де Голлю. 7 августа я подписал с ним военное соглашение, предусматривающее разрешение ряда практических вопросов. Британское радио передавало всему миру его вдохновенные обращения. Его имя было прославлено

смертным приговором, вынесенным ему заочно правительством Петэна. Мы делали всё от нас зависящее, чтобы помочь ему и увеличить шансы на успех его движения.

В то же время было необходимо поддерживать отношения не только с Францией, но и с Виши, из которых я старался извлечь максимум. Я был очень обрадован, когда в конце года Соединенные Штаты послали в Виши в качестве своего посла столь влиятельного и выдающегося человека, как адмирал Лехи, близко стоявшего к президенту Рузвельту. Я повторно настаивал, чтобы мистер Маккензи Кинг не отзывал из Виши своего посла, опытного и знающего мистера Дюпюи. Это открывало нам единственное окошко в тот двор, в который для нас были закрыты все входы. 25 июля я послал записку министру иностранных дел, в которой писал: «Мне хотелось бы добиться организации тайного заговора в правительстве Виши, в результате которого некоторые члены этого правительства, может быть, не без согласия остальных, сбежали бы в Северную Африку, для того, чтобы с североафриканских берегов, будучи независимыми от немцев, постараться заключить выгодное соглашение в интересах Франции. Для этой цели я готов использовать продовольствие и другие приманки, равно как и наиболее убедительные аргументы». Эти соображения руководили мной, когда в октябре месяце я принял некоего мсье Ружье, представившегося в качестве доверенного лица маршала Петэна. Это произошло не потому, что я или мои коллеги питали какое-либо уважение к маршалу Петэну, но потому, что в тот момент было необходимо держать открытыми все возможные пути, ведущие во Францию. Нашей неизменной политикой было дать почувствовать членам правительства Виши, что, поскольку дело касалось нас, никогда не было поздно заглаживать прошлое. Что

бы ни случилось в прошлом, Франция была нашим другом по несчастью, и ничто, кроме войны между нами, не должно было помешать ей стать нашим партнером в победе.

Это наше настроение было трудно переварить Де Голлю, рисковавшему всем и державшему высоко свое знамя, но немногочисленные последователи которого за пределами Франции никогда не могли претендовать на роль подлинного французского правительства. Тем не менее, мы делали все от нас зависящее для усиления его влияния, авторитета и силы. С его стороны было только естественно выражать негодование по поводу каких-либо отношений между нами и Виши; он считал, что мы должны быть лойяльны только по отношению к нему. Он также считал необходимым для своего престижа держаться гордо и надменно по отношению к «коварному Альбиону», несмотря на то, что находился в изгнании, зависел от нашей поддержки и жил в нашей среде. Он должен был быть груб по отношению к англичанам, чтобы доказать французам, что не является британской марионеткой. Эту политику он проводил с завидной настойчивостью. Однажды он даже поделился со мной своей техникой, и я очень сочувственно отнесся к его исключительно трудной задаче; я всегда восхищался его внушительной фигурой.

**
*

21 октября я выступил с обращением по радио к французскому народу. Я много потрудился над этим коротким обращением, которое должно было быть сделано по-французски. Я не был удовлетворен первым буквальным переводом, не передававшим духа того, что я сказал бы по-английски, и что я чувствовал по-французски; тогда мсье Дежан, один из членов штаба Свободных Французов, сделал другой, много

лучший перевод обращения, которое я прорепетировал несколько раз, и которое я произнес из подвала «флигеля» среди грохота разрывов немецких авиационных бомб.

«Французы! На протяжении более чем тридцати лет, в мире и войне, я был с вами, идя по тому же пути. Сегодня я обращаюсь к вам, сидящим у своего очага, или в каком-либо ином месте. Я повторяю молитву, вычekanенную вокруг луидоров: «Боже, спаси Францию». Здесь, в нашей Англии, под бомбардировками «бошей», мы не забываем об узах, связывающих нас с Францией, и мы стойко и смело продолжаем борьбу за дело европейской свободы и справедливости всех народов, во имя которых мы, вместе с вами, подняли меч.

Когда, атакованные и разгромленные злым и подлым врагом, добрые люди попадают в беду, они должны быть крайне осторожны, чтобы не посориться друг с другом. Общий враг все время этого добивается, и, конечно, всегда бывает достаточно несчастных случаев, играющих ему на руку. Мы должны извлекать лучшее из того, что встает на нашем пути.

Здесь, в Лондоне, который герр Гитлер грозит обратить в развалины и который сейчас бомбардируют его самолеты, наш народ держится великолепно. Наши военно-воздушные силы не только справляются с задачей отражения противника. Мы ждем давно обещанного вторжения; дожидаются с нетерпением его также рыбы в Ламанше. Но, само собой разумеется, для нас это только начало. Несмотря на некоторые потери, мы в 1940 году, как и всегда прежде, господствуем в море. В 1941 году мы будем господствовать также в воздухе. Вспомните, что это означает. Со своими танками и прочими механическими орудиями, со своей пятой колонной изменников, герр Гитлер сумел на время подчинить себе большинство народов Европы; его маленький итальянский сообщник бежит за ним в припрыжку, потирая руки с жадностью и надеждой, но в то же время с тревогой и робостью. Они оба хотят разрезать Францию на куски, как если бы это была не Франция, а индейка: одному — ножку, другому — крылышко, или, может быть, часть грудки. Этими едоками не только будет поглощена заокеанская французская империя, но Эльзас-Лотарингия снова уйдет под немецкое иго, а Ницца, Савойя и Корсика — Корсика,

давшая Наполеона, — будут оторваны от континентальной Франции. Однако, герр Гитлер помышляет не только о краже территорий, принадлежащих другим народам, не только о том, чтобы насытить объедками своего маленького соучастника. Я скажу вам, — и вы должны мне верить, — что этот негодный человек, этот чудовищный выродок, это воплощение ненависти, решился не более, не менее, как на то, чтобы стереть с лица земли французскую нацию путем разрушения ее жизни и ее будущего. Всякого рода хитроумными и жестокими средствами он замыслил уничтожить самые родники французской культуры, он трудится над разрушением всего, чем Франция вдохновляла мир. Если бы ему дать волю, он всю Европу втиснул бы в стандартную униформу, сшитую по его вкусу, чтобы его нацистским гангстерам было удобно эксплуатировать, грабить и терроризировать ее население. Простите мне мою откровенность: настало время говорить без обиняков. Франции предстоит испытать в руках немцев не просто горечь поражения; угрожает неминуемое и полное уничтожение. Армия, флот, авиация, религия, право, язык, культура, национальные учреждения, литература, история, традиция — все будет стерто с лица земли грубой силой победоносной армии и хитрым, научно-обоснованным коварством беспощадной полиции.

Французы! Воспряньте духом, пока не поздно. Помните, как перед одним из своих сражений Наполеон сказал: «Эти самые пруссаки, которые так храбрятся сегодня, были втрое многочисленнее нас при Иене, вшестеро — при Монмирайле». Никогда я не поверю, что душа Франции умерла. Никогда я не поверю, что ее место среди величайших наций мира потеряно навеки. Все хитроумные планы и преступления герра Гитлера не пройдут для него, и для тех кто с ним, безнаказанно; возмездие грядет, и многие из нас будут свидетелями его. Сказка еще не кончена, но конец не за горами. И мы, и наши общие друзья за Атлантическим океаном, уже взялись за дело; если Гитлер не в состоянии уничтожить нас, мы наверняка справимся с ним, уничтожим и его, со всей его бандой, со всеми трудами их. Поэтому, верьте и надейтесь: все будет хорошо.

Теперь чего же в нынешний тяжелый и горький момент нашей борьбы — плоды которой мы разделили с вами — просим, мы англичане, вас: если вы не можете нам помочь, по крайней мере не мешайте нам. Со временем вы будете в состоянии оценить руку, сражающуюся за вас; вы должны

сделать это. Но даже теперь мы верим, что французы, где бы они не находились, чувствуют, как согреваются их сердца и как быстрее бежит по венам гордая кровь каждый раз, когда мы достигаем какого-то успеха в воздухе, на море, или — это придет скоро — на суше.

Запомните: мы никогда не остановимся, никогда не устанем бороться, никогда не сдадимся; наш народ и народы нашей Империи дали обет очистить Европу от нацистской чумы и спасти мир от нового средневековья. Не верьте тому, что говорит вам контролируемое немцами радио, — что мы, англичане, хотим захватить ваши корабли и ваши колонии. Все что мы хотим, это вышибить дух из Гитлера и гитлеризма! Это и только это является нашей единственной и постоянной целью. Ни от одного народа мы не домогаемся ничего, кроме уважения. Французы, находящиеся в колониях Империи, и те, которые находятся в так называемой Неокупированной Франции, время от времени будут находить пути и средства для полезного содействия. Я не буду входить в подробности: меня слушают вражеские уши. Что касается тех, кто находится в оккупированных областях и для кого открыты британские сердца, сочувствующие их судьбе, судьбе угнетенных, зажатых суровой дисциплиной и окруженных шпионами Гитлера, — им я скажу словами великого француза Гамбетты, произнесенными после 1870 года о будущем Франции: «Думать о нем надо всегда, — говорить — никогда».

Доброй ночи: спите, чтобы набраться сил к утру. Ибо утро придет. Оно засияет ярко для тех, кто был смел и верен, ласково — для тех, кто пострадал за общее дело, и оно будет сверкать ослепительным блеском на могильных плитах героев. Так наступит рассвет. Да здравствует Франция! Да здравствуют народы всех стран, идущие вперед по пути справедливости, унаследованному от предков, по пути к более полной и счастливой жизни».

Нет никаких сомнений, что это обращение проникло в самую глубину сердец миллионов французов; до сегодняшнего дня мужчины и женщины всех классов, всегда относившиеся ко мне с исключительной добротой, несмотря на тяжелые решения, которые я должен был принимать — иногда по отношению к

ним — во имя общего спасения, напоминают мне об этом обращении по радио.

**
*

Наступило время, когда стало необходимым настаивать на некоторых существенных вещах. Мы не могли ослабить блокады Европы, в частности, Франции, пока она находилась под властью Гитлера. Хотя для удовлетворения американских пожеланий мы время от времени разрешали по предварительному соглашению, проход в Неокупированную Францию судов с медикаментами, мы не колебались останавливать и обыскивать все другие суда, направляющиеся во французские порты или выходящие из них. Что бы ни делало Виши хорошего или плохого, мы не переставали поддерживать Де Голля и продолжали поощрять дальнейшие присоединения к его растущим колониальным владениям. Помимо всего, мы не допускали возвращения во Францию какой-либо части бездействовавшего французского флота, разбросанного по различным портам колоний Франции. Бывали времена, когда Адмиралтейство сильно тревожилось перспективой объявления нам войны Францией, которое могло прибавить нам новых забот. Я всегда верил в то, что раз мы доказали свою решимость и способность бороться бесконечно, дух французского народа никогда не позволит правительству Виши сделать такой противоестественный шаг. Наоборот, по мере того, как проходили месяцы, среди французов росли и надежда, и чувства товарищества, и немалого энтузиазма по отношению к Англии. Это было признано даже Лавалем, когда тот стал министром иностранных дел маршала Петэна.

По мере того, как осень сменялась зимой, меня все более тревожила угроза прорыва двух огромных

французских линкоров в Тулон, где они будут приведены в боевое состояние. Адмирал Лехи, посланник президента Рузвельта, к тому времени установил близкие отношения с правительством Петэна; это соображение побудило меня обратиться к Рузвельту, и не напрасно.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 20 октября 1940 г.

До нас из разных источников доходят слухи, что правительство Виши подготавливает свои суда и колониальные войска для того, чтобы помочь немцам против нас. Я лично не верю этим сообщениям, но если французский флот в Тулоне будет передан Германии, для нас это будет тяжелым ударом. Было бы крайне существенно, мистер президент, если бы Вы со всей твердостью переговорили с французским послом, сделав ударение на том неодобрении, с которым Соединенные Штаты отнеслись бы к подобному предательству дела демократии и свободы. Такое предупреждение будет встречено в Виши с исключительным вниманием.

Вы увидите, какие тяжелые потери понесли наши два последние конвоя на северозападных постах.*). Произошло это из-за недостатка у нас миноносцев, о чем я уже Вам писал. Слава Богу, ваши пятьдесят теперь прибывают и скоро войдут в строй. К концу года мы должны быть во много более лучшем состоянии, так как к тому времени будет закончено постройкой много наших собственных миноносцев; сейчас же мы находимся в беспокойном, критическом периоде, с большим числом маленьких судов, несущих сторожевую службу в Ламанше на случай вторжения, с большими морскими операциями в Средиземном море, и с огромной нуждой в конвоировании транспортов».

В результате этого письма, президент послал правительству Петэна очень суровое личное послание о флоте, стоящем в Тулоне.

*) С 17 по 19 октября включительно, на северозападных подступах было подводными лодками потоплено 33 корабля, в том числе 22 английских. Эти цифры включают двадцать судов из одного конвоя. (Примечание автора).

«Тот факт — говорилось в нем — что правительство является пленником другой державы, не оправдывает положения, когда пленник помогает своему завоевателю в его операциях против бывшего союзника».

Он напомнил маршалу Петэну о полученных им ранее торжественных заверениях, что французский флот не будет сдан неприятелю. Если французское правительство сделало бы попытку позволить немцам использовать французский флот в операциях против британского флота, такой шаг явился бы сознательным и вопиющим нарушением заверений, данных правительству Соединенных Штатов. Любое соглашение подобного рода, несомненно, разрушит традиционную дружбу между французским и американским народами. Оно вызовет в американском общественном мнении волну ожесточения и раздражения против Франции, и сделает навсегда невозможной какую-либо американскую помощь французскому народу. Если Франция будет следовать такой политике, Соединенные Штаты в подходящий момент окажутся лишенными возможности содействовать сохранению за Францией ее заморских владений.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 26 октября 1940.

Ваша каблограмма с изложением великолепного предостережения, сделанного Вами французам, разошлась в пути с моей, где я советовал направить предостережение Петэну. Чрезвычайно признателен за все, Вами сделанное, но положение продолжает оставаться неустойчивым. Мне передают из нашего министерства иностранных дел, что Вам уже сообщены наши последние сведения о немецких требованиях, которым Петэн, как он говорит, сопротивляется. В этой связи передача баз на африканском побережье под авиацию или подводные лодки была бы не лучше передачи кораблей. В частности, базы на Атлантическом побережье в руках противника были бы угрозой для вас, и источником тяжкого беспокойства для нас. Я поэтому надеюсь, что Вы

объясните французам, что сказанное Вами о кораблях относится в равной мере к сдаче баз.

Несмотря на угрозу вторжения и нападения в воздухе на протяжении последних пяти месяцев, мы поддерживаем постоянный поток подкреплений, идущий на Средний Восток вокруг мыса Доброй Надежды; мы посылаем туда также современные самолеты и главные соединения нашего флота. Я не думаю, что угроза вторжения уже исчезла, но так или иначе, мы решили усилить переброску на восток. Напряжение на обоих театрах войны крайне велико, и все, что вы сможете для нас выделить, будет принято с благодарностью».

В это время Адмиралтейство было так обеспокоено опасностью разрыва отношений с Виши, что было склонно недооценивать последствий возвращения в Тулон двух французских линкоров. В связи с этим я дал указания.

«Премьер-министр — Первому лорду и Первому морскому лорду.
2 октября 1940 г.

После выхода Франции из войны считалось существенным не допустить, чтобы в руки врага попались линкоры «Жан Барт» и «Ришелье», или позволить им войти в гавани, где их можно было бы привести в боевое состояние. Для этой цели вы атаковали «Ришелье», после чего, по вашему заявлению, он был в очень большой степени выведен из строя. «Жан Барт» находится в неоконченном состоянии, и ни один из этих двух кораблей не может быть приведен в состояние готовности в африканских портах на Атлантическом побережье, где они сейчас находятся. Наша политика сводится к тому, чтобы не позволить этим судам попасть в нежелательные руки. Поэтому я был удивлен, когда Первый морской лорд высказал сомнения в том, что «Жан Барту» следует мешать возвращаться в Тулон, и по существу доказывал, что линкор этот не представляет для нас опасности. Мы все время считали Тулон портом, контролирующимся противником. Именно поэтому были приложены все усилия, к сожалению, безрезультатные, чтобы не допустить в Тулон «Страсбург». Для меня это несовместимо с очевидной готовностью позволить проследовать туда «Жан Барту».

Ответственность за то, что оба эти корабля не будут пропущены во французские порты Атлантического и Сре-

дизебноморского побережья, где они могут быть отремонтированы и приведены в боевую готовность и затем в любое время переданы немцам, или быть ими захвачены — возлагается на Адмиралтейство.

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

2 ноября 1940 г.

Я не знаю, насколько близко может быть осуществление попытки «Жан Барту» двинуться в путь. Я сообщил Адмиралтейству, что оно несет ответственность за недопущение линкора в Средиземное море. Поэтому представляется важным, чтобы Вы ясно указали Виши, что если это судно попытается пройти либо в находящийся в немецких руках атлантический порт, либо в средиземноморский, который может в любой момент попасть в руки немцев, оно будет задержано и, если нужно, потоплено. Моя личная канцелярия в Лондоне высылает Вам копию меморандума, посланного Первому лорду и Первому морскому лорду».

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 10 ноября 1940.

1. Мы очень обеспокоены сообщениями о намерении французского правительства перевести «Жан Барту» и «Ришелье» в Средиземное море, для приведения в порядок. Невозможно преувеличить потенциальную опасность этого: тем самым будет открыт путь для установления над этими кораблями немецкого контроля. Нам надо сделать все от нас зависящее, чтобы предупредить это.

2. Через посла в Мадриде несколько дней назад мы предупредили французское правительство следующим образом:

Подобный шаг чрезвычайно увеличит соблазн для немцев и итальянцев захватить французский флот. Мы сомневаемся не в добрых намерениях французского правительства, но в его физической способности провести в жизнь прежние заверения, что флоту не дана будет возможность попасть во вражеские руки. Мы в особенности желаем избежать какого-либо столкновения между британскими и французскими морскими силами, и поэтому надеемся, что если даже мысль о переводе кораблей и имелась у французского правительства, оно теперь от нее откажется.

3. Как мы сообщили французскому правительству, мы не будем ставить под вопрос искренность данных нам за-

верений; но если даже мы эти заверения примем, мы не сможем быть вполне уверенными, что французы окажутся в силах удержать корабли, если те доберутся до французских портов, за пределами достижения врага; я должен признать, что желание французского правительства привести эти суда во Францию — если наши сведения обоснованы — представляется мне подозрительным.

4. Было бы очень полезно, если бы Вы смогли направить Виши дальнейшее предупреждение в связи с этим, ибо если дела пойдут плохо, мы с вами можем оказаться в крайней опасности.

**
*

Я поддерживал тесный контакт с генералом Де Голлем.

«Премьер-министр — генералу Де Голлю (Либервиль).

10 ноября 1940 г.

Я очень хочу посоветоваться с Вами. Со времени Вашего отъезда положение в отношениях Франции и Англии чрезвычайно переменилось. Чувства симпатии к нам, по мере того, как люди убеждаются, что покорить нас нельзя и что война должна продолжаться, сильно выросли во Франции. Мы знаем, что правительство Виши очень встревожено сильнейшим давлением, оказываемым на него Соединенными Штатами. С другой стороны, Лаваль и мстительный Дарлан пытаются добиться объявления нам Францией войны; им доставило бы удовольствие, если бы нас удалось спровоцировать на небольшие столкновения в море. Мы возлагаем надежды на Вейгана в Африке, и никто не должен недооценивать преимуществ, которые означал бы его переход на нашу сторону. Мы пытаемся достигнуть какого-то «модус вивенди» с Виши, который позволил бы свести к минимуму риск столкновений и в то же время содействовал бы развитию во Франции благоприятствующих нам сил. Мы им сказали ясно, что если они подвергнут бомбардировке Гибралтар или предпримут какие-либо иные агрессивные действия, мы станем бомбить Виши и будем преследовать вишийское правительство, куда бы оно оттуда ни переехало. До сего времени ответа мы не получили. Вы увидите, насколько важно, чтобы Вы были здесь. Я поэтому надеюсь, что Вы приведете в порядок свои дела в Либервиле и при-

будете сюда как можно скорее. Сообщите мне о своих планах».

13 ноября президент ответил на мое послание от 10-го о возможном переводе «Жан Барту» и «Ришелье» в Средиземное море. Он немедленно поручил американскому поверенному в делах в Виши получить либо подтверждение, либо опровержение этого сообщения, и указать, что жизненные интересы правительства Соединенных Штатов требуют пребывания этих судов в портах, где они не могут быть захвачены или попасть под контроль какой-либо державы, могущей использовать их иначе, чем Соединенные Штаты могли бы этого пожелать. Любой такой шаг со стороны Франции неизбежно и в большой мере осложнит франко-американские отношения. Президент также предложил купить эти суда у французского правительства, если оно надумает их продать.

Президент писал мне также, что Петэн сообщил американскому поверенному в делах о своих самых торжественных заверениях в том, что французский флот, включая два линкора, никогда не попадет в руки немцев. Маршал сказал, что эти заверения были им даны правительствам Соединенных Штатов и Великобритании, и даже мне лично. «Я снова и снова подтверждаю их, — сказал он. — Эти корабли будут использованы для обороны территорий и владений Франции. Если англичане на нас не нападут, они никогда не будут использованы против Англии. Если бы я даже хотел, я не мог бы их продать. По условиям перемирия это невозможно, но даже если бы этого препятствия не было, немцы никогда бы этого не допустили. Франция беспомощна, распластана под сапогом у Германии. Если бы я был свободен, я бы с радостью продал бы их, при условии, что они были бы возвращены нам после войны: это был бы путь спасения их для Франции. Но, повторяю, при существ-

вующих условиях у меня нет ни права, ни возможности их продать».

Маршал Петэн сделал это заявление с исключительной серьезностью, но не высказал ни удивления, ни негодования, услышав это предложение. Президент Рузвельт далее указал поверенному в делах информировать маршала Петэна, что американское предложение о покупке либо этих кораблей, либо каких-нибудь иных судов французского флота, остается открытым.

23 ноября президент прислал мне дополнительные заверения. Маршал Петэн категорически заявлял, что эти суда он в настоящее время намерен держать в Дакаре и Казабланке, где они находятся, и что если его планы в отношении их изменятся, он заблаговременно сообщит президенту.

**

*

Позиция Испании имела для нас еще большее значение, чем позиция Виши, с которой она тесно переплеталась. Испания могла дать много, и взять — еще больше. В кровопролитной испанской войне мы сохраняли нейтралитет. Генерал Франко ничем не был обязан нам, но был обязан всем, может быть, даже жизнью, державам Оси. Гитлер и Муссолини пришли ему на помощь. Он питал отвращение к Гитлеру и боялся его. Он чувствовал симпатии к Муссолини и нисколько не опасался его. В начале Второй мировой войны Испания провозгласила свой нейтралитет и с того времени строго его соблюдала. Между нашими двумя странами процветала торговля, и железная руда, поступающая из портов Бискайского залива, была важна для нашего производства вооружений. Но теперь, в мае, «Война в сумерках» кончилась. Мощь нацистской Германии была доказана. Французский

фронт был сломлен. Союзные армии на севере были в опасности. Именно в этот момент я с удовольствием предложил своему бывшему коллеге, потерявшему министерский пост в результате перемен в кабинете, новую сферу деятельности, которая отлично соответствовала его способностям и темпераменту. 17 мая сэр Самуэль Хор был назначен послом в Испанию, и я уверен, что никто не справился бы с этой утомительной, деликатной и решающей пятилетней миссией лучше, чем он. Таким образом, мы были отлично представлены в Мадриде, не только послом и советником посольства, мистером Артуром Йенкеным (погибшим в авиационной катастрофе в 1944 году. Прим. автора), но также морским атташе, капитаном Хиллгартом; он вышел в отставку и жил на Майорке, но сейчас вернулся во флот, хорошо осведомленный в испанских делах.

Политика генерала Франко на протяжении всей войны была насквозь эгоистична и хладнокровна. Он помышлял только об Испании и испанских интересах. Чувства благодарности к Гитлеру и Муссолини за их помощь никогда не проникали в его сердце. С другой стороны, он не таил недовольства против Англии за враждебность наших левых партий. Этот ограниченный тиран думал только о том, чтобы не допустить вовлечения в новую войну своего обескровленного народа. Миллион человек был истреблен в братоубийственной войне, и народ был сыт войной по горло. Нищета, высокие цены и тяжелые времена остановили всякий прогресс на этом каменном полуострове. И для Испании, и для Франко было довольно войны! Таковы были чувства, с которыми он рассматривал ужасающие конвульсии, сотрясавшие мир.

Правительство Его Величества было совершенно удовлетворено подобным не-героическим подходом. Всё, что мы хотели, был испанский нейтралитет. Мы хотели торговать с Испанией. Мы хотели, чтобы в ее

порты не допускались немецкие и итальянские подводные лодки. Не только не хотели мы осложнений в Гибралтаре, но были бы рады получить право якорной стоянки для наших кораблей в Алжезирасе и использования прилегающих к Гибралтарской Скале участков для нашей все расширяющейся авиационной базы. От того и другого, в большой мере, зависел доступ для нас в Средиземное море. Для испанцев не было бы ничего легче, как расставить — или позволить расставить — дюжину тяжелых орудий в горах позади Алжезираса. Они имели полное право сделать это и, раз установленные, эти орудия могли начать стрелять в любой момент, и наша морская и авиационная базы оказались бы непригодными к использованию. Гибралтар мог бы еще раз выдержать долгую осаду, но после этого от него осталась бы только голая скала. Испания держала ключ ко всем британским операциям в Средиземном море, и никогда, даже в самый тяжелый для нас момент, она не пыталась запретить этим ключом Гибралтарский пролив. Столь велика была опасность, что почти два года мы держали наготове экспедицию из пяти тысяч человек, посаженных на суда, готовых по первому приказу захватить Канарские острова, откуда мы могли бы продолжать контролировать с воздуха и моря движение подводных лодок и охранять движение судов, идущих в Австралию и Азию вокруг Африки, даже если проход через Гибралтар был бы закрыт для нас испанцами.

Был и другой, очень простой путь, которым правительство Франко могло бы нанести нам этот разрушительный удар. Оно могло бы позволить немецким войскам пересечь полуостров, осадить и захватить Гибралтар для себя самих, и в то же время самому оккупировать Марокко и Французскую Северную Африку. После французского перемирия, такая воз-

возможность вызвала у нас глубочайшее беспокойство, — особенно когда 27 июня значительные немецкие силы дошли до испанской границы и немцы предложили провести несколько «братских» парадов в Сан Себастьяне и в городах за Пиринеями. Некоторые немецкие войска вошли в Испанию. Однако, как писал герцог Веллингтон в апреле 1820 года, «нет ни одной страны в Европе, в дела которой иностранцы могли бы вмешаться с меньшим успехом, чем Испания. Нет ни одной страны, где иностранцев так не любили бы и даже презирали, и чьи нравы и обычаи были бы столь мало близки по духу к другим странам Европы». Теперь, сто двадцать лет спустя, испанцы, все еще содрагающиеся и ослабленные ранами, нанесенными гражданской войной, были еще менее склонны к общительности. Они не хотели видеть иностранных армий, марширующими по их земле. Даже если они были нацистами и фашистами в своей идеологии, эти угрюмые люди предпочитали получать нужное от иностранцев, избегая в то же время их компании. Франко полностью разделял их чувства, и сумел с исключительной ловкостью провести в жизнь пожелания народа. Мы могли восхищаться его проницательностью, особенно учитывая, как мы от нее выгадывали.

**
*

Подобно любому другому, испанское правительство было потрясено внезапным падением Франции и ожидало развала или гибели Великобритании. Масса людей во всем мире примирилась с перспективой установления в Европе «нового порядка», с «господствующей расой» и тому подобным. Поэтому, в июне месяце Франко дал понять, что он готов будет присоединиться к победителям и принять участие в разделе добычи. Частично от проснувшегося аппетита, а ча-

стично из осторожности, он пояснял, что претензии его будут велики. Но в тот момент Гитлер считал, что союзники ему не нужны. Подобно Франко он полагал, что через несколько недель, или, может быть, даже дней борьба прекратится, и Англия запросит об условиях перемирия. Поэтому он проявил минимальный интерес к проявленным в Мадриде тенденциям к активной солидарности.

К августу обстановка изменилась. Было очевидно, что Великобритания будет продолжать войну и что война, возможно, окажется затяжной. С презрительным отказом Великобритании от «предложений мира» от 19 июля, Гитлер стал подыскивать союзников, — и к кому же еще было ему обратиться, как не к диктатору, которому он помогал в прошлом и который совсем недавно предлагал присоединиться к Германии? Но за это же время взгляды Франко также изменились, и по тем же причинам. 8 августа германский посланник в Мадриде сообщил в Берлин, что Франко попрежнему придерживается старой позиции, но что он хочет предъявить известные требования. Первое, — заверение, что Гибралтар, Французское Марокко и часть Алжира, включая Оран, будут переданы Испании, наряду с разнообразными изменениями границ испанских колоний в Африке. Далее, ему нужна была соответствующая военная и экономическая помощь, так как запас хлеба в Испании достаточен только на восемь месяцев. Наконец, Франко полагал, что вступление в войну Испании должно произойти только после германской высадки в Англии, «для того, чтобы избежать преждевременного начала войны и сократить ее срок; затяжная война будет для Испании невыносима, а для режима — и вовсе опасна». Одновременно, Франко написал Муссолини, повторяя свои условия и прося поддержки. 25 августа Муссолини ответил, предупреждая Франко «не оставаться в

стороне от европейской истории». Гитлер был озадачен размером испанских претензий, некоторые из которых могли снова поссорить его с Виши. Отобрание у Франции Орана почти наверняка привело бы к образованию враждебного французского правительства в Северной Африке. Он взвешивал все «за» и «против».

Тем временем, дни проходили. В течение сентября уже определилось, что Великобритания в состоянии устоять против германского воздушного наступления. Передача пятидесяти американских миноносцев произвела в Европе сильное впечатление и Испании начало казаться, что Соединенные Штаты постепенно втягиваются в войну. Поэтому Франко и его испанцы приняли тактику увеличения и уточнения своих притязаний, давая понять, что их условия должны быть приняты заранее. Нужно было также снаряжение, в частности, значительное число пятнадцатидюймовых орудий для испанских батарей, обращенных к Гибралтару. Пока же, испанцы расплачивались с немцами мелкой монетой. Все испанские газеты страдали англофобией. Германские агенты свободно разгуливали по улицам Мадрида. Поскольку испанский министр иностранных дел Бейгбедер подозревался в недостатке энтузиазма по отношению к Германии, специальный посланник Серано Сунер, глава Фаланги, был послан в Берлин с официальным визитом, с задачей смягчить трения и сохранить дух товарищества между двумя странами. Гитлер много перед ним разглагольствовал, упирая на испанские предвзятые идеи относительно Соединенных Штатов. Война, говорил он, может превратиться в войну континентов — Америка против Европы. Острова у берегов Западной Африки должны быть укреплены. Позднее в тот же день Риббентроп высказал пожелание о предоставлении Германии военной базы на Канарских островах. Су-

нер, фалангист и германофил, отказался даже говорить на такую тему и все время возвращался к вопросу об испанской нужде в современном оружии, в продовольствии и нефти, и в необходимости удовлетворить территориальные требования Испании за счет Франции. Всё это было нужно сделать прежде, чем Испания могла осуществить свою заветную мечту — вступить в войну.

19 сентября Риббентроп отправился для переговоров в Рим. Он заявил, что, по мнению Фюрера, британское сопротивление «продиктовано отчаянием и полной неспособностью реалистически оценить обстановку, равно как надеждой на вмешательство русских и американцев». Муссолини заметил, что «Соединенные Штаты практически уже находятся с Англией». Это доказывалось фактом продажи пятидесяти миноносцев. Для того, чтобы парализовать эффект этого альянса, он рекомендовал союз с Японией. «Хотя американский флот может считаться значительным в смысле численности, его, подобно британской армии, надо рассматривать как дилетантское предприятие»... Дуче далее продолжал: «Остается проблема Югославии и Греции. У Италии имеется на югославской границе полмиллиона человек, а на греческой — двести тысяч. Греция для Италии означает то же, что Норвегия означала для Германии до операций в апреле. Для нас необходимо закончить дело с ликвидацией Греции, тем более что когда наши силы войдут в Египет, британский флот не сможет оставаться в Александрии и станет искать убежища в греческих портах».

Здесь оба они договорились, что главной целью является поражение Англии. Оставался вопрос: Как? «Война либо закончится до весны, — сказал Муссолини, — либо затянется до будущего года». Вторая альтернатива казалась ему более вероятной; испанскую

карту следовало разыграть наиболее эффективным способом. Риббентроп заверил, что объявление войны Испанией, вслед за союзом с Японией, окажется новым сокрушительным ударом для Англии. Но Сунер отказался договариваться о каком-либо сроке.

**
**

По мере того, как испанцы становились менее воинственными и более стяжательными, Гитлер чувствовал все возрастающее желание заручиться их помощью. Генерал Йодль еще 15 августа указал, что имеются и иные, помимо вторжения, средства разгромить Англию, а именно, длительная война в воздухе, усиление подводной войны, захват Египта и Гибралтара. Гитлер был большим сторонником захвата Гибралтара. Но испанская цена была слишком высока, а к концу сентября его мысли и вовсе повернули в ином направлении. 27 сентября в Берлине был подписан Пакт трех держав, и это открывало новые возможности.

Теперь Фюрер решил бросить на весы свое личное влияние. 4 октября на Бреннерском перевале он встретился с Муссолини. Он говорил о больших претензиях и затяжной тактике испанского правительства. Он опасался, что, дав Испании то, что она требовала, он немедленно станет лицом к лицу с двумя последствиями: английской оккупацией испанских баз на Канарских островах и присоединением французских территорий в Северной Африке к движению генерала Де Голля. Это, сказал он, вынудит державы Оси серьезно расширить сферу их собственных операций. С другой стороны, он не исключал возможности, что в европейской кампании против Великобритании на его стороне выступят французские вооруженные силы. Муссолини подробно распространялся о своих планах завоевания Египта. Гитлер предложил

ему для этого нападения специальные части, но Муссолини считал, что по крайней мере в начальной фазе, они ему не понадобятся. По русскому вопросу, Гитлер заметил: «Необходимо отдать себе отчет в том, что мое недоверие к Сталину равно его недоверию ко мне». Во всяком случае, в Берлин в ближайшее время должен был приехать Молотов, и задачей Фюрера было направить весь русский динамизм в сторону Индии.

23 октября Гитлер проделал весь длинный путь к местечку Хэндей на франко-испанской границе, чтобы встретиться с испанским диктатором. Здесь испанцы, вместо того, чтобы быть польщенными его снисходительностью, потребовали, согласно последующего отчета Гитлера Муссолини, «вознаграждения вне всякого соответствия с их силой». Испания желала выпрямления границы по Пиринеям, передачи французской Каталонии (французской территории, исторически связанной с Испанией, но находящейся к северу от Пиринеев), Алжира, — от Орана до мыса Бланко, — и по существу всего Марокко. Переговоры, которые велись через переводчиков, длились девять часов. Результатом был только неопределенного характера протокол и договоренность о дальнейших переговорах между военными. «Я предпочитаю позволить вырвать у меня три или четыре зуба, — сказал Гитлер Муссолини позднее во Флоренции, — чем еще раз пройти через такую пытку».

На обратном пути из Хэндей Фюрер распорядился, чтобы маршал Петэн встретил его в Монтуаре, около Тура. Эта встреча была подготовлена Лавалем, который двумя днями раньше встретился с Риббентропом и, к своему удивлению, с Гитлером, в том же месте. И Гитлер и Лаваль надеялись привлечь Франко к делу разгрома Англии. Маршал и большинство лиц, принадлежавших в его кругу, были сперва шокированы. Но

Лаваль представил ему предстоящее свидание в самых ярких красках. Спрошенный, устраивается ли это свидание по инициативе Гитлера или по его собственной, Лаваль ответил: «За кого вы его принимаете? Вы думаете, что Гитлеру нужна нянька? У этого человека имеются свои идеи. Он хочет видеть маршала. Кроме того, он относится к маршалу с большим уважением. Эта встреча между главами двух держав будет исторической. Во всяком случае, она будет кое-чем отличаться от завтрака в Чекерсе». Петэна уговорили согласиться. Он думал, что его личный престиж будет иметь вес у Гитлера, и что есть смысл произвести на него впечатление готовности Франции рассмотреть возможности «коллаборации». Успокоенный на западе, Гитлер мог бы обратиться мыслями на восток — и направить туда свои армии.

Встреча произошла в бронепоезде Гитлера, у туннеля, во второй половине дня, 24 октября. «Я рад, — сказал Фюрер, — пожать руку французу, не несущему ответственности за эту войну».

Последовавший обмен любезностями был более, чем постыдным. Маршал выражал сожаление, что перед войной между Францией и Германией не установились более тесные отношения. Может быть, и теперь еще не поздно сделать это. Гитлер указал на то, что Франция спровоцировала войну и проиграла ее. Но его целью теперь было разгромить Англию. Прежде чем Соединенные Штаты смогут помочь эффективным образом, Великобритания будет оккупирована, или превращена в груды развалин. Его целью было окончить войну как можно скорее, ибо война — самое невыгодное предприятие. Европе придется нести расходы по войне, а потому она также заинтересована в прекращении войны. В какой степени Франция сможет помочь? Петэн признал принцип сотрудничества, но уклонился от определения его границ. Было составле-

но коммюнике, согласно которому, «Гитлер, по договоренности с Дуче, выразил свое твердое желание видеть Францию, занимающей соответствующее место в Новой Европе». У держав Оси и у Франции был общий интерес: увидеть Англию, поставленную на колени в кратчайший срок. Следовательно, французское правительство, поскольку ему позволят возможности, окажет содействие оборонительным предприятиям держав Оси. Прочие подробности будут рассмотрены Комиссией по перемирию в согласии с французской делегацией. Державы Оси примут меры к тому, что по заключении мира с Англией, Франция сохранит колониальные владения в Африке, «в основном равноценные тому, что она имеет в настоящий момент».

Согласно немецким данным, Гитлер был разочарован. Даже Лаваль просил его не требовать объявления войны Англии, прежде чем будет подготовлено общественное мнение. Позднее, Гитлер отзывался о Лавале как о «маленьком и грязном демократическом политикане», но о маршале Петэне он вынес более благоприятное впечатление. Сам же маршал, возвратившись в Виши сказал: «Потребуется полгода для обсуждения этой программы, и еще полгода — чтобы забыть о ней». Однако, эта постыдная сделка до сего времени еще не забыта во Франции.

В октябре я телеграфировал нашему послу в Мадриде:

«Премьер-министр — сэру Самуэлю Хору. 19 октября 1940 г.

Мы восхищены тем, как Вы справляетесь со своей задачей, способной поставить втупик кого угодно. Я надеюсь, что Вы сможете передать в Виши, при помощи французского посла, идею двоякого свойства. Первое, что мы готовы забыть прошлое каждого, кто убедит нас в своей решимости разбить общего врага. Второе, что поскольку мы боремся и для того, чтобы победить, и для того, чтобы спасти нашу жизнь, мы не остановимся ни перед чем. Постарайтесь дать почувствовать Виши то, что мы все чувствуем

здесь, а именно, что нам абсолютно необходимо разгромить Гитлера, что он может как угодно опустошать континент и что война может затянуться надолго, но что тем не менее, он обречен. Я отказываюсь понимать, почему никто из французских лидеров не бежит в Африку, где они могли бы создать целую империю, получить господство на морях — и все французское золото, ныне «замороженное» в Соединенных Штатах. Если бы это было сделано в самом начале, мы бы сейчас могли уже разделаться с Италией. Но и существующие возможности принадлежат к числу самых блестящих когда-либо представлявшихся смелым людям. Естественно, на подобные предложения не приходится ожидать точных ответов, но постарайтесь заронить в их головы эти мысли, как только к тому предоставится случай».

Различные сообщения, полученные нами о свидании в Монтуаре не изменили моего общего взгляда на то, каким должно оставаться наше общее отношение к Виши. Теперь, в ноябре, я выразил свои взгляды коллегам по кабинету в меморандуме.

14 ноября 1940 г.

Хотя в политике нет места для мести, и нам всегда следует устремлять свои взоры вперед, а не назад, было бы ошибкой считать, что разрешение трудностей в наших отношениях с Виши лежит лишь в политике умиротворения и всепрощения. Правительство Виши находится под сильным давлением со стороны Германии, и нет ничего для него более приятного, чем чувствовать с другой стороны милую, уютную, нежную и прощающую Англию. Это позволило бы им получать от Германии, за наш счет, разные мелкие подачки, и отсиживаться как можно долее, выжидая как пойдет война. Наоборот, мы не должны колебаться — везде, где того требуют наши интересы — ставить их лицом к лицу с трудными и жесткими положениями, и дать им почувствовать, что и у нас, как и у Гитлера, имеются зубы.

Необходимо помнить, что эти люди вели себя столь низко, что заслужили вечное презрение всего мира, и что совершенные ими акты были осуществлены без малейшего согласия французского народа. Лаваль, несомненно, полон непримиримой ненависти к Англии, и говорят, что он заявил о своей мечте видеть нас раздавленными в

лепешку. Очевидно, что если бы у него было достаточно силы, он бы раздул значение неожиданного британского сопротивления своим немецким хозяевам, чтобы набить цену за французскую помощь в деле разгрома Англии. Дарлан исполнен яда от потерь, нанесенных нами его флоту. Петэн всегда был антибританским пораженцем, а сейчас он не более, как выживший из ума старик. Мысль, что мы можем рассчитывать на подобных людей, нелепа. Однако, общественное мнение во Франции и немецкие строгости могут заставить их изменить свою линию в нашу пользу. Мы, несомненно, должны поддерживать с ними контакт. Но для того, чтобы обеспечить появление подобных благоприятных тенденций, вишейскую публику надо держать между немецким молотом и английской наковальней. Только при этом условии они могут приобрести нужное нам состояние умов и принести какую-то пользу в оставшийся для них короткий срок.

**
*

Маршала Петэна все более и более раздражало подталкивание со стороны Лавалья по пути, который мог привести к войне с Англией и к германской оккупации североафриканских колоний. 13 декабря Лаваль прибыл в Виши с предложением Петэну приехать в Париж на торжества по случаю перенесения во дворец Инвалидов праха сына Наполеона, герцога Рейхштадтского («Орленка»). Эти торжества были задуманы Гитлером в целях пышного освящения достигнутой в Монтуаре «антанты».

Однако, Петэна не привлекал парад, на котором победитель при Вердене должен был появиться перед могилой Наполеона и всем французским народом сопровождаемый немецким почетным караулом. Более того, он и боялся, и был слишком утомлен методами и происками Лавалья. Поэтому, члены штаба Петэна организовали арест Лавалья. Энергичное немецкое вмешательство привело к его освобождению, но Петэн отказался взять его обратно в качестве министра. Ла-

валь в ярости перебрался в оккупированный немцами Париж. Я был рад, что его место в качестве министра иностранных дел занял Фландэн; эти события означали заметную перемену в Виши. Казалось, что границы коллаборации наконец достигнуты, и в тот момент появились надежды на лучшие отношения между Францией и Великобританией и на более симпатизирующее отношение к Виши со стороны Соединенных Штатов.

**
*

Здесь подходящий момент рассказать далее испанскую часть истории. Франко, теперь уже убежденный, что война затянется, и что испанцы относятся с крайним отвращением ко всякой войне, а также вовсе не уверенный в германской победе, пользовался каждым случаем и предлогом, чтобы оттягивать вступление в нее и выставлять новые вымогательские требования; этим он доводил немцев до белого каления. Он уже был настолько уверен в Сунере, что 18 октября сделал его министром иностранных дел, представляя устранение Бейгбедера как доказательство своей преданности союзу с державами Оси. В ноябре Сунер был вызван в Берхтесгаден, где Гитлер высказал ему свое нетерпение в связи с задержкой со вступлением Испании в войну. К тому времени германская авиация проиграла Битву над Англией. Италия уже увязла в Греции и Северной Африке. Серано Сунер проявил меньше энтузиазма, чем Гитлер мог того желать. Вместо этого, он начал разглагольствовать об экономических затруднениях на Пиринейском полуострове. Тремя неделями позже начальник германской секретной службы адмирал Канарис был послан в Мадрид для уточнения условий испанского вступления в войну. Он высказал пожелание, чтобы для подготовки атаки на Гибралтар, намеченной на 30 января, германские войска уже 10-го

перешли испанскую границу. Адмирал был удивлен, когда Франко ему сказал, что в указанный день Испания не могла начать войну. Оказалось, что Франко опасался захвата британским флотом островов в Атлантическом океане и испанских колоний. Он также указал на недостаток продовольствия и неспособность Испании выдержать затяжную войну. Поскольку немецкое вторжение в Англию было отложено на неопределенное время, Франко выставил новое условие. Он заявил, что, во всяком случае, Испания не двинется с места, пока в руках держав Оси не окажется Суэц, ибо пока это не случится, он не может быть уверен, что Испания не будет вовлечена в длительные военные операции.

6 февраля 1941 года Гитлер написал Франко письмо, в сильных выражениях призывая его быть мужчиной и перестать оттягивать дело. Франко ответил изъявлениями своей вечной лояльности. Он высказал мысль, что подготовка нападения на Гибралтар должна продолжаться с новой энергией. В качестве нового трюка он заявил, что для этого предприятия должны быть использованы только испанские войска, снабженные немецким снаряжением. Но даже если бы всё это и было сделано, Испания все же не сможет начать войны — по экономическим причинам. В результате, Риббентроп был вынужден информировать Фюрера, что у Франко нет никакого желания воевать. Гитлер был скандализован, но теперь, поглощенный подготовкой вторжения в Россию, повидимому, решил не пытаться повторить другую безуспешную операцию Наполеона — одновременное вторжение в Испанию. Вдоль Пиринеев к тому времени были собраны значительные испанские силы, и он решил, что будет более мудрым придерживаться своего метода «бить по одиночке» — и в данном случае. Таким образом, всеми этими тонкими трюками, лестью и уговорами, Франко удалось преодолеть все затруднения и предотвратить

вступление Испании в войну, — к невыразимой радости Англии, бывшей в то время в одиночестве.

Мы не могли рассчитывать на это в то время, и я просил президента сделать все, от него зависящее, чтобы продвигать далее политику умиротворения.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 23 ноября 1940 г.

Наши данные говорят о том, что положение в Испании ухудшается и что полуостров находится на границе голода. Ваше предложение помогать им продовольствием каждый месяц, — пока они не влезают в войну, — могло бы иметь решающее значение. С мелочами сейчас считаться не приходится, и наступило время откровенного с ними разговора. Оккупация Германией обеих сторон пролива привела бы к чрезвычайной перегрузке наших морских сил, и без того перегруженных. У немцев скоро будут батареи, снабженные радаром (то есть они будут в состоянии целиться в темноте), которые полностью закроют проливы. С развитием важного фронта в восточной части Средиземного моря, и с необходимостью посылать подкрепления и снаряжение вокруг Африки, мы не можем и думать о каких-либо военных действиях на материке, в районе пролива. Гибралтарская Скала выдержит долгую осаду, но какой прок от этого, если нельзя будет пользоваться ее гаванью и проходить через пролив? Раз оказавшись в Марокко, немцы начнут продвигаться на юг, а авиация и подводные лодки скоро начнут свободно оперировать из Казабланки и Дакара. Мне нет нужды распространяться о том, какие хлопоты принесет это нам, или о наступлении трудного времени для Западного полушария. Нам надо выиграть как можно больше времени».

Фактически, эта большая угроза уже миновала, и, хотя мы этого не знали, миновала навсегда. В настоящее время считается модным делать ударение на пороки генерала Франко, и я поэтому рад привести здесь свидетельство его неблагодарности и двуличности в сношениях с Гитлером и Муссолини. В свое время я отмечу еще бóльшую услугу, которую эти дурные качества генерала Франко оказали общему делу союзников.

МУССОЛИНИ АТАКУЕТ ГРЕЦИЮ

Новое, грубейшее, хотя и не совсем неожиданное нарушение Муссолини международного права, со сложными и далеко идущими последствиями, теперь разыгралось в районе Средиземного моря.

15 октября 1940 года Дуче принял окончательное решение атаковать Грецию. В то утро в Палаццо Венеция происходило совещание итальянских военных деятелей. Муссолини открыл заседание следующими словами:

«Целью настоящего совещания является определить, в общих чертах, характер кампании, которую я решил начать против Греции. Во-первых, эта кампания, по типу своему, будет иметь как территориальные, так и морские цели. Территориальные будут основаны на обладании всего побережья южной Албании... и Ионических островов — Занте, Кефалонии и Корфу, а также на оккупации Салоник. Достигнув этих целей, мы улучшим наше положение против Англии в Средиземном море. Во-вторых, полная оккупация Греции выведет ее из строя и обеспечит при всех обстоятельствах ее пребывание в нашей политико-экономической сфере.

Определив таким образом вопрос, я установил дату начала операций, которую, по моему мнению, нельзя откладывать даже на час, и которая приходится на 26-е этого месяца. Это — предприятие, которое я вынашивал месяцами, задолго до нашего вступления в войну и начала всего нынешнего конфликта... Я бы добавил, что не предвижу никаких осложнений на севере. В интересах Югославии — сидеть и не рыпаться... Я также исключаю возможность каких-

либо осложнений со стороны Турции, особенно с того времени, как Германия укрепилась в Румынии, а Болгария значительно усилилась. Последняя может сыграть роль в нашей игре, и я приму нужные меры для того, чтобы не упустить нынешних, исключительно благоприятных возможностей, обещав болгарам исполнение их пожеланий в Македонии, а также по части их выхода к морю»...

19 октября Муссолини написал Гитлеру о решении, к которому он пришел. Гитлер находился в то время в поездке в Фендэй и Монтаур. Письмо это (текст которого остался неизвестным), повидимому, повсюду странствовало за ним, и когда, наконец, достигло его, он сразу же предложил Муссолини встретиться для обсуждения общего политического положения в Европе. Встреча состоялась во Флоренции, 28 октября. В то же утро началась итальянская атака на Грецию.

Повидимому, Гитлер решил не спорить с Муссолини по поводу греческой авантюры. Он вежливо заметил, что Германия согласна с действиями Италии в отношении Греции, а затем перешел к рассказу о своих встречах с Петэном и Франко. Не может быть никаких сомнений, что он остался недоволен действиями своего соратника. Несколькими неделями позже, когда итальянское наступление было остановлено, в письме от 20 ноября он написал Муссолини: «Когда я просил Вас принять меня во Флоренции, я отправился в эту поездку в надежде изложить Вам свои взгляды до начала операций против Греции, — о которых я раньше слышал только в общих чертах». В общем, однако, он принял решение своего союзника.

**
*

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для начальника штаба авиации и Комитета начальников штабов. 1 ноября 1940 г.

Я предложил бы принять немедленные меры для посылки на Средний Восток четырех дополнительных эскадрилий тяжелых бомбардировщиков (включая те, которые

уже отправлены на Мальту). Покажите мне планы этого перемещения. Я хотел бы получить доклад об этом сегодня же».

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для Комитета начальников штабов. 1 ноября 1940 г.

Мистер Иден просит десять тысяч винтовок для Среднего Востока. Можем мы выделить их из американской посылки, или должны рыскать по миру в поисках другого пакета с винтовками?»

«Премьер-министр — начальнику штаба авиации 2 ноября 1940 г.

1. Я имел в виду, чтобы четыре эскадрильи бомбардировщиков вылетели бы на Крит или в Грецию через Мальту. Экипаж и наземные сооружения должны быть доставлены на крейсере. Существенно, чтобы эти эскадрильи начали как можно скорее оперировать с баз на греческой территории против итальянского флота в Таранто, и против южной Италии вообще. Для осуществления столь важной военной операции наш флот должен приложить особые усилия, и Вам не следует ориентироваться на то, что транспортное судно не будет найдено, — во всяком случае, для перевозки наземного персонала, складов и пр., которые должны вступить в действие в данный критический момент. Я предвижу больше трудностей с автомобилями, но некоторые, возможно, удастся забрать из Египта, остальное же придется симпровизировать.

2. Ситуация с истребителями, конечно, более сложна, но я надеюсь, что они смогут перелететь с авианосца на Мальту, как это было сделано в прошлый раз. Если нужно, «Фюриуз» поможет «Арк Ройал». Смогут они перелететь с Мальты на аэродром где-нибудь в Греции? Если нет, смогут ли они сделать посадку на авианосце для заправки, а затем уже лететь в Грецию? Для истребителей надо будет провести ту же подготовку со складами, наземным персоналом и так далее, как и с бомбардировщиками».

«Премьер-министр — мистеру Идену, Главный штаб на Среднем Востоке. 2 ноября 1940 г.

В настоящее время положение в Греции должно доминировать над всем остальным. Мы вполне отдаем себе отчет в недостаточности наших ресурсов. Надо будет внима-

тельно изучить возможности помощи Греции, чтобы не дать нашим противникам права утверждать, что Англия никогда не старается выполнить взятые на себя обязательства, и, тем самым, подвергнуть угрозе всю позицию Турции. Я прошу Вас задержаться в Каире по крайней мере еще на неделю, пока изучаются все эти вопросы; мы примем меры к тому, чтобы было сделано всё возможное. Тем временем, еще 30.000 человек придут к Вам 15 ноября, — это должно отразиться на местном положении в Египте».

В течение предшествовавших совещаний мистера Идена с генералом Уэйвелом и генералом Вильсоном, он неоднократно ставил вопрос о том, что мы будем предпринимать, если итальянское наступление не будет развиваться. Чрезвычайно доверительно ему было сказано, что готовится план атаковать итальянцев в Западной Пустыне — вместо того, чтобы ожидать открытия ими наступления на Мерса Матрух. Ни он, ни Уэйвел не сообщили об этих намерениях ни мне, ни начальникам штабов. Генерал Уэйвел умолял государственного секретаря по военным делам не посылать никаких телеграмм на эту тему, но рассказать все на словах по возвращении домой. Таким образом, в течение нескольких недель мы не имели представления, в каком направлении развиваются их идеи. Из моего послания от 26 октября ясно, что любая встречная операция в широких масштабах, предпринятая в Западной Пустыне, будет иметь мою решительную поддержку. Тем не менее, до самого возвращения мистера Идена мы оставались под впечатлением, что Уэйвел и Вильсон по-прежнему ориентировались на оборонительное сражение у Мерса Матрух, и решились дожидаться атаки неприятеля. Единственная операция, которую по всем признакам они серьезно рассматривали в этом крайне критическом положении, была посылка около одного батальона войск на Крит, нескольких авиационных эскадронов в Грецию, второстепенные диверсии против Додеканезских островов, и небольшое, хотя и же-

лательное наступление в Судане. Это казалось совершенно недостаточным использованием весьма значительных сил, которыми, с большим риском, усилиями и немалыми расходами, мы снабдили Средний Восток.

Наша переписка в этот период была, таким образом, основана на недоразумении с обеих сторон. Уэйвел и государственный секретарь полагали, что во имя оказания малоэффективной помощи Греции мы принуждали их рассеять силы, которые они собирали для наступления в Западной Пустыне. Мы, со своей стороны, не зная об их намерении предпринять наступление, протестовали против их бездеятельности, или слабой деятельности, в столь критический момент. На самом деле, как мы это скоро увидим, мы все были согласны между собой. 1 ноября, мистер Иден прислал следующую иносказательную телеграмму:

«Мы не можем послать со Среднего Востока авиационных или наземных соединений, достаточных для оказания сколько-нибудь решающего влияния на ход борьбы в Греции. Посылка таких сил отсюда, или отвлечение туда подкреплений сейчас сюда прибывающих или предназначенных, подвергнет опасности все наше положение на Среднем Востоке и поставит под угрозу наступательные операции, намечающиеся сейчас на нескольких театрах. После стольких усилий, за счет огромного риска, поскольку дело касается наших наземных сил, мы собрали здесь достаточные для обороны силы. В скором времени мы будем в состоянии предпринять некоторые наступательные операции, которые, в случае успеха, смогут оказать немаловажное влияние на ход войны в целом. Несомненно, было бы плохой стратегией позволить себе отвлечься от этой задачи, и уж вовсе неразумно использовать наши силы малыми порциями на таком театре войны, где они не смогут сыграть решающей роли... Наша лучшая помощь Греции будет сильный удар по Италии, и мы можем этого достигнуть лучше всего из областей, где сосредоточены наши силы и разработаны все планы. Я очень хотел бы в ближайшее же время представить на Ваше рассмотрение диспозиции и планы, выработанные здесь, и предлагаю вернуться домой кратчайшим путем, вылетев 3-го».

Эта телеграмма разошлась с посланной мной ему в Хартум, которая затем должна была быть передана повторно в Каир, куда он отправился.

«Премьер-министр — мистеру Идену, Главный штаб на Среднем Востоке. 3 ноября 1940 г.

Серьезность и возможные последствия ситуации в Греции делают необходимым Ваше присутствие в Каире. Однако, как бы это ни было несправедливо по отношению к нам, крушение Греции без всякой попытки с нашей стороны помочь ей, может иметь убийственное влияние на Турцию и будущее войны. Греки, возможно, не хуже итальянцев, и немцев пока там нет. Установление заправочной базы и устройство аэродрома на Крите, с последующим превращением его в постоянную военную крепость, представляется абсолютно необходимым. Это уже делается. Но несомненно должна быть также сделана попытка помочь Греции непосредственно, хотя бы даже символическими силами. Вполне понимаю, как все там у вас сосредоточилось на мысли дать задуманное сражение у Мерса Матрух. По этой самой причине маловероятно, что оно произойдет. Враг будет ждать, пока наладится линия снабжения и сосредоточатся большие, чем теперь, силы. Ваши трудности в наступлении через пустыню очевидны, но если в следующие два месяца вы не имеете в виду провести большое наступление в Ливии, вам надо идти на риск для того, чтобы стимулировать сопротивление греков. С июня месяца на Средний Восток послано более семидесяти тысяч человек, еще тридцать тысяч придут туда до 15 ноября, и еще пятьдесят три тысячи до конца года. Вчера с конвоем вышли в путь бронетанковые полки. Поэтому, я не могу поверить, что различные мелкие наступательные операции, о которых Вы говорите, плюс основная оборона Мерса Матрух, могут компенсировать необходимые сейчас эффективные действия в Греции.

Никто не скажет нам спасибо за то, что мы засели в Египте с постоянно растущими силами, в то время как положение в Греции, и все что от него зависит, нами игнорируется. Потеря Афин значительно серьезнее по последствиям, чем потеря Кении или Хартума, но, главное, нет никакой нужды платить такую цену. Прочтите внимательно телеграммы Палерета (нашего посла в Афинах). В войне надо считаться с новым оборотом событий и принимать соответст-

вующие шаги по мере изменения обстановки, и взгляды местных начальников не должны заслонять главного. Никто не ожидал, что Италия, в эту, столь позднюю фазу войны, атакует Грецию. Греция, энергично сопротивляясь с помощью из Египта и Англии, сможет задержать вторженцев. Я пытаюсь послать значительное число подкреплений бомбардировщиками и истребителями на Крит и в Грецию, летным путем, с материальной частью, отправляемой крейсером. Если из этого что-нибудь выйдет, подробности будут Вам сообщены телеграфом завтра или в понедельник. Надеюсь, Вы сумеете прочно взять в свои руки положение на месте, оставив негативную и пассивную политику и используя все предоставляющиеся нам возможности. «Безопасность прежде всего» — гибельный путь во всякой войне, даже если вы достигаете безопасности — чего нет в Вашем случае. Сообщите мне как можно скорее свои предложения, — или об отсутствии таковых».

И снова:

4 ноября 1940 г.

«Мы посылаем Вам авиационные подкрепления; подробности найдете в прилагаемом послании начальников штабов. Немедленно пошлите в Грецию одну эскадрилью Гладиаторов и еще две — Бленхеймов, всего три. Если надо, направьте на Крит второй батальон. По прибытии упомянутых ранее авиационных подкреплений, как можно скорее направьте еще одну эскадрилью Гладиаторов. Зенитные орудия для аэродромов должны прибыть раньше самолетов».

В то время было предложено, чтобы я попросил греков оставить на острове их критскую дивизию. Поэтому я указал:

«Премьер-министр — начальнику Имперского генерального штаба.

6 ноября 1940 г.

Грекам будет трудно отказаться от использования этой критской дивизии. Если это должно случиться, нам, несомненно, надо послать больше войск на остров. Важно, чтобы там находилось известное число войск и чтобы противник думал, что мы высаживаем там значительные силы. За этим районом надо наблюдать со всем вниманием, так как последствия контратаки могут оказаться катастрофическими.

Сообщите мне, пожалуйста, ваше мнение».

«Премьер-министр — начальнику Имперского генерального штаба.
7 ноября 1940 г.

Мы окажем Греции плохую услугу, если в результате использования нами Крита для наших собственных целей, мы лишим их возможности, в свою очередь, использовать две трети их Пятой дивизии. Оборона Крита зависит от флота; тем не менее, там должна находиться известная сдерживающая сила пехоты. Я сомневаюсь, чтобы два британских батальона и три остающихся греческих, были достаточны. Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы телеграфировали, как я просил, генералу Уэйвелу. Он должен предоставить, чего бы это ни стоило:

а) Три или четыре тысячи дополнительных британских войск и дюжину орудий. Последние не обязательно должны быть полностью снаряжены или быть подвижными.

б) Он должен выделить это за счет сил, которые он не намеревается использовать в предстоящем сражении.

в) Мы должны сказать грекам, что освобождаем (для службы в их главной армии) шесть батальонов и артиллерию Пятой греческой дивизии.

Должны быть приложены все усилия для срочной посылки оружия или снаряжения, нужных для экипировки резервной греческой дивизии, формируемой на Крите. Винтовки и пулеметы, в данном случае, будут достаточны. Было бы очень плохо, если бы мы не позволили греческой дивизии принять участие в сражении в Эпире, и было бы просто преступлением потерять Крит из-за недостатка там солдат».

Наступало время, когда Идену надо было вернуться и доложить нам все, — как этого он сам искренне желал. Нижеследующие телеграммы не нуждаются в пояснениях.

«Иден — премьер-министру. 3 ноября 1940 г.

Все здесь твердо придерживаются мнения, что я должен вернуться домой как можно скорее, для того чтобы изложить Вам существующее положение, как оно видно отсюда. Искренне надеюсь, что Вы согласитесь на это. Предлагаю вылететь завтра утром. Всегда готов вернуться сюда, если будет нужда после встречи с Вами, но я уверен, что встреча эта совершенно необходима, и как можно скорее.

В телеграммах невозможно полностью объяснить здешнее положение и планы.

Прошу ответить немедленно».

Согласие было дано, и государственный секретарь отправился в путь. В его телеграммах мне, посланных одновременно, он обратил внимание на следующее:

«На конференциях в Каире обсуждалось положение на Крите. Адмирал Каннингхэм указал на важность для нас обладания Критом, как средства обеспечения безопасности Восточного Средиземноморья и как препятствия на пути итальянских коммуникаций с Северной Африкой. Однако, базировать флот на Судский залив можно не более, как в течение нескольких часов, — учитывая недостаток в настоящее время в средствах защиты от подводных лодок.

Он не считает, что в ближайшем будущем следует ожидать попытки итальянцев захватить Крит, во всяком случае, пока Греция еще держится. И он и Уэйвел приняли согласованные меры для посылки на Крит части подкреплений, о которых я упоминал в телеграмме от 1 ноября. Адмирал Каннингхэм не считает нужным держать на Крите большой британский военный гарнизон, и убежден, что батальон организованный из самих критян, с приданными ему частями противовоздушной обороны, будет вполне достаточен. Затем мы обсудили общий вопрос помощи Греции. Как мы писали 22 сентября, «мы не можем оказать Греции никакой помощи до окончательной ликвидации германско-итальянской угрозы Египту, ибо безопасность Египта жизненно важна для нашей стратегии и, косвенно, для Греции»...

Самое важное сейчас здесь — получить авиационные подкрепления. 30-я эскадрилья Бленхеймов сегодня направилась в Афины. Лонгмор еще раз подчеркивает свое крайнее нежелание что-либо добавлять сейчас к тому, что уже дано грекам. Он считает, что это приведет к большим потерям его самолетов от итальянских налетов, так как самолеты на греческих или критских аэродромах не имеют ни защитных укрытий, ни достаточной противовоздушной охраны, ни других мер предосторожности в этом роде, которые невозможно симпровизировать в такой краткий срок... Вообще, все главнокомандующие твердо придерживаются мнения, что оборона Египта является делом первостепенного значения для всего нашего положения на Среднем Во-

стоке. Они полагают, что со стратегической точки зрения, безопасность Египта стоит на первом месте, и должна предшествовать по важности всем попыткам предупредить падение Греции. Это также существенно для сохранения поддержки Турции»...

Пользуясь моим личным шифром, Иден добавил следующее:

5 ноября 1940 г.

«Хотя подкрепления для Греции, которые направляются по телеграфному приказу начальников штабов, влекут за собой дополнительный риск и, может быть, возрастающие потери в Западной Пустыне, нам на них приходится идти, имея в виду наши политические обязательства — прийти на помощь Греции. Хотя отступление в Западной Пустыне и приведет к осложнению наших планов там, отменять их не будет нужды. Но всякое увеличение обязательств помощи или темпов отправки ее Греции, сверх того, о чем сейчас договорено, будет означать серьезный риск для нашей позиции в Египте. Фактором, порождающим неуверенность, продолжает оставаться дата прибытия в Египет подкреплений авиации, особенно истребителями, которые должны заменить посылаемые в Грецию. Прежний опыт говорит о том, что предсказания не оправдываются, а графики движения — всегда сильно отстают. Я сейчас чувствую, что ничего здесь сделать не могу и предлагаю вылететь завтра утром».

**
*

Государственный секретарь по военным делам прибыл домой 8 ноября, и в тот же вечер, после начала обычной воздушной тревоги, пришел ко мне в мое временное подземное местопребывание на Пиккадили. С собой он принес тот тщательно охранявшийся секрет, который я был бы рад узнать раньше. Тем не менее, ничто не пострадало. Перед избранным кругом, включавшим начальника Имперского генерального штаба и генерала Исмэя, он развернул, со значительными подробностями, план, задуманный и подготов-

ленный генералами Вильсоном и Уэйвелом. Нам больше не надо было ждать итальянского нападения на наши укрепленные линии у Мерса Матрух, где принимались столь долгие и тщательные меры для оборонительного сражения. Наоборот, примерно через месяц мы должны были атаковать сами. Операция эта была названа «Компас».

Итальянская армия маршала Грациани, в составе более восьмидесяти тысяч, перешедшая египетскую границу, была разбросана на фронте в пятьдесят миль, в серии укрепленных лагерей, отделенных друг от друга значительными расстояниями, взаимно не связанными и расположенными по одной узкой линии. Между правым флангом неприятеля у Софафи, и следующим его лагерем у Нибейвы, было расстояние более чем двадцать миль. Было намечено двинуть наступление в этот разрыв и, повернув к морю, атаковать лагерь в Нибейве и затем, один за другим, группу лагерей Туммара, — с запада, т. е. с тыла. Тем временем, лагерь Софафи и расположенный на берегу лагерь Мейктилы будут сдерживаться нашими легкими частями. Для этой цели должны были быть употреблены 7-я бронетанковая дивизия, 4-я индийская, теперь укомплектованная, и 16-я британская пехотная бригада, вместе со сборными частями гарнизона Мерса Матрух. Этот план, хотя и связанный с риском, обещал блестящий приз. Риск был в том, что мы бросали лучшие наши войска на центр неприятельской позиции семидесяти-мильным переходом, в течение двух ночей, по открытой пустыне, с опасностью, что они будут замечены и атакованы с воздуха в дневное время. Кроме того, приходилось точно рассчитать бензин и продовольствие, и последствия просчета во времени могли оказаться очень тяжелыми.

Но награда стоила риска. Выход нашего авангарда к морю у Бук Бука перережет коммуникации трех че-

твертей армии маршала Грациани. Неожиданно атакованные с тыла, в результате энергично проведенных боев итальянцы вполне могли бы быть вынуждены к массовой сдаче. В этом случае, итальянский фронт оказался бы безнадежно прорванным. С захватом или уничтожением их лучших войск, у них не будет силы, способной выдержать наше дальнейшее наступление; они не смогут, равным образом, провести организованное отступление на Триполи, вдоль сотен миль прибрежной полосы.

Вот каков он был, этот смертоносный секрет, который генералы обсуждали в Египте с государственным секретарем и которого они не хотели сообщать по телеграфу. Мы все были восхищены. Я мурлыкал, как шесть котов, взятых вместе. Это было нечто, стоящее трудов. Там же на месте было решено, при условии согласия начальников штабов и Военного Кабинета, дать немедленную санкцию и оказать всю возможную поддержку этому великолепному предприятию; было также решено, что отныне ему надо будет посвятить больше нашего внимания, и что несмотря на многие другие насущные потребности, подготовка этой операции получит приоритет в снабжении.

В должное время эти предложения были сообщены Военному Кабинету. Я был готов развить перед моими коллегами всю картину, но когда они узнали, что и генералы на месте, и начальники штабов, были совершенно согласны со мной и Иденем, они заявили, что не хотят знать подробностей плана, и что чем меньше людей будет знать о нем, тем будет лучше; все они горячо одобрили общую наступательную политику. Это была линия, принятая Военным Кабинетом в нескольких важных случаях, и я полагаю, что это должно быть примером, если аналогичные трудности и опасности возникнут в будущем.

Итальянский флот никак не реагировал на нашу оккупацию Крита, но адмирал Каннингхэм уже в течение некоторого времени замышлял нанести удар по их главной базе в Таранто силами теперь возросшей своей морской авиации. Атака была проведена 11 ноября, и стала она кульминационным пунктом серии связанных между собой операций, в течение которых Мальта получила войска, а дальнейшие морские подкрепления, — включая линкор «Бархэм», два крейсера и три миноносца, — достигли Александрии. Таранто находится на «каблуке» Италии, в трехстах двадцати милях от Мальты. Его великолепная гавань была отлично приспособлена для защиты против всех современных форм нападения. Прибытие на Мальту нескольких быстроходных самолетов-разведчиков позволило нам разглядеть жертву. Британский план состоял в том, чтобы совершить налет двумя волнами самолетов с «Бриллиант», — первый раз двенадцатью, второй — девятью, из которых одиннадцать должны были нести торпеды, а остальные — бомбы и осветительные ракеты. Самолеты поднялись с «Бриллианта» вскоре после наступления темноты, когда авианосец находился в ста семидесяти милях от Таранто. Более часа длилась яростная схватка, в пламени и разрывах среди итальянских судов. Несмотря на сильный огонь зениток, только два наших самолета было сбито. Остальные благополучно вернулись на авианосец.

Одним только этим ударом равновесие морских сил в Средиземном море было изменено самым решающим образом. Воздушные фотоснимки показали, что три линкора, один из них «Литторио», были торпедированы; кроме того был поврежден один крейсер, и большие разрушения были произведены в доках. Половина итальянского флота была выведена из строя на следующие шесть месяцев, и наша морская авиация

могла торжествовать, доблестно использовав одну из редких возможностей, ей доставшуюся.

Этому событию придает несколько иронический элемент тот факт, что в этот же самый день итальянская авиация, выполняя волю Муссолини, приняла участие в налете на Англию. Группа итальянских бомбардировщиков, эскортируемая шестью десятками истребителей, попыталась разбомбить союзный конвой в р. Медуэй. Они были перехвачены нашими истребителями, при чем восемь их бомбардировщиков и пять истребителей было сбито. Это была их первая и последняя попытка вмешаться в наши внутренние дела; их самолеты могли бы быть лучше использованы на защите их флота в Таранто.

Я держал президента в курсе событий.

«Бывший моряк — президенту. 16 ноября 1940 г.

Я уверен, что инцидент в Таранто Вас обрадует. Три оставшихся неповрежденными итальянских линкора покинули Таранто сегодня, что, вероятно, означает их уход в Триест».

И опять:

«Бывший моряк — президенту. 21 ноября 1940 г.

Вам может быть интересно ознакомиться со следующими заметками о сражении в Таранто, которые я просил приготовить Адмиралтейство:

1. Эта атака занимала Главнокомандующего Средиземноморским театром уже в течение некоторого времени; он намеревался провести ее 21 октября (годовщина Трафальгарской битвы), когда лунный свет был подходящим, но небольшая авария на «Бриллианте» заставила отложить ее. Налет планировался вторично во время крейсирования в центральном бассейне Средиземного моря 31 октября и 1 ноября, но тут отказалась помогать луна; полагали, что атака с осветительными ракетами, сбрасываемыми на парашютах, окажется менее эффективной. Считалось, что успех подобного налета зависит от фазы луны, от погоды, от незамеченного приближения флота и от хорошей разведки. Последняя была проведена гидропланами и эскадрильей Глен

Мартинов, действовавших с Мальты. Ночью 11-12 ноября все намеченные условия были выполнены. Неблагоприятная погода в Тарантском заливе помешала повторению операции 12-13-го.

2. Были применены двойные пистолеты; возможно, что они помогли успеху торпедной атаки.

3. Греческий посол в Ангоре 11 ноября сообщил, что итальянский флот собирается в Таранто, для подготовки атаки на Корфу. Разведка 13-го ноября показывает, что неповрежденные линкоры и крейсера с восьмидюймовыми орудиями покинули Таранто — предположительно вследствие атаки 11-12».

Теперь я писал генералу Уэйвелу.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу.

14 ноября 1940 г.

Начальники штабов, министры вооруженных сил, и я — мы все рассмотрели новое положение в свете недавних событий. Остановка итальянского наступления на греческом фронте; успех нашей морской авиации против линкоров в Таранто; слабые достижения итальянских летчиков над Англией; Галлабат; Ваш собственный опыт в итоге соприкосновения в Западной Пустыне; а, главное, общая политическая ситуация, — делают крайне желательной операцию, о которой Вы говорили государственному секретарю по военным делам.

Мало вероятно, чтобы Германия до бесконечности оставляла без поддержки своего незадачливого союзника. Следовательно, сейчас, повидимому, наступило время пойти на риск и ударить по итальянцам на суше, в море и в воздухе. Вам надлежит действовать в согласии с другими главнокомандующими».

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу.

26 ноября 1940 г.

Новости, поступающие со всех сторон должны были показать Вам важность проведения операции «Компас» для всего положения на Среднем Востоке, включая сюда Балканы и Турцию, французскую линию в Северной Африке, Италию, поведение Испании, трясущейся теперь мелкой

дрожью. Не будучи чрезмерно оптимистическим, я не могу тем не менее подавить сильного чувства уверенности и надежды, и я убежден, что риск, неотделимый от великих дел, в данном случае вполне оправдал себя.

Я запросил Адмиралтейство о той роли, которая отводится флоту. Если будет достигнут успех, я полагаю, у Вас есть планы, как использовать его полностью. Я распорядился, чтобы штабы изучили все открывающиеся нам возможности, на случай, если все пойдет хорошо, для передвижения боевых соединений и резервов морским путем, длинными прыжками вдоль берега, и для создания новых баз снабжения, которыми смогут пользоваться преследующие врага бронемашин и части. Не желая быть осведомленным о деталях, я хотел бы заверений, что все это взвешено, изучено и, поскольку возможно, подготовлено.

Кажется трудным предположить, что Гитлер не окажется вынужденным прийти на спасение своего партнера; очевидно, немецкие планы должны быть уже подготовлены для похода через Болгарию и Салоники. Из нескольких источников нам сообщают, что немцы не одобряют авантюру Муссолини и склонны дать ему возможность самому расплатиться за нее. Каждый день замедления служит нам на пользу. Может случиться, что «Компас», сам по себе, предопределил поведение Югославии и Турции, и, во всяком случае, если наше предприятие увенчается успехом, мы сможем дать Турции много более убедительные заверения быстрой помощи, чем мы могли это сделать до сего времени. Можно даже предвидеть возможность того, что центр тяжести на Среднем Востоке неожиданно переместится из Египта на Балканы, и из Каира в Константинополь. Вы, несомненно, мысленно к этому готовитесь, а штабная подготовка проводится здесь у нас.

Как Вам уже сообщалось на днях, мы поддержим Вас и Вильсона в любом хорошо задуманном предприятии, независимо от результата, ибо в войне нельзя гарантировать успеха, а можно лишь заслужить его.

Скажите Лонгмору, что я восхищен его посещением южных эскадрилий, с риском быть там наказанным. Если все пойдет хорошо, «Фюриуз» и его соединение доберутся до Такоради завтра. Это должно компенсировать за всё то, что пришлось высчитать из него для отправки в Грецию, где роль, сыгранная Королевскими военно-воздушными силами в греческих победах была исключительна по своему воен-

ному и политическому значению. — Шлю наилучшие пожелания вам обоим, а также адмиралу, превосходно справляющемуся со своей задачей. Рад слышать, что он считает Судский залив ценнейшим приобретением».

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

26 ноября 1940 г.

Я рекомендую следующее для нашего посла в Турции:

Мы изложили Вам всевозможные аргументы за и против турецкого вступления в войну, пришедшие в голову нашим штабным офицерам, изучившим этот вопрос. Мы, однако, не хотим чтобы у Вас были какие-либо сомнения по поводу нашего собственного мнения, или Ваших инструкций. Мы хотим, чтобы Турция вступила в войну как можно скорее. Мы не настаиваем, чтобы она предприняла какие-либо специальные меры для помощи Греции, кроме как дать понять Болгарии, что любое движение Германии через Болгарию на Грецию, приведет к немедленному объявлению войны Турцией. Мы хотели бы, чтобы Турция и Югославия теперь договорились между собой о возможности совместного предупреждения Болгарии при первом признаке немецкого движения в направлении Болгарии. В случае перехода немецких войск через Болгарию, с помощью самих болгар или без нее, представляется жизненно необходимым, чтобы Турция начала операции в тот же момент, и на том же фронте. Если она этого не сделает, она окажется совершенно одинокой, Балканские страны будут проглочены поодиночке, и не в наших силах будет оказать ей помощь. Вы можете упомянуть, что к лету 1941 года мы надеемся иметь по крайней мере пятнадцать дивизий, действующих на Среднем Востоке, а к концу года — почти двадцать пять. Мы не сомневаемся в нашей способности разбить Италию в Африке».

Начальники штабов вполне согласны с изложенным выше.

«Премьер-министр — Первому лорду, Первому морскому лорду, и генералу Исмэю, Комитету начальников штабов (показать начальнику штаба авиации).

30 ноября 1940 г.

«Фюриуз» должен немедленно возвратиться домой, и перевезти другой груз самолетов и летчиков в качестве подкрепления для Среднего Востока. Должны быть прило-

жены все усилия для того, чтобы отложить его переоборудование до возвращения из этого рейса. Начальник штаба авиации укажет, какой состав соединения будет наилучшим».

«Премьер-министр — генералу Исмэю.

1 декабря 1940 г.

Сообщите мне, точно, что у нас имеется, и что мы сделали в Судском заливе (на Крите), в отношении войск, противовоздушной обороны, прожекторов, орудий береговой обороны, сетей, мин и подготовки аэродромов.

Я надеюсь получить заверения, что над укреплением обороны, удлинением посадочных площадок и улучшением аэродромов вообще, работают тысячи критян».

«Генералу Исмэю — для Комитета начальников штабов.

1 декабря 1940 г.

Продолжающееся отступление итальянцев в Албании, и сообщения, полученные нами сегодня о трудностях в снабжении их войск водой и продовольствием в Ливийской пустыне, вместе с сообщениями о переводе самолетов назад в Триполи, где они будут находиться в большей безопасности от наших атак — в сочетании с прибытием в Такоради тридцати трех Ураганов с первоклассными пилотами, все это совершенно новые факты, дающие нам право смотреть на положение с большей уверенностью. Передайте это генералу Уэйвелу.

В войне очень редко достигается такое колоссальное преимущество, когда, преследуя неприятеля, вы можете за одну ночь подтягивать морским путем снаряжение и свежие войска к передовым линиям. Ответ генерала Уэйвела на мою телеграмму говорит, что этого там, повидимому, не принимают в расчет, и, учитывая то, как много мы поставили на эту операцию, я считаю необходимым ознакомить его с заключениями наших штабных экспертов. Иметь — и не использовать средства для комбинированных операций морских и сухопутных сил, просто преступление. Поэтому, если заключения штаба благоприятны, я хочу, чтобы их передали туда по телеграфу. Это должно быть, однако, сделано до 3-го.

Добавьте следующее общее замечание: факт, что мы теперь закрепились в Судском заливе, позволяет нам меньше беспокоиться о Мальте. Пока в Судском заливе находится — или может находиться — наш флот, маловероятно,

чтобы противник предпринял высадку на Мальте, которую мы уже укрепили танками и орудиями со Среднего Востока... Обладание Судским заливом привело к огромной перемене в положении Восточного Средиземноморья».

История Судского залива печальна. Трагедия произошла в 1941 году. Я думаю, ни у одного человека, ни в одной стране в то время не было в руках такого прямого контроля над ведением войны, какой был у меня. Знания, которыми я обладал, преданность и деятельная помощь Военного Кабинета, лойяльность всех моих коллег, все возрастающая эффективность нашей военной машины, — все это способствовало предельному сосредоточению конституционной власти. И все же, действия Средневосточного командования были очень далеки от того, что я приказывал, и чего мы все хотели. Для того, чтобы оценить ограничения в действиях человека, надо помнить, сколько событий совершалось одновременно в разных направлениях. Тем не менее, я не перестаю удивляться, как это мы могли не превратить Судский залив в цитадель крепости, которой являлся бы Крит. Все было понято и согласовано, и многое было сделано; но все делалось впосилы. Очень скоро за эти недостатки мы дорого заплатили.

**

Итальянское вторжение в Грецию из Албании было болезненным щелчком для Муссолини. Первое нападение было отбито с тяжелыми потерями, и греки немедленно ответили контратакой. В северном (Македонском) секторе, греки продвинулись в Албанию, захватив 22 ноября Кортицу. В центральном секторе северного Пинда была уничтожена итальянская альпийская дивизия. В береговой зоне, где итальянцам сперва удалось продвинуться вглубь, им пришлось спешно отступить за р. Каламас. Греческая армия, под ко-

мандованием генерала Папагоса, показала высшее искусство в войне в горах, превосходно маневрируя и обходя фланги противника. К концу года их доблесть вынудила итальянцев отступить по всему фронту, уйдя за тридцать миль за албанскую границу. В течение нескольких месяцев, двадцать семь итальянских дивизий были связаны в Албании силами шестнадцати греческих. Замечательное сопротивление греков было встречено с радостью на Балканах, и престиж Муссолини упал низко.

**
*

9 ноября мистер Невилль Чемберлэн умер в своем доме в деревне, в Хэмпшире. Еще ранее я получил разрешение короля снабжать его бумагами, проходящими через кабинет, и почти до самой смерти он следил за нашими делами с проницательностью, интересом и большой силой воли. Он мужественно смотрел в глаза смерти. Я думаю, что он умер с чувством удовлетворения, что его родина благополучно прошла через самый опасный период.

Как только Палата общин собралась 12 ноября, я отдал последний долг усопшему, его характеру и карьере.

«У кладбищенских ворот нам всем следовало бы критическим взором оглядеть наше собственное поведение и наши собственные суждения. К счастью для людей, им не дано предвидеть или предсказать, в сколько-нибудь значительной степени, будущее развитие событий; иначе жизнь стала бы невыносимой. Один момент люди могут казаться правыми, другой — ошибаться. Затем, снова, несколькими годами позднее, когда перспектива времени удлинится, события выглядят опять иначе. Появляются новые пропорции. Появляются иные критерии ценностей. С мерцающим фонарем в руке, история плетется, спотыкаясь, по пути прошлого, освещая бледными бликами страсти былых дней. Чего все это стоит? Единственным путеводителем человека является его совесть; единственным щитом для его памяти —

прямолинейность и искренность его поступков. Неосторожно пускаться в жизненный путь без такого щита, ибо слишком часто мы попадаем в смешное положение, когда не оправдываются наши надежды и расчеты; но с таким щитом, как бы ни играла с нами судьба, мы всегда будем идти в рядах чести.

Что бы ни сказала история об этих ужасных, неповторимых годах, мы можем быть уверенными, что Невилль Чемберлэн действовал всегда с совершенной искренностью, и стремился всеми силами своих способностей и своей власти, спасти мир от страшной и разрушительной борьбы, которую мы сейчас ведем... Герр Гитлер отчаянно жестикулируя протестует, что он всегда хотел только мира. Чего стоит этот невнятный бред перед молчаливой могилой Невилля Чемберлэна? Годы, долгие, тяжелые и полные опасностей лежат перед нами, но мы вступаем в них по крайней мере едиными, и с чистым сердцем...

Как и его отец, и его брат Остин до него, он был известным членом Палаты общин, и мы все собрались здесь сегодня утром, все без исключения члены всех партий, сознавая, что отдавая долг памяти человека, которого Дизраэли назвал бы «стоящим англичанином», мы, тем самым, отдаем долг чести самим себе и нашей родине».

ЛЕНД-ЛИЗ

Заслоняя грохот разрывов и стук мечей, перед нами теперь стало вырисовываться событие судьбоносного значения и совсем иного порядка. 5 ноября в Соединенных Штатах произошли президентские выборы. Несмотря на упорство и энергию, с которыми обычно проводятся каждые четыре года эти соревнования, несмотря на острые расхождения по ряду вопросов внутренней политики, разделявшие в это время две главные партии, к Высшей Задаче ответственные лидеры и республиканской, и демократической партии относились с уважением. 2 ноября, в Кливленде, мистер Рузвельт сказал: «Наша политика направлена к тому, чтобы дать всю возможную материальную помощь нациям, все еще сопротивляющимся агрессии по другую сторону океанов». Его противник, Вендел Уилки, в тот же самый день заявил в Мэдисон Сквер Гарден: «Все мы, — республиканцы, демократы и независимые, — верим в необходимость оказания помощи героическому британскому народу. Мы должны предоставить в его распоряжение продукцию нашей промышленности».

Этот патриотизм был залогом безопасности и Американского Союза, и нашей жизни. Тем не менее, я ожидал итогов выборов с глубоким беспокойством. Никакой новопришелец не мог бы обладать опытом и знаниями Франклина Рузвельта, или быстро приоб-

рести то и другое. Никто не мог сравниться с ним в способности контролировать положение. Самым тщательным образом старался я взлелеять мои с ним отношения, которые, казалось, уже достигли нужной степени доверия и дружбы, игравших такую важную роль во всех моих мыслях. Меня отталкивала перспектива кончить эту, столь долго взращиваемую дружбу, прервать все наши дискуссии, и начинать все снова, с человеком иных взглядов и характера. Подобного чувства напряжения я не переживал со времен Дюнкерка. Когда я получил известие, что президент Рузвельт переизбран, я вздохнул с неопишым облегчением.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту.

6 ноября 1940 г.

Я полагал, что в качестве иностранца мне не пристало выражать свое мнение относительно американской внутренней политики в то время, как выборы еще продолжались, но теперь я чувствую, что Вы не будете возражать, если я скажу, что я молился за Ваш успех, и что я искренне благодарен, что все так окончилось. Это не значит, что я рассчитываю на нечто большее, чем на Вашу независимую и справедливую оценку нынешнего международного положения, и на ту роль, которую в нем играют наши народы. Мы вступаем в мрачную фазу этой, очевидно, затяжной и угрожающей расширяться войны, и я надеюсь иметь возможность обменяться с Вами мыслями со всем доверием и чувствами доброй воли, которые выросли между нами с того времени, когда в начале войны я принял Адмиралтейство. Сейчас происходят события, о которых люди будут помнить пока хоть в каком-нибудь уголке земного шара сохранится английский язык; выражая удовлетворение, которое я чувствую от вести, что народ Соединенных Штатов снова возложил на Ваши плечи эту огромную тяжесть, я должен выразить свою уверенность, что наша путеводная звезда в конце концов благополучно поможет нам бросить якорь в спокойной гавани.

Любопытно, что я никогда не получил ответа на эту телеграмму. Впрочем, она вполне могла затерять-

ся в огромной массе поздравлений, отложенных в сторону из-за срочной работы.

Вплоть до этого времени, мы размещали в Соединенных Штатах наши заказы на вооружение, хотя и советуясь, но отдельно от американских министерств армии, флота и авиации. Все возрастающая наша потребность в некоторых из них приводила к тому, что заказы перекрывали друг друга, что, несмотря на наличие доброй воли, могло привести к трениям на низших ступенях администрации.

«Только единая политика закупок для всех нужд правительства, — пишет мистер Штеттиниус, — может справиться с колоссальной задачей, стоящей перед нами». Это значило, что правительство Соединенных Штатов должно было размещать все заказы на вооружение в Америке. Через три дня после своего избрания президент объявил новый порядок распределения всей военной продукции американской промышленности. По мере того, как вооружение сходило с конвейеров, оно должно было разделяться, примерно, пополам между американскими вооруженными силами, с одной стороны, и британско-канадскими, с другой. В тот же день, Бюро по приоритетам утвердило британскую просьбу на заказ в Соединенных Штатах еще двенадцати тысяч самолетов, в дополнение к одиннадцати тысячам, заказанным раньше. Но как мы могли за все это заплатить?

**

В середине ноября лорд Лотиан, недавно прилетевший домой из Вашингтона, провел несколько дней со мной в Дичли. Мне советовали не привыкать проводить в Чекерсе каждую субботу и воскресенье, особенно в полнолуние, на случай если противник решит оказать мне особое внимание. Мистер Рональд Три и

его жена много раз оказывали широкое гостеприимство мне и моим помощникам, в их просторном очаровательном доме около Оксфорда. Дичли находится лишь в четырех-пяти милях от Бленхэйма. В этом привлекательном окружении я и принял посла. Лотиан представился мне переменившимся человеком. Во все те годы, что я знал его, он производил на меня впечатление человека высокого интеллекта и аристократа, чуждого вульгарных человеческих дел. Грациозный, чудаковатый, исполненный достоинства, склонный осуждать других и всегда стоящий несколько поотдал, и при всем этом обладающий легкими и приятными манерами, он всегда был желанным членом в любой компании. Теперь, под обрушившимися на нас всех ударами, он превратился в серьезного, глубоко все переживающего человека. Он был подробно осведомлен о всех аспектах американской жизни. Тем, как он провел переговоры о миноносцах и военных базах, он завоевал в Вашингтоне исключительные чувства доверия и доброй воли. Он явился со свежими впечатлениями от президента, с которым у него установилась теплая личная дружба. Его мысли теперь концентрировались на денежной проблеме, выглядевшей очень мрачно.

До войны Соединенные Штаты руководствовались Актом о нейтралитете, обязавшем президента объявить 3 сентября 1939 года эмбарго на все отправки оружия воюющим сторонам. Десятью днями позднее он созвал чрезвычайную сессию Конгресса для рассмотрения вопроса об отмене этого запрета, который, под покровом беспристрастия, по существу лишал Великобританию и Францию всех преимуществ, даваемых им господством в море и возможностями перевозок оружия и снаряжения. Только после многих недель возбужденной дискуссии, в конце ноября, был отменен Акт о нейтралитете и заменен новым прин-

ципом «плати и забирай». Это все еще сохраняло видимость нейтралитета со стороны Соединенных Штатов, ибо американцы были вправе продавать оружие как союзникам, так и немцам. Фактически же, наше превосходство на море исключало какие-либо перевозки в Германию, в то время как Великобритания и Франция имели возможность забирать всё, за что только были в состоянии заплатить. Наша закупочная комиссия, во главе с Артуром Пурвисом, человеком выдающихся способностей, начала свою работу через три дня после принятия нового закона.

**
*

Англия вступила в войну, имея около четырех с половиной миллиардов долларов в золоте или в капиталовложениях в Соединенных Штатах, которые можно было обратить в доллары. Единственный путь, которым эти ресурсы могли быть умножены, было увеличение добычи золота в Британской империи, главным образом, конечно, в Южной Африке, а также путем энергичных мер по усилению экспорта в Соединенные Штаты, преимущественно предметов роскоши, как, например, виски, тонкая шерсть и посуда. Этими методами, в течение первых шестнадцати месяцев войны, было добыто еще два миллиарда долларов. Когда мы находились в стадии «Войны в сумерках», мы раздирались между страстным желанием заказывать вооружение в Америке и гнетущим страхом остаться без наших уменьшающихся долларовых резервов. При Чемберлене, канцлер Казначейства сэр Джон Саймон постоянно говорил нам о прискорбном состоянии наших долларовых запасов, и подчеркивал необходимость беречь их. Было более или менее принято считать, что в наших закупках в Соединенных Штатах мы обязаны ограничивать себя до последней степени. Как

Пурвис однажды сказал Штеттиниусу, мы действовали, «как если бы находились на пустынном острове, с ограниченным запасом продовольствия, которое надо растянуть как можно дольше».

Это означало сложные мероприятия для пополнения нашего денежного запаса. В мирное время мы импортировали сколько угодно всего, и расплачивались в том порядке, какой был нам удобен. Когда пришла война, нам надо было создать специальный механизм для мобилизации золотых, долларовых и прочих частных ресурсов, помешавший разным недоброжелателям перевести свои фонды в страны, по их мнению более надежные, а также для сокращения излишнего импорта и ряда других расходных статей. Кроме того, что мы должны были беречь деньги, нам нужно было обеспечить, чтобы другие страны принимали нашу валюту к уплате. Страны «стерлингового блока» были с нами: они ввели у себя ту же систему контроля над обменом валюты, как и мы, и охотно брали наши фунты стерлингов. С другими странами мы заключали специальные соглашения, согласно которым мы платили им в стерлингах, которые могли быть истрачены в любом государстве стерлингового блока, но они обещали придерживать и не тратить без крайней нужды нашу валюту, а во всяких сделках ориентироваться на официальный курс фунта стерлингов. Подобные соглашения были первоначально заключены с Аргентиной и Швецией, а затем распространены на ряд других стран европейского и южноамериканского континентов. Соглашения эти были оформлены уже после весны 1940 года, и для нас было большим удовлетворением, — а для фунта стерлингов — комплиментом, — что мы оказались в состоянии выполнять их в столь трудной обстановке. Таким образом, мы могли заключать сделки в стерлингах почти во всем мире, и сберегать большую часть нашего драго-

ценного долларового и золотого запаса для жизненно важных закупок в Соединенных Штатах.

Когда в мае 1940 года война разразилась во всей своей отвратительной реальности, мы сознавали, что в англо-американских отношениях начиналась новая эра. С того момента, как я сформировал новое правительство и сэр Кингсли Вуд стал канцлером Казначейства, мы стали следовать более простому плану, а именно, — заказывать в Америке все, что можно, оставляя будущие финансовые проблемы на усмотрение Вечных Бжгов. Борясь в полном одиночестве за свое существование, находясь под непрерывными бомбардировками и угрозой вторжения, мы не могли и думать о соблюдении фальшивой экономии или тревожиться о том, что случится, когда мы исчерпаем запас наших долларов. Нам было известно об огромных переменах, происходящих в американском общественном мнении, и о растущем сознании, не только в Вашингтоне, но и по всей стране, — что судьба Соединенных Штатов переплетена с нашей. Более того, среди американского народа в этот момент проходила волна сильнейшей симпатии к нам и восхищения Англией. Благоприятные сигналы поступали к нам как непосредственно из Вашингтона, так и через Канаду, придавая нам смелости и указывая, что тем или иным путем, но выход будет найден. В мистере Моргентау, министре финансов, дело союзников имело неутомимого друга. Унаследование нами в июне старых французских заказов удвоило темпы наших расходов; кроме того, мы помещали новые заказы на самолеты, танки и торговые пароходы, где только могли, и продвигали строительство новых огромных заводов и в Соединенных Штатах и в Канаде.

До ноября 1940 года мы платили за все, что получали. Мы уже продали на 335 миллионов долларов акций американских предприятий, реквизированных у частных лиц в Англии. Мы уплатили наличными более четырех с половиной миллиардов долларов. У нас оставалось только два миллиарда, главным образом в капиталовложениях, многие из которых невозможно было сразу реализовать. Было очевидно, что мы не в состоянии продолжать далее таким же образом. Если бы даже мы вовсе лишили себя всех наших золотых и иностранных активов, мы не могли бы уплатить даже за половину того, что мы заказали, а затягивающаяся война могла потребовать в десять раз больше средств, чем это. И кое-что надо было сохранить для ведения наших повседневных операций.

Лотиан был уверен, что президент и его советники были серьезно озабочены отысканием лучшего способа помощи нам. В Вашингтоне шли бесконечные дискуссии о том, как помочь нашему Казначейству; в них участвовал представитель этого последнего, сэр Фредерик Филлипс, и мистер Моргентхау. Посол просил меня изложить полностью наше положение в письме президенту. В соответствии с этим, в то же воскресенье в Дичли я написал, согласовав с ним, личное письмо. 16 ноября я телеграфировал Рузвельту: «Пишу Вам очень длинное письмо с видами на 1941 год, которое лорд Лотиан вручит Вам через несколько дней». Поскольку документ этот должен был быть тщательно сверен с начальниками штабов и с Казначейством, а также утвержден Военным Кабинетом, он не мог быть закончен ко времени возвращения Лотиана в Вашингтон. 26 ноября я послал ему сообщение: «Я все еще тружусь над своим письмом президенту, но надеюсь передать Вам его по телеграфу в ближайшие дни». В своей окончательной форме, письмо было датировано 8 декабря, и было немедленно вручено

президенту. Поскольку оно дает полную картину всего положения, на которой сошлись все, работавшие над письмом в Лондоне, и поскольку оно сыграло заметную роль в нашей судьбе, оно заслуживает внимательного изучения.

«10, Даунинг-стрит, Уайтхолл

8 декабря 1940 г.

Мой дорогой президент!

1. Поскольку мы добрались до конца этого года, я чувствую, что Вы ждете от меня описания перспектив на 1941 год. Я делаю это с искренностью и доверием, потому что мне кажется, что большинство американских граждан уже выразили свою уверенность в нераздельности будущего наших двух демократий, и в том, что и безопасность Соединенных Штатов и дальнейшее существование нашей общей цивилизации, зависят от того, выживет ли, и сохранит ли свою независимость Британское Содружество Наций. Только в этом случае останутся в верных и дружеских руках бастионы морской мощи, контролирующие Атлантический и Индейский океаны. Контроль Тихого океана флотом Соединенных Штатов, а Атлантического — Британским флотом, совершенно необходимы для обеспечения торговых путей обеих стран, и для предупреждения возникновения военных действий у американских берегов.

2. Есть также и другой аспект. Для переоборудования промышленности современного государства на производство вооружений требуется от трех до четырех лет. Точка насыщения достигается тогда, когда максимальная часть промышленного потенциала, который можно исключить из гражданского производства, переключается на производство военное. Германия несомненно достигла этой точки к концу 1939 года. Мы, в Британской империи, едва прошли полпути через второй год войны. Соединенные Штаты, как я полагаю, в этом отношении находятся далеко позади нас. Более того, сколько мне известно, в Соединенных Штатах сейчас начала осуществляться внушительная программа усиления средств наземной, воздушной и морской обороны, на выполнение которой потребуется не менее двух лет. В общих, и в наших собственных интересах, нашей, британской обязанностью является удерживать фронты и сдерживать мощь нацистов до того момента, как закончится подготовка в Соединенных Штатах. Победа может придти до исхода

второго года; но у нас нет права рассчитывать на нее в степени, позволяющей хотя бы немного ослабить наши усилия. Поэтому, я предлагаю на Ваше доброе и дружеское рассмотрение тот тезис, что интересы Британской империи и Соединенных Штатов остаются идентичными, пока продолжается нынешняя ситуация. Исходя из этого, я и обращаюсь к Вам.

3. Форма, которую приняла война, и которую она, по видимому, сохранит, не позволяет нам противопоставить мощным армиям Германии что-либо равноценное на любом из театров, куда обращены их главные силы. Однако, используя наши флот и авиацию, мы можем успешно противодействовать немцам в местах, куда они могут доставить лишь сравнительно небольшие свои силы. Мы должны сделать всё от нас зависящее, чтобы не допустить германского господства в Европе и его распространения на Африку и Южную Азию. Здесь, в Англии, мы также должны поддерживать в состоянии постоянной готовности армии достаточной силы для того, чтобы сделать невозможным вторжение с моря. Для этих целей, мы, с предельно возможной быстротой, формируем — как это Вам уже известно — от пятидесяти до шестидесяти дивизий. Даже если бы Соединенные Штаты были нашим союзником, а не просто другом и незаменимым партнером, как теперь, мы бы не стали просить о большой экспедиционной армии. Лимитирующим фактором являются не люди, а их перевозка. Вообще, в морских перевозках приоритет принадлежит не солдатам, а аммуниции и прочему снаряжению.

4. Первая половина 1940 года была периодом катастрофическим для союзников и для Европы. Последние же пять месяцев были свидетелями того, как борющаяся в одиночестве Великобритания, быстро, и может быть неожиданно для многих, оправилась; это произошло при бесценной помощи снаряжением и миноносцами, предоставленными в наше распоряжение Великой Республикой, избранным руководителем которой Вы являетесь вот уже третий раз.

5. Опасность для Англии быть раздавленной быстрым, сокрушительным ударом, в настоящий момент значительно уменьшилась. Эта опасность сменилась затяжной, постепенно созревающей угрозой, лишенной внезапности и красочности, но в равной мере смертельной. Не менее смертельную угрозу несет постоянное и все возрастающее уменьшение нашего морского тоннажа. Мы можем выдержать

разрушение наших домов, истребление нашего гражданского населения в результате воздушных налетов, и мы надемся отбивать их со все большим успехом по мере того, как наши ученые делают все новые открытия; более того, мы надеемся наносить ответные удары по военным объектам Германии, по мере того, как наша авиация по своей мощи приближается к вражеской. Ключом к общей ситуации в 1941 году являются морские перевозки. Если мы окажемся не в состоянии прокормить население нашего Острова, обеспечить импорт всякого рода необходимого для нас военного снаряжения, если мы не сможем посылать наши армии на различные театры войны, чтобы должным образом встретить там армии Гитлера и его сообщника Муссолини, и поддерживать их там всем необходимым — и делать это в уверенности, что мы дотянем до момента, когда дух континентальных диктаторов будет сломлен — без всего этого мы сможем не выдержать вообще, и у Соединенных Штатов не окажется нужного времени для окончания подготовки всех оборонительных мероприятий. Поэтому, центр тяжести войны в 1941 году будет падать на нашу способность справиться с перевозками, в первую очередь с трансатлантическими. Если же, с другой стороны, мы сможем до бесконечности перевозить все нужное нам через моря, вполне может случиться, что, направляя в Германию превосходящие воздушные силы, и вызывая злобу в сердцах немцев и других захваченных нацистами народов, нам может удастся благополучно прекратить агонию нашей цивилизации.

Но не будем недооценивать нашей задачи.

6. Наши потери в пароходах (цифровые данные за последние месяцы имеются в приложении) почти достигают размеров, знакомых нам по худшему году прошлой войны. За пять недель, закончившихся 3 ноября, наши потери достигли 420.300 тонн водоизмещения. Мы считаем, что для поддержания всех наших усилий на высоком уровне, нам необходимо ввозить в год 43 миллиона тонн разных грузов; то, что мы получили в сентябре, соответствовало годовому завозу в 37 миллионов тонн, а в октябре — 38 миллионам тонн. Такое отставание может оказаться губительным, если во время не придут подкрепления бóльшие, чем мы можем ожидать сейчас. Хотя мы делаем все от нас зависящее, чтобы справиться с положением при посредстве новых методов и приемов, трудности, стоящие на пути ограниче-

ния наших потерь, в этой войне несравненно бóльшие, чем в прошлой. Нам недостает помощи французского, итальянского и японского флотов, и, в первую очередь, флота Соединенных Штатов, который оказал нам такую значительную помощь в критический момент прошлой войны. В руках врага находятся все порты на северном и западном побережье Франции. Он все более использует их, и острова у берегов, для баз своих подводных лодок, гидропланов и боевых самолетов. Мы лишены возможности пользоваться портами или территорией Ирландии, где бы мы могли организовать морскую и воздушную береговую оборону. По существу, у нас имеется только один эффективный путь к Британским островам, и это — Северные Подступы, против которых все более концентрируется противник, с каждым разом добираясь все дальше своими подводными лодками и бомбардировщиками дальнего действия. Кроме того, и в Атлантическом, и в Индийском океанах вот уже несколько месяцев как оперируют переоборудованные из торговых пароходов вражеские рейдеры. А сейчас нам приходится вести борьбу также и против мощного рейдера — военного корабля. Нам нужны суда и для охоты за рейдерами, и для конвоев. Как бы ни были велики наши ресурсы, имеющегося у нас — недостаточно.

7. Следующие шесть или семь месяцев, соотношение в линкорах, в водах вокруг Англии, будет менее благоприятным, чем это было бы нужно. К январю, несомненно вступят в строй «Бисмарк» и «Тирпиц». К тому же времени мы надеемся иметь в строю «Принца Уэльского»; «Король Георг V» уже спущен. Эти современные суда, конечно, значительно лучше защищены броней, особенно против воздушных атак, чем суда типа «Роднея» и «Нельсона», построенные двадцать лет назад. Нам недавно пришлось использовать «Роднея» в трансатлантическом конвое, и в момент, когда всего у нас так мало, одна мина или торпеда могут решающим образом изменить соотношение сил в боевых кораблях. Нам станет легче в июне, когда будет закончен «Герцог Йоркский», и еще легче к концу 1941 года, когда вступит в строй «Ансон». Но эти два первоклассных современных немецких линкора, 45.000 тонн водоизмещения каждый, вооруженные пятнадцатидюймовыми орудиями, вынуждают нас поддерживать такое сосредоточение сил, в котором еще никогда в эту войну не было необходимости.

8. Мы надеемся, что два итальянских «Литторио» останутся вне строя еще некоторое время, и, во всяком случае, они не так опасны, чем если бы на них был немецкий экипаж. Может быть это случится! Мы обязаны Вам за Вашу помощь с «Ришелье» и «Жан Бартом», и я беру на себя смелость сказать, что тут нам беспокоиться не приходится. Но Вы лучше кого-либо можете видеть, что в эти месяцы мы, впервые за эту войну, вынуждены считаться с наличием у врага двух судов, по крайней мере таких же хороших, как наши; при этом наши два корабля — единственные, отвечающие современным требованиям. Для нас будет невозможно уменьшить силы в Средиземном море, ибо позиция Турции, как и положение в Восточном бассейне вообще, зависит от того, будет ли у нас там сильный флот. Устаревшие линкоры должны будут перейти на конвойную службу. Таким образом, даже в классе линкоров, силы наши напряжены до крайности.

9. Далее, имеется вторая опасная область. Правительство Виши, с весьма значительными военно-морскими силами, еще имеющимися в его распоряжении, может найти предлог для присоединения к державам Оси. Это может случиться как путем присоединения к гитлеровскому Новому порядку в Европе, так и при помощи какого-нибудь маневра, вынудив нас атаковать экспедицию, посланную им против колоний, находящихся в руках Свободных Французов. Если французский флот присоединится к силам держав Оси, контроль над Западной Африкой немедленно перейдет в руки этих последних, с самыми тяжелыми последствиями для наших коммуникаций между Северным и Южным Атлантическими океанами, для Дакара, а, затем, конечно, и для Южной Америки.

10. Третья опасная сфера находится на Дальнем Востоке. Здесь представляется очевидным, что Япония пробивается на юг, через Индо-Китай — к Сайгону и другим морским и авиационным базам, тем самым приближаясь к Сингапuru и Голландской Остиндии. Имеются сообщения, что японцы готовят пять хороших дивизий для возможного использования в качестве экспедиционного корпуса за морем. На сегодня у нас на Дальнем Востоке нет никаких сил, которые смогли бы справиться с положением, если бы оно приняло подобный оборот.

11. Перед лицом этих опасностей мы должны использовать 1941 год для создания такого запаса вооружений, в

особенности, авиации, — как путем увеличения продукции в Англии, невзирая на бомбардировки, так и путем закупок за морем, — какой необходим для того, чтобы заложить основы победы. В виду всех трудностей и огромного размаха этой задачи, — которые я изложил выше, к которым многое еще можно было бы добавить, я чувствую себя вправе, и даже обязанным, изложить Вам возможные пути, которыми Соединенные Штаты могут оказать несравненную и решающую помощь в том, что в известном смысле является общим делом.

12. Первым делом нужно приостановить, или ограничить потери в тоннаже на атлантических подступах к нашему острову. Это может быть достигнуто как увеличением морских сил, отражающих вражеские атаки, так и добавлением грузовых пароходов, от которых мы так зависим. Для достижения этой цели я вижу следующие пути:

а) Подтверждение Соединенными Штатами доктрины свободы морей от запретных и варварских методов войны, в соответствии с решениями, достигнутыми после Первой мировой войны, добровольно принятыми Германией в 1935 году. На основе этой доктрины, суда Соединенных Штатов могут свободно торговать со странами, против которых блокада не введена в узаконенном порядке.

б) Следствием этого будет, что ведущаяся в законном порядке торговля должна охраняться силами Соединенных Штатов, то есть конвоями их линкоров, крейсеров, миноносцев, а также авиацией. Эта защита будет несравненно более эффективна, если вам удастся до окончания войны получить базы в Ирландии. Я считаю невероятным, что эти меры вызовут объявление войны Гитлером Соединенным Штатам, хотя время от времени, вероятно, и будут происходить на море инциденты опасного характера. До сих пор герр Гитлер явно избегал повторения ошибок кайзера. Он не хочет оказаться втянутым в войну с Соединенными Штатами ранее, чем он подорвет в корне мощь Великобритании. Его лозунгом остается: «По одному за раз».

Эта политика, которую я беру на себя смелость обрисовать, будет представлять собой решающий и конструктивный акт со стороны невоюющих Соединенных Штатов, и, более чем какое-либо иное мероприятие, обеспечит продолжение на желаемый период времени британского сопротивления, которое, в конечном итоге, приведет к победе.

в) Если нельзя будет осуществить изложенного выше, передача нам в большом числе американских военных судов, — уже находящихся в Атлантическом океане, и прежде всего миноносцев, в порядке дара или займа, является насущно необходимым для поддержания путей сообщения через Атлантику. Далее, было бы желательно, чтобы Соединенные Штаты продлили бы зону своего контроля на американской стороне Атлантического океана таким образом, чтобы исключить возможность со стороны вражеских судов подступать к новой линии морских и воздушных баз, которые Соединенные Штаты устраивают на британских островах в Западном полушарии. Силы флота Соединенных Штатов таковы, что в Атлантическом океане всякая помощь с их стороны, вроде описанной выше, не поставит под угрозу американского господства в Тихом океане.

г) Затем, нам потребуется содействие Соединенных Штатов и все влияние их правительства, чтобы добиться получения баз, нужных для наших морских сил, на южном и западном берегах Ирландии, и, еще важнее, — баз для наших самолетов, действующих в Атлантическом океане, в западном направлении. Если будет объявлено, что продолжение сопротивления Великобритании — в интересах Соединенных Штатов, и что путь через Атлантический океан должен оставаться открытым для потока вооружений, подготавливаемых для Великобритании в Северной Америке, ирландцы, живущие в Соединенных Штатах, могут пожелать указать правительству Ирландии на те опасности, которые угрожают Соединенным Штатам в результате его политики в настоящее время.

Правительство Его Величества, само собой разумеется, примет все нужные меры, чтобы заранее обеспечить оборону Ирландии, если действия ирландского правительства приведут к германской атаке на него. Нет никакой возможности заставить народ Северной Ирландии, против его желания, покинуть Соединенное Королевство и присоединиться к Южной Ирландии. Но я не сомневаюсь, что если ирландское правительство проявит солидарность в деле демократий англо-саксонского мира в нынешнем мировом кризисе, будет вполне возможно создание Всеирландского совета обороны, результатом деятельности которого, после окончания войны, может быть объединение острова, в той или иной форме.

13. Целью описанных выше мер является уменьшение до приемлемых пропорций ныне невыносимых потерь на море. Кроме того, крайне необходимо, чтобы торговый тоннаж для снабжения Великобритании и для продолжения энергичных военных операций, был бы значительно увеличен, — сверх того миллиона-с-четвертью тонн, которые мы сейчас в состоянии строить ежегодно. Система конвоев, зигзаги и обходы, громадные расстояния, на которые нам приходится все перевозить, и заторы в наших западных портах, сокращают эффективность нашего нынешнего тоннажа примерно на одну треть. Для обеспечения окончательной победы потребуется не менее чем три миллиона тонн грузовых пароходов, и только Соединенные Штаты могут выставить это. Заглядывая в будущее, можно полагать, что судостроительство в масштабах плана «острова Хога» прошлой войны, будет нашей программой в 1942 году. Тем временем, мы будем просить Соединенные Штаты предоставить нам все грузовые пароходы, без которых они могут обойтись, и которые находятся либо под их контролем, либо являются их собственностью, а также найти возможности для передачи в наше распоряжение пароходов, строящихся сейчас по заказам Национального управления судоходства.

14. Более того, мы рассчитываем на промышленную мощь Вашей республики, чтобы при ее помощи дополнить нашу программу производства боевых самолетов. Без этого дополнения мы не достигнем того массивного превосходства в воздухе, на которое мы должны рассчитывать в борьбе за освобождение Европы от немецких тисков. В настоящее время мы осуществляем программу, рассчитанную на доведение нашей мощи до семи тысяч самолетов первой линии к весне 1942 года. Но уже теперь ясно, что выполнение этой программы окажется недостаточным для того, чтобы дать в наши руки то превосходство, которое нам будет нужно для окончательной победы. Для того, чтобы достичь его, нам потребуется столько самолетов, сколько величайшая американская авиаиндустрия сможет нам дать. Мы не теряем надежды, что несмотря на непрекращающиеся бомбардировки, мы сможем выполнить большую часть нашего плана авиастроительства. Но даже с поступлением в ряды нашей авиации тех самолетов, которые согласно нынешним договорам планируются для нас в Соединенных Штатах, мы не можем надеяться достичь нужного превосходства. Поэтому, я прошу Вас серьезно рас-

смотреть новый немедленный заказ, за наш общий счет, еще двух тысяч боевых самолетов в месяц. Желательно, чтобы большинство их были тяжелые бомбардировщики, оружие, от которого мы зависим более всего, в расшатывании германской военной мощи. Я отдаю себе отчет, какая это огромная задача для промышленной организации Соединенных Штатов. И все же, в нашей тяжелой нужде, мы с доверием обращаемся к самым изобретательным и искусным инженерам мира. Мы просим до крайности напрячь усилия, в надежде, что они могут быть сделаны.

15. Вы также получили сведения о нуждах наших армий. В области амуниции, несмотря на вражеские бомбардировки, мы делаем постоянные успехи. Без вашей продолжающейся помощи в снабжении оборудованием и инструментами, без передачи нам некоторых ваших запасов, мы в 1941 году не в состоянии снарядить пятьдесят дивизий. Я признателен за уже практически осуществленные мероприятия по выполнению плана экипировки нашей армии, и за оружие американского типа для дополнительных 10 дивизий, которое придет во время для кампании 1942 года. Но когда станет спадать волна диктатуры, многие из стран, в стремлении снова обрести свою свободу, будут просить оружие, и они не смогут получить его нигде, помимо американских заводов. Поэтому, я должен просить принять меры к предельному расширению американской производственной мощи в области ручного оружия, артиллерии и танков.

16. Я готовлюсь представить Вам заявку в полном объеме на всякого рода снаряжение, которое мы будем просить Вас нам дать; относительно большей его части мы, разумеется, уже договорились. Была бы достигнута существенная экономия во времени и усилиях, если бы типы оружия, избираемые для вооруженных сил Соединенных Штатов, где только возможно, соответствовали бы тем, которые доказали свою эффективность в военных условиях. Таким образом будет достигнута взаимозаменяемость, и, тем самым, увеличатся бы наши общие запасы оружия и амуниции. Однако это такая специальная сфера, что я не хочу слишком в нее вдаваться.

17. И, наконец, я подхожу к вопросу о финансировании. Чем больше и быстрее будет поток судов и снаряжения, который Вы сможете нам направить, тем скорее истощится наш долларовый кредит. Как Вы знаете, этот кредит и без

того уже сильно истощен произведенными до сего времени платежами. Как Вы также знаете, заказы, уже размещенные, или по поводу которых уже достигнуто соглашение, включая сюда расходы по строительству заводов вооружения в Соединенных Штатах, во много раз превосходят ресурсы, имеющиеся сейчас в распоряжении Англии. Подходит момент, когда мы не в состоянии будем больше платить наличными за транспортные суда и все остальное. В то время, как мы делаем все от нас зависящее, и не остаемся ни перед какими жертвами, чтобы платить за все закупки, я надеюсь, что Вы согласитесь, что было бы в принципе ошибочно, и по существу противно нашим общим интересам, если в кульминационный момент этой борьбы Великобритания оказалась бы лишенной всего своего ликвидного актива, и после оплаченной кровью победы и спасения цивилизации, выиграв время для полного вооружения Соединенных Штатов, осталась бы совершенно лишенной золотого запаса и валюты. Подобный подход не соответствует ни нравственным понятиям, ни экономическим интересам наших стран. Было бы несправедливо, если бы после окончания войны выяснилось, что мы не в состоянии импортировать из Соединенных Штатов что-либо сверх того, что может быть оплачено нашим экспортом в Америку, ограниченным вашими тарифами и условиями промышленной экономики. И было бы также несправедливо, если мы, здесь в Великобритании, будем вынуждены переносить тяжелые лишения: ведь сокращение экспортных возможностей Америки вызовет и там широкую волну безработицы.

18. Более того, я не хочу верить, что народ и правительство Соединенных Штатов сочтут соответствующим тем принципам, которые руководят ими, ограничить свою помощь — столь щедро нам обещанную — только тем вооружением и материалами, за которые мы можем немедленно заплатить. Вы можете быть уверены, что мы докажем свою готовность страдать и приносить жертвы во имя нашего святого дела, и что мы гордимся своей борьбой. Остальное, с полным доверием, мы оставляем на Ваше усмотрение и усмотрение Вашего народа, в уверенности, что будут найдены нужные средства нам помочь, которыми будут восхищаться и которые одобряют будущие поколения по обе стороны Атлантического океана.

19. Если, как я надеюсь, Вы убеждены, что поражение нацистской и фашистской тирании является делом огром-

ного значения для народов Соединенных Штатов и Западного полушария, Вы отнесетесь к этому письму не как к призыву о помощи, но как к декларации о тех минимальных мероприятиях, которые необходимо предпринять для достижения нашей общей цели.

К этому письму была добавлена таблица, показывающая потери в британском, союзном и нейтральном тоннаже в указанные месяцы.

Письмо это, бывшее одним из самых важных, которые я когда-либо писал, достигло нашего доброго друга, когда он находился в морской поездке на борту американского военного корабля «Тускалуза», в Карибском море. Около него были только его интимные друзья. Гарри Гопкинс, тогда еще мне неизвестный, позднее мне рассказал, что Рузвельт читал и перечитывал это письмо, сидя в одиночестве в своем шезлонге на палубе, и что по крайней мере в течение двух дней, он, повидимому, не мог придти к какому-либо заключению. Он был погружен в глубокое раздумье, размышляя в одиночестве.

Из всего этого родилось замечательное решение. Он был президентом, знавшим, чего он хочет. Проблемой его было, как привлечь на свою сторону страну, как убедить Конгресс последовать за ним. Согласно Штеттиниусу, еще поздним летом, президент высказал мысль на заседании Совещательной оборонной комиссии по морским перевозкам, что «для англичан нет нужды тратить свои деньги, заказывая новые суда в Соединенных Штатах, или брать их у нас взаймы для этой цели. Нет никаких оснований, почему мы не могли бы брать оконченное судно и сдавать его англичанам в аренду на нужный промежуток времени». Повидимому, эта идея родилась в министерстве финансов, юрисконсультов которого, особенно Оскара Кокса из Мэйна, министр Моргентау побуждал найти решение вопроса. Выяснилось, что согласно Статуту 1892 года,

военный министр, «если найдет это нужным в интересах народа», имеет право сдать в аренду военное имущество, не нужное для армии, на срок не более пяти лет. Для подобной сдачи в аренду (Lease) различных предметов армейского имущества, было несколько прецедентов.

Таким образом, слово «лиз» и идея приложения принципа аренды к задаче разрешения британских нужд, были на уме у президента Рузвельта уже в течение некоторого времени, как своего рода альтернатива бесконечного кредитования, размеры которого очень скоро превзошли бы все наши возможности уплаты. Теперь всё это внезапно пришло в действие и был провозглашен славный принцип «ленд-лиза».

Президент вернулся из поездки по Карибскому морю 16 декабря, и обрисовал свой план на следующий же день, на пресс-конференции. Он прибег к простой иллюстрации. «Предположим, что загорелся дом моего соседа, а у меня имеется длинный пожарный шланг. Если он возьмет у меня шланг и присоединит его к своему пожарному крану, я тем самым помогу ему затушить огонь. Что же я делаю? Я не говорю ему: «Сосед, мне этот шланг стоит пятнадцать долларов, и ты должен их теперь заплатить». Вовсе нет! Что делается в таких случаях? Мне не нужно пятнадцати долларов, мне нужен назад мой шланг, после того, как пожар будет потушен». И далее: «В уме огромного большинства американцев нет никакого сомнения, что успех Великобритании в нынешней самозащите, является лучшей обороной Соединенных Штатов; и что, поэтому, совершенно независимо от нашего общего исторического интереса в спасении демократии в мире в целом, даже с точки зрения чисто эгоистической, с точки зрения интересов американской обороны, необходимо, чтобы было сделано все возможное для оказания помощи Британской империи в

нынешней борьбе». И, наконец: «Я стараюсь подняться выше долларовых расчетов».

На этой основе был немедленно подготовлен и представлен Конгрессу закон о ленд-лизе. Позднее я описал это парламенту, как «самый бескорыстный акт в истории всех стран». Как только он был принят Конгрессом, все положение изменилось. Мы получили возможность составлять широкие и далеко идущие планы для удовлетворения всех наших потребностей. Не было никаких условий платежей, не было даже какого-то формального счета в долларах или в фунтах стерлингов. То, что мы получали, давалось нам в пользование, потому что наше продолжающееся сопротивление гитлеровской тирании было признано жизненно важным для Великой Республики. Согласно заявлению президента Рузвельта, в дальнейшем только интересы обороны Соединенных Штатов, а отнюдь не наличие долларов, должны были определять, куда посылается американское оружие.

**
*

Именно в этот момент, самый важный за всю его карьеру, Филипп Лотиан покинул нас. Вскоре после своего возвращения в Вашингтон, он внезапно и тяжело заболел. Он продолжал работать до самого конца. 12 декабря, озаренный успехом своей миссии, он умер. Это была большая потеря и для нации, и для общего дела. Его оплакивали многочисленные друзья по обе стороны океана. Для меня, бывшего столь близко к нему всего две недели тому назад, это было большим личным ударом. Я почтил его память в Палате общин, единодушной в своем уважении к его трудам и его памяти.

**
*

Теперь мне надо было немедленно заняться подысканием ему заместителя. Было очевидно, что наши отношения с Соединенными Штатами в то время требовали в качестве посла выдающейся фигуры и настоящего государственного мужа, осведомленного обо всех аспектах мировой политики. Получив заранее заверение от президента, что мой выбор будет принят, я попросил занять это место Ллойд Джорджа. Он не чувствовал себя в состоянии принять в июле министерский пост, и положение его в британской политике сложилось не особенно счастливо. Его взгляды на войну и на события, к ней приведшие, отличались от моих. Однако, не могло быть никаких сомнений, что он был одним из самых выдающихся наших сограждан, и что его несравненные способности и опыт будут отданы достижению успеха его миссии. У меня произошел с ним один продолжительный разговор в кабинете, и другой, — за завтраком на следующий день. Он был искренне обрадован приглашению. «Я скажу своим друзьям, — сказал он, — что премьер-министр сделал мне благородное предложение». Он был уверен, что в возрасте семидесяти семи лет ему не следует браться за столь ответственную задачу. В результате моих длинных разговоров с ним я почувствовал, что он постарел даже за месяцы, прошедшие с того времени, как я просил его вступить в Военный Кабинет, и с сожалением, но также с убеждением, что я поступаю правильно, я отказался от своего плана.

**
*

Затем я обратился к лорду Галифаксу, престиж которого в консервативной партии, усиленный его пребыванием в министерстве иностранных дел, стоял высоко. Назначение послом секретаря по иностранным

делам означает особую важность миссии. К Галифаксу относились с уважением повсюду, и в то же время, его деятельность в годы, предшествовавшие войне, и общий ход событий, сделали его объектом враждебности со стороны лейбористской части нашей национальной коалиции. Я знал, что он сам отдавал себе в этом отчет.

Когда я сделал ему это предложение, — не представлявшее собой продвижения в смысле карьеры, он удовлетворился тем, что просто и с достоинством заявил о своей готовности служить там, где он может быть наиболее полезен. Чтобы еще более подчеркнуть всю важность его обязанностей, я устроил так, что каждый раз, когда он будет приезжать в отпуск домой, он будет возвращаться к своим обязанностям члена Военного Кабинета. Это соглашение не вызвало никаких осложнений, благодаря высоким личным качествам и опыту заинтересованных лиц, и на протяжении шести лет после того, как под правительством национальной коалиции, так и под лейбористско-социалистическим, Галифакс оставался на посту посла в Соединенных Штатах, действуя с выдающимся и всё возрастающим успехом.

Президент Рузвельт, Холл и другие высокопоставленные лица в Вашингтоне были совершенно удовлетворены выбором лорда Галифакса. Для меня было очевидно, что президент несравненно более рад был моему второму выбору. Назначение нового посла было встречено с заметным одобрением и в Америке, и в Англии, и было оценено, как вполне соответствующее важности поста в Вашингтоне.

**
**

У меня не было никаких сомнений по поводу того, кто должен занять освободившееся место в министерстве иностранных дел. Во всех больших и труд-

ных делах последних четырех лет, как это видно из настоящей книги, я действовал в тесной согласии с Антони Иденом. Я уже описал мое беспокойство и мои переживания, когда он разошелся с Чемберленом весной 1938 года. Вместе мы воздержались от голосования в Палате по поводу Мюнхена. Вместе в тот злополучный год мы сопротивлялись нажиму со стороны партии в наших избирательных участках. Мы были едины в мыслях и чувствах, когда вспыхнула война, и позднее, как коллеги, в ее развитии. Большая часть общественной деятельности Идена была посвящена изучению международных проблем. Он блестяще управлял министерством иностранных дел, и вышел в отставку, всего лишь сорока двух лет от роду, по причинам, которые сейчас, задним числом, оправдывались всеми партиями страны. В течение этого ужасного года он отлично играл роль государственного секретаря по военным делам, и то, как он управлял делами армии, весьма нас сблизило. Мы мыслили одинаково, даже не советуясь были согласны друг с другом в очень многих практических делах, по мере того, как они определялись изо дня на день. Я надеялся на гармоничное сотрудничество между премьер-министром и министром иностранных дел, и эта надежда, несомненно, исполнилась за четыре с половиной года войны и политики, которые в тот момент нам еще предстояло пройти вместе. Идену было жаль покинуть военное министерство, где он был поглощен интенсивной и интересной работой, но он вернулся в министерство иностранных дел, как человек, возвращающийся в родной дом.

**

Место Идена в качестве государственного секретаря по военным делам было заполнено назначением королем, по моему представлению, капитана Маргес-

сона, бывшего до того времени главным парламентским организатором Национального правительства. Назначение это вызвало некоторые враждебные отклики. В своем прежнем положении он находился в Палате общин, почти десять лет, где на его обязанности было собирать депутатов и следить за тем, чтобы при голосовании присутствовало достаточно внушительное число членов консервативного большинства, столь долго поддерживавшего правительство Болдвина и Чемберлена. В качестве ведущей фигуры среди консервативных депутатов, разошедшихся с правительственным большинством из-за Билля об Индии, я имел с ним ряд горячих схваток. В продолжение тех одиннадцати лет, что я был вне правительства, мои встречи с ним были редки и, в общем, враждебны. Однако, я составил себе впечатление о нем, как о человеке больших способностей, служившем верой и правдой, где бы это ни было, и обращающемся со своими оппонентами строго беспристрастно. Такого же мнения были парламентские организаторы Лейбористской и Либеральной партий, и такая репутация была, естественно, необходимой для успешного исполнения его обязанностей. Когда я стал премьер-министром, ожидалось, что я подыщу кого-нибудь другого на эту должность, но я был совершенно уверен, что Дэвид Маргессон будет мне служить столь же верно и искусно, как и моим предшественникам, и в этом мне никогда не пришлось разочароваться. Он служил в армии в Первую мировую войну, и прошел через ее трудные периоды в качестве полкового офицера, заслужив Военный крест. У него было, таким образом, солидное воинское прошлое, равно как и совершенное знание Палаты общин.

На место Маргессона я назначил капитана Джемса Стюарта, с которым у меня было много разногласий, но которого я очень уважал.

**
*

Промежуток времени между ноябрем 1940 года и принятием Закона о ленд-лизе в марте 1941 года, был отмечен острым недостатком в долларах. Наши друзья старались отыскать все возможные уловки. Американское правительство купило у нас несколько военных заводов, построенных им же, по нашим заказам в Соединенных Штатах. Заводы эти были переданы военному ведомству, но нам было позволено полностью их использовать. Военное министерство размещало заказы на амуницию, в которой у него не было потребности, так что по выполнении этих заказов они могли быть переданы нам. С другой стороны, было сделано несколько шагов, казавшихся нам жестокими. Президент послал в Кэптаун военный корабль, чтобы забрать все собранное там золото. Крупнейшее британское предприятие в Америке было нами продано, по требованию американского правительства, за сравнительно низкую цену, и затем перепродано на рынке за сумму, значительно большую полученной нами. Я чувствовал, что эти шаги делаются для того, чтобы подчеркнуть трудности нашего положения и вызвать возмущение против противников ленд-лиза. Однако, так или иначе, но мы вышли из положения.

30 декабря президент выступил по радио с «беседой по душам», призывая своих сограждан выступить на поддержку его политики.

«Впереди маячит угроза, угроза, к которой мы должны подготовиться. Мы слишком хорошо знаем, что нельзя избежать опасности, забираясь в постель и натягивая на голову одеяло... Если Великобритания погибнет, мы в Америке все окажемся перед дулом пистолета, заряженного разрывными пулями, экономическими и военными. Мы должны со всей энергией

и находчивостью, которыми только располагаем, увеличить производство вооружения и судостроения... Мы должны стать великим арсеналом демократии».

«Бывший моряк — президенту Рузвельту.

31 декабря 1940 г.

Мы глубоко благодарны за все сказанное Вами вчера. Мы особенно приветствуем Ваши предварительные планы оказания нам помощи, без которой гитлеризм не может быть искоренен в Европе и Азии. Нам не трудно догадаться, почему Вы не могли указать с большей точностью, каким именно путем Ваши предложения будут претворены в жизнь. Тем не менее, некоторые вещи меня беспокоят.

Первое, посылка военного корабля в Кэптаун для того, чтобы забрать находящееся там золото, может вызвать нежелательные эффекты. Почти наверняка это станет известным. Это обеспокоит британское общественное мнение во всей империи, и придаст бодрости врагу, который объявит, что вы забираете наши последние резервы. Если Вы считаете, что это — единственный возможный образ действия, в Кэптаун будут даны указания — погрузить золото на корабль. Но если только можно, этого надо избежать. Нельзя ли было бы, например, простой технической операцией заменить золото в Южной Африке на золото, предназначенное для других в Оттаве, и передать последнее для отправки в Нью Йорк? Это надо знать скоро, так как корабль уже находится в пути.

Следующая причина моего беспокойства — это незнание, сколько времени Конгресс будет дебатировать Ваши предложения, и как мы сможем размещать заказы на вооружения и оплачивать их, в случае если дебаты затянутся. Помните, нам неизвестно, что у Вас на уме и что именно собираются предпринять Соединенные Штаты, — тогда как мы сражаемся за наше существование. Какое впечатление произведет на весь мир положение, если мы просрочим наши платежи американским предприятиям, которым, в свою очередь, надо выплачивать жалованье рабочим? Не будет ли это использовано противником, как иллюстрация полного разрыва в англо-американском сотрудничестве? И тем не менее, оттяжка на несколько недель может поставить нас именно в такое положение.

В-третьих, помимо промежуточного периода, встает целый ряд проблем о масштабах Вашего плана, уже после

одобрения его Конгрессом. Что будет сделано в отношении огромных платежей, которые должны быть сделаны, согласно существующим договорам, еще до сдачи продукции? Значительные авансы по этим заказам уже истощили наши ресурсы. У нас продолжается нужда в различных американских товарах — не военного характера — например, в сырье и нефти. Канада и другие доминионы, Греция и правительства в изгнании, испытывают острую нужду в долларах для поддержания своих военных операций. Я не пытаюсь требовать у Вас сейчас ответа на все эти вопросы. Мы будем готовы, со своей стороны, представить Вам откровенно положение с нашими ресурсами и нашими обязательствами, и не будем просить большей помощи, чем то, что требуется в интересах общего дела. Мы, естественно, хотим быть уверенными, что полномочия, которыми Вы полагаете вооружиться, будут достаточно широкими, чтобы разрешить эти более обширные проблемы, — конечно, после предварительного их изучения.

Сэр Фредерик Филлипс обсуждает эти дела с Моргантау, и он объяснит военные обязательства, которые у нас имеются во многих частях света, и для выполнения которых мы не можем просить вашей прямой помощи, но для которых и золото и доллары, тем не менее, необходимы. Это также относится к голландскому и бельгийскому золоту, которое мы можем оказаться обязанными в какой-то момент вернуть их владельцам.

Вчера вечером была подожжена большая часть лондонского Сити, и сцены разрушений, как здесь, так и в наших провинциальных городах, способны потрясти каждого. Но когда я посетил сегодня еще догорающие развалины, я убедился, что дух лондонцев так же не сломлен, как и в первые дни беспорядочных сентябрьских бомбежек, четыре месяца назад.

Благодарю Вас за обращенную ко всему миру декларацию, что будущая безопасность и величие Американского Союза теснейшим образом связаны с сохранением и укреплением этого непобедимого духа.

Со всеми моими сердечными пожеланиями Вам в Новом году, который у нас начинается надвигающимся ураганом.

ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ

Гитлеру не удалось ни подавить, ни завоевать Англию. Было очевидно, что остров будет сопротивляться до конца. Движение немецких армий через Ламанш было немыслимо без предварительного завоевания господства в воздухе и на море. Наступление зимы с ее бурями меняло всю картину. Попытка немцев терроризировать английский народ или разрушить британскую силу воли и способность вести войну, оказалась безуспешной, и «блиц» становился дорогостоящим предприятием. Были неизбежны повторные откладывания операции «Морской лев», и с каждой неделей рост, интенсивная подготовка и снаряжение британских армий на острове вызывали необходимость в пересмотре «Морского льва» в сторону расширения операции, во все усложняющихся условиях транспорта. К апрелю или маю 1941 года даже армии в 750.000 человек, со всем ее снаряжением, было бы уже недостаточно. Какие были возможности обеспечить её судами, баржами и специальными десантными приспособлениями, для столь сравнительно далекой экспедиции через море? Как можно было сосредоточить всю эту флотилию в обстановке все возрастающей мощи британской авиации? Тем временем, авиация эта, снабжаемая усиленным темпом работающими заводами Англии и Соединенных Штатов и внушительными выпусками лётных школ в доминионах, главным образом в Канаде, при-

мерно через год могла рассчитывать превзойти немцев численно, так же как она уже превосходила их качественно. И следует ли удивляться, что Гитлер, убедившись, что надежды и хвастовство Геринга лопнули, решил обратить свои взоры к востоку? Подобно Наполеону в 1804 году, он надумал отложить штурм нашего Острова по крайней мере до устранения угрозы на востоке. Он чувствовал, что прежде чем идти ва-банк в деле вторжения в Англию, необходимо любой ценой нейтрализовать Россию. Подчиняясь тем же силам и тому же ходу мысли, что и Наполеон, когда тот двинул свою Великую армию из Бретани на Ульм, Аустерлиц и Фридланд, Гитлер на время отказался от своего желания разгромить Великобританию. Это должно было стать последним актом драмы.

Нет никаких сомнений, что он пришел к этому решению уже к концу сентября 1940 года. Начиная с того времени, воздушные налеты на Англию, хотя все еще проводившиеся нередко в больших масштабах из-за общего увеличения в числе самолетов, отошли на второе место в мыслях Гитлера и в немецких планах. Эти налеты продолжались скорее для отвлечения всеобщего внимания от других проектов Фюрера; он уже не рассчитывал на них, как на путь к решающей победе. На восток! По чисто военным соображениям, я лично не возражал бы против немецкой попытки вторжения в Англию весной или летом 1941 года. Я считал, что враг понесет самое ужасающее поражение, которое когда-либо пришлось выдержать какой-либо стране, в специфической военной операции. Но по той же самой причине я и не ожидал этой попытки. В войне противник редко делает то, против чего вы бы не возражали. И все же, ведя эту долгую борьбу, когда время казалось работало на нас, и когда за год или два мы могли обрести могущественных союзников, я благодарил Бога, что он спас наш народ от этого страш-

ного испытания. Как это будет видно из моих писаний того времени, я никогда серьезно не считался с возможностью немецкого вторжения в Англию в 1941 году. К концу 1941 года, положение изменилось радикально; мы уже не были одни, — с нами были три четверти мира. Но тот памятный год был отмечен событиями огромного значения, оценить которые заранее было невозможно.

В то время малоосведомленным жителям Европы и внешнего мира вообще наше положение казалось отчаянным, или, в лучшем случае, критическим; отношения же между нацистской Германией и Советской Россией выдвинулись на первое место. Глубокий антагонизм между этими двумя странами с деспотическими режимами начал снова сказываться, как только стало очевидно, что Великобританию нельзя будет сшибить одним ударом, как Францию или Голландию. Надо отдать Сталину справедливость: он делал все возможное, чтобы лойяльно и дружески сотрудничать с Гитлером, в то же самое время собирая всю возможную силу на неизмеримых просторах России. И он, и Молотов аккуратно посылали Гитлеру поздравления по поводу каждой из германских побед. Они снабжали Германию огромным количеством продовольствия и основного сырья. Коммунистическая «пятая колонна» делала все от нее зависящее, чтобы мешать работе наших заводов и фабрик. Их радио передавало о нас оскорбительные и клеветнические сообщения. Они были готовы в любой момент окончательно договориться с нацистской Германией по поводу многочисленных еще не решенных важных вопросов, и отнестись с полным благодушием к окончательному разгрому Великобритании. Но всё время они считались с возможностью, что политика эта себя не оправдывает. Всеми средствами они старались выиграть время, и не имели никакого желания ориентировать русские планы и интересы иск-

лючительно на германскую победу. Две величайших тоталитарных империи, в равной степени лишенные сдерживающих нравственных принципов, стояли лицом к лицу, вежливые, но безжалостные.

Конечно, между ними были разногласия относительно Финляндии и Румынии. Советские вожди были потрясены падением Франции и развалом «второго фронта», о котором они скоро начнут взывать. Они не ожидали столь внезапного крушения, уверенно рассчитывая на затяжную фазу взаимного истощения на Западном фронте. И теперь Западного фронта больше не было! Все же, им казалось, что глупо было бы пытаться вносить серьезные перемены в их сотрудничество с Германией, пока не станет ясным, сдастся или окажется раздавленной в 1940 году Великобритания. По мере того, как Кремлю становилось очевидным, что Англия оказывается способной к ведению затяжной войны без определенных результатов, и что с течением времени всякое может случиться и с Соединенными Штатами, и с Японией, Сталин стал отдавать себе отчет в опасности своей позиции, и еще более энергично стараться выиграть время. И тем не менее, как мы увидим дальше, остается непостижимым то, какими огромными преимуществами он жертвовал, и на какой риск шел, стараясь сохранить дружеские отношения с нацистской Германией. Еще более поразительны просчеты и невежество, проявленные им в то время. С сентября 1940 года, вплоть до начала гитлеровского вторжения в июне 1941 года, он оставался бессердечным, ловким и плохо осведомленным гигантом.

**
*

После этого вступления мы можем перейти к эпизоду с посещением Молотовым Берлина 12 ноября 1940 года. Большевистскому посланцу, в сердце наци-

стской Германии, были оказаны все возможные почести и церемонии. В течение последовавших двух дней между Молотовым, Риббентропом и Гитлером происходили длинные и напряженные переговоры. Все существенные факты об этих удивительных переговорах и встречах были опубликованы в сборнике документов, захваченных после войны, изданном Государственным департаментом в Вашингтоне, под заглавием «Нацистско-советские отношения, 1939-1941». Некоторые из этих документов необходимо привести здесь для нашего рассказа и понимания всего происшедшего.

Первая встреча Молотова была с Риббентропом.

12 ноября 1940 г.*)

«Министр иностранных дел Райха заметил, что в письме к Сталину он уже выразил твердое убеждение Германии, что никакая сила в мире не в состоянии изменить того факта, что наступает начало конца для всей Британской империи. Англия уже разбита, и признание ею этого — только вопрос времени. Не исключено, что это произойдет скоро, ибо положение в Англии становится безнадежнее с каждым днем. Конечно, Германия приветствовала бы раннее окончание этого конфликта, ибо ни при каких обстоятельствах она не хочет зря жертвовать человеческими жизнями. Если, однако, англичане в ближайшем будущем не надумают признать свое поражение, они, несомненно, запросят мира в наступающем году. Германия будет продолжать бомбить Англию денно и нощно. Постепенно, ее подводные лодки будут полностью направлены против Великобритании, нанося ей ужасающие потери. Германия придерживается мнения, что эти атаки могут вынудить Англию к прекращению борьбы. В Великобритании уже определенно заметно беспокойство, которое как будто указывает на подобное разрешение вопроса. Если, однако, нынешние формы и размах атак не вынудят Англию стать на колени, Германия, как только позволит погода, предпримет решительное всеобщее наступление, которым и раздавит Англию. До сего времени такое наступление задерживалось лишь ненормальными атмосферными условиями...

*) Эти цитаты из немецкого отчета. Прим. переводчика.

Любая попытка высадки и военных операций на европейском континенте со стороны Англии, даже поддержанная Америкой, обречена с самого начала. Это не представляет собой для нас никакой военной проблемы. Этого англичане до сих пор не поняли, потому что в Англии повидимому имела место определенная растерянность, и потому что страной руководит политический и военный дилетант по фамилии Черчилль, который во время всей предыдущей своей карьеры обнаружил полнейшую неспособность справляться с положением в решающие моменты и который остается столь же неспособным и на сей раз.

Далее, державы Оси являются, и в политическом и в военном отношении, полными хозяевами положения в своей части Европы. Даже Франция, проигравшая войну и вынужденная за нее расплачиваться (об этом, между прочим, французам было известно заранее), признала тот принцип, что в будущем она никогда не станет поддерживать ни Англии, ни этого дон-кихота Де Голля, африканского завоевателя. Исключительная прочность их позиции ставит перед державами Оси не вопрос о том, как им выиграть войну, но как скоро они могут закончить войну, уже выигранную».

После завтрака советский посланник был принят Фюрером, который опять стал подробно распространяться на тему об окончательном поражении Великобритании. Война, сказал он, привела к осложнениям, которых Германия не искала, но которые вынуждают ее, время от времени употреблять военную силу для разрешения некоторых вопросов.

«Затем Фюрер обрисовал Молотову ход военных операций до сегодняшнего дня, операций, имевших тот результат, что у Англии на континенте не осталось никаких союзников... Попытки англичан прибегнуть к ответным ударам смехотворны, и наши русские гости могут убедиться своими глазами, чего стоят сказки о разрушениях в Берлине. Как только улучшатся атмосферные условия, Германия подготавливается к величайшему и последнему удару по Англии. Однако, в настоящее время, ее целью является не только

военная подготовка к этой последней схватке, но и выяснение некоторых политических проблем, которые приобретут значение во время и после развязки. Поэтому, Фюрер рассмотрел еще раз проблему отношений с Россией, и не в отрицательном духе, а с целью организовать их в положительном плане, если возможно — на длительный период времени. В процессе этого он пришел к следующим заключениям:

1. Германия не интересуется военной помощью со стороны России.

2. По причине грандиозного распространения войны, Германия была вынуждена, противостоя Англии, проникнуть в отдаленные территории, в которых у нее нет ни политической, ни экономической заинтересованности.

3. Тем не менее имеются определенные потребности, полное значение которых выяснилось лишь во время войны, и являющиеся теперь крайне важными для Германии. В числе их находятся известные источники сырья, которые Германия считает крайне существенными и совершенно незаменимыми».

**
*

Со всем этим Молотов согласился, ничем себя однако не связывая.

«Молотов спросил о Пакте Трех держав (подписанном 27 сентября 1940 года между Германией, Италией и Японией). В чем смысл Нового порядка в Европе и Азии, и какая роль предназначается в нем для Советского Союза? Эти проблемы должны быть обсуждены во время берлинских переговоров и во время предполагаемого визита министра иностранных дел Райха в Москву, на который русские твердо рассчитывают. Помимо этого, необходимо выяснить вопросы, связанные с интересами России на Балканах и в зоне Черного моря, в Болгарии, Румынии и Турции. Для русского правительства было бы легче дать конкретные ответы на вопросы, поднятые Фюрером, если бы оно могло получить просимые разъяснения. Советский Союз был бы заинтересован в информации о Новом порядке в Европе, и особенно о темпах и формах Нового порядка. Он также хотел бы получить представление о границах так называемой Великой Восточноазиатской сферы.

Фюрер ответил, что целью Пакта Трех держав является привести в соответствие условия в Европе с естественными интересами европейских стран, и поэтому Германия хотела бы знать пожелания Советского Союза по части сфер влияния, в которых он заинтересован. Ни при каких условиях решения в этом отношении не будут приниматься без участия Советского Союза. Это относится не только к Европе, но также и к Азии, где Россия сама должна принять участие в определении Великой восточноазиатской сферы, и указать свои претензии там. В данном случае, за Германией остается роль посредника. Ни при каких обстоятельствах Россия не будет поставлена перед свершившимся фактом.

Когда Фюрер поставил перед собой задачу создать упомянутую выше коалицию держав, труднейшим препятствием на этом пути были не отношения между Германией и Россией, а вопрос возможности сотрудничества между Германией, Францией и Италией. Только теперь он счел возможным войти в контакт с Советской Россией, с целью урегулировать проблемы Черного моря, Балкан и Турции.

В заключение Фюрер подвел итоги, указав, что данные переговоры в большой степени являются первым шагом к полному сотрудничеству, с надлежащим учетом проблем Западной Европы, относительно которых должны договариваться Германия, Италия и Франция, а также проблем Востока, являющихся в значительной мере предметом забот России и Японии, но в разрешении которых Германия предлагает свои услуги в качестве посредника. Необходимо также пресечь все попытки Америки «наживаться на Европе». Дела Европы, Африки и Азии совершенно не касаются Соединенных Штатов.

Молотов выразил свое согласие с заявлением Фюрера относительно роли Америки и Англии. Участие России в Пакте трех держав представляется ему, в принципе, совершенно возможным, при условии, что Россия будет рассматриваться как партнер, а не просто как объект. При этих условиях он не видит никаких препятствий для участия Советского Союза в общей борьбе. Но ведь и значение Пакта сперва необходимо точно сформулировать, особенно по части определения границ Великой восточноазиатской сферы».

И далее, когда совещания возобновились 13 ноя-

«Молотов упомянул об отрезке литовской территории и подчеркнул, что Советское правительство до сего времени не получило от Германии ясного ответа на свой вопрос. Решить его, однако, необходимо. Относительно Буковины он признался, что здесь дело идет о дополнительной территории, не предусмотренной Секретным протоколом. Первоначально Россия ограничила свои требования Северной Буковиной. Однако, в нынешних условиях Германия должна понять русские интересы в Южной Буковине. Но Россия не получила также ответа и на этот вопрос. Вместо того Германия гарантировала всю территорию Румынии, полностью игнорируя русские пожелания в отношении Южной Буковины.

Фюрер ответил, что даже если часть Буковины будет оккупирована Россией, это будет представлять собой значительную уступку со стороны Германии...

Молотов, тем не менее, продолжал настаивать на своем, что желательные России изменения — незначительны...

Фюрер ответил, что если немецко-русскому сотрудничеству суждено привести к положительным результатам в будущем, советскому правительству придется понять, что Германия вовлечена в борьбу не на жизнь, а на смерть, которую она хочет успешно закончить при всех обстоятельствах. ...Обе стороны в принципе согласились, что Финляндия относится к русской сфере влияния. Поэтому, вместо того, чтобы продолжать чисто теоретические дискуссии, они решили, что им лучше обратиться к более важным проблемам.

После завоевания Англии Британская империя будет разделена как обанкротившееся всемирное поместье в сорок миллионов квадратных километров. В этом обанкротившемся поместье для России найдутся отрезки, открывающие выход к незамерзающим морям и действительно открытому океану. До сего времени меньшинство в 45 миллионов англичан управляло шестьюстами миллионами жителей Британской империи. Фюрер скоро разгромит это меньшинство. Даже Соединенные Штаты, по существу, не делают ничего, кроме как выбирают из этого обанкротившегося поместья наиболее лакомые кусочки. Естественно, Германия хотела бы избежать какого-либо конфликта, ко-

торый мог бы отвлечь ее от борьбы против сердца этой Империи, против Британских островов. По этой причине Фюрер недоволен войной Италии против Греции, поскольку она отвлекает на периферию силы, которые следовало бы сконцентрировать в одной точке против Англии. То же самое случилось бы во время Балтийской войны. Война против Англии будет вестись до последнего солдата, и у Фюрера нет никаких сомнений, что разгром Британских островов поведет к развалу Империи. Химерическими являются надежды, что Империю можно сохранить, управляя ею из Канады. В этой обстановке выявляются всемирные перспективы. В течение нескольких следующих недель они будут рассмотрены в совместных дипломатических переговорах с Россией; необходимо организовать участие России в разрешении мировых проблем. Все страны, заинтересованные в обанкротившемся поместье, должны будут прекратить споры между собой и заняться исключительно разделом британских владений. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии.

Молотов ответил, что он с интересом следил за развитием мысли Фюрера и согласен со всем, как он это понял.

**
*

Затем Гитлер отправился спать. После ужина в советском посольстве состоялся британский налет на Берлин. Мы узнали о конференции заранее, и хотя нас не пригласили принять участие в дискуссиях, нам не хотелось остаться полностью в стороне. По сигналу «тревога» все отправились в бомбоубежище, и разговоры между двумя министрами иностранных дел продолжались в более безопасной обстановке. Официальный немецкий отчет продолжает:

«Из-за воздушного налета два министра в 9.40 минут вечера направились в бомбоубежище министра иностранных дел Райха для окончания беседы...

Риббентроп сказал, что еще не наступило время для обсуждения нового порядка вещей в Польше. Проблема Балкан обсуждена уже в деталях. У Германии на Балканах чисто экономические интересы, и она не хочет, чтобы Ан-

гляя ее там беспокоила. Дача Германией гарантий Румынии была, повидимому, неправильно истолкована Москвой... Во всех своих решениях германское правительство руководствовалось исключительно стремлением сохранить мир на Балканах и не допустить Англию закрепиться там и тем самым помешать снабжению Германии. Таким образом, германская политика на Балканах мотивируется исключительно условиями войны против Англии. Как только Англия признает свое поражение и запросит мира, немецкие интересы на Балканах будут ограничены исключительно областью экономики, а германские войска — отозваны из Румынии. Как Фюрер многократно заявлял, у Германии нет никаких территориальных интересов на Балканах. Он может только повторить снова и снова, что решающим вопросом является: желает ли и готов ли Советский Союз сотрудничать с Германией в великом деле ликвидации Британской империи. По всем другим вопросам Германия и Советский Союз без всякого труда достигнут взаимопонимания, если только им удастся укрепить свои взаимоотношения и определить сферы влияния. Где именно разграничиваются сферы влияния, говорилось уже многократно. Поэтому, как это ясно указал Фюрер, в общих интересах Советского Союза и Германии, чтобы партнеры стояли не лицом к лицу, а спина к спине, поддерживая взаимно друг друга в достижении своих планов...

В своем ответе Молотов сказал, что немцы исходят из того, что война против Англии уже выиграна. Поэтому, если, как уже упоминалось в другой связи, Германия ведет борьбу с Англией не на жизнь, а на смерть, он может отсюда заключить, что на долю Германии выпадает — «за жизнь», а на долю Англии — война «на смерть». Что касается вопроса о коллаборации, он вполне на нее согласен, но добавил, что необходимо прийти к полному взаимопониманию. Эта же мысль была выражена в письме Сталина. Необходимо постараться уточнить границы сфер влияния. В этом вопросе, однако, он, Молотов, не может в данный момент высказаться окончательно, не зная мнения Сталина и других друзей в Москве по этому поводу. Однако, ясно, что большие проблемы завтрашнего дня не могут быть отделены от сегодняшних задач и выполнения существующих соглашений...

Вслед за этим господин Молотов сердечно распрощался с министром иностранных дел Райха, подчеркнув, что он не

огорчен воздушной тревогой, в результате которой стал возможным столь исчерпывающий разговор с министром иностранных дел Райха».

**
*

Когда я впервые посетил Москву в августе 1942 года, Сталин мне в кратких чертах рассказал об этой беседе; его рассказ не отличался существенно от официального немецкого отчета, но при желании его можно было считать более содержательным.

«Некоторое время назад, — сказал Сталин, — основной жалобой на Молотова было то, что он слишком большой германofil. Теперь все говорят, что он чересчур большой англофил. Но ни он, ни я, мы никогда не доверяли немцам. Для нас это всегда было прежде всего вопросом жизни и смерти». Я заметил, что мы знаем немцев по опыту и потому понимаем их чувства. «Когда Молотов, — сказал маршал, — в ноябре 1940 года отправился в Берлин повидать Риббентропа, вы пронюхали об этом и устроили воздушный налет». Я кивнул. «Когда прозвучала тревога, Риббентроп повел Молотова в многоэтажный погреб, великолепно обставленный. Когда они вошли, налет начался. Риббентроп захлопнул дверь и сказал Молотову: «Теперь мы здесь вдвоем. Почему бы нам не заняться разделом?» — Молотов возразил: «А что скажет Англия?» — «Англия, — сказал Риббентроп, — кончена. Она больше не является великой державой». — «Если это так, — сказал Молотов, — почему же мы сидим в этом погребе и чьи же это бомбы падают на Берлин?»

**
*

Берлинские переговоры никак не повлияли на твердое решение Гитлера. В течение октября месяца, по его указаниям Кайтель, Йодль и германский генеральный

штаб разрабатывали планы передвижения на восток немецких армий и вторжения в Россию ранним летом 1941 года. В данной стадии не было необходимости устанавливать точные даты, — которые могли изменяться даже в зависимости от погоды. Учитывая расстояния, которые придется пересекать после перехода границы, и необходимость занять Москву до начала зимы, было очевидно, что начало мая было наилучшим временем для начала кампании. Более того, сосредоточение и перегруппировка германской армии вдоль фронта протяженностью в две тысячи миль, протянувшегося от Балтийского до Черного моря, и снабжение всех лагерей, магазинов и железнодорожных складов, сами по себе представляли величайшую из когда-либо решавшихся военных задач, и всякая задержка, как в планировании, так и в действиях, была нетерпима. И над всем нависала необходимость скрывать и маскировать все подготовительные мероприятия.

Для этой цели Гитлером были использованы две формы маскировки, каждая из которых обладала своими собственными преимуществами. Первой были подробные переговоры об общей политике, основанной на разделе Британской империи на Востоке. Второй, — наводнение Румынии, Болгарии и Греции, а по пути — и Венгрии, постоянным потоком войск. Это обещало важные военные преимущества, и в то же время делало понятным увеличение численности германских армий на южном участке будущего фронта против России.

Переговоры приняли форму схематических предложений со стороны Германии о присоединении Советской России к Пакту Трех держав, за счет британских интересов на Востоке. Если бы Сталин принял этот план, события, на некоторое время, могли бы принять иное направление. Оставалась возможность, что Гитлер в любой момент приостановит развитие своих планов по вторжению в Россию. Мы не можем пытаться

описать, что могло бы случиться в результате военного объединения двух величайших империй континента, с их миллионами солдат, ради раздела добычи на Балканах, в Турции, Персии и на Среднем Востоке, с Индией на заднем плане и с Японией в качестве пылкого партнера в «Великой восточноазиатской схеме». Но Гитлер твердо решил уничтожить большевиков, которых он ненавидел смертельной ненавистью. Он полагал, что его сил будет достаточно для осуществления основной задачи его жизни. С этого момента ей будет подчинено всё. Из разговоров в Берлине и из других контактов он должен был знать, что его предложения, пересланные Риббентропом в Москву, никак не могли удовлетворить русских appetitов.

Не датированный проект Пакта Четырех держав был обнаружен среди переписки германского министерства иностранных дел с германским посольством в Москве. Он, повидимому, представлял собой основу для разговора Шуленбурга с Молотовым, о котором доносилось в сообщении от 26 ноября 1940 года. Согласно этому наброску, Германия, Италия и Япония должны были признавать естественные сферы влияния друг друга. Поскольку эти сферы влияния соприкасались, они договаривались постоянно и дружески консультировались друг с другом по поводу всех проблем, возникающих в связи с этим.

Германия, Италия и Япония со своей стороны заявляли, что они признают нынешние владения Советского Союза и обещают относиться к ним с уважением.

Четыре державы обещают не присоединяться и не поддерживать никакой комбинации других держав, если такая комбинация направлена против одной из Четырех держав. Они обещают всеми силами помогать друг другу в экономических делах, и расширят в этом плане существующие между ними договора и соглашения. Срок действия пакта был установлен в 10 лет.

К нему должен был быть приложен Секретный протокол, в котором Германия должна была декларировать, что, помимо пересмотра границ в Европе по заключении мира, ее территориальные притязания сосредоточены в Центральной Африке; Италия заявляла, что, помимо пересмотра границ в Европе, ее территориальные притязания сосредотачиваются в Северной и Северо-восточной Африке; Япония заявляла, что ее территориальные притязания сосредоточены в Восточной Азии, к югу от Островной Японской империи; и Советский Союз заявлял, что его территориальные притязания лежат к югу от границ Советского Союза, в направлении к Индийскому океану.

Все Четыре державы заявляли, что в ожидании разрешения всех специфических вопросов, они будут относиться со взаимным уважением к этим территориальным притязаниям, и не будут мешать их осуществлению.*)

**
*

Как и ожидалось, советское правительство не согласилось на немецкий проект. Оно оставалось в Европе один-на-один с Германией, и Япония, с другого конца мира, оказывала на него сильное давление. Тем не менее, оно было уверено в своей возрастающей мощи,

*) Стоит отметить, что хотя в Берлине и Гитлер и Риббентроп делали ударение на разделе британских территорий, в этом проекте пакта Великобритания не названа, в то время как колониальные владения Франции, Голландии и Бельгии, несомненно, охватываются территориями, подлежащими разделу по Секретному протоколу. И в Берлине, и в московских переговорах Британская империя, хотя и составлявшая основную и наиболее ценную часть добычи, была не единственной жертвой Гитлера. Он имел в виду еще более широкое перераспределение колониальных владений в Африке и Азии тех стран, с которыми Германия находилась в состоянии войны.

в ресурсах своей обширной территории, занимавшей шестую часть всей земной суши. Поэтому, оно упорно торговалось. 26 ноября 1940 года Шуленбург послал в Берлин набросок русских контрпредложений. В нем ставилось условием, что немецкие войска должны быть немедленно выведены из Финляндии, которая, по соглашению 1939 года, входила в советскую сферу влияния; что в ближайшие несколько месяцев интересы Советского Союза в Дарданеллах должны быть обеспечены заключением пакта о взаимной помощи между Советским Союзом и Болгарией, географически входившей в черноморскую зону безопасности СССР и созданием баз для сухопутных и морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл, на основе долгосрочного договора; что зона к югу от Батума и Баку, в общем направлении на Персидский залив, должна быть признана центром притязаний Советского Союза; что Япония должна отказаться от своих прав на угольные и нефтяные концессии в Северном Сахалине.

На этот документ не пришло сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Со стороны Гитлера не было сделано никакой попытки найти компромисс. Столь серьезные проблемы, конечно, оправдывали обстоятельное и длительное их изучение обеими сторонами, в дружеском духе. Советское правительство, несомненно, ожидало ответа. Тем временем, по обе стороны границы, и без того мощные силы стали возрастать, и правая рука Гитлера протянулась к Балканам.

**
*

Планы, подготовленные по инструкциям Фюрера Кайтелем и Йодлем, достигли теперь достаточного развития для того, чтобы 18 декабря 1940 года Гитлер мог выпустить из своей Главной квартиры ставшую исторической Директиву № 21.

«ОПЕРАЦИЯ БАРБАРОССА»

Германские вооруженные силы должны быть готовы разгромить Советскую Россию в молниеносной кампании, еще до окончания войны против Англии.

Для этой цели армия использует все наличие силы, с той оговоркой, что оккупированные территории должны быть гарантированы против внезапных нападений.

Для военно-воздушных сил это будет означать выделение для Восточной кампании и поддержки армии таких сил, чтобы можно было рассчитывать на быстрое окончание наземных операций и на предотвращение сколько-нибудь серьезных разрушений на восточногерманских территориях в результате вражеских воздушных налетов. Это сосредоточение основных усилий на востоке обусловлено, однако, тем, что вся находящаяся под нашим контролем зона боевых операций и производства вооружений должна быть в достаточной мере защищена против вражеских атак, и чтобы наступательные операции против Англии, в частности против ее путей снабжения, не ослаблялись.

Главные силы флота, даже во время восточной кампании, будут безоговорочно направлены против Англии.

Я отдаю приказ о сосредоточении сил против Советской России недель за восемь до намеченного начала операций.

Приготовления, требующие большего времени, начать немедленно — если это до сего времени не сделано — и закончить к 15 мая 1941 года.

Считать, однако, требованием решающей важности, чтобы наше намерение напасть не было бы раскрыто преждевременно.

Приготовления Верховного командования должны быть проведены на следующей основе:

I. ОБЩАЯ ЦЕЛЬ

Масса русской армии в западной России должна быть уничтожена в смелой операции продвижением вперед глубоких бронетанковых клиньев; отступление боеспособных частей вглубь обширной русской территории не должно быть допущено.

В процессе быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русская авиация не сможет более атаковать территорию Райха. Конечной целью операции является установление оборонительной линии против Ази-

атской России, проходящей приблизительно от Волги к Архангельску. Затем, в случае необходимости, последний индустриальный район России — Урал — может быть разрушен силами Люфтваффе.

В ходе этих операций русский балтийский флот быстро лишится своих баз и, таким образом, потеряет возможность вести борьбу.

Эффективное вмешательство русских военно-воздушных сил должно быть предупреждено мощными ударами в самом начале операции.

II. ВОЗМОЖНЫЕ СОЮЗНИКИ И ИХ ЗАДАЧИ

1. На флангах наших операций в войне против Советского Союза мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии.

Верховное командование в надлежащее время согласует и определит, какого рода вооруженные силы этих двух стран переданы под германское командование, а также время их интервенции.

2. Задачей Румынии, вместе с собранными там силами, будет пригвоздить находящегося на ее фронте врага и, кроме того, нести вспомогательную службу в тылу.

3. Финляндия будет прикрывать развертывание германской Северной группы (частей XXI группы), прибывающей из Норвегии, и будет действовать совместно с этой последней. Кроме того, на Финляндию будет возложена задача ликвидации Ханго.

4. Можно рассчитывать на то, что шведские шоссе и железные дороги будут предоставлены для концентрации германской Северной группы, во всяком случае, в начале операции.

III. РУКОВОДСТВО ОПЕРАЦИЯМИ

А. Армия (представленные мне планы настоящим утверждаются):

В зоне операций, разделенных Припятскими болотами на южный и северный сектор, главные усилия должны быть направлены к северу от этого района. Для этого предназначаются две армейские группы.

Южной части этих двух армейских групп — центру всего фронта — будет поставлена задача уничтожения вражеских сил в Белоруссии, путем наступления из района Варшавы, и к северу от него, особенно сильными бронетанко-

выми и моторизованными соединениями... Только исключительно быстрый развал русского сопротивления может оправдать стремление достичь обе цели одновременно...

Армейской группе на участке к югу от Припятских болот надлежит сосредоточить главные усилия из района Люблина в направлении на Киев, с целью быстрого проникновения, при помощи сильных бронетанковых соединений, в глубокий тыл и во фланг русских сил, и затем начать откатывать их вверх по днепровскому берегу.

Германско-румынским группам на правом фланге дается задача:

а) защиты румынской территории и тем самым южного фланга всей операции;

б) удержания противостоящих сил противника, в то время как Южная армейская группа атакует их северный фланг и, в соответствии с развитием положения и в сочетании с авиацией, предупреждения их организованного отхода через Днестр во время их преследования;

и — на севере — быстрое достижение Москвы.

Захват этого города означает решающий политический и экономический успех и, кроме того, ликвидацию важнейшего железнодорожного центра.

Б. Авиация

Задачей авиации будет парализовать и предупреждать, как только это удастся, вмешательство в операции русской авиации, так же как и поддержка в основных точках армии, в особенности Центральной армейской группы и, на фланге, Южной армейской группы. Русские железные дороги, по степени их важности для операций, будут или перерезаться, или парализоваться путем захвата важнейших близлежащих объектов (как речных переправ) смелым использованием парашютных десантов.

Для того, чтобы сосредоточить все силы против вражеской авиации и оказать немедленную поддержку армии, во время главной операции советские заводы по производству вооружений атаковываться не будут. Только по окончании подвижных операций можно будет приступить к рассмотрению подобных налетов — главным образом, против района Урала...

IV. Все приказы, издаваемые Главнокомандующим на основе этой директивы, должны ясно указывать, что они являются мерами предосторожности, на случай если Рос-

сия изменит свое нынешнее к нам отношение. Число офицеров, которым будет поручена подготовительная работа в начальной стадии, должно быть предельно малым; дополнительный персонал должен быть посвящен в события как можно позднее, и только в степени, необходимой для деятельности каждого отдельного человека. В противном случае, обнаружение наших подготовительных мер — дата начала операций еще даже не установлена — угрожает самым серьезным политическим и военным вредом.

У. Я ожидаю докладов Главнокомандующего относительно будущих планов, основанных на этой директиве.

О подготовительных мерах развития всех вооруженных сил и об их прогрессе докладывать мне через Верховное командование.

Адольф Гитлер.

**
*

С этого момента уже ясно обозначаются очертания грандиозных событий 1941 года. Нам, конечно, не было ничего известно о сделке между Германией и Россией из-за раздела нашей Империи и нашей собственной гибели; не могли мы также прощупать еще не определившихся тогда намерений Японии. Главное передвижение германских армий на восток еще не стало явным для нашей деятельной разведочной службы. Можно было только различить проникновение и постепенное накопление сил на территории Румынии и Болгарии. Если бы мы знали то, что рассказано в этой главе, мы бы почувствовали огромное облегчение. Противостоящая нам комбинация Германия-Россия-Япония — была для нас самой страшной. Но кто мог знать? Тем временем, борьба продолжалась...

УГРОЗА НА ОКЕАНАХ

Уничтожение «Графа Шпее» в операции недалеко от устья Рио де ла Плата в декабре 1939 года сразу же оборвало первую германскую кампанию против нашего судоходства на океанских просторах. Как мы уже видели, борьба в Норвегии на время парализовала германский флот в отечественных водах. То, что от него оставалось, было по необходимости закреплено за планами по вторжению в Англию. Адмиралу Рэдеру, чьи идеи относительно ведения немцами морской войны были достаточно здравыми, было нелегко защищать свою точку зрения на совещаниях у Фюрера. Одно время ему даже приходилось сопротивляться проведению в жизнь предложения армии — разоружить все тяжелые корабли и использовать их орудия на береговых дальнобойных батареях. В течение лета он оборудовал ряд торговых пароходов под замаскированные рейдеры. Они были лучше вооружены и обладали в общем большей скоростью, чем наши вооруженные пароходы, и были снабжены разведочными самолетами. Между апрелем и июнем 1940 года пять судов этого типа проскользнули мимо наших патрулей в Атлантический океан, в то время как шестое предприняло полное опасностей путешествие через Северовосточный проход, вдоль северных берегов России и Сибири — в Тихий океан. При помощи русского ледокола это судно сделало переход за два месяца, и в сентябре через Бе-

рингов пролив вышло в Тихий океан. Адмирал Рэдер поставил перед этими судами тройкую задачу: 1. захватывать или уничтожать вражеские пароходы; 2. нарушать нормальное движения судов; 3. вынудить рассредоточение британских военных кораблей на миссиях по эскортированию грузовых судов и патрулированию морских путей. Эта хорошо задуманная тактика причинила нам не мало вреда и неприятностей. Уже к первой неделе сентября эти пять замаскированных рейдеров крейсировали на океанских просторах на путях движения наших торговых судов. Двое из них оперировали в Атлантическом океане, два — в Индийском, а пятый рейдер, заложив мины у входа в порт Окленда, в Новой Зеландии, отправился в Тихий океан. В течение целого года с ними было установлено только два контакта. 29 июля «Рейдер Е» был атакован в южной части Атлантического океана вооруженным торговым пароходом «Алькантара», но сумел уйти, после боя с неопределенными результатами. В декабре другое вооруженное судно, «Карнарвон Кэсл», снова атаковало его у устья Де ла Плата, и снова рейдер ушел, получив незначительные повреждения. До конца сентября 1940 года эти пять рейдеров потопили или захватили 36 судов, общим водоизмещением в 235.000 тонн.

К концу октября 1940 года был, наконец, готов к операциям карманный линкор «Шеер». Когда было решено отложить вторжение в Англию, он покинул Германию (27 октября) и прорвался в Атлантический океан через Датский пролив, к северу от Исландии. Месяцем позднее за ним последовал вооруженный восьмидюймовыми орудиями крейсер «Хиппер». У «Шеера» был приказ атаковать караваны судов в северной части Атлантического океана, эскортирование которых было ослаблено отозванием наших линкоров в Средиземное море. Капитан Кранке считал, что идущий в Ан-

глию караван покинул Галифакс 27 октября и надеялся перехватить его около 3 ноября. 5-го его разведочный самолет сообщил о присутствии к юго-востоку восьми судов, и «Шпеер» отправился в погоню. В 2.27 дня он заметил одиночный пароход, «Мопан», который потопил огнем из орудий, предварительно взяв на борт экипаж из сорока шести человек. Угрозами он помешал радисту «Мопана» сообщить о происшедшем. В 4.50, пока все описанное происходило, на горизонте показались мачты каравана Н.Х.84, состоявшего из тридцати семи судов. В центре конвоя шел вооруженный торговый пароход «Джервис Бей». Его командир, капитан Королевского флота Фиджин, сразу же понял безнадежность положения. Его единственной надеждой было, сразу же сообщив по радио о присутствии врага, задержать как можно дольше карманный линкор, тем самым выгадав время, нужное для того, чтобы рассеять конвой. Наступал вечер, и для многих открывалась возможность уйти. В то время, как пароходы стали расходиться во все стороны, «Джервис Бей» полным ходом направился к значительно превосходившему его по силе противнику. Снаряды из его старых шестидюймовых орудий не долетали до цели. Односторонняя борьба продолжалась до 6 часов вечера, когда «Джервис Бей», охваченный пламенем и безнадежно потерявший контроль над управлением, был покинут экипажем. Корабль окончательно затонул около восьми часов, и с ним погибло свыше двухсот человек офицеров и команды. В числе их был и капитан Фиджин, пошедший на дно со своим кораблем. Посмертно, он был награжден Крестом Виктории за свой героический поступок, составивший славную страницу в истории Королевского Флота.

Лишь окончив бой, «Шпеер» отправился в погоню за конвоем, но наступала холодная ночь, пароходы разошлись в разные стороны, и до полной темноты он

успел догнать и потопить только пять из них. Теперь, когда его местонахождение стало известно, он не мог более оставаться в этом районе, — где мог ожидать скорого появления мощных британских сил. Таким образом, благодаря доблести «Джервис Бея» была спасена большая часть этого ценного морского каравана. Дух торговых моряков был не ниже духа военных. Один пароход, танкер «Сан Деметрио», везший 7.000 тонн нефти был подожен и покинут командой. Но на следующее утро часть команды вернулась на судно, затушила огонь, и затем, после доблестных усилий, без компаса и каких-либо навигационных инструментов, доставила судно с драгоценным грузом в британский порт. В общем, мы потеряли 206 моряков торгового флота и 47.000 тонн водоизмещения.

«Шеер», решившись как можно дальше уйти от своих преследователей, направился на юг, где десятью днями позже встретил немецкое грузовое судно и пополнил свои запасы горючего и продовольствия. 24 ноября он появился в зоне Вестиндских островов, где потопил направляющийся на Кюрасао «Порт Хобарт», а затем пошел назад к островам Зеленого Мыса. Его позднейшая деятельность разворачивалась в южной части Атлантического и в Индийском океане; лишь в апреле 1941 года вернулся он в Киль, вторично с успехом проскочив Датский пролив. Его пятимесячный рейс имел результатом захват или потопление шестнадцати пароходов, общим водоизмещением в 99.000 тонн.

**
*

Начиная с июня, транспорты с войсками ежемесячно отправлялись на Средний Восток и в Индию, вокруг Африки. Одновременно, движение транспортов с войсками между портами Индийского океана и непрекращающийся поток канадских войск, направляв-

шийся в Англию через Атлантический океан, приводили к крайнему напряжению наших военно-морских сил. Мы поэтому не могли воссоздать «охотничьих отрядов», прочесывавших моря для обнаружения «Графа Шпее» в 1939 году. Наши крейсера располагались вдоль главных судоходных линий, и пароходы, плававшие самостоятельно, должны были полагаться на умелое маневрирование и на просторы океанов.

На Рождество 1940 года, конвой В.С. 5А («В.С.» — шифр военных транспортов. Только после войны я узнал, что эти две буквы, которые я сам многократно употреблял, в Адмиралтействе означали «Винстона, специальный». Примечание автора.), состоявший из двадцати транспортов с войсками, приближаясь к Азорским островам, был атакован крейсером «Хиппер», вышедшим в море месяцем позднее «Шеера». Видимость была плохая, и «Хиппер» был неприятно удивлен, обнаружив, что эскорт конвоя состоял из крейсеров «Бервик», «Бонавентура» и «Данедин». Между «Хиппером» и «Бервиком» произошла короткая жестокая схватка, в которой оба корабля получили повреждения. «Хиппер» отступил и, пользуясь мглой, сумел скрыться в Брест, несмотря на все усилия флота, стоявшего в британских водах, и «эскадры Эйч» из Гибралтара, поймать его. Но лишь один пароход из конвоя, везший более 3.000 человек, — «Эмпайр Трупер», — должен был пойти в Гибралтар для ремонта.

Мы смотрели с беспокойством на положение во внешних океанах. Мы знали, что замаскированные торговые пароходы, в неизвестном количестве, искали добычи во всех южных морях. Карманный линкор «Шеер» разгуливал на просторе, скрытый от нас. «Хиппер» мог в любой момент вырваться из Бреста, и можно было ожидать, что еще два немецких бронированных крейсера, «Шарнхорст» и «Гнейзенау», вскоре начнут играть свою роль.

В первом томе было уже описано колоссальное несоответствие между числом рейдеров и размером сил, которые Адмиралтейству приходилось направлять для борьбы с ними и для охраны морских путей. Адмиралтейству надо было быть наготове во многих местах, и нести охрану тысяч торговых судов, и не было никакой возможности обеспечить конвои достаточной защитой, кроме транспортов с войсками.

**
*

К этим проблемам прибавилась много более серьезная угроза. Единственное, что меня действительно пугало в этой войне, были подводные лодки. Еще до начала воздушного сражения над Англией, я считал, что из вторжения ничего у немцев не выйдет. После победы в воздухе, нам стало много легче. Мы могли сбивать страшного противника в обстановке для нас благоприятной, и, как сам он повидимому отдавал себе в этом отчет, плохой для него. Это был тот тип сражения, который, в жестоких условиях войны, можно было вести с удовлетворением. Но теперь под угрозой были жизненно важные для нас пути сообщения, не только на океанских просторах, но, главное, на подступах к нашему острову. Эта борьба беспокоила меня больше, чем героическое воздушное сражение, именуемое Битвой за Англию.

Адмиралтейство, с которым я поддерживал тесный и дружественный контакт, разделяло эти страхи, тем более что на его ответственности было не только держать открытыми наши пути сообщения с внешним миром, но и охранять наши берега от вторжения. Обязанность эта всегда признавалась нашим флотом, как его высший, священный и неизбежный долг. Мы вместе всячески размышляли над этой проблемой и взвешивали все обстоятельства. Здесь не было ни грозных

сражений, ни блистательных достижений. Эта проблема выявлялась в статистике, в диаграммах и кривых, неизвестных нации и малопонятных для публики.

На сколько сократит наше судоходство подводная война? Достигнет ли она такого размаха, что наше существование станет невозможным? Тут не было места для широких жестов и сенсаций; лишь медленное, хладнокровное вычерчивание линий на схемах, указывающих на возможность нашего удушения. В сравнении с этим, не имели особой ценности ни храбрые армии, готовые ринуться на вторженцев, ни хорошо разработанный план войны в пустыне. На этой суровой земле мог почитаться за ничто даже высокий и преданный дух нации. Либо придут из Нового Света и из заморской нашей империи продовольствие, оружие и другое снабжение, либо не придут. Держа в своих руках все французское побережье от Дюнкерка до Бордо, немцы, не теряя времени, строили на захваченной территории базы для подводных лодок и поддерживающих их самолетов. Начиная с июля месяца, мы были вынуждены не посылать больше наших судов к югу от Ирландии, — в которой нам не было позволено базировать наши истребители. Все должно было поступать в обход Северной Ирландии. Слава Богу, там, как верный часовой, стоял Улстер. Устья Мерси и Клайда были отверстиями, позволявшими нам дышать. На восточном берегу и в Ламанше, курсировали среди мин, под все усиливающимися атаками самолетов суда береговой обороны. Поскольку было невозможно изменить маршрут вдоль нашего восточного берега, проход каждого каравана между Фортом и Лондоном превращался в самостоятельную операцию. Мы рисковали лишь немногими большими судами у восточного побережья, и совсем не пускали их в Ламанш.

Потери нашего торгового флота стали особенно тяжелыми в течение двенадцати месяцев, между июлем 1940 и июлем 1941 года, после чего мы уже могли претендовать на победу в британском сражении в Атлантике. Значительно большие потери имели место после вступления в войну Соединенных Штатов — и до установления системы конвоирования вдоль их восточного побережья. Но тогда мы уже не были одиноки. Последние же шесть месяцев 1940 года принесли исключительно большие потери, несколько уменьшившиеся лишь в результате зимних штормов и истребления немалого числа подводных лодок. Некоторые преимущества мы приобрели более широким применением глубинных бомб и пользованием обходными путями, но угроза вторжения требовала значительной концентрации на проливах, а новые суда по борьбе против подводных лодок, строившиеся по нашей обширной программе, только что начинали поступать. Над Адмиралтейством, и теми, кому было известно положение вещей, нависла грозная тень. Неделя, закончившаяся 22 сентября, показывала крупнейшие потери с начала войны, даже большие, чем мы несли в аналогичный период в 1917 году. Было потоплено 27 судов, водоизмещением почти в 160.000 тонн, многие из них из конвоя, шедшего из Галифакса. В октябре, когда еще продолжал действовать «Шеер», страшно пострадал от подводных лодок другой караван, в котором было потоплено 20 пароходов из общего числа 36.

С наступлением ноября и декабря устья Мерси и Клайда начали превосходить по своему смертельному значению все остальные факторы войны. Мы, конечно, могли в то время напасть на Ирландию Де Валера и занять ее южные порты силой современного оружия. Я всегда заявлял, что ничто, помимо абсолютной угрозы нашему существованию, не сможет заставить меня сделать это. Иногда казалось, что такое критическое

положение наступало, — и если бы оно наступило, я не остановился бы перед этим шагом. Но даже этот шаг означал бы лишь некоторое ослабление напряжения. Единственно верным средством было обеспечение свободного выхода и входа для судов в районе устьев Мерси и Клайда.

Люди, знавшие положение, каждый раз, встречаясь, глядели друг на друга с особым выражением. Можно понять водолаза, находящегося глубоко под поверхностью моря, зависящего полностью от своего воздуховодного шланга. Что он чувствовал бы при виде растущей стаи акул, грызущих шланг? Особенно, если не было надежды, что его вытащат на поверхность! Для нас не было спасительной поверхности. Водолазом были сорок шесть миллионов людей на перенаселенном острове, с обширными связями во всем мире, прикованных природой и силой земного притяжения ко дну моря. Что могли причинить акулы их воздуховодному шлангу? Как могли они отогнать или уничтожить акул?

Еще в начале августа я был убежден, что из нашей базы в Плимуте будет невозможно контролировать западные подступы через Мерси и Клайд.

«Премьер-министр — Первому лорду и Первому морскому лорду.
4 августа 1940 г.

Повторные тяжелые потери на Северозападных подступах весьма прискорбны, и я хотел бы получить заверения, что за разрешение этой проблемы Адмиралтейство возьмется с такой же энергией, с какой оно справилось с магнитными минами. Повидимому, контроль над этими подступами ускользнул из наших рук. Несомненно, произошло это, в значительной степени, из-за недостатка в миноносцах, переброшенных на оборону против вторжения. Немедленно сообщите мне общее число миноносцев, корветов и траулеров с «асдиками», а также самолетов, имеющих или занятых в этой зоне. Кто командует этими операциями? Не руководятся ли они из Плимута, из штаба адмирала Насмита? Теперь, когда вы переключили подходы с

юга на север, естественно встает вопрос, — является ли Плимут подходящим местопребыванием командования? Не следует ли создать оперативное командование в Клайде и перевести туда из Плимута адмирала Насмита? При всех обстоятельствах так далее продолжаться не может. Как обстоит дело с южным заградительным минным полем? Не было бы возможно, через некоторое время, сделать в нем быстрые изменения и провести сквозь канал несколько караванов? Это лишь мимоходом.

При использовании только одного подхода всегда надо считаться с возрастающими опасностями. Эти опасности не могут быть устранены, если защитные мероприятия не проводятся с энергией, превосходящей то, что может противопоставить нам противник. Он скоро догадается бросить туда все силы. Это напоминает положение в заливе Морей Фирт после того, как было заложено минное поле у восточного побережья. Я уверен, что Адмиралтейство окажется на высоте положения, но, повидимому, необходим новый сильный толчок. Прошу сообщить мне ваши соображения».

Я наткнулся на сопротивление. В сентябре Адмиралтейство приняло мою точку зрения, переместив командование из Плимута на север, правильно предпочтя Мерси Клайду. Но прошло несколько месяцев, прежде чем была закончена нужная организация штаба на новом месте, а его оперативный центр со сложной сетью связи, начал функционировать; тем временем многое приходилось импровизировать. Новое командование было поручено адмиралу сэру Перси Ноблю, который со своими обширными и все более растущим штабом обосновался в Ливерпуле в феврале 1941 года. С того момента этот штаб стал почти самым важным нашим оперативным центром. Необходимость и преимущества этой перемены были к тому времени признаны всеми.

К концу 1940 года меня все более тревожило угрожающее снижение нашего импорта. Это был другой аспект подводной войны. Мы не только теряли пароходы, но принятые нами меры предосторожности сразу же отразились на потоке грузов. Те немногие пор-

ты, на которые мы могли полагаться, были переполнены судами. Оборот судов упал, длительность их рейсов стала еще больше. За неделю, кончившуюся 8 июня, в разгар битвы за Францию, мы доставили в Англию 1.201.535 тонн грузов, помимо нефти. С этого максимума, к концу июля импорт упал до 750.000 тонн в неделю и менее. Хотя в августе было достигнуто значительное улучшение, средние недельные цифры снова упали, и за последние три месяца года составляли немногим более 800.000 тонн.

«Премьер-министр — Первому лорду и Первому морскому лорду.
3 декабря 1940 г.

Новое несчастье, постигшее конвой из Галифакса, требует тщательного изучения. Неделю назад мы слышали, что на подступах в ожидании находятся тринадцать подводных лодок. Не было бы лучше направить его к (проливам) Минчам? Не стало ли это еще более очевидным, когда из-за плохой погоды было задержано отправление выходящих в море конвоев и, следовательно, эскорт для приближающегося не мог добраться до места во-время?»

«Премьер-министр — канцлеру Казначейства.

5 декабря 1940 г.

Прошу созвать совещание для обсуждения мер, которые должны быть приняты для облегчения наших финансов и нашего судоходства в результате потерь в судах у ирландских берегов и невозможности для нас пользоваться ирландскими портами. Следует пригласить следующих министров: торговли, судоходства, сельского хозяйства, продовольствия и доминионов. Считаю, что в принципе все согласны, необходимо выработать план для быстрых мероприятий, а также график и программу всей процедуры. В этой стадии нет нужды рассматривать факторы международных отношений или обороны, которые будут рассмотрены позднее. Первый важный шаг — это составление хорошего плана; надо, чтобы в нем было предусмотрено меньше осложнений для нас, больше — для других».

«Премьер-министр — министру транспорта.

13 декабря 1940 г.

Я вижу, что импорт нефти в сентябре и октябре был вдвое меньше, чем в мае и июне, покрывая лишь две трети нашей потребности. Я понимаю, что дело тут не в недостатке танкеров, что недозавоз является результатом частичного закрытия для танкеров южного и восточного берегов и что значительное их число должно было быть временно задержано на Клайде, в Галифаксе и Новой Шотландии. Совсем недавно большее число танкеров было направлено на южный и восточный берег и в ноябре импорт несколько возрос.

Из ответа Вашего предшественника на мою записку от 26 августа я заключаю, что он был удовлетворен мероприятиями, направленными к завозу нефти через порты западного побережья. Повидимому, его ожидания не оправдались.

Для того, чтобы справиться с создавшимся положением, можно идти двумя путями. Мы можем либо подвергнуть танкеры дополнительному риску, направляя их в порты южного и восточного побережья, либо продолжать расходовать наши резервы, рассчитывая пополнить их поступлениями через западное побережье, когда будут закончены мероприятия по организации разгрузки судов, соглашаясь пока что на неизбежные неудобства. Я хотел бы, чтобы Вы обсудили с Первым лордом, в каких пределах следует идти тем или иным путем.

Копию этого письма я направляю Первому лорду.

«Премьер-министр — Первому лорду. 14 декабря 1940 г.

Прошу подробно сообщить мне, в каком состоянии находятся американские миноносцы, указав все их многочисленные дефекты и недостаточное до сего времени их использование. Я хотел бы иметь в ближайшее время эти данные».

«Премьер-министр — Первому лорду и Первому морскому лорду. 27 декабря 1940 г.

Что вы предприняли в отношении организации катапультирования малоценных самолетов с судов, входящих в состав уходящих в море конвоев? Я слышал о плане катапультирования их с танкеров, имеющихся по несколько

в каждом конвое. Затем они атакуют Фоке-Вульфы и делают посадку на море, после чего пилоты подбираются, а машины, в зависимости от возможности, либо спасаются, либо покидаются.

Как вы смотрите на этот план?»

Как мы увидим в следующем томе, этот проект оказался плодотворным. Суда, оборудованные катапультами для истребителей, предназначенными для атак Фоке-Вульфов, появились в начале 1941 года.

«Премьер-министр — министру транспорта.

27 декабря 1940 г.

Говорят, что две пятых снижения эффективности нашего судоходства являются результатом потери времени при разгрузке судов в британских портах. Теперь, когда мы в большой мере привязаны к Мерси и Клайду, и должны ожидать все более сильных налетов на них, эти проблемы, повидимому, становятся самой важной частью всех наших операций.

Пришлите мне, пожалуйста, информацию:

- о фактах,
- о том, что Вы предпринимаете и что Вы предлагаете предпринять,
- о том, чем Вам можно помочь».

«Премьер-министр — Первому лорду. 29 декабря 1940 г.

«Суда-ловушки» (современный эквивалент тех, которые с успехом применялись в войне 1914—18 гг. для завлечения подводных лодок в гибельные для них места; в новых условиях войны они не были успешными. Примечание автора) пока что являются источником больших разочарований. Адмиралтейство должно рассмотреть вопрос об ином их применении. Я полагаю, они снабжены опытными командами. Могу я получить список этих судов с указанием их тоннажа, скорости и пр.? Не могли ли бы они перевозить войска, занимаясь одновременно своим делом?»

Под давлением событий возматало мое негодование тем, что нам не разрешается пользоваться южными портами Ирландии.

«Премьер-министр — канцлеру Казначейства.

1 декабря 1940 г.

Ограничения в пользовании проливами, к которому мы вынуждены действиями Ирландии, вынуждают пересмотр наших субсидий Ирландии. Вряд ли кто-либо ожидает, что мы в состоянии платить им до нашего последнего издыхания. В виду тяжелых потерь в судах у берегов Кента, мы, несомненно, должны использовать эти деньги для постройки новых судов или для покупки их в Соединенных Штатах.

Сообщите мне, пожалуйста, каким образом можно прекратить эти субсидии и какие ответные меры в финансовой сфере могут быть приняты ирландцами, учитывая, что мы не опасаемся снять их с нашего пайка, поскольку это сэкономит нам огромное количество удобрений и кормов, которые мы вынуждены доставлять в Ирландию через немецкую блокаду, поддерживаемую де Валера. Сейчас не подбирайте все «за» и «против», но сообщите, что мы можем сделать в финансовом отношении и что может случиться. Я хотел бы получить это от Вас завтра.

«Премьер-министр — генералу Исмэю для Комитета начальников штабов.

3 декабря 1940 г.

Я передал Вам и каждому из начальников штабов копию бумаги об Ирландии. Комментарии канцлера Казначейства также благоприятны, и нет никаких сомнений в том, что мы можем прекратить субсидии в любой момент.

Нам необходимо сейчас обсудить военную реакцию. Если, предположим, они пригласят в свои порты немцев, народ их будет раздавлен и нам придется постараться задержать немцев. Они постараются быть нейтральными и навлекут на себя войну. Что если они лишат нас возможности пользоваться телеграфными кабелями и наблюдательными постами, — учитывая при этом, что мы также можем прервать всякую связь между Англией и Южной Ирландией? Будет ли серьезным для нас обстоятельством, если они разрешат немецким подводным лодкам отдыхать в портах западного побережья Ирландии, — имея в виду, что подводные лодки обладают радиусом действия около трид-

цати дней, и что лимитирующим фактором является скорее желание экипажа вернуться поскорее домой и также нужда в ремонтах, — а отнюдь не в пополнении запасов горючего и продовольствия? Сообщите мне, пожалуйста, свои замечания по этим и другим вопросам, которые могут прийти Вам в голову».

Я полагал, что будет полезным привлечь к этой политике президента.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту.

13 декабря 1940 г.

Главным источником беспокойства для нас продолжает оставаться судоходство в северной части Атлантического океана. Несомненно, что атаки гитлеровских самолетов и подводных лодок на наши суда возрастут и будут проводиться все дальше и дальше от берегов. Невозможность для нас пользоваться ирландскими портами и аэродромами доводит до последних пределов нагрузку, падающую на наш флот. До сего времени мы смогли ввести в строй лишь немногие из ваших миноносцев по причине многочисленных в них дефектов, неизбежных, когда после столь длительной стоянки на месте им пришлось пересечь в плохую погоду Атлантический океан. Я принимаю меры к тому, чтобы был составлен подробнейший отчет о всех проводимых на них ремонтах и улучшениях, для того, чтобы сделать самые устарелые из них пригодными для выполнения их нынешней задачи; этот отчет может пригодиться Вам в отношении Ваших собственных устаревших судов.

Тем временем мы находимся в столь тяжелом положении в отношении перевозок, что более не в состоянии доставлять 400.000 тонн кормов и удобрений, которые до сего времени мы направляли ежегодно в Ирландию, несмотря на все атаки неприятеля. Этот тоннаж нам необходим для нашего собственного снабжения, и нам не нужны те продукты, которые Эйре нам посылает. Мы должны теперь сосредоточиться на самом важном, и Кабинет предлагает сообщить де Валера, что в нынешних условиях мы не можем продолжать снабжать его. У него будет, конечно, достаточно, чтобы накормить свой народ, но они лишатся своей нынешней выгодной торговли. Я сожалею об этом, но нам надо заботиться о своем самосохранении и использовать тоннаж, поступающий в столь опасной обстановке,

для жизненно важных целей. Может быть, это сделает его более расположенным рассмотреть общие интересы. В совершенно частном порядке я хотел бы знать, как Вы отнесетесь к концентрации нашего собственного тоннажа исключительно на снабжении Великобритании. В настоящих условиях мы также не считаем возможным продолжать выплату крупных субсидий ирландским фермерам. Вы представляете себе, что наши моряки торгового флота, равно как и общественное мнение вообще, считают крайне несвоевременным доставлять грузы Ирландии под атаками немецких самолетов и подводных лодок и продолжать щедро субсидировать ее, в то время как де Валера чувствует только удовлетворение, видя нас задыхающимися».

**
**

Однажды вечером, в декабре, в нижнем Военном зале у меня происходило совещание, на котором присутствовали только представители Адмиралтейства и моряки. Трудности и опасности, о которых были хорошо информированы все присутствовавшие, приняли острый оборот. Мои мысли обратились к февралю и марту 1917 года, когда кривая потоплений подводными лодками возростала с таким постоянством, что можно было спросить, — сколько еще сможет продолжаться борьба союзников, несмотря на все усилия Королевского флота. Нельзя привести более убедительного доказательства опасности, чем проект, выдвинутый в тот вечер адмиралами. Мы должны были любой ценой, и в первую очередь, прорваться в океан. Для этой цели, было предложено выложить подводный ковер из динамита от конца Северного Ламанша, открывающего доступ к Мерси и Клайду, до линии, глубиной в 100 морских сажений, к северо-востоку от Ирландии. Погруженное на дно минное поле должно было иметь три мили в ширину и шестьдесят в длину, распространяясь от прибрежных вод в открытое море. Если бы даже для этой цели пришлось мобилизовать

все запасы взрывчатки, забыв о полевых операциях и должном вооружении наших войск, представлялось насущно необходимым выложить этот ковер, — считая, что иного выхода не было.

Я хочу объяснить этот процесс. Ко дну моря на якорях должны были быть прикреплены многие тысячи контактных мин, поднимающихся до глубины в тридцать пять футов от поверхности. Эта глубина заложения была достаточна для всех судов, снабжавших Англию, которые могли проходить над минным полем, не задевая мин своими килями. Однако, рискнувшая войти в это поле подводная лодка, скоро взорвалась бы и через некоторое время немцы пришли бы к заключению, что овчинка не стоит выделки. Это была бы идеальная оборона и, во всяком случае, лучше чем ничего. Это было также последним средством. В ту ночь проект этот получил предварительное одобрение и были даны указания разработать детали. Подобная политика означала, что в будущем водолазу придется думать только о своем воздуховодном шланге. Но ведь у него были и другие задачи!

Однако, мы одновременно дали приказы командованию авиации береговой обороны обеспечить господство над устьями Мерси и Клайда и вокруг Северной Ирландии. Этой задаче должно было быть подчинено всё. Даже бомбардировки Германии отходили на второй план. Все годные самолеты, летчики и материалы должны были быть сосредоточены на этом контрнаступлении; истребители должны были вести борьбу с бомбардировщиками, а наши бомбардировщики — помогать судам в борьбе против подводных лодок в этих узких проливах. Были отброшены в сторону, отложены или жестоко раскритикованы многие другие важные планы. Мы должны были получить возможность дышать любой ценой.

В дальнейшем мы увидим, в какой мере было успешным это контрнаступление силами флота и береговой обороны; как мы стали хозяевами положения в устьях рек; как сбивались нашими истребителями Хейнкели 111, а подводные лодки задыхались в тех самых водах, в которых они хотели задушить нас. Здесь будет достаточно заметить, что успехи командования береговой обороны заставили отказаться от проекта с динамитным ковром. Прежде чем этот проект успел изрядно растрясти наши военные ресурсы, улетучились порожденные страхами мысли об обороне, и мы еще раз сияющим оружием расчистили подступы к нашему острову.

ПОБЕДА В ПУСТЫНЕ

Дни всегда тянутся медленно перед тем, как начнется большое дело. Спасением являются другие срочные дела, в которых, в то время, несомненно, не было недостатка. Я сам был настолько обрадован, что наши генералы предпримут наступательные операции, что зря не тревожился о возможных результатах. Я выражал недовольство по поводу напрасного пребывания войск в Кении и Палестине и на несении службы внутренней безопасности в Египте; но я относился с доверием к качеству и общему превосходству наших знаменитых полков, и к солдатам и офицерам с долгой тренировкой, на которых было возложено это важное дело. Иден также чувствовал уверенность, особенно в генерале Вильсоне, командовавшем сражением; там также имелись знаменитые пехотинцы, носители традиций прошлой войны. Тем временем, за пределами небольшой группы лиц, знавших о готовящейся попытке, было достаточно других дел и тем для разговоров.

Более месяца практиковались, каждое в своей специальной сфере, соединения, предназначавшиеся к этому крайне сложному наступлению. Подробности плана были выработаны генерал-лейтенантом Вильсоном и генерал-майором О'Коннором; их часто посещал генерал Уэйвел. Лишь небольшой круг офицеров знал истинные масштабы плана, и практически ничего не записывалось на бумаге. Чтобы обеспечить вне-

запность, делались попытки создать у противника впечатление, что наши силы были серьезно ослаблены посылкой подкреплений в Грецию и что намечались дальнейшие снятия частей с этого фронта. 6 декабря наши стройные, загорелые и закаленные в пустыне солдаты, составлявшие полностью механизированную двадцатипяти тысячную армию, ринулись в первый сорокамильный переход, и весь следующий день пролежали без движения в пустыне, незамеченные итальянской авиацией. 8 декабря они снова двинулись вперед, и в тот вечер войскам было впервые сказано, что это — не тренировка в пустыне, а «настоящее дело». На рассвете 9-го началось сражение при Сиди Баррани.

В мои цели не входит описание сложного и разбросанного сражения, охватившего в течение последовавших четырех дней территорию, равную Йоркширу. Всё шло гладко. Нибейва была атакована одной бригадой в 7 часов утра, и часом позже была уже в наших руках. В 1.30 пополудни началась атака на лагеря Туммара, и к наступлению темноты практически весь район и его защитники были захвачены. Тем временем, 7-я бронетанковая дивизия изолировала Сиди Баррани, перерезав береговую дорогу на запад. Одновременно, гарнизон Мерса Матрух, включавший Кольдстримских гвардейцев, также подготовил свой удар. На рассвете 10-го, поддержанный сильным артиллерийским огнем с моря, гарнизон атаковал с фронта итальянские позиции. Сражение продолжалось весь день, и к десяти часам штаб батальона Кольдстримцев сообщил, что нет никакой возможности пересчитать огромную массу военнопленных, но что имеется, в общем «около пяти акров офицеров, и двести акров солдат».

У себя на Даунинг-стрит я каждый час получал сообщения с поля сражения. Было трудно представить себе в точности происходившее, но общее впечатление

чатление было благоприятное, и я помню, как меня поразило донесение какого-то молодого офицера-танкиста из 7-й бронетанковой дивизии: «Прибыли ко второму Б в Бук-Бук». Я был в состоянии сообщить Палате общин 10-го, что в пустыне происходит оживленное сражение, что было взято в плен 500 итальянцев и убит один генерал; а также, что наши войска вышли к побережью.

«Сейчас еще слишком рано пытаться предсказывать, какой размах примут операции, сейчас происходящие, или какие результаты они дадут. Но во всяком случае, можно сказать, что в своей начальной фазе, они проходят успешно».

В тот же день был захвачен Сиди Баррани.

Начиная с 11 декабря, действия свелись к преследованию итальянских беглецов 7-й бронетанковой дивизией, следом за которой шла 16-я британская пехотная бригада (механизированная) и 6-я австралийская дивизия, сменившая 4-ю индийскую. 12 декабря я уже мог сообщить Палате общин, что весь береговой район вокруг Бук-Бука и Сиди Баррани был в руках британских и имперских войск, и что до Мерса Матрух уже добрались 7000 пленных. «Мы не знаем еще, сколько всего итальянцев попало в окружение, но не удивимся, если большая часть трех итальянских дивизий, включая многочисленные соединения Чернорубашечников, оказалась либо разбитой, либо захваченной в плен. Преследование в западном направлении продолжается с неослабевающей энергией. Наша авиация бомбит, а наш флот обстреливает из орудий главную дорогу, еще открытую для отступающего неприятеля; поступают донесения о значительных дополнительных захватах военнопленных. В то время, как все еще рано говорить о масштабах этих операций, тот факт, что нами одержана победа, не вызывает сомнений; честь ее на этом африканском театре войны

принадлежит, в первую очередь, сэру Арчибальду Уэйвелу и сэру Генри Мэйтланду Вильсону, составившим планы этой крайне сложной операции, а также войскам, давшим замечательные примеры выносливости и смелости, и позволившим выполнить эти планы. Весь эпизод необходимо рассматривать с учетом того факта, что всего только три или четыре месяца назад мы все испытывали острое чувство тревоги за оборону Египта. Эта тревога теперь устранена, и британские гарантии, что Египет будет защищен от всех пришельцев, выполнены во всех отношениях».

Как только была обеспечена победа у Сиди Баррани — что случилось 12 декабря — генерал Уэйвел, по своей собственной инициативе, принял мудрое и смелое решение. Вместо того, чтобы держать в общем резерве на поле сражения 4 британскую индийскую дивизию, которую только что сменили на фронте, он немедленно двинул ее в Эритрею, на соединение с 5-й британской индийской дивизией, передав ее для абиссинской кампании генералу Платту. Эта дивизия была отправлена частично морем на Порт Судан, частично же по железной дороге и пароходами вверх по Нилу. Некоторые из ее частей, снятые с фронта у Сиди Баррани Судан были брошены в бой на новом фронте, в сентябре на корабли, вскоре после своего прибытия в мистах милях от старого. Первые части прибыли в Порт Судан в конце декабря, а вся переброска была закончена к 21 января. Дивизия присоединилась к преследованию итальянцев от Кассалы, которую те покинули 19 января, до Керена, где она наткнулась на главное сопротивление итальянцев. Как мы увидим, задача взятия Керена, для генерала Платта оказалась нелегкой, даже с двумя, 4-й и 5-й, дивизиями. Без предусмотрительного решения генерала Уэйвела победа у Керена не могла бы быть достигнута, и освобождение Абиссинии затянулось бы на неопределенный

срок. Последовавший ход событий, как на североафриканском берегу, так и в Абиссинии, доказал, насколько правильно главнокомандующий оценил положение.

**
*

Я поспешил поздравить всех участников операции, и высказать свое пожелание, чтобы все силы были вложены в преследование противника.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту.

13 декабря 1940 г.

Я уверен, что Вас обрадует победа в Ливии. Это, вместе с изменением положения в Албании, представляет собой большую неприятность для Муссолини, — особенно если мы хорошо используем наш успех. У нас еще нет полных итогов сражения, но если Италия может быть разбита, наши дела будут выглядеть много приятнее, чем четыре-пять месяцев назад».

«Черчилль — Мензису, премьер-министру Австралии.

13 декабря 1940 г.

Я не сомневаюсь, что Вы будете обрадованы победой, завоевания Ливии имперскими армиями. Это, наряду с катастрофой Муссолини в Албании, итальянцам будет нелегко проглотить. Помните, что еще несколько месяцев назад я не мог гарантировать даже успешной обороны Дельты и Канала. Здесь, в Англии, мы пошли на большой риск; мы посылали войска, танки и орудия вокруг мыса Доброй Надежды, находясь под угрозой неминуемого вторжения, и вот теперь за это пришла награда. Мы планируем собрать на Ближнем Востоке большую армию, представляющую всю Империю, и крупные морские силы, способные противостоять немцам, и в то же время быть наготове двинуться в восточном направлении, если в том возникнет необходимость. Успех всегда требует больших усилий. Всего лучшего».

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу.

13 декабря 1940 г.

Посылаю Вам свои сердечные поздравления с блестящей победой, превзошедшей наши самые смелые ожида-

ния. Когда я объяснил Палате общин, какая для этого потребовалась искусная работа штаба и каким смелым должно было быть исполнение этой трудной задачи со стороны армии, все были взволнованы. Как только полные результаты будут известны, Вы получите послание от короля. Тем временем, передайте мою благодарность Вильсону и примите ее от меня.

Поэт Уолт Уитмен говорит, что из каждого успешного осуществления надежд, каким бы полным оно ни было, рождается нечто, что делает дальнейшую борьбу необходимой еще более. Естественно, первое место в Ваших мыслях будет занимать дальнейшее преследование противника. Именно в момент наибольшей усталости победителя сильнее всего может быть наказан побежденный. Ничто так не потрясет Муссолини, как катастрофа в самой Ливии. Несомненно, вы уже рассматривали возможность захвата какой-либо гавани на итальянской территории, куда флот мог бы доставить все Ваше добро и которая могла бы превратиться в новый трамплин для преследования врага вдоль берега до момента, пока Вы не наткнетесь на настоящее сопротивление. Пока же итальянцы ведут себя как былинки под ударами серпа. Я был бы рад получить от Вас как можно скорее изложение Ваших мыслей и планов...

Как только на африканском берегу дальнейшее продвижение станет невозможным, мы сможем заново рассмотреть положение, чтобы найти несколько привлекательных возможностей».

К 15 декабря из Египта были изгнаны все вражеские войска. Большая часть остававшихся в Киренаике итальянских сил собралась в обороне теперь изолированной Бардии. Это закончило первую фазу сражения при Сиди Баррани, итогом которого было уничтожение большей части пяти вражеских дивизий. Было взято в плен более 38.000 солдат и офицеров. Наши собственные потери составляли 133 человека убитыми, 387 ранеными и 8 пропавшими без вести.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу.

16 декабря 1940 г.

Нильская армия сослужила Империи и всему нашему делу славную службу, и мы уже чувствуем, как награды по-

ступают со всех сторон. Мы глубоко обязаны Вам, Вильсону и другим командирам, чей профессиональный опыт и смелое руководство привело к памятной победе в Ливийской пустыне. Теперь Вашей первой целью будет — уничтожить итальянскую армию и, поскольку возможно, сбросить ее с африканского побережья. Мы были очень рады узнать о Ваших намерениях провести операции против Тобрука и Бардии, а также услышать о последних победах у Соллума и Капуццо. Я убежден, что Вы откажетесь от основной задачи в пользу второстепенной операции в Судане и на Додеканезских островах не ранее, чем убедитесь, что далее двигаться нельзя. Судан, конечно, важен и очень желанен; может быть, отвлечение двух индийских бригад (то есть 4-й британской индийской дивизии) не отразится на ливийском сражении. Некоторая оттяжка не сделает труднее операцию на Додеканезских островах. Ни то, ни другое не должно отвлекать от самой важной задачи — нанесения новых поражающих ударов главной итальянской армии. Я, конечно, не могу отсюда претендовать на правильность суждения относительно специфических условий на месте, но лозунг Наполеона «Уничтожьте массу, и все остальное придет само собой» невольно приходит на ум. Я должен возвратиться к рекомендации, сделанной в моей предшествовавшей телеграмме относительно сухопутно-морских операций и десантов в неприятельских тылах для того, чтобы отрезать их части и продвигать вперед морским путем наши войска и снаряжение.

Прошу передать мои поздравления Лонгмору по поводу великолепного руководства частями Королевского военновоздушного флота и отличного их взаимодействия с наземными соединениями. Надеюсь, что большинство новых Ураганов добралось до него в целости. Скажите ему, что мы снова снаряжаем «Фюриуз» с еще большим числом самолетов, для отправки в Такоради. Он получит также те, которые отправляются в соответствии с операцией «Излишки». Но эти придут в начале января».

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу.

18 декабря 1940 г.

Евангелие от Матвея, глава VII, стих 7:

«Просите и дано будет вам, ищите и обрящете, стучите и отверзется».

«Генерал Уэйвел — премьер-министру.

19 декабря 1940 г.

Послание от Иакова, глава I, первая часть стиха 17:

«Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца света, у Которого нет изменения и ни тени перемены».

**
**

Нашей следующей целью была Бардия. В пределах ее оборонительного периметра, длиной в семнадцать миль, находилась значительная часть еще четырех итальянских дивизий. Укрепления состояли из непрерывного противотанкового рва и проволочных заграждений, с бетонными блокгаузами в интервалах. Позади этого имелась вторая линия укреплений. Штурм этого гнезда требовал подготовки. Расположение 7-й бронетанковой дивизии исключало возможность для противника выскользнуть на север или северо-запад. Для штурма могли быть использованы 6-я австралийская дивизия, 16-я британская пехотная бригада, 7-й батальон Королевского танкового полка (двадцать шесть танков), один пулеметный батальон и два полка корпусной артиллерии.

Чтобы покончить со всем эпизодом победы в пустыне, я должен несколько вторгнуться в Новый год. Атака началась 3 января. Один австралийский батальон, под прикрытием сильного артиллерийского огня, захватил укрепление на западной стороне оборонительного периметра. Позади его саперы заполнили противотанковый ров. Две австралийских бригады пошли в атаку, в направлении на восток и юго-восток. Все время они пели привезенную ими из Австралии песню, вскоре после того распространившуюся по Англии:

Мы приехали сюда, чтобы увидеть волшебника,
Чудесного Волшебника Изумрудного Города.
А нам говорят, что он Волшебник из Вица,
Если Виц вообще когда-либо существовал.

Этот мотив всегда напоминает мне те жизнерадостные дни. 4-го, к концу дня, британские танки — «Матильды», как их окрестили солдаты, — поддержанные пехотой, вошли в Бардию, и к 5-му все ее защитники сдались. Было взято 45.000 пленных и 462 орудия.

К 6-му января, силами 7-й бронетанковой дивизии, был, в свою очередь, изолирован Тобрук, а 7-го, ведущая австралийская бригада уже стояла у его восточных укреплений. Здесь оборонительный периметр был длиной в двадцать семь миль, и по характеру укреплений похож на периметр Бардии, если не считать того, что противотанковый ров во многих местах был недостаточной глубины. Гарнизон состоял из одной полной пехотной дивизии, штаба корпуса, и массы разрозненных частей из передовых районов. Штурм нельзя было начать до 21 января, когда, после сильного артиллерийского обстрела, другая австралийская бригада прорвала линию укреплений с южной стороны. Две других бригады дивизии заняли образовавшийся таким образом плацдарм, расширяя его направо и налево. К наступлению ночи, одна треть укрепленного пространства была в наших руках, и рано утром, на следующий день, прекратилось последнее сопротивление. Число пленных составило 30.000, при 236 орудиях. В течение шести недель Армия Пустыни прошла свыше двухсот миль безводного пространства, взяла штурмом два сильно укрепленных морских порта, захватив 113.000 пленных и более 700 орудий. Великая итальянская армия, вторгнувшаяся в Египет в надежде захватить его, почти перестала существовать как военная сила, и лишь непреодолимые трудности

в снабжении и далекие расстояния вынудили отложить дальнейшее британское наступление на запад.

В течение всех этих операций, флот оказывал деятельную поддержку армии. Бардия и Тобрук подверглись тяжелой бомбардировке с моря, а морская авиация сыграла свою роль в сражении на суше. Помимо всего прочего, флот поддерживал армию в ее наступлении, обеспечивая ежедневно доставку около 3000 тонн продовольствия и снаряжения для передовых частей, а также проводя важнейшие перевозки военного персонала из одного порта в другой. Своим успехом наша победоносная армия была также обязана господству в воздухе, завоеванному Королевскими военно-воздушными силами. Несмотря на численное превосходство противника, смелость наших летчиков скоро привела к установлению того духовного превосходства, которое обеспечило им полную свободу действий в воздухе. Атаки на неприятельские аэродромы были хорошо вознаграждены; сотни их самолетов были найдены позднее, разрушенными и покинутыми.

**

Всегда бывает интересным проследить реакцию противной стороны. Читатель уже знаком с графом Чиано; не следует слишком сурово осуждать слабых людей, завлеченных на ложный путь соблазнами богатства и карьеры. Судьями могут быть лишь те, кто сам с успехом сумел противостоять всем подобным искушениям. Чиано полностью поплатился за свои грехи, когда был поставлен перед наведенными на него дулами винтовок. Злодеи делаются из разнообразного материала. Из этого, конечно, не следует, что надо стремиться быть негодяем редкостным, не похожим на других, или одним из многочисленных потенциальных Чиано.

В нашем распоряжении имеются дневники Чиано, где записи велись ежедневно. Дневник гласит: — 8 декабря: ничего нового. 9 декабря: интриги против Бадольо. 10 декабря: «Весть о нападении на Сиди Баррани пришла как гром из ясного неба. Сперва это не казалось серьезным, но последующие телеграммы Грациани подтверждают, что мы разбиты». В тот день Чиано видел своего тестя дважды, и нашел его весьма спокойным. «Он говорит об этом событии с незаинтересованной объективностью... обеспокоенный больше всего престижем Грациани». 11-го в тесном кругу в Риме стало известным, что надо считать погибшими четыре итальянских дивизии, и — самое плохое, — что Грациани распространяется больше о смелости и планах врага, чем о своих собственных контрах. Муссолини не терял самообладания. «Он утверждает, что переживаемые нами трудные дни неизбежны в изменчивом ходе каждой войны». Если бы англичане остановились на границе, не случилось бы ничего серьезного. Если, однако, они дойдут до Тобрука, «он считает, что положение будет граничить с трагедией». Вечером Дуче стало известно, что за два дня «обращены в прах» пять дивизий. Ясно, что с армией было что-то не в порядке!

12 декабря от Грациани пришла «катастрофическая телеграмма». Он предполагает отступить до самого Триполи, «для того, чтобы хотя бы в этой крепости развеялся наш флаг». Он был раздражен, что несвоевременное влияние Роммеля на Муссолини вынудило его предпринять столь чреватое последствиями наступление на Египет. Он жаловался, что его втянули в борьбу «между мухой и слоном». Повидимому, муха пожрала значительную часть слона. 15-го, сам Чиано был вовсе не уверен, что англичане удовлетворятся и остановятся на границе, и записывает это в дневник. Грациани, не проявляя себя в военном

отношении, казалось, заслуживал горькие обвинения своего господина. Муссолини заметил, может быть, не без оснований: «Вот еще один человек, на которого я не могу рассердиться, ибо слишком презираю его». Он всё еще надеялся, что англичан удастся остановить хотя бы у Дерны.

**
*

Я ежедневно информировал Палату общин о развитии событий в пустыне, и 19 сентября сделал обстоятельное заявление об общем военном положении. Я описал улучшения в нашей обороне дома и призвал к повышению бдительности. Мы должны ожидать продолжения воздушных налетов, и первой задачей правительства в Англии остается организация бомбоубежищ, улучшение санитарных условий и стремление смягчить исключительно плохие условия, в которых люди отдыхают по ночам.

«Противовоздушная оборона и министерства внутренних дел и здравоохранения так же находятся на передовых линиях, как и танковые колонны, преследующие итальянцев в Ливийской пустыне».

Я также считал необходимым высказать опасения по поводу потоплений наших судов в Атлантическом океане.

«Они все еще продолжаются, в очень тревожных масштабах; дело обстоит не так плохо, как в критический период 1917 года, но нам все еще надо считаться с опасностью рецидива опасности, с которой, год назад, мы, казалось, справились. Отныне мы будем постепенно увеличивать наши ресурсы в средствах обороны, и мы будем рассматривать, как нашу первую военную задачу, сохранение открытым этого пути в мир, от угрожающих ему сейчас подводных лодок и самолетов большого радиуса действия».

**
*

Я полагал, что наступил момент обратиться по радио к итальянскому народу, и вечером 23 декабря я напомнил ему о долголетней дружбе между Великобританией и Италией. Теперь мы были в состоянии войны. «...Наши армии раздирают, и будут раздирать на мелкие куски вашу африканскую империю... Как все это произошло, для чего все это?»

«Итальянцы! Я скажу вам правду. Все это случилось из-за одного человека, человека, толкнувшего итальянский народ на смертельную борьбу против Британской империи, человека, лишившего Италию дружбы и симпатии Соединенных Штатов Америки. Я не отрицаю, что он — великий человек, но то, что после восемнадцати лет неограниченной власти он привел вашу страну на грань ужасающих разрушений, не может отрицать никто. И это он, этот человек, выступив против короля и королевской фамилии Италии, против папы и всего авторитета Ватикана и римско-католической церкви, против желания итальянского народа, поставил нацию потомков и наследников древнего Рима рядом со свирепыми бандами варваров-язычников».

Я зачитал письмо, посланное Муссолини по случаю его назначения премьер-министром, и его ответ от 18 мая 1940 года, и продолжал:

«Куда же завел Дуче свой доверчивый народ после восемнадцати лет диктаторского правления? Какой выбор предстоит ему теперь? Он вынужден либо пытаться противостоять на море, в воздухе и в Африке всей Британской империи и отражать энергичные контратаки греков в Албании, либо призвать из-за Бреннера Атиллу с его хищными ордами и бандами полицейских из Гестапо, чтобы оккупировать, сдерживать и защищать итальянский народ, по адресу которого он сам и его нацистские последыши выражают чувства самого откровенного презрения, какое только известно в отношениях между нациями.

Вас ведет он, только этот человек; на этом я кончаю свой рассказ, до того дня — и этот день придет — когда итальянский народ снова станет хозяином своей судьбы».

Любопытно, что в тот же самый день, говоря о состоянии духа итальянской армии, Муссолини заметил Чиано:

«Я все же должен признаться, что итальянцы 1914 года были лучше, чем эти. Это не звучит комплиментом для режима, но так оно есть».

И на следующий день, глядя из окна, он сказал:

«Этот снег и мороз очень кстати. Только таким путем можно улучшить эту расу посредственностей, этих наших бездельников-итальянцев».

Таковы были горькие, полные неблагодарности мысли, вырвавшиеся из глубины сердца этой мрачной фигуры в результате поражения итальянской армии в Ливии и Албании, — после шести месяцев агрессивной войны против того, что он считал разлагающейся Британской империей.

Это было время, когда положение было столь текучим, что каждый возможный удар приходилось изучать наперед; перед нами лежал широчайший выбор действий. Наша победа в Ливии уже стимулировала восстание против итальянцев в Абиссинии. Я очень хотел, чтобы император Хайле Селассие, как он сам того желал, возвратился бы в свою страну. Министерство иностранных дел считало это преждевременным. Я согласился, положившись на суждение нового государственного секретаря, но отсрочка была краткой, и император, готовый идти на всё, вскоре оказался на родной земле.

«Премьер-министр — секретарю по иностранным делам и генералу Исмэю для Комитета начальников штабов.

30 декабря 1940 г.

Повидимому, придется приложить все усилия, чтобы исполнить пожелания императора Эфиопии. Как я понимаю,

мы уже запретили нашим офицерам въезд в страну Галла (Западная Эфиопия). Жаль, что приходится использовать на дорожном строительстве батальоны абиссинских дезертиров, которые могли бы поднять восстание. У нас в Кении имеется шестьдесят четыре тысячи войск, находящихся в состоянии полной пассивности, и они могли бы обойтись без этих дорожников. И, прежде всего, я стою за то, чтобы Хайле Селассие возвратился в Абиссинию. Каковы бы ни были трудности между различными абиссинскими племенами, не может быть сомнений, что возвращение императора послужит признаком успеха восстания и будет поставлено в связь с нашими победами в Ливии.

Я просил бы составить для меня проект благоприятного ответа, для отсылки императору».

«Премьер-министр — секретарю по иностранным делам.

31 декабря 1940 г.

Можно полагать, что император — сам лучший судья в том, когда ему рисковать своей жизнью ради трона. В Вашей записке Вы говорите, что нас «вынуждают к несвоевременным и, возможно, катастрофическим шагам». Я вовсе не желаю, чтобы меня «вынуждали», но я хотел бы знать хотя бы некоторые из оснований — почему еще в течение нескольких месяцев император ничего не сможет сделать. Я надеялся, что телеграмма ему может быть составлена поскорее, и что другая, сэру Майлсу Лампсону, будет более положительная. Однако, это только вопрос времени, и если Ваше знание положения дает Вам более ясную картину, я не буду настаивать на изменениях в телеграммах.

Как я понял из нашего утреннего разговора, вопрос о том, что мы можем обещать Хайле Селассие относительно реставрации, и о том, каким представляется положение итальянцев в Восточной Африке, предполагая, что наши операции будут успешны, сейчас изучается в министерстве иностранных дел».

**
*

Наконец, мне очень хотелось дать возможность Виши что-то заработать на благоприятном обороте событий. В войне нет места для самолюбия, злости или затаенной вражды. Главная цель должна домини-

ровать над второстепенными, вызывающими досаду неприятностями. В течение нескольких последних недель Комитет начальников штабов и Генеральный штаб военного министерства готовили экспедиционный корпус в составе шести дивизий, и планы, в случае благоприятного отношения французов, — для высадки в Марокко. На нашей стороне было большое преимущество в лице Дюпюи, представителя Канады в Виши и средства нашей связи с маршалом Петэном. Было необходимо держать в курсе дел Соединенные Штаты; я уже чувствовал интерес президента к Танжеру, Казабланке и ко всему Атлантическому побережью Африки; американское командование считало, что немецкая его оккупация и устройство баз для подводных лодок угрожает безопасности Соединенных Штатов. Соответственно, с полного одобрения начальников штабов и Военного Кабинета, Дюпюи доставил в Виши следующее послание, копия которого была сообщена нашему поверенному в делах в Вашингтоне:

«Премьер-министр — маршалу Петэну.

31 декабря 1940 г.

Если в ближайшем будущем французское правительство решит переехать в Северную Африку и возобновить войну против Германии и Италии, мы будем готовы отправить на защиту Марокко, Алжира и Туниса сильный и хорошо экипированный экспедиционный корпус в составе шести дивизий. Мы сейчас имеем в Англии большую и хорошо снаряженную армию и значительные резервы, хорошо подготовленные и быстро приобретающие боевые навыки — сверх того, что нам нужно для отражения вторжения. Положение на Среднем Востоке также улучшается.

1. Уже начали увеличиваться силы британской авиации, которые также смогут оказать существенную поддержку.

2. Объединение британского и французского флотов и совместное использование марокканских и североафриканских баз гарантируют господство в Средиземном море.

3. Мы готовы вступить в переговоры между штабами самого секретного свойства, с назначенными Вами военными представителями.

4. С другой стороны, всякое промедление опасно. Немцы могут в любой момент, силой или с разрешения Франко, появиться в Африке, перейдя через Испанию, и сделать негодной к употреблению базу в Гибралтаре, установив батареи по обе стороны пролива и устроив там свои аэродромы. В их привычках наносить быстрые удары, и если они закрепятся на марокканском берегу, наши проекты останутся неосуществленными. Положение может ухудшиться в любой день, и открывающиеся сейчас перспективы исчезнут, если мы не сможем договориться и действовать смело. Самое главное, чтобы французское правительство поняло, что мы можем и хотим оказать мощную и все возрастающую помощь. Но очень скоро такая возможность может стать для нас непосильной».

Аналогичное послание было направлено генералу Вейгану, бывшему в тот момент главнокомандующим в Алжире. Ни от него, ни от Виши не пришло никакого ответа.

Сейчас мы можем рассмотреть многочисленные проекты, для которых были составлены планы и, во многих случаях, проведена подготовка, на основе данного принципиального согласия. На первом месте была, конечно, оборона нашего Острова против вторжения. Мы уже вооружили и снарядили, хотя не всегда в желательной степени и первоклассным оружием, около тридцати отличных подвижных дивизий, большинство которых были кадровыми частями, с личным составом интенсивно тренировавшимся в течение пятнадцати месяцев. Мы считали, что пятнадцати из них, вместе с частями береговой охраны, будет достаточно для отражения вторжения с моря. Ополчение, насчитывавшее уже свыше миллиона человек, имело винтовки и некоторое количество патронов, — помимо того, что было в запасе. Поэтому, у нас оставалось от двенадцати до пятнадцати дивизий, которые могли

быть использованы в наступательных операциях за морем, по мере того, как там появлялись необходимость и возможность. Укрепление Среднего Востока, и особенно Нильской армии, осуществлялось частями, перевозившимися из Австралии, Новой Зеландии и Индии. Поскольку Средиземное море все еще оставалось закрытым для нас, караванами судов и их эскортами должны были проделываться далекие многодневные путешествия.

Во-вторых, на случай если Вишийское правительство или французы в Северной Африке объединятся с нами во имя общего дела, мы подготовили экспедиционный корпус из шести дивизий, с приданной ему авиационной частью, для высадки в атлантических портах Марокко, преимущественно в Казабланке, — при условии, что высадка эта не наткнется на сопротивление. Вопрос о том, могли ли мы доставить эту хорошую армию во Французское Марокко или в Сеуту, напротив Гибралтара, быстрее, чем могли бы туда прийти немцы в равных силах через Испанию, зависел от степени испанского сопротивления. Однако, если бы нас попросили, — и мы бы этого захотели, — мы могли бы высадиться в Кадиксе для поддержки испанцев.

В-третьих, в случае, если бы испанское правительство уступило германскому давлению и стало бы союзником Гитлера, сделав тем самым невозможным пользование Гибралтаром, мы держали наготове сильную бригаду, с четырьмя быстроходными морскими транспортами, для того чтобы захватить и оккупировать некоторые из атлантических островов. Опять же, в качестве варианта, если бы португальское правительство на то пошло, мы могли бы для этой цели возродить англо-португальский союз 1373 года, — «общие друзья, общие враги», — и быстро организовать базу на островах Зеленого Мыса. Эта опера-

ция, названная «Шрапнель», обеспечила бы нас необходимыми воздушными и заправочными базами, которые помогли бы нашему флоту контролировать важнейший участок пути вокруг Африки.

Четвертое, французская бригада Де Голля из Англии, с западноафриканскими подкреплениями, могла быть послана вокруг мыса Доброй Надежды в Египет для захвата Джибути, в случае если условия там стали бы тому благоприятны (операция «Мария»)*).

Принимались также меры для укрепления Мальты, особенно по части авиации (операция «Винч»), с

*) «Премьер-министр — генералу Исмэю, для Комитета начальников штабов. 1 декабря 1940 г.

Генерал де Голль мне сказал, что он помышляет о возвращении Джибути — операция, которая в дальнейшем будет именоваться «Мария» во всех бумагах и телеграммах. Он хочет послать три французских батальона из Экваториальной Африки в Египет, где их встретит генерал ле Жентильом. Эти батальоны будут предназначены для обороны Египта, или — для сведения публики — символическим вкладом французов в дело обороны Греции. Это не надо держать в секрете, и даже наоборот: об их прибытии надо будет широко возвестить. Однако, при первом удобном случае эти батальоны отправятся против Джибути на судах и под охраной британского флота. От англичан они не будут просить больше никакой помощи. Генерал де Голль считает, — и прилагаемые бумаги говорят в пользу этого, — что де Жентильом может стать хозяином положения, привлечь на свою сторону гарнизон, объединить силы и немедленно обратиться против итальянцев. Это было бы очень желательно и представляет собой предел того, что де Голль может в настоящее время сделать. Проект должен быть изучен со вниманием, в контакте с ним. Необходимо подчеркнуть важность сохранения проекта в тайне, памятуя Дакар, и никогда не упоминать названия места. Я полагаю, что потребуется по крайней мере два месяца, прежде чем французские батальоны придут в Египет.

Пожалуйста, пришлите мне полный рапорт об этом проекте».

целью вернуть в свои руки контроль над проходом между Сицилией и Тунисом. В качестве важного элемента в этих мероприятиях были планы захвата бригадой «командос», во главе с сэром Роджером Кейсом, скалистого островка Пантеллерия (операция «Мастерская»). Было приказано приложить все усилия, чтобы создать мощную морскую и авиационную базу на Крите, в Судском заливе, — в ожидании присылки туда подкреплений гарнизону, которые могли понадобиться в зависимости от перемен в положении в Греции. Мы строили также аэродромы в Греции, как для того, чтобы помочь греческой армии, так и для организации налетов на Италию, или, если потребуются, то и на нефтяные промыслы Румынии. Одновременно расширялись как нефтяные промыслы в Турции, так и общая техническая помощь туркам.

Наконец, в Абиссинии всеми средствами мы старались раздуть пламя восстания; в Хартуме были сосредоточены внушительные силы, чтобы в случае нужды ударить по району Кассалы, предупреждая угрозу со стороны большой итальянской армии в Абиссинии. Намечались планы для совместного, сухопутно-морского продвижения из Кении вверх по восточноафриканскому берегу, для захвата укрепленных итальянских портов Ассаба и Массавы, имея в виду завоевание итальянской колонии Эритреи.

Таким образом, я мог предложить вниманию Кабинета широкий выбор тщательно изученных и разработанных мероприятий, которые могли быть проведены против врага практически в любой момент, и из которых мы, несомненно, могли выбрать то, что означало активную и непрекращающуюся наступательную борьбу за морями, пусть хотя бы во второстепенных масштабах; эти операции могли и облегчить и несколько оживить наши военные действия в начале 1941 года, в течение которого мы бы внушительно

усилили нашу военную мощь, как в людях, так и в снаряжении, самолетах, танках и артиллерии.

По мере приближения конца года всё более четко вырисовывались свет и тени минувшего. Мы продолжали жить. Мы победили германскую авиацию. Армия в Англии была очень сильна. Лондон с честью выдержал все свои испытания. Все, связанное с установлением нашего господства в воздухе над Англией, улучшалось. Коммунисты, подчиняясь приказам из Москвы, что-то бормотали о капиталистическо-империалистической войне, но заводы продолжали работать, и весь британский народ трудился днем и ночью, с чувством облегчения и гордости. В Ливийской пустыне сверкала победа, а по другую сторону Атлантики Великая Республика все более приближалась к исполнению своего долга — и к нам на помощь.

В то время я получил очень милостивое письмо от короля.

«Сандрингхэм, 2 января 1941 г.

Мой дорогой премьер-министр!

Посылая Вам свои лучшие пожелания к Новому году, я выражаю надежду в наступающем году увидеть приближение конца этой войны. Отдыхая здесь, я чувствую себя лучше, и перемена обстановки, вместе с времяпрепровождением на открытом воздухе, помогают мне привести себя в порядок. Но я чувствую, что мне не следует быть вдали от места, где я призван исполнять свой долг в то время как все остальные несут свой крест. Однако, я должен рассматривать свое пребывание здесь как лечение, и я надеюсь вернуться освеженным физически и духовно, и включиться с новыми силами в борьбу против врага.

Я верю и надеюсь, что Вы смогли немного отдохнуть на Рождество от Вашей трудной работы. Я восхищен всем, что Вы сделали за семь месяцев в роли моего премьер-министра, и мне всегда доставляли большое удовольствие наши разговоры за еженедельными завтраками. Надеюсь, что они возобновятся по моем возвращении, — я жду этого с нетерпением.

Надеюсь в следующий понедельник посетить Шеффилд (перед тем сильно разбомбленный. Примечание автора). Отсюда я могу съездить туда и обратно за один день.

Еще раз, с лучшими пожеланиями,

искренно Ваш

Георг, король и император».

Я выразил свою сердечную благодарность.

5 января 1941 г.

«Сэр!

Я польщен столь милостивым письмом Вашего Величества. Снисходительность, с которой Ваше Величество и королева относились ко мне с того самого времени как я стал Первым лордом — со времени моего назначения премьер-министром — является для меня неистощимым источником силы и бодрости во всех превратностях этой ожесточенной борьбы за существование. В качестве министра короны я много лет прослужил отцу и деду Вашего Величества; мой отец и дед служили королеве Виктории; но отношение ко мне Вашего Величества было ко мне благосклонным и исполненным доверия в степени, которую я никогда не считал возможной.

Сэр, мы действительно прошли сквозь дни и недели, полные неслыханных в истории английской монархии испытаний, и даже теперь перед нами простирается длинный, полный трудностей путь. Меня всегда очень подбадривали наши еженедельные завтраки в бедном, старом, поврежденном бомбами Букингэмском дворце, а также сознание, что в Вашем Величестве и в королеве пылает дух, неукротимый опасностями и неугасимый непрерывным трудом. Эта война сблизила трон и народ больше, чем когда-либо в прошлом, и Ваши Величества более любимы людьми всех классов и состояний, чем какие-либо государи прошлого. Я горд тем, что на мою долю выпало быть премьер-министром Вашего Величества в такой критический период британской истории, и с твердой надеждой и уверенностью в будущее я датирую это письмо «днем Бардии», днем, когда доблестные австралийцы взяли еще двадцать тысяч пленных итальянцев.

Вашего Величества верный и преданный

слуга и поданный,

Винстон С. Черчилль».

Я уверен, что мы можем считать этот удивительный год самым блестящим и самым опасным во всей английской и британской истории. Великая, странно-организованная Англия, разгромила Испанскую Армаду. Мощное пламя убежденности и решимости пронесло нас сквозь двадцатилетнюю войну, которую Вильгельм III и Марльборо вели против Людовика XIV. Другой известный период был при Чатаме. Затем была долгая борьба против Наполеона, в которой мы выжили благодаря господству на морях британского флота, под классическим водительством Нельсона и его соратников. В Первую мировую войну погиб миллион англичан. Но 1940 год превосходит всё. К концу того года этот маленький древний Остров, со своим преданным Содружеством наций, доминионами и владениями во всех частях света, доказал свою способность вынести всю силу удара, всю тяжесть судьбы мира. Мы остались непоколебленными. Мы не пали. Душа британского народа доказала свою непобедимость. Цитадель Империи нельзя было взять штурмом. Одни, но поддерживаемые биением каждого доброго сердца человечества, мы показали свое презрение тирану, находившемуся на вершине своего триумфа.

Теперь ожила вся наша скрытая сила. Террор в воздухе был введен в рамки. Остров стоял, неприкосновенный, неуловимый. Теперь и у нас уже было оружие для ведения войны. Мы показали миру, что можем удержаться. В деле завоевания Гитлером мирового господства оказалось две стороны. Великобритания, которую многие уже списали со счета, еще оставалась на ринге, сильнее чем когда-либо, собирая с каждым новым днем новые силы. Еще раз время стало работать на нас. Быстро вооружались, приближаясь к войне Соединенные Штаты. Советская Россия, в своем бессердечном просчете посчитавшая нас

ничего не стоящими в начале войны, и купившая у Германии мимолетную безопасность и долю в грабеже, стала также сильнее, заручившись выдвинутыми позициями, нужными для обороны. Япония на какой-то момент казалось чувствовала ужас при виде очевидно затягивающейся войны и, с беспокойством следя за Россией и Соединенными Штатами, раздумывала над тем, каким образом мудро и с выгодой разрешить положение.

И теперь эта Великобритания, со своим широко-разбросанным содружеством стран, бывшая казалась на краю гибели, чье сердце было почти поражено, в течение пятнадцати месяцев сосредотачивалась исключительно на проблеме войны, тренируя своих людей и отдавая борьбе свои бесконечно разнообразные жизненные силы. С чувством облегчения и удивления видели маленькие нейтральные и порабощенные страны, что в небе еще сверкают звезды. Надежда и страсть снова загорались в сердцах сотен миллионов людей. Правое дело победит, и не будет задавлено. Знамя свободы, которым в этот судьбоносный час был британский флаг, будет развеваться, несмотря на все бури.

Но у меня и моих коллег, грустно размышлявших у вершины событий над точной, приходящей со всех сторон информацией, не было недостатка в заботах. Тень блокады подводными лодками заставляла нас трепетать. Все наши планы зависели от того, справимся ли мы с этой угрозой. Битва за Францию была потеряна. Битва за Англию — выиграна. Теперь наступал черед битвы за Атлантику.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Битва за Англию	7
2. « Б л и ц »	33
3. «Лондон это выдержит»	53
4. Заколдованная война	81
5. Американские миноносцы и Вестиндские базы	103
6. Египет и Средний восток	124
7. Путь через Средиземное море	150
8. Напряженное положение в сентябре	169
9. Д а к а р	191
10. Миссия мистера Идена	218
11. Взаимоотношения с Виши и Испанией	233
12. Муссолини атакует Грецию	262
13. Ленд-лиз	283
14. Германия и Россия	311
15. Угроза на океанах	331
16. Победа в пустыне	349

ВИНСТОН С. ЧЕРЧИЛЛЬ

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ (1919-1939)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА — КНИГА I

Перевод с английского. 418 стр. Цена \$2.75

Первая книга воспоминаний Черчилля, посвященных Второй мировой войне, охватывает период между Первой и Второй мировой войной: от Версальского мира до вторжения Гитлера в Польшу. Выделяя существенное из массы событий и деталей, Черчилль показывает как безрассудство победителей и растущее озлобление побежденных привели человечество к новой трагедии. В мировой литературе нет более полного, яркого и авторитетного изображения событий недавнего прошлого, имеющего огромное влияние и на теперешние судьбы мира.

ВИНСТОН С. ЧЕРЧИЛЛЬ

СУМЕРКИ ВОЙНЫ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА — КНИГА II

Перевод с английского. 312 стр. Цена \$2.75

Это вторая книга первого тома мемуаров Черчилля о Второй мировой войне. «Сумерки войны» охватывают период между падением Польши и вторжением немцев в Голландию. С суровой сдержанностью описывает Черчилль драматические месяцы, пережитые Великобританией с предельным нервным напряжением. Он не скрывает заблуждений французских и британских государственных деятелей, ошибочные суждения которых привели Западные демократии чуть ли не на край гибели.

ВИНСТОН С. ЧЕРЧИЛЛЬ

ПАДЕНИЕ ФРАНЦИИ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА — КНИГА III

Перевод с английского. 350 стр. Цена \$2.75

Третья книга воспоминаний Винстона Черчилля охватывает наиболее драматический период в истории Второй мировой войны: разгром Франции и апогей могущества нацистской Германии. С присущим ему мастерством и простотой, Черчилль описывает нарастание военной драмы, эвакуацию английского экспедиционного корпуса в Дюнкерке, капитуляцию Франции и грозные месяцы, когда неподготовленная к войне Англия боролась одна против противника, имевшего подавляющее военное превосходство.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

ВИНСТОН С. ЧЕРЧИЛЛЬ

ГЕРМАНИЯ РВЕТСЯ НА ВОСТОК

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА — КНИГА V

ВИНСТОН С. ЧЕРЧИЛЛЬ

ВОЙНА ЗАХВАТЫВАЕТ АМЕРИКУ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА — КНИГА VI

ГЕРБЕРТ АГАР

АВРААМ ЛИНКОЛЬН

Перевод с английского.

156 стр. Цена \$1.75

Жизнь Авраама Линкольна тесно переплетается с политическими событиями, которые привели к самому драматическому кризису в истории Соединенных Штатов — к гражданской войне между Севером и Югом. В книге Агара перед читателями встает образ Линкольна-человека и картина политических страстей и предрассудков его эпохи. Трудный жизненный путь Линкольна, его политическая борьба и трагический конец изображены в книге Агара с убедительной простотой и глубокой симпатией к герою.

ДЖЕМС ТРОСЛОУ АДАМС

АМЕРИКАНСКАЯ ЭПОПЕЯ

Перевод с английского.

409 стр. Цена \$3.00

«Мы проследили ... в кратких чертах ... важнейшие факты нашей истории с тех незапамятных времен, когда неизвестно откуда пришедшие дикари бродили по всему нашему континенту», — так Адамс в эпилоге определяет содержание «Американской эпопеи».

Ярко написанная книга известного американского историка дает прекрасную и живую картину политического роста Соединенных Штатов. «Американская эпопея» заканчивается мировым кризисом, начавшимся в 1930 году.

ФРЕДЕРИК ЛЮИС АДАМС

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Перевод с английского.

346 стр. Цена \$2.75

Книга Фредерика Люиса Аллена представляет собой яркий и живой анализ тех перемен, которые произошли в американской жизни за последние пятьдесят лет. Автор не ограничивается освещением политических и экономических перемен, происшедших в стране с 1900 г., но останавливается на том коренном переломе, который они произвели в самом мышлении американцев. Аллен приходит к заключению, что может быть бессознательно США обогнали социалистические надежды, не вступив при этом в столкновение с частной инициативой.

ЭДУАРД БОК

КАК ЭДУАРД БОК СТАЛ АМЕРИКАНЦЕМ

Перевод с английского.

384 стр. Цена \$3.00

Книга Эдуарда Бок — рассказ о том, как иммигрант, приехавший в Америку семилетним мальчиком, стал американцем. В качестве редактора одного из самых распространенных журналов, Бок имел возможность соприкоснуться с широкими кругами американского населения и ознакомиться с многообразием американской жизни во всех частях огромной страны. Книга, в которой живость повествования сочетается с остротой критического суждения, показывает, как жила и работала Америка в конце 19-го и начале 20-го века.

ДЖОН ГЮНТЕР

ПО СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ

Перевод с английского.

412 стр. Цена \$3.00

Джон Гюнтер — журналист, цель которого показать современную Америку. Автор совершает с читателем путешествие по всей Америке, уделяя главное внимание внутренней жизни страны. В сжатой, занимательной форме Гюнтер описывает особенности каждого штата, останавливаясь на социальном, экономическом и политическом устройстве. Одно из главных достоинств книги — ее полная правдивость и беспристрастность. Гюнтер не ограничивается описанием положительных сторон жизни в Америке: он не скрывает и недостатков. Благодаря методу «конденсированного пересказа», которого придерживается В. Петров в своем переводе, книга избавлена от длиннот и общих мест, не представляющих интереса для русского читателя.

ВИЛЛА КАТЭР

МОЯ АНТОНИЯ

Роман. Перевод с английского. 306 стр. Цена \$2.50

Американская писательница Вилла Катэр мало известна русскому читателю. Ее роман «Моя Антония» рисует жизненный путь тех европейских переселенцев, которые в молодом государстве — в Соединенных Штатах — создавали будущее новой нации. Проникнутая жизненной правдой и любовью к человеку, книга Виллы Катэр поможет русскому читателю познать духовный облик Америки.

СТИВЕН КРЕЙН

АЛЫЙ ШЕВРОН МУЖЕСТВА

Перевод с английского.

219 стр. Цена \$1.75

«К нему прикоснулась великая смерть. Он видел ее, смотрел ей в глаза и понял, что это была великая смерть. И теперь он стал человеком». В этих коротких словах выражен основной смысл книги. «Алый шеврон мужества» — психологическая повесть, показывающая, как молодой новобранец, пошедший на войну добровольцем, превращается в зрелого и мужественного человека. Эпизоды из гражданской войны в Соединенных Штатах составляют фабулу произведения. Крейн пишет без пафоса и без прикрас: он показывает войну такой, какой ее видит и переживает рядовой солдат. Переводчику удалось передать своеобразный литературный стиль автора.

АРНОЛЬД Д. МАРГОЛИН

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА США

Перевод с английского.

157 стр. Цена \$1.00

Цель этой книги — ознакомить читателя с основами гражданской и политической структуры Соединенных Штатов. Первая часть книги содержит краткое изложение главных исторических событий, приведших к созданию того политического порядка, который существует сейчас в Соединенных Штатах. Во вторую часть книги включен русский перевод текста Декларации Независимости, статей Конфедерации, Конституции, Геттисбургской речи Линкольна и Устава Организации Объединенных Наций.

ХОСЕ ОРТЕГА И ГАССЕТ

ВОССТАНИЕ МАСС

Перевод с испанского.

200 стр. Цена \$2.00

Хосе Ортега и Гассет — один из самых крупных и оригинальных философов и политических мыслителей современности. В «Восстании масс» он поставил себе задачей «создать органическую доктрину наиболее важной проблемы нашего времени». Переведенная почти на все европейские языки книга анализирует самый актуальный политический вопрос наших дней: появление на политической арене «масс» и их растущее влияние на судьбы человечества.

ЭЛИЗАБЕТ ПЕЙДЖ

УТРО СВОБОДЫ

Перевод с английского. Том I — 406 стр. Цена \$2.75

Том II — 391 стр. Цена \$2.75

Роман писательницы Пейдж изображает Америку второй половины XVIII века, в эпоху борьбы за независимость, когда закладывались основы той жизни, которая превратила тринадцать колоний, принадлежавших Англии, в свободную, богатую и могущественную республику. Перед читателем проходят три поколения американцев — пионеров политической свободы и экономического расцвета. Их жизнь полна страстной борьбы и роковых противоречий.

МИХАИЛ ПУПИН

ОТ ИММИГРАНТА К ИЗОБРЕТАТЕЛЮ

Перевод с английского.

411 стр. Цена \$3.00

Книга Михаила Пупина — нечто значительно большее, чем автобиография иммигранта, прошедшего нелегкий путь от безвестного пастуха до знаменитого изобретателя. На страницах этой интересной книги Пупин попытался опровергнуть ходячее мнение о практицизме и делячестве, господствующих в американской науке, и показать, что воодушевлена эта наука идеалистическими стремлениями. Эта попытка блестяще удалась.

КОНРАД РИХТЕР

Д Е Б Р И

Роман. Перевод с английского.

264 стр. Цена \$2.25

«Дебри» — величественная эпопея, посвященная жизни ранних колонистов и их борьбе с лесными просторами, покрывавшими американский материк. Просто и правдиво изображена суровая жизнь многочисленной семьи Локеттов в глуши чужого им Охайо. «Дебри» проникнуты мужественным лиризмом и глубокой человечностью. И суровые и душевные страницы романа, имевшего в Америке большой успех, написаны с одинаковым мастерством. Переводчику удалось передать внутреннюю суть подлинника.

АНРИ ТРУАЙЯ

В ГОРАХ

Пеервод с французского.

163 стр. Цена \$2.00

Анри Труайя — известный современный французский писатель, русский по происхождению. В повести «В горах» он дал замечательное изображение жизни французской провинции в одном из горных районов Франции. На почти первобытном фоне разгрывается драма, основанная на конфликте между двумя братьями, один из которых олицетворяет нравственные устои старинного быта французской деревни, а другой — молодое поколение — тронутое и испорченное соблазнами города.

ТОРНТОН УАЙЛДЕР

МОСТ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО

Перевод с английского.

156 стр. Цена \$1.75

Произведения Торнтон Уайлдера — одного из наиболее замечательных современных американских писателей — проникнуты глубокой симпатией к людям и сознанием бесконечной сложности человеческой жизни. «Мост короля Людовика Святого», овеянное лирической грустью повествование о перекрещивающихся между собой судьбах нескольких людей, погибших на разорвавшемся и упавшем в бездну мосту. Действие романа, получившего премию Пулитцера, происходит в Перу, в те далекие времена, когда Южная Америка была владением испанского короля.

**Printed in U. S. A.
WALDON PRESS,
203 Wooster Street,
New York 12, N. Y.**

Цена \$2.75

